Вторжение союзников
рабочей революции и
Открыт сенсационный заговор
Доказано участие союзников
Р. Г. Брюс Локкарт
ИСТОРИЯ ИЗНУТРИ
Мемуары британского агента

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга передает атмосферу предреволюционной и революционной России, содержит яркие характеристики участников событий Керенского, князя Львова, премьерминистра Временного правительства, Ленина, Троцкого, Чичерина, Спиридоновой, английских дипломатов, работавших в этот период в Петрограде и Москве.

- Книга I. МАЛАЙСКИЙ ИСКУС
- ГЛАВА ВТОРАЯ
- ГЛАВА ТРЕТЬЯ
- ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
- ГЛАВА ПЯТАЯ
- ГЛАВА ШЕСТАЯ
- ГЛАВА СЕДЬМАЯ
- Книга II. МОСКВА 1912—1917
- ГЛАВА ВТОРАЯ
- ГЛАВА ТРЕТЬЯ
- ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
- Книга III. ВОЙНА И МИР
- ГЛАВА ВТОРАЯ
- ГЛАВА ТРЕТЬЯ
- ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
- ГЛАВА ПЯТАЯ
- ГЛАВА ШЕСТАЯ
- ГЛАВА СЕДЬМАЯ
- ГЛАВА ВОСЬМАЯ
- ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
- Книга IV. ИСТОРИЯ ИЗНУТРИ (Петроград Москва 1918 г.)
- ГЛАВА ВТОРАЯ
- ГЛАВА ТРЕТЬЯ
- ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
- ГЛАВА ПЯТАЯ
- ГЛАВА ШЕСТАЯ
- ГЛАВА СЕДЬМАЯ
- ГЛАВА ВОСЬМАЯ
- ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
- ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Книга I. МАЛАЙСКИЙ ИСКУС
ГЛАВА ПЕРВАЯ

Локкарт, Роберт Брюс (1887 1970).

История изнутри [Текст] : мемуары британского агента = British Agent / Р. Б.Локкарт; Пер. с англ. М. : Издво Новости, 1991. 320 с. : ил., портр. Малайский искус Москва, 1912 1917 гг. Война и мир История изнутри (Петроград Москва 1918 г.). ISBN 5702004027 : 5.00 р. DDC: 920

Локкарт, Роберт Брюс (1887 1970.) \о нем\ английский дипломат Экзры: Фонд основной(1)

В моей бурной и разнообразной жизни случай играл большую роль, чем ему обычно предоставляется. В этом я сам виноват. Никогда я не пытался быть полным господином своей судьбы. Наиболее сильный импульс момента управлял всеми моими действиями. Когда слу чай вознес меня на головокружительную высоту, я принял его дары с распростертыми объятиями. Когда он сверг меня вниз с моей вершины, я принял его удары без жалобы. У меня были часы раскаяния и сожаления. Я привык заглядывать внутрь себя и прислушиваться к голосу своей совести. Но этот самоанализ всегда был объективным. Он никогда не был болезненным. Он ни когда не помогал и не мешал мне на моем бурном жизненном пути. Он не был мне ничем полезен в вечной борьбе, которую ведет человек сам с собой. Разочарова ния не излечили меня от неискоренимого романтизма. Если иногда я недоволен своими поступками, — угрызе ние совести терзает меня только за то, что я оставил незавершенным...

Я родился в Анструтере — графство Файф — 2 сентября 1887 года. Отец мой был учителем начальной школы, переселившимся в Англию в 1906 году. Мать моя была из семьи Макрегор (шотландка). Среди моих предков были Брюсы, Гамильтоны, Комминги, Вельсы н Дугласы, и я могу проследить свой род до Босвела Аучинлекского. Таким образом, во мне нет ни единой капли английской крови. Мои воспоминания детства кроме меня, никого не могут интересовать. Мой отец был завзятым игроком в футбол, в регби и состоял членом шотландского футбольного жюри. Братья моей матеря были хорошо известными шотландскими атлетами, таким образом, свою первую тренировку в футбол я получил, когда мне было четыре года, под руководством различных шотландских игроков, выступавших на меж дународных сосгязаниях. И поэтому, как только я научился ходить, я уже умел забивать гол. Как ни странно отец мой, сам не

будучи игроком, был горячим поклонником крикета. Когда родился мои третий брат, я захлопал в ладошн и радостно воскликнул: «Теперь у нас есть форвард, однобег и голкипер». Затем я стащил сырой кусок мяса и положил его в люльку, чтобы его мускулы скорей развивались и кости окрепли. В это время мне было семь лет!

В других отношениях воспитание мое проходило нормально Я получал свою порцию телесного наказания, гдавным образом за игру в футбол и крикет в субботу, которую мой отец строго соблюдал. В двенадцатилетнем возрасте я начал мое обучение в Феттсе, где провел пять лет увлекаясь атлетикой. Это чрезмерное пристрастие к спорту имело печальные последствия для моих занятий. В первом семестре моего обучения в Феттсе я лучше всех выполнил письменную работу по латыни, заданную всей школе, но ошибся в шестом падеже. За остальное время моего пребывания в школе я уже больше ни разу не попадал в число 50 лучших учеников и, хотя я достиг успехов в освоении шестого падежа, был причиной тяже лого разочарования для моих родителей. Чтобы излечить меня от нездоровой страсти, отец отправил меня в Берлин, вместо того чтобы поместить в Кембридж, где несколько лет спустя мой младший брат был дважды награжден голубой лентой за спортивные успехи, но не получил награды за знание новых языков, которыми он, несомненно, овладел бы при других условиях.

Я многим обязан Германии и профессору Тилли. Тилли был австрийцем, сделавшимся более пруссаком, чем сами пруссаки, вплоть до того, что он исключил из своего имени букву «е», подписываясь так, как это делал великий немецкий авантюрист. Его метод был спартанским и безжалостным, но он научил меня работать — достоинство, которое несмотря на многие отклонения никогда не было совсем мною утрачено. Он научил меня еще двум ценным вещам : уважению к неанглийским обычаям и установлениям и секрету овладения иностранными языками. Первое помогло мне во взаимоотношениях с иностранцами в течение моей последующей жизни. Последнее облегчило мне занять правильную позицию, когда семью годами позже я отправился в Россию. Если Тилли жив, я надеюсь, он прочтет эти строки и увидит, что я воздаю должное его методам воспитания. Его влияние было единственным в моей жизни, которое я могу наз вать вполне благотворным. Из Берлина я был отправлен в Париж, где я находился под влиянием доброго и благо честивого человека — Поля Пасси. От него я перенял прекрасное французское произношение и мое первое ознакомление с мировоззрением уэльских возрожденцев. Пасси, который был

сыном Фредерика Пасси, знаменито го французского юриста и пацифиста, был самым мягким из кальвинистов. В юности он пожелал стать миссионе ром, и, как человек, серьезно относящийся ко всякому принятому на себя делу, он с большой заботой подготов лял себя к этому трудному служению, поедая крыс. Бо лезнь легких помешала этому великому ученому похоро нить себя в глуши Китая или отдаленных островов Южного моря. Эта потеря для язычников принесла пользу науке, и в настоящее время имя Пасси навсегда поставлено в одном ряду с именами Свита и Виэтора, в почет ном списке пионеров учения о фонетике. Несмотря на свое увлечение лингвистикой, он никогда не покидал своей достойной работы в исправлении грешников. Когда я впервые узнал его, он находился под влиянием Эвана Робертса, уэльского евангелиста, и единственный раз в моей разнообразной жизни мне пришлось выступить перед парижскими босяками с пением гимнов уэльских возрожденцев на французском языке. Пасси читал молитву и играл на гармонике в то время, как я пел соло под аккомпанемент хора из трех дрожащих английских студентов.

Если жизнь есть смена случаев, то в моей жизни они чередовались быстро. После трех лет пребывания во Франции и в Германии я возвратился в Англию с целью пройти окончательную подготовку к гражданской службе в Индии. Судьба и моя склонность к странствованию определили другой путь. В 1908 году мой дядя, один из пионеров резиновой промышленности в Малайских штатах, приехал с востока домой и воспламенил мое воображение баснословными рассказами о богатстве, которое можно с легкостью приобрести в этой фантастической и волшебной стране. В моей крови уже закипело стремление к путешествиям, желание увидеть новые страны, испытать

™* точения Я решил связать свою судьбу с Нˆовьпˆ. плантаторами и отправился на восток.

ˆ стданческие годы в Берлине и Париже я провел JfJ и безупречно. В Германии страстное поклонение даже теперь я могу прочесть наизусть большую часгГˆИетермеццо» и «Возвращения на родину» — ПрИ ло к невинному роману с дочерью одного немецкого морского офицера. Лунными ночами я скользил в лодке по Ванзее и вздыхал за кружкой пива на террасе кафе Шлахтензее. Я пел в присутствии ее матери самые новые и самые чувствительные венские и берлинские песенки. И я овладел немецким языком. Но у меня не было ни авантюр, ни проделок, ни эксцессов.

Во Франции я увлекался экзотическим сентиментализ мом Лота, которого я однажды встретил и чьи эксцентрич ные и

аффектированные манеры не излечили меня от восторга, который я испытываю по сей день перед очаро ванием его прозы. Но я проливал в одиночестве слезы над чтением «Ле Дезеншантэ». Я наизусть выучил прелестные письма Дженан. Тремя годами позже это сослужило мне хорошую службу во время моего экзамена на консульского чиновника. Но я не пытался подражать длинной серии «Мариаж де Лота». Теперь восток выводил меня на широкую дорогу неограниченных искушений.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ни одно путешествие не произвело на меня такого очаровательного впечатления, как первая поездка в Син гапур. Она сохранилась в моей памяти как прекрасный сон наяву, в котором я помню каждый эпизод и который никогда не перестает служить мне утешением в моменты грусти.

Значительно более отчетливо, чем у многочисленных спутников по путешествию, с которыми мне приходилось впоследствии встречаться, я могу воссоздать перед моим умственным взором капитана, стюарда курительной, мат росов, толстого романтичного казначея и трех герман ских морских офицеров, которые являлись моими единственными серьезными соперниками за первое место в спортивных играх на палубе.

Но настоящим очарованием этой поездки был калей доскоп чудесных красок и восхитительных ландшафтов,

которые непрерывно развертывались перед моими глаза ми. Я наслаждался этим зрелищем. Я вставал еще в потемках, чтобы захватить первое дуновение бриза, ко торый предвещал приближение рассвета и ждал с прият ным трепетом предвкушения того момента, когда огнен ный шар солнца выглянет сквозь серую пелену и появится там, где кончался небосклон и начиналось море, велико лепное в своем спокойствии. Стоя один на носу судна, я наблюдал закаты цвета шафрана с их меняющейся пано рамой кораблей и армий, королей и замков, рыцарей и прекрасных дам, — зрелище более увлекательное и жи вое, чем самый занимательный кинофильм.

Мне было всего 21 год, и моя жажда знаний была неутолима. Я проглатывал всякую книгу о путешествии, которую я мог достать. Некоторые книги, которые я тогда прочитал, являются до настоящего времени моим величайшим сокровищем. «Курильщики опиума» Жюли Буасьера остается лучшей книгой этого жанра, которую я знаю. Другие, как, например, «Письма без адреса» Свит тенхема, кажутся теперь почти смешными, тогда же они были необычайно реальны. Лоти являлся моим героем, и подобно ему я закутывался в плащ меланхолического одиночества.

В портах я инстинктивно уклонялся от моих сооте чественников и не сопровождаемый никаким раболепным проводником пользовался случаем побывать в туземных кварталах. Я почти не имел друзей, за исключением Виктора Коркрана, который, будучи много старше меня, повидимому, находил удовольствие выспрашивать меня и выслушивать

фантастические мечты и честолюбивые желания тщеславного юноши. Тем не менее по доброте своей он прятал свою насмешку под маской симпатии. Он много путешествовал и знал темные уголки истории и фольклора, сведения о которых нельзя найти в справоч никах. На борту «Бюлова» он являлся римлянином в орде готов, и до настоящего времени я сохранил благодарность за ценные уроки, которые он, сам того не сознавая, преподал мне.

Больше всего я научился ценить красоту теплых тонов и роскошную растительность. Орхидеи малайских джунглей значили больше и теперь значат для меня больше, чем самый прекрасный букет на груди самой прекрасной женщины. Зной тропического солнца стал мне необходим и физически и духовно.

non i но могу подумать 6oi ощущения Двя* почт фичичсекук» боль, об пив

тки. гфрттлошˆ" » ис0(н:кло„„х. бесконечных ит>. беюблачиык песка, обрамленного проклятыми

стр«нс1Э«х iMOWo енными ЛЮ1|ПМИ подано горок,

пмьмьми и IWiwp убеждении», что пенким стран,,, ц Фяконьеря я М(>iei жить обнаженным и течение

которойчˆпсˆ' че„н на груд. •"• войну, па уетиноме. круглою icw a. | >£.|0И< дикIусмых кодексами мор,,.

арийской зимы для меня то*й ли. 1 еперь 'У™"" М1Н?Й оолыненистской тюрьмы. ™Там™ !• пой Милаккс. которую я люблю, котормя Лˆпм•ветятнеишее воспоминание моей жизни и 2ГяˆWOW никогда не унижу, я потерпел норажс к 2ЯиТприбытии в Сингапур, и был послан ни кыучуко % 17ю и аитанин. N "ОПТОМ Диксон, кмли не знает дри.о > , с,и.ости более прекрасной, чем эта миленькая ГВВВИЬ, которая расположена у входя а Мнлнккский пролив. I) т! время ОН был еШО не испорчен вторжением белого человека Климат был почти соиершенсн. береговин пиния бы на похожа на опил, меняющий спои цвет п зависимости or лучей солнца. Тишина его ночей, пиру шившаяся только тихим исплеском прибоя, приносили душенный мир. который я никогда больше не испытаю. Я испытывал радость каждую минуту в течение года моею пребывания там. Но я был равнодушным плантатором, я нс мо, выносить едкою запахи тамильских кули. Я

ДОСТаТОЧНО изучил их аЭЫК, ЧТОбЫ ВЫПОЛНЯТЬ свои обя занное! и. Теперь за исключением нескольких слов комли ды и ругательств я совершенно забыл язык. Китайцы с их автоматической аккуратностью не обратились ко мне, и обычная работа в имении умеi контрольных марок, ведение счетовода на нидоедили мне. Мой главный управляющий был зятем покойного лорда Фортсвио, он легко и снисходительно ОТНОСИЛСЯ к моим

ошибкам, Очень быстро я пошел н жизнь британского плантатора. Я научился пить неизменную «станах»*. Раз в месяц я отравлялся с моим начальником в соседний город Серем бан и hoi лощил большое количество джина в Сенджеи Уджошклубе. По воскресеньям путешествовал по стране, играл в футбол и хоккей, завязывал многочисленные новые знакомства. Гостеприимство на Малайе в те юло

• Висни с содой.

тыс. беспечальные дни 1908 юли дли юноши было почти •ірсі мерным, и 1ЮМИО1И0 переносили сю блин нишу ЧИП Во ирг ми моею нребыиинния и imply Диксон имел

Небольшой Триумф, ОИИуК но трою И 01ДИЛ«ммо МУИ4Ч иую но отоднишний день.

Несколько месяцем спустя после моею нрибычия и

СГРИИУ, И ОИфИМИЛСИ И КуИНМ JlyMliyp, 4IOOM iMipuib

«рои ер» и ком и иле моею ш ниц Met ри (ембилам про I им (стоп ори Купли Лумпур ИМЛИв1СИ і юницгй (г

ниш ста и федерации Миланских ни той. С ели и юр облм днеі большим кол и честном полого населении, чем кикой либо друюй iii iii Г, И И ТО прем и ею комииди но «рои еру пключала несколько международных И1 роком, среди которых находится добродушный шоишндец «Ьобби»

Нейль. В Те ДНИ lleipn (емоиллп МОГ ИЫС1ПИИ1Ь елми

пигнпдцнть игроков по «роггеру». Конечно, мы никою» не рпссчитыпили победим, (слпигор, и к сомнениин ■.. могли ли мы победим, кощилибо какойнибудь друюй пи иг.

Несмотря на климш «роггер» имлиечем наиболее по пулярным зрелищем на Малайском архипелаге и, несмо тря на и иное iiccooi ьстетис и силе между дну ми сторона ми, и Куала Лумпур собралось большое количеечно еиро пейцем и гучемцен, чтобы посмочреть на еоечичиние. 1с, кто был спиде гелем пой классической ас і речи, бы ни иочпаграждены одним и» асличайших сюрпризом и ист о рии спорта. Матч рачьи рыма лен около 1'ождесчиа, и се лангорцы не были подготовлены. Возможно, что они слишком jiciko отселись к споим нро1Иииикам. Но ти ком случае, к персрыпу сслаигорцы мели а смоем апимс одно очко и преарпшенный мощным «Ьобби» и юл штрафной удар, прочим одною очка, сделанною мной» самим, Вскоре после начала агорой нолонины игры, сде лалось очеиидным, ЧТО С'елангор усгал и толпа еелми трекам годна а мое і оргс от предстояще неожиданной победы громко приветствовали нас. Мне месьма иоечаст липилось сделать мчорос очко, и за пять миичч до конца счет у сторон был оди па копий. мггем с аута сильный новозеландец» который мел на

нашей стороне хорошую игру, передал ммч назад мне, и мне удалось забить юл Мы сыграли иеличмйшук) шутку, и селанюрская команда и зрители оказались досчаючно спор ісменами, чтбы оцени гь ее. Я был увечен с ноля победы к когда1о знаменитый клуб «Пмшисшн собака» на окраине 11м

ˆ тям я был окружен толпой людей, имен которых я данга. Там я оыл fj оказались моими земляками Л НС ЗНаЛˆГˆ знавшими моего брата и отца, которые шотландцами, знав и настойчиво меня угощали

Г"ОПˆбˆденˆгГча4 я, вероятно, выпил по ˆ

зˆдамто до.обдав о нескольку почти с каждымˆ

мочке, быть может прибыл в гостиницу, rS

присутствовˆшихˆкогд ˆ командаМ5 обе ком'аˆ

местахˆ был встречен в 1Чейлем, который сообщил мне, что председа SSS проставлено заместителю генералгуберна тоˆТчто мне единогласно предоставили почетное место по его правˆ, руку на верхнем конце стола. Это был мой пговыйопыт публичного чествования, и мне не понрави 2ьэто иотытгание. Однако моим главным подвигом таился мой разговор с председателем банкета, которому я оˆовенно рассказал о своих приключениях на Востоке. Они должно быть, были слишком живо описаны, так как он укоризненно сообщил мне, что он женатый человек.

— На тамилке или малайке, сэр? — спросил я

вежливо. _.

Стс, — сказал он. — У меня трое детей.

Черных или белых, сэр? — продолжал я с неизмен ной учтивостью.

К счастью, он обладал чувством юмора и легко отнес ся к ошибкам двадцатилетнего юноши.

Этот случайный триумф имел неприличное послед ствие. Как самого юного и, следовательно, самого неза метного и бесхитросного члена команды меня поместили в дом пастора, хорошего атлета, но несколько чопорного для «падре» в тропиках. Куала Лумпур, подобно Риму, построен на семи холмах, и я несколько затруднился отыскать дом почтенного человека в ранний утренний час. Однако благодаря верному «Бобби» и другим добрым друзьям я был благополучно доставлен в мою комнату, и с большим усилием мне удалось появиться к завтраку на следующее утро в воскресенье. Холодная вода произвела чудеса, и я выглядел не слишком плохо, но голос у меня пропал. Так как я отвечал карканьем на бесчисленные вопросы относительно моего здоровья, миссис «падре» посмотрела на меня с жалостью.

— Ах, мистер Локкарт, — сказала она мне. — Гово рила я

вам, что, если вы не наденете ваш свитер после игры, вы простудитесь.

С этими словами она выбежала из комнаты и прине сла мне стакан с микстурой от кашля, и, вследствие своей застенчивости, которую я до сих пор не совсем могу побороть, я не мог отказать. Результат сказался мгновен но, и, не говоря ни слова, я бросился вон из комнаты. Никогда — ни раньше, ни впоследствии — я не страдал так, как я страдал в это воскресное утро. Я часто удивля юсь, как много поняла миссис «падре». Если она хотела дать мне урок, награда учителя нико'гда не могла бы быть более приятной. Тип малайского джентльмена, с его глубоким отвращением к труду, пленял меня. Мне нрави лось его отношение к жизни, его философия. Человек, который умел ловить рыбу и охотиться, который знал тайны ручьев и лесов, который умел говорить метафора ми и любить туземок, был мне по сердцу. Я с жадностью изучал его язык. Я изучал его обычаи и историю. Я находил романтику в малайских женщинах, скрытых под покрывалом. Я отдавал моим малайцам ту энергию и энтузиазм, которые следовало бы отдать тамильским и китайским кули моей каучуковой плантации. Презирая некультурную жизнь плантатора, я искал себе друзей среди более молодых правительственных чиновников. Я показывал им мои поэмы. Они приглашали меня полю боваться своими акварелями. Среди них был молодой человек, достигший теперь высших ступеней в колониаль ной иерархии, с которым я играл на рояле в четыре руки.

Я заводил друзей также среди католических миссионе ров — прекрасных людей, добровольно отрешившихся от Европы и даже от европейцев на Востоке и посвятивших всю свою жизнь заботам о своей туземной пастве.

На столбцах местной газеты появился мой первый опыт журналистики, в котором я пытался заклеймить японскую торговлю живым товаром. Этот опыт был встречен неодобрительно, но, после того как я написал передовицу о недостатках эсперанто, редактор признал меня и предложил мне постоянное сотрудничество. Боль ше всего я читал, и читал серьезно. Средняя библиотека плантатора могла содержать различный подбор прозаи ческих и поэтических произведений Киплинга, но их глав ным содержанием в те дни были произведения Губерта Уэльса и Джемса Блитса. Я не знаю, какие авторы заняли сегодня их места, но для меня Губерт Уэльс не был поучительным автором. Я положил себе за правило ни когда не покупать романов, и ежедневному получению из вали меня от худших Еиной сеть своих искушении, но чтение спасло ofхуд^пих

последствий объединенного нападения.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

,vmwiHoft литературы я обязан своим зд0пп ^^MˆЯЮˆГУ^^Я восточной троˆей —inTHCTBOM и женщинами Все три разбрасы <**™*1SS* своих искушений, но чтение спас*

Мое юношеское увлечение одиночеством вызывало во мне в конце концов, серьезную тревогу. Я настоятельно повставал к своему дяде с просьбой достать мне самосто ятельную работу. Наконец я был послан открыть новую плантацию у подножия холмов. Место, которое в течение года должно было стать моим жительством, находилось в десяти милях от всякого европейского жилья. Ни один белый человек не жил до этого времени здесь. Селение, к которому примыкало мое поместье, было местопребыва нием свергнутого султана, и, следовательно, не особенно і дружески относившегося к англичанам. Мой дом также 1 представлял из себя развалившуюся хижину без веранды * и, хотя он был лучше, чем обыкновенный малайский дом, ни в каком смысле не походил на европейское жилище. Опасная для жизни малярия, свирепствовавшая здесь больше, чем в других штатах, не увеличивала прелестей этого места. Моей единственной связью с цивилизацией был велосипед и начальник малайской полиции, который жил в двух милях от меня. Тем не менее я был счастлив, как погонщик с новым слоном. В течение дня мое время было совершенно занято. Мне надлежало сделать что нибудь из ничего: поместье из джунглей, построить дом для самого себя, проложить дороги и сточные канавы там, где их не было. Были также меньшие проблемы администрирования, которые являлись для меня постоян ным источником развлечения и забавы: малайские под рядчики, которые находили извинение для всякой оплош ности, тамильские жены, которые практиковали полианд рию на строго практической основе — два дня для каждо го из трех мужей и свободный день по воскресеньям; оскорбленный «Вульямэй», который жаловался, что «Ра мазанси» украл его день; китайские лавочники, которые ■nˆTSTSSE? на жестких уловиях с моим кладовшл кпС»л ие РОСТОВ1Чики, которые выстраивались в ружок в день выдачи платы и держали моих кули в своих цепких лапах. Перед таким смешанным сборищем я являлся единственным представителем британской вла сти. Я творил суд без страха или пристрастия, и, если были жалобы на мою власть, они никогда не доходили до моих ушей. В течение этих первых четырех месяцев я был совершенно свободен от забот. Я усиленно работал над малайским языком. Я написал рассказы, которые заслужили

похвалы Клемента Шортера и были опублико ваны в журнале «Сфера». Я начал писать роман из ма лайской жизни — увы, незаконченный, и который, веро ятно, никогда не будет закончен, — и продолжал мое чтение с похвальным прилежанием. Для развлечения име лись футбол, стрельба и рыбная ловля. Я расчистил клочок земли, приспособил футбольную площадку и посвятил малайцев в таинства футбола. Перед закатом солнца я на лету стрелял пунаи — маленьких малайских голубей. Как это ни странно, я подружился с низложен ным султаном и, в особенности, с его женой, истинной правительницей королевской резиденции, старой высу шенной леди с крашеными губами и с взглядом, способ ным вселить ужас в самое мужественное сердце. Ходили слухи, что она совершила все преступления, предусмо тренные уложением о наказаниях, и много таких, кото рые не включены в этот перечень людских проступков. Однако она была королевой Викторией своего округа, и, хотя мы впоследствии сделались врагами, я не питаю к ней злобы.

В своем доме я пользовался совершенно незаслужен ной репутацией меткого стрелка. Мое примитивное жи лище было полно крыс, которые во время обеда бегали повсюду. Мой фокстерьер обращал их в бегство, в то время как я избивал их палкой. Таким способом было уничтожено их множество. Еще забавнее было расстрели вать их из револьвера, и, конечно, это занятие увеличило мое умение стрелять. Затем настал великий день, кото рый в глазах туземцев наделил меня силой чародея.

Все поместье, включая мое жилище, обслуживалось большим колодцем, круглым и глубоким, с большими щелями в надземной части между водою и поверхностью. Однажды утром, когда я завтракал в одиночестве, у дверей моей конторы послышались тараторившие голоса. Многоязычная болтовня сопровождалась хором плачущих женских голосов. Вне себя я бросился вон из помещения, чтобы выяснить причину такой утренней ин Ь ^^гий кули со стоном валялся на земле «0*0* Т^^еотенников окружали его с криками' д^стТего ^Дбами. Целая толпа малайцев и все ^Ъяснеш1ям^, мо^ собрались вокруг, чтобы Дать моИ служаши^ кит конед да. Несчастный был

совет и "£йMO$ывками и сбиваясь, дико возбужденная укушен З^Н3Jар0 происшедшем. Там была кобра, гр0 толпа Р^^^на находилась в колодце. Она устроила мадная к00*53, ~1ПИ Это была самка. Там яйца и будут свое гнездо в доступа не было. Арматам был

змееныш* н ^йчас же должен вырыть новый

Я сделал два надреза на ноге укушенного, пере ^Тоану £л бутылку джина и отправил его на телеге в г^Сза двенадцать миль

(он поправился).

ътем в сопровождении двух тамильских «кенгани» и ТГˆптшгамалайца я отправился исследовать коло

дГмоˆ еЩС В П°РТУ ДИКСОН Е**«"

ставным моим оружием был револьвер, которым я стре

L крыс В колодце все было тихо. Тамилец указал на k ˆvˆa глубине восьми футов, где кобра устроила себе Щ гнездо и длинным бамбуком надсмотрщикмалаец уда шЭ пил по'отверстию. Тогда с кинематографической быстро той началась жизнь. Послышалось предостерегающее шипенье. Черная шапочка показалась в дыре, поднялась сердитая головка и заставила моих спутников удрать со всех ног. Я внимательно прицелился, выстрелил и тоже отступил. В колодце послышался всплеск и затем все стихло. Я прострелил кобре голову. В своей смертельной борьбе она выпала из отверстия в воду. Жертва моего колдовства была выставлена на показ и устрашение. Моя репутация была установлена твердо, все пути были мне открыты.

Это было счастливым обстоятельством, потому что ближайший путь к Серембану и цивилизации лежит через поселок китайских шахтеров, пользовавшихся репута цией грабителей. Мой банковский клерк был задержан головорезами, которые, разочаровавшись в содержимом его сумки, отрезали ему палец в качестве наиболее удоб ного способа снять кольцо.

Эта опасность мне больше не грозила. Даже в поселке шахтеров было хорошо известно: вопервых, я могу од ним выстрелом убить крысу или кобру; вовторых, что я никогда не путешествую без револьвера и, втретьих, что

я никогда не держу при себе денег. Таким образом, я путешествовал спокойно. Признаюсь, однако, что ничто в жизни меня так не увлекало, как поездка на велосипеде через джунгли глухой ночью. Эти поездки, повторявшие ся каждый раз, когда я отправлялся в главный город и оставался там обедать, наполняли меня чувством страха и в то же время были таинственно привлекательны. Так как я должен был приехать в свое поместье раньше шести часов утра, я пускался в обратный путь около полуночи. На протяжении шести миль не было ни единого жилья, я ехал среди леса гигантских деревьев, которые в лунном свете отбрасывали фантастические узоры и тени на тро пинку. В отдалении, подобно горам царя Соломона, вы делялись холмы Джелебу, таинственные, близкие, и в то же время враждебные. Перед лицом этого неизвестного мира, который обострял мои чувства, я мог, как в сказке, приложить ухо к земле и слышать людской топот за несколько миль. Я испытывал чувство страха, но в моем страхе была привлекательность. Я всегда был рад,

когда добирался до дому. Но я никогда не боялся настолько, чтобы не принять приглашение на обед в Серембане или не вернуться домой через джунгли. Это было хорошей подготовкой для большевистской России. Привычка ско ро побеждает страх. Мне случалось слышать рев тигра, призывающего свою самку, однажды чуть не наткнулся на черную пантеру. Но это были редкие случаи, и в конце концов, хотя я никогда окончательно не победил чувства жути, страха я не испытывал.

Теперь я стал искать новых приключений. Я уже сказал, что поддерживал хорошие отношения с низло женным султаном и его женой. Моя дипломатия прине сла плоды, и незадолго перед праздником Рамазана я получил приглашение на «ронггенг» — род соревнования профессиональных танцовщиц, во время которого они танцуют и поют милейшие любовные песенки. Во время пения они вызывают собравшуюся местную молодежь соревноваться в танцах и экспромтах. Для европейца это не представляет особенно привлекательного зрелища. Танцуют не парами, а скользят бок о бок, причем мужчи на старается подражать движениям танцовщицы. Однако для малайца этот танец является романтическим, связан ным с непреоборимым половым влечением. Случается, что юноша в пылу страсти пытается броситься на одну из девушек. Тогда вмешивается стража, и нарушитель по ^ сялоА удаляется с арены на весь остаток вечера. Е^^пТм^ости. но ему завидуют.

л^юддерТания европейского достоинства я сел меж fSSSSr энергичной супругой. Султан, старый и хранил достойное молчание. Его действия iSSSwurai предложением мне сладкого лимонада и 2ЙГ5©!супруга была более разговорчивой. Она рас сшпала мне о распущенности молодого поколения, и в о^ооенности молодых женщин. Меня забавлял разговор с нейПо местным отзывам, она в молодости была самой испущенной женщиной своего поколения. Её любовники были многочисленны, как семена мангового дерева, но никто не осмеливался критиковать её поведение или предъявлять обычное малайское право ревнивого мужа или любовника. Даже теперь, с ее крашеными губами на сморщенном лице, она нравилась мужчинам. Она напо минала мне Гагулу из «Копи царя Соломона» и внушала мне такой же страх и уважение.

Однако в общем это был скучный вечер. Я не осмели вался даже повернуть голову, чтобы посмотреть на леди, которые стояли позади меня, закрытые покрывалами так, что были видны только их темные, загадочные глаза. Я рано ушел, решив отплатить за оказанное мне госте | приимство более пышным зрелищем. На следующее утро j я пригласил из соседнего штата

двух танцовщиц «ронг * генг», чья красота была известна даже в этой глухой деревне. Я освободил и расчистил площадку перед самым домом, устроил скамейки и миниатюрную сцену и разослал приглашения на следующую неделю. Жители селений и деревни, во главе с двором, пришли в большом количестве. При свете луны широкие покрывала малай цев приобретали новое и странное великолепие. Пальмы, тихие, как сама ночь, отбрасывали призрачные тени. Мириады звезд сияли на темноголубом своде небес. Это была декорация балета, которой мог бы гордиться сам Бакст, и мои гости, отделавшись от первого ощущения, отдались очарованию чувственного зрелища. Чтобы про извести еще большее впечатление я пригласил главного начальника полиции, веселого ирландца, которого не без трепета посадил между султаном и его женой. Таким образом, я оказался свободным и мог руководить вече ром. И тогда я увидел её. Она стояла среди женщин — лучезарное видение смуглой красоты. Покрывало в голу бых и красных квадратах было накинуто на её голову, оставляя открытым только тончайший овал лица и без донные, как сама ночь, глаза.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В жизни бывают моменты, которые оставляют в памяти неизгладимый след. Это и был такой момент, называемый французами «соир de foudre». Я пережил самое страшное из всех землетрясений — японское, но ни разу я не был так потрясен, как в тот вечер, когда я увидел Амаи, и любовь впервые овладела моим сердцем.

На моих глазах рассгреливали царских министров, причем я видел, что мне уготована та же участь, если я не скажу всей правды. Суматрский ураган срывал крышу моего дома. Но ни один из этих катаклизмов не мог сравниться с тем, что я испытал, увидев Амаи и полюбив в первый раз. Мне было двадцать три года. Я провел четыре года во Франции и Германии. Я уже знал женщин, но у меня не было серьезных привязанностей. Я прожил шесть месяцев в полнейшей оторванности от моих сооте чественников. Я свыше года не обменялся словом с белой женщиной. Погруженный в нездоровый романтизм, я созрел для искушения. Моя жизнь была достаточно не нормальна, чтобы я принял это искушение с трагической серьезностью. Оно и было серьезно по последствиям, которые имело для нас обоих, изменив течение наших жизней.

Остаток вечера я провел в лихорадке. Горячее желание покинуть моих гостей овладело мною. Я оставил султана и его жену на попечение начальника полиции и, перейдя на другую сторону арены, шагал взад и вперед, размышляя о хрупкой красоте малайской девушки, кото рая так внезапно нарушила монотонность моей жизни. Над её головой горел факел, который, казалось, светил только для нас, придавая ей сходство с жемчугом на темном фоне. И, конечно, она была прекрасна для малайки, её кожа была светлее кожи крестьянских женщин, работавших в поле. Вскоре я узнал причину этого.

Сгорая от нетерпения выяснить все, я вызвал СиВоха, моего малайского старосту, привезенного из Сингапура и отношения которого с населением были не слишком хороши.

ф. Кто девушка, которая стоит позади султана? ˆ прошептал я ˆрˆеиилось. Он медленно обвел арену ЕГ° бы следя за движениями танцующих. Он не глазами, какJ>« ˆ вызвал с его стороны подозрения удивился, я' он говорил бы о какойнибудь рабо

Звтем тояом, и* но ответил:

теВП°Воˆ' не раТна райской птице. Это Аман „««ˆпечная султана. Она замужем но почти разведена со Лˆˆгжем Когда развод будет оформлен, она выйдет

зТдвоюродного брата султана. Я с нетерпением ожидал ухода последнего гостя. За тем с пылом, усилившимся от полученной информации, я отправился к моему другу, начальнику полиции. Он пре достерег меня в еще более ясной форме, чем СиВоха. В немногих фразах он объяснил, что я должен выбросить Амаи из головы теперь и навсегда. Иначе произойдет неприятность, серьезная неприятность. Туземные женщи ны все на один лад. Есть другие, более доступные и менее опасные. Совет был хорош. Я должен был бы принять его. Вместо этого я стал обдумывать как бы войти в контакт с моей богиней. Я доверился СиВоху. Благодаря Ь его содействию я заручился услугами одной старухи, Ч которая имела отношение к резиденции султана. Мои w успехи были незначительны, но я не успокаивался. Каж дый день в пять часов Амаи имела обыкновение прогули ваться от своего дома до дворца, и каждый день в пять часов я останавливался на краю дороги и сторожил её. Мы не обменивались ни единым знаком. Я оставался неподвижным. Заговорить — значило разрушить все. Она никогда не поднимала покрывала, никогда не замедляла шага. И этими ежедневными двухминутными наблюде ниями я прожил шесть недель. Однажды вечером, вскоре после того как развод её был оформлен, я отправился к своему обычному сторожевому посту. Был закат, и солн це сияло подобно раскаленному шару на высшей точке горы. Прохладный ветерок доносил из джунглей благоу хание. Я прождал несколько минут, наслаждаясь красо той малайского заката. Дорога была пустынна. Я вгля дывался в маленькую тропинку, ведутдую от её дома к дороге. Наконец она появилась, закрытая покрывалом и ооутая в маленькие зеленые туфельки. Пройдет ли она попрежнему мимо меня без единого жеста, без единого взгляда. Казалось, она идет медленнее, чем всегда. Очу

тившись напротив меня, она приостановилась, огкинула свое покрывало таким образом, что можно было увидеть цветок лотоса в волосах, и посмотрела мне прямо в глаза. Затем, как спугнутая лань, она повернулась и, ускорив шаги, скрылась в надвигающихся сумерках. Я вернулся домой, охваченный страстью. Я позвал СиВоха и старуху. Необходимо устроить свидание, настоящее свидание.

Спустя два дня вернулась старуха. Она выглядела еще более зловеще, чем всегда. С бесчисленными просьбами о её безопасности, она сообщила мне, что все устроено. Свидание назначено на сегодняшнюю ночь. Я должен ожидать на опушке джунглей против девятого верстового столба в девять часов, и Амаи придет ко мне. Я должен быть пунктуальным, очень осторожным. Нужно держать ся вдали от дороги.

Я осмотрительно сделал все необходимые приготов ления: смазал револьвер и сунул в карман электрический фонарь. Потом, сгорая от возбуждения, пустился в это дикое приключение. Около мили нужно было пройти по узкой тропинке, проложенной в джунглях, которая вела к заброшенной шахте. Пришлось пересечь ручей по дрожа щему бамбуковому мостику, что даже днем являлось для белого человека рискованным предприятием. На такое путешествие я не согласился бы и за плату. Ни одна женщина не соблазнит меня вновь проделать это. Страх придал быстроту моим ногам, и, когда я вышел на тропинку, по которой должна была прийти Амаи, то оказалось, что я поспел за четверть часа до назначенного времени. Ожидание оказалось хуже, чем дорога. В тиши не малайской ночи острота моего слуха усилилась во сто крат. Пронзительный крик ночной совы наполнял меня предчувствием. Гигантская ночная бабочка, привлечен ная моими серебряными пуговицами, прицепилась к складкам моей одежды, вселив ужас в мое сердце. На небе не было ни луны, ни звезд. Присев потуземному на корточки, я ждал с револьвером в руке, в то время как минуты тянулись со смертельной медлительностью. Не сыграла ли со мной старуха злую шутку? Если так, она дорого поплатится за это завтра. Покинуло ли Амаи мужество в последнюю минуту? Для нее испытание в тысячу раз опаснее, чем для меня. Потом, когда отчаяние почти побуждало меня уйти, я услыхал всплеск. Какоето живое существо пробирается по болотистому полю. За

««повождаемая звуком шагов, и вье**.
SliSJS двух шаГОВ ?Т МСНЯ внезапно вьщыр
темноты не ЧШ1 на ноги. Силуэт остановился. oL
52 СˆУЭто была Амаи. В один миг я привлек ее в свои
она трепетала, подобно траве под прюсоснове
лучей утреннего солнца. Потом, взяв ее За
Я? ˆ быстроˆовелˆчерез ночь по тропинке в дˆн?
п« четˆтот самый мостик, обратно под гостепРиим.
S кроГмоего домика. Она уже не покидала его до того
момеТа, пока меня самого не отправили на судно в п0рт

СˆГоˆпшом эта история — сплошная трагедия или сплошная комедия смотря по тому, романтичен или ц* ничен читатель. После этой первой ночи Амаи осталась в моем доме. Ее пребывание было не только внешним доказательством ее любви, оно вызывалось также стра хом перед сородичами. Короче, история с Амаи вызвала величайший скандал. Мой дом переживал своего рода осаду. Моя малайская Гагула пришла интервьюировать меня у моего порога. Она пришла льстить и

ушла с угрозами. Она перечислила заслуги своего племянника, принца крови и очаровательного молодого человека, с которым я часто играл в футбол. Его смущение было велико. Ему нравятся европейцы, и я ему нравлюсь. Мы всесторонне обсуждали вопрос. Он предлагал мне самую прекрасную из гурий своего княжества. Но Амаи я дол жен возвратить. В ней течет королевская кровь. Это оскорбление для его тетки и, что еще хуже — это опасно для меня. Местные малайцы не так цивилизованны, как он. Могут произойти волнения, очень серьезные волне ния. Он покачал головой и улыбнулся, совсем как мой начальник полиции; он с большим успехом мог разго варивать с ветром, чем пытаться сломить мое шотланд ское упорство. Я не желал ссориться с ним, а тем меньше задевать его гордость. История произвела некоторый шум в европейских кругах. Она дошла до ушей резидента, и я счел необходимым посоветоваться с юристом.

Я явился к господину К. — видному правительствен ному чиновнику, женатому на малайке и члену семьи, прославившейся службой на Востоке. Его неофициаль ный совет — официальный походил на брачные советы из «Пунша» — был продиктован дорого обошедшимся ему запасом восточной мудрости.

— Это вопрос сохранения лица, — сказал он. Нужно выиграть время. Скажите, что вы собираетесь перейти в магометанство.

Во время беседы с племянником Гагулы я сам поду мал об этом совете. Когда выяснилось, что другого выхода нет, я сказал ему: «Я готов стать магометанином. Я написал архиепископу кентерберийскому, чтобы испро сить необходимое разрешение».

Когда мужчина увлечен женщиной, то нет пределов той низости, на которую он готов. Другим мое поведение казалось низким и подлым, но не мне. Чтобы удержать Амаи, я был готов принять магометанство. Это не такой эпизод в моей жизни, которым я горжусь или который я оправдываю моей молодостью или неопытностью, но в то время это было — в истинном смысле слова — убийствен но серьезно. Это было не только увлечение. В моей душе было чтото похожее на страсть к борьбе. Это же чувство я испытывал во время футбола, предпочитая борьбу с более сильным противником легкой победе. Я противопоставил себя всему миру и я решил рискнуть до конца. Принц признал себя удовлетворенным. Но не Гагула и деревня — Амаи и я оказались отверженными. Моя футбольная команда ушла от меня. Акбар, мой лучший хавбек, кото рый номинально занимал пост военного министра Гагу лы, удалился в джунгли. Меня предупредили, что он собирается впасть в «амок». Мой китайский повар покинул меня. Он боялся того, что может чтото приключиться с моей пищей.

А затем я заболел. День ото дня исключительно острая форма малярии опустошала мое тело и кровь. Днем и вечером моя температура поднималась с регуляр ностью будильника. Явился мой врач. Как и все осталь ные, добряк был захвачен каучуковым бумом.

Пределом его визитов была миля, а так как мое поместье было его самым дальним визитом, я не мог часто прибегать к его помощи. Он пичкал меня хинином, но без особой пользы для меня. Проходили месяцы, моя болезнь осложнилась постоянной рвотой. Я не мог при нимать твердой пищи. В три месяца я потерял четверть своего веса. Я чувствовал себя подавленным и несчаст ным. Целый день я лежал в своем шезлонге, пытаясь читать, проклиная служащих и «кенгани», которые при ходили беспокоить меня вопросами по поводу работ на плантации. Я чувствовал себя лишним и всем в тягость.

Поавда ее веселость иногда становилась невыносимой Ж любила шум, что для малайки означает любить таммофон. Для нее было небезопасно показываться на пят Поэтому она целый день сидела дома и слушала" «Я возвращусь, когда деревья зацветут». Теперь я разбил бы пластинки или бросил бы их ей в голову, но в то врем* я был слишком слаб. Вместо этого я сделался мучеником Моей единственной защитой от граммофона был рояль Когда я не мог больше выдержать «цветущих деревьев» я предлагал ей сыграть на дряннейшем инструменте который я взял у своего родственника. Тогда Амаи пододвигала ко мне табуретку, набрасывала шаль на мои плечи и садилась около меня, а я со стучащими зубами и онемевшими пальцами пытался исполнить мотивы слышанные мной в Вене и Берлине. Её музыкальные вкусы были совершенно примитивны. Без сомнения, ей і понравились бы негритянские песенки и еще больше f томные цыганские мотивы. Но в те дни «Дунайские волны» казались ей верхом совершенства и, если бы кто нибудь из знаменитых исполнителей венских вальсов по явился в моем бунгало, она тут же забыла бы меня.

Может быть, я несправедлив к ней. Она полностью обладала гордостью расы. Она презирала женщин, кото рые работали в поле. Двусмысленность её собственного положения её совершенно не беспокоила. Мысль о заму жестве и переходе моем в магометанство никогда не приходила ей в голову. Она очень гордилась тем, что она любовница единственного белого в округе. Она была обладательницей единственных в поселке граммофона и пианино. Кроме того, она спасла мою жизнь. Подозре вая, что меня отравляют, она давала мне есть только то, что сама приготовляла. А когда я всетаки не поправлял ся, она посылала

СиВоха за правительственным врачом.

Врач Доуден был чудаком, циничным, угрюмым ир ландцем, с которым я познакомился в порту Диксон. Он был несчастлив на Востоке и давал исход своему мрачно му настроению грубыми выходками, за что его не любили. Однако у него было золотое сердце, и, будучи сыном дублинского профессора классической литературы, он был мне духовно ближе всех других белых на Малакке. Лечить меня не входило в его обязанности но соблюдать формальности было в его характере. Он тот час же пришел, посмотрел на меня и выразительно хрюк нул. И в этот вечер он отправился в бар Сенджей Уджонгклуба. Тогда каучуковый бум достиг своего апогея. Несколько плантаторов, в том числе и мой дядя, сильно нажились на ценных бумагах, и в клубе вино лилось рекой, как оно льется в моменты внезапной удачи. Мой дядя играл в покер с лимитом в сто долларов. У Доудена в натуре было чтото от большевика. Мой дядя только что перебил ставку. Доуден быстро охладил его пыл как игрока.

— Если вы не хотите на свой выигрыш купить гроб для белого, то заберите немедленно своего племянника.

Дядя был потрясен. Он немедленно принял меры. На следующее утро он приехал с двумя китайскими боями на своей машине. Молчаливые бои упаковали мои вещи. Дядя завернул меня в одеяла, вынес и положил в автомо биль. Амаи скрылась в задней комнате. Она, вероятно, догадывалась о том, что происходит, но не вышла. Мы не простились. Но когда машина завернула за угол, солнце заиграло на её серебристых туфельках, которые стояли на верхней ступеньке лестницы Больше я её не видел и никогда не увижу.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Теперь, хотя я путешествовал по морю и по суше, дальше, чем даже большинство шотландцев, я никогда не вспомню названия судна. Я только смутно помню день отъезда и маршрут моих путешествий. Может быть, это было следствием моей болезни; может быть, первые впе чатления ранней юности запоминаются легче; может быть, — и так оно и было — первое возвращение на родину всегда дольше всего остается в памяти человека. Факт тот, что каждая минута этого длинного путешест вия от бунгало моего дяди в Серембане до Шотландии запечатлена в моем мозгу так ясно, как если бы это было вчера. Дядя был очень щедр и послал меня на два месяца в Японию. Его врач сказал, что, когда я буду удален от поˆволяГкомандовать собойˆ капитан судна, иородатЬ1Й немец был самым добрым. Возможно, что другие пасса, жиры'выражали неудовольствие по поводу проявлений моей морской болезни. Во всяком случае, он дал мне огальнунэ каюту на верхней палубе. Но само путешест вие было кошмаром. Морская болезнь не проходила, й меня все время рвало. Одежда висела мешком на моем похудевшем теле. Пассажиры заключали между собой пари — доеду я живым до Японии или нет. В Шанхае я не мог сойти на берег. Зрение мое так испортилось, что я не мог читать. Я хотел умереть и приготовился к смерти. Весь день я лежал на лонгшезе и смотрел остановившим k ся взглядом на туманный берег и острова, поднимающще ˆ ся над морем. Судовой врач следил за тем, чтобы я не I/ свалился за борт. Но я не помышлял о самоубийстве, я только испытывал огромную усталость тела и души. Я мог оценить красоту внутреннего моря. Я мог писать плохие стихи — ужасные сонеты, посвященные Амаи, в которых все ещё звучал прибой волн о заросший пальма ми малайский берег вместе с сожалением об утраченной любви. Я мог, когда мы высадились в Иокогаме, ненави деть японцев со всем предубеждением англичанина, кото рый работал с китайцами. Но я не мог есть. Я не мог противостоять Неду Коку.

С военной точностью он уже решил мою судьбу. Он отправлялся в Англию через Канаду через десять дней. Если я хотел спасти свою несчастную шкуру, я должен был ехать с ним. В Канаде он задержится по делам на шесть недель. Эти шесть недель я должен пробыть в Скалистых горах. Я должен брать сернокислые ванны в Ьанфе. Лихорадка покинет меня, и я высажусь в Ливерпу ле и буду возвращен моим родителям в том же состоянии здоровья и ангельской невинности, в которых я их покинул.

Мне этот план казался слишком сложным. Но Кок все устроил чрезвычайно просто. Он повел меня к токийско

му врачу, который согласился с точкой зрения Кока на мое спасение. Он телеграфировал моему отцу и моему дяде по поводу необходимых средств для этого нового путешествия, и через три дня из обоих источников приш ли суммы вдвое большие, чем нужно было. Он был идеальным организатором, и я не умаляю ни его до стоинств, ни своей признательности. Если бы я в ту минуту был диктатором Англии, я возвел бы его в сан графа Лейстера и сделал бы председателем палаты лор дов. Он вскоре нашел бы необходимые средства разбу дить это сонное царство или, в случае неудачи, взвалил бы его, подобно Самсону, на свои широкие плечи и опустил бы его в Темзу.

Воздав должное моему спасителю, возвращаюсь к описанию своего путешествия. Все происходило точно по плану. Пересекая Тихий океан, я дрожал и мучился лихо радкой. Но в конце концов я начал принимать пищу безболезненно. Я даже мог с интересом следить за тем, как британский адмирал (давно умерший) играл на палубе в хоккей с тем свирепым юношеским пылом, который де лает нас предметом и зависти, и насмешек со стороны иностранцев. Когда мы приехали в Ванкувер, меня пред ставили Роберту Сервайсу и в первый раз за много месяцев на моих щеках показался румянец. Я был робким юношей, еще не потерявшим способность краснеть, а Сервайс, который тогда был на вершине своей славы, был первым английским писателем, с которым я познакомился.

Он дал мне автобиографический экземпляр своих «Песен из Суордаф» и «Баллады Чихако». Ныне, вместе с остальными моими книгами они, может быть, украшают полки большевистской библиотеки, и еще вероятней — они были сожжены рукой московского палача как империалистические излияния, вредные для московского обоняния.

В курительной отеля я слышал бредни о спекулянтах недвижимостью, которые наживали миллионы в одну ночь, причиняя разорение, следы которого чувствуются до сего дня. Также я впервые слышал имя Макса Айтки на, который победил миллионера Монреаля и отправил ся в Англию искать новых побед. Я был тогда так искренне романтично настроен и имел достаточно здра вого смысла, чтобы ставить Роберта Сервайса на много выше Макса Айткина.

Как бы то ни было, я читал книги Сервайса, выпивал с „им и .дыхал вылечило меня от страсти к Амаи и заставило обратить М °Патр™™^ че" всеми другими чувствами. В лучшем случае, это выражение житного чувства самосохранения. В худшем ОВ За

„ятнан материальными интересами и такими грязными соображениями, как деньги и карьера. В англичанине он проявляется в тупом презрении ко всему неанглийскому Патриотизм шотландца более практичен. Его презрение " иностранцам включает англичан, но строго скрывается Это скорее, расовая спесь, чем патриотизм. Шотландия тут почти ни при чем. Цель его — прославление и само удовлетворение шотландца, в какую часть земного шара его ни привел бы карьеризм.

Но есть другая форма патриотизма, которую можно назвать любовью к родине. Это подлинная любовь, кото рая живет в каждом человеке к тому месту, где он родил ся и провел свое детство. Может быть, она вызывается тщеславием, желанием снова увидеть себя в ореоле юно сти. Она особенно сильна в том, кто вырос в прекрасной местности, но и уроженец Вигана чувствует ее. Всего сильнее она в жителе гор.

Банф с его великолепным фоном из сосен и елей был для меня первым дыханием возвращающейся жизни. Ред ко я испытывал такую тоску по родине, а здесь, в преддверии Шотландии, я чувствовал себя на полпути домой. Скалистые горы были выше Гремпионов, но они были похожи на Гремпионы. Боу Ривер заменяла Спей. Само селение носило название шотландского города, расположенного в 20 милях от места, где я провел свое отрочество. Я полюбил Банф. Я нанял лодку и обследо вал реку (увы, я все еще был слишком слаб, чтобы удить рыбу), и я изучил холодные воды озер Луиза и Минневан ка. Я разговаривал с аборигенами. Я нашел сочинения Паркмана и с жадностью прочел их. Клондайк все еще был у всех на устах. В каждом городском округе были несчастные жертвы золотой горячки. Это было романти ческое время — в достаточной степени грязное, если всмотреться глубоко, но в роскоши первоклассного отеля никто этим не занимался. Автобусы еще не портили красоты дорог. Нет армии американских туристов, на полняющих воздух оглушительными возгласами восторга. Если верно, что человек создает свою атмосферу, то природа может помочь или помешать ему в том а в Банфе природа была могущественной союзницей. Я ку пался в романтике крайнего Запада и чувствовал себя лучше. Мне предстояло купаться и в прямом смысле этого слова.

Мое здоровье было постоянной заботой Неда Кока. Он был в восторге от моего выздоровления и с полным основанием приписывал заслугу себе. К сожалению, он не умел вовремя остановиться. Он вечно строил новые пла ны и искал новые области применения своей энергии. В Банфе были знаменитые

сернокислые купания — купания на открытом воздухе на высоте 1000 футов над уровнем моря. Я провел три года в нездоровом климате, почти на экваторе. Я страдал малярией в тяжелой форме, и если желание жить вернулось ко мне, то смерть еще не выпу стила моего ослабевшего тела из своих цепких рук. Здра вый смысл должен был предостеречь меня от купания на открытом воздухе. Но у меня было мало здравого смы сла и мало воли. А Кок был экспериментатором. Он нашел союзника в лице отельного врача — молодого энтузиаста, на которого подействовала убежденность Ко ка и который хотел получить свою долю славы за вели кое открытие, заключающееся в том, что сера — могу щественное средство против малярии. Может быть, я не питал большой веры. Во всяком случае, я искупался в банфском Иордане. Я простоял в пузырьках серы столь ко минут, сколько потребовали Кок и его ученый поклон ник. Без посторонней помощи, но со стучащими зубами я вернулся в отель; в течение 10 минут температура подня лась до 39 градусов, я лег в постель. Мои друзья навали вали на меня одеяло за одеялом. Через час температура поднялась еще на градус. Задыхаясь, почти в бреду я требовал хинину. По совету Кока врач дал мне пять таблеток хинина и пять аспирина. Затем они оба ушли, чтобы не мешать мне спать. К счастью, они оставили лекарство на ночном столике. Я сделал знак Гарри Сте фенсону, который оставался со мной, и Гарри дал мне еще по 15 таблеток хинина и аспирина. В продолжение четырех часов я метался в бреду между жизнью и смертью. Затем меня прошиб пот. Постель моя промокла насквозь, промокли матрацы, и я лежал, как в луже. Обессиленный, я переменил постельное белье и заснул.

Дальнейшее мое путешествие на родину прошло без инцидентов. Я пробыл неделю в Квебеке, прочел «Золотую собаку», поднимался на вершину Авраама и грезил теми первыми грезами империи, которые впоследствии сделали меня ревностным последователем политики лор да Бивербрука. Семена, посеянные во время моего посе щения Канады, принесли плоды в 1916 году, когда я первый из англичан официально отпраздновал в России имперский день.

Единственным фиаско было само возвращение. Если голубые небеса канадской осени немного восстановили мои силы, то ливерпульские туманы вызвали новый при ступ малярии; вместе с болезнью пришел новый приступ малодушия, который всегда.в критические моменты от равлял мою жизнь.

Я вернулся в лоно моей семьи, которая в это время отдыхала в горах.

Мать встретила меня, как матери всегда встречают своих

первенцев, то есть благодаря Бога за мое спасение и грустя о том, что не оправдались ее заветные мечты. Мой отец, хотя по отношению к самому себе и был самым суровым моралистом, всегда был сам терпимым по отношению к другим. Я не услышал от него ни слова L упрека. Но я все же держу сторону моей матери, происхо дившей из клана Грегора, и до самой ее смерти наш семейный мирок жил по заветам моей бабушки — жен щинытитана, которая на своих широких плечах вынесла целую армию детей и внуков.

Она была женщиной наполеоновского склада, пред ставительницей старой гвардии хайландцев, чьи слова были законом и чьи малейшие капризы исполнялись беспрекословно. Она управляла этим кланом с величием Души, редким в наши дни, но дело ее клана было ее делом, и горе тому провинившемуся, чей проступок дохо дил до ее сведения не от самого провинившегося, а через других членов семьи. Она была суровой строгой пресви терианкой и относилась к своим богослужениям с той же суровостью, с которой она управляла своей семьей. Она Рыла ■етерпима к церковной оппозиции. Однажды ста рейшины той конгрегации, которой она руководила, ос мелились избрать в качестве пастора неугодного ей кан дидата. Решение ее было сурово. Она покинула церковь, где были погребены ее предки, и в полумиле построила на свой собственный счет новую церковь и новый дом для своего кандидата. Гнев ее кончился только со смертью пастора. Тогда ее раскаяние было так же великодушно, как мелок гнев. Ее церковь была присоединена к старой у церкви и превращена в открытую библиотеку и концерт 1 ный зал. Дом был куплен за счет прихода и она сама | возвратила семье скамью, на которой она слушала так много проповедей. Теперь ее останки покоятся на берегу ' Спей, позади тех массивных гранитных скал, живым воплощением которых она была в жизни.

Она была великая женщина, но, подобно большинству пресвитериан, она преклонялась перед материльным ус пехом. К моменту моего возвращения она получила огромную прибыль от своих плантаций в Малайских штатах. В Эдинбурге ее окрестили королевой каучука, и эта лесть ударила ей в голову, как молодое вино. Она видела себя делающей погоду на бирже. Ее материльный успех был наградой за ее дальновидность и деловитость. Она считала обычным самый необычный ажиотаж и, не слушая предостережений своих маклеров, продолжала скупать каучуковые акции во время падения цен. В тече ние немногих лет ее состояние уменьшилось до размеров, несоизмеримых с расходами. Однако в этот момент звез да ее восходила.

Плантаторы не славятся своими способ ностями, но все плантаторы нажили себе деньги на каучу А ковом буме. Я со всем своим образованием не сумел использовать возможностей. В ее глазах это было мери ˆ лом моей деловитости. Я был дураком.

Но это было не худшее. Вести о моих моральных прегрешениях дошли до нее еще до моего приезда. Хо дили сплетни. Мой дядя обвинялся в том, что он не заботился обо мне, и если он не желал защищаться, то другие родственники в Малайских штатах взяли это на себя. Тень на лице моей бабушки при нашей встрече была тенью Амаи. Каждый день мне давали почувство вать мое нравственное падение. Меня таскали в цер ковь. Если проповедь не была направлена против меня, моя бабушка истолковывала ее в этом смысле. Образ женщины в красном вызывался в каждом удобном и неудобном случае. Я был слишком слаб, чтобы ловить рыбу или охотиться. Вместо этого я катался с бабушкой на автомобиле. Каждая поездка служила поводом для лекции. Каждый эпизод моего детства был средством морального воздействия. Я должен был поднимать гла за к холмам вплоть до того, что даже мои любимые Гремпианы превратились в зачумленные места и язву самобичевания. До сих пор я ненавижу правый берег Спей, потому что в тот год бабушка жила на этом берегу.

Этот октябрь месяц, проведенный в Хайланде, унич то жил все то хорошее, что дала мне Канада, и, разбитый душой и телом, я вернулся в Южную Англию, чтобы снова обратиться к помощи врачей. Я был у двух специа листов по малярии на Гарлейстрит. Их диагнозы были неутешительны. Мое сердце было серьезно задето. Моя печень и селезенка увеличены. Мое пищеварение рас. строено. Процесс выздоровления будет медленным, очень медленным. Мне нельзя возвращаться в тропики. Я. не должен подниматься на горы. О спорте не может быть и речи. Даже гольф был запрещен. Мне нужно беречься, очень беречься.

Я вернулся домой к моему отцу в Беркшайр и освобо жденный от моральных воздействий бабушки начал сей час же поправляться. Несмотря на английскую зиму и частые приступы малярии я прибавил в весе. Я выбросил все лекарства, органичиваясь ежедневно рюмкой коньяка. Через три месяца я снова играл в футбол.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Мое частичное выздоровление не разрешало вопроса о моем существовании. Малярия ослабила мою силу воли и вызвала болезненное состояние. Если болезненное настроение у молодого человека до некоторой степени можно признать нормальным, то недостаток силы воли представляет более серьезную опасность и нелегко под дается излечению. Я не питал никаких честолюбивых замыслов. В своих смутных планах я хотел быть писате лем* ˆ доме отца мне была отведена отдельная комната, и в ней я провел зиму, предаваясь сочинению очерков на сюжеты из жизни на Востоке и рассказов, полных мрач ных картин с трагическим концом. Я завязал переписку с разными литературными посредниками. Спустя месяцев шесть мне удалось поместить в печати один рассказ и две статьи. Мой гонорар не покрывал моих почтовых издержек.

**_вот в одно майское утро меня позвал отец. Это не был безапеллJционный приказ. Слова его не выражали упрека. Он говорил со мной, как, надеюсь, и я буду 34 говорить со своим сыном, когда придет его черед, скорее, внушая, чем приказывая и старательно щадя мои чувст ва, заботясь только о моем благополучии, хотя бы это было связано с большим самопожертвованием и расхо дами с его стороны. Он указывал, на что уже многие указывали раньше, что литература только добрый кос тыль и не может заменить пары ног, что я, повиди мому, не преуспевал в ней, а упроченное положение — ключ к счастливой жизни. В 23 года было поздно высту пать соискателем на экзаменах на большинство казенных мест. Но существовала еще консульская служба. Эта область благодаря моему знанию языков сулила мне все выгоды и могла бы удовлетворить мои литературные замыслы. Разве Брет Гарт и Оливер Вендель Холмс не состояли на американской консульской службе?

Медленной и размеренной манерой отец описывал мне привлекательные стороны жизни, о которой он сам не имел никакого представления. Затем подобно доброй фее он извлек ящичек с сюрпризом, письмо от Джона Морлея, в котором тот сообщал, что похлопочет о зачи слении меня в число кандидатов на ближайшую экзаме национную сессию. В прошлом мой дед, стойкий консер ватор и один из ранних борцов за утверждение Британ ской империи, выступал против Морлея на выборах в Арбросе, и таков уж спортивный дух английской полити ческой жизни, что двадцать лет спустя великий человек дал себе труд позаботиться о внуке потерпевшего пора жение на выборах

противника.

Это новое проявление отцовской доброты сломило мое сопротивление. Без сомнения, его манера обращения с непокорным и потворствующим своим прихотям от прыском была слишком мягкой. Если с точки зрения материальных выгод моя жизнь сложилась неудачно, то мой отец мог себя утешать тем, что в стаде из шести овец я оказался единственной паршивой и что для всех нас он остался не только мудрым советником, но другом и товарищем, от которого не было надобности скрывать даже самых постыдных тайн.

Прочитав письмо Морлея, я оглянулся в зеркало своей протекшей жизни и то, что увидел, не дало мне удовлетворения. Для своих родителей я представлял убы точное помещение капитала. До сих пор я не приносил дохода. Теперь пора было начать. К безграничному удов летворению отца, я милостиво согласился дать членам гражданской правительственной комиссии труд Проверить мои экзаменационные работы.

Но до моего вступления за ограду Берлингтонхауз» предстояло выполнить некоторые формальности. Почти сразу пришлось мне предстать на осмотр комиссии инк визиторов Министерства иностранных дел. Надев свой самый темный костюм, я отправился в Лондон, добрался до Даунингстрит, и был отведен в длинную комнату в первом этаже здания Министерства иностранных дел, где от 40 до 50 кандидатов дожидались своей очереди, каж дый посвоему выражая своё волнение. Процедура была простая, но утомительная. В конце комнаты находилась широкая дверь, у которой стоял курьер Министерства иностранных дел. С интервалами в десять минут дверь открывалась, и безупречно одетый молодой человек с листком бумаги в руке шептал чтото курьеру, и тот. прочищая голос, громоподобно возвещал собравшимся овечкам имя очередной жертвы.

По мере того как подходила моя очередь, комната почти опустела и мои нервы заговорили. Я мучился, предполагая что произошла какаянибудь ошибка и меня забыли. Я старался подыскать какоенибудь глупое объ яснение. Только страх, что моя обувь может заскрипеть, помешал мне подойти к курьеру на цыпочках, чтобы изложить свои сомнения. И вот, когда я уже потерял всякую надежду, одетый в сюртук курьер возвысил свой олос и под потолком отдалось: «Мистер Брюс Лок ˆтарт». С краской на лице и влажными руками я пересту пил порог своей судьбы и вошел во внутренность храма. Из головы все вылетело. Мои тщательно зазубренные ответы были забыты.

К счастью, инквизиционное испытание оказалось менее

ˆашяым, чем ожидалось. В узкой продольной комнате за длинным столом восседали шесть старших чиновников. На время я задержался перед ними, как премированный бычок на выставке скота под испытующими взорами шести пар глаз в очках и моноклях. Затем меня попросили занять место на другом конце стола. Снова наступила пауза, во время которой инквизиторы рылись в бумагах. Они извлекли мою биографию, которую всякий кандидат как опросный лист страховой компании должен предста вить до явки на экзамен. Затем с учтивостью Стэнли, обращающегося к Ливингстону, председатель улыбнулся мне приветливо и сказал: «Мистер Локкарт, полагаю», и,

прежде чем я опомнился, меня стали расспрашивать о моих опытах с каучуковыми плантациями. Я представляю себе, что большинство инквизиторов были лично заинте ресованы в операциях с каучуком. Во всяком случае, я подвергся быстрому перекрестному допросу относительно ценности различных акций. Так как мои познания в этой области были больше, чем у моих экзаменаторов, я бойко и авторитетно стал объяснять, какие опасности и возмо жности сулит малайский эльдорадо. Надеюсь, что они вняли моему совету. Он был внушен с осторожностью, опирающейся на опыт моих слишком оптимистически настроенных родственников.

И вот, когда я уже совсем пришел в себя, неожидан ный удар поверг меня на землю. До сих пор я разыгрывал роль учителя перед кучкой внимательных, восхищенных школьников. Теперь роли вдруг переменились. Среди приятного и к общему удовлетворению протекавшего разговора, словно по тихой долине, подул ледяной ветер, исходивший от маленького коренастого человека с мор щинистым лбом и серожелезного цвета усами:

— Вы не можете сказать, мистер Локкарт, почему вы покинули этот земной рай?

Мои колени задрожали. Неужели всеведущее Мини стерство иностранных дел раскрыло тайну приключения " с Амаи? В моих свидетельствах этому инциденту было дано благовидное толкование. В биографии своей я об этом умолчал. Говоривший был лорд Тир рель, тогда еще просто мистер Тиррель, и я инстинктом, редко меня обманывавшим, почуял в нем возможного врага. С уси лием я собрался с мыслями.

У меня была малярия в сильнейшей форме, — ответил я и затем слабо добавил: — Но я опять играю в регби. Это добавление оказалось удачным. Спортсмен с моноклем и худощавой фигурой атлета пришел мне на выручку.

Вы не родственник кембриджского регбиста и кри кетиста? —

спросил он.

Мой брат, дважды интернациональный игрок по кри кету и регби, находился тогда на вершине своей славы атлета.

— Он мой младший брат, — ответил я просто. Этими словами я открыл себе путь и получил официальное благословение.

Все это было хорошо. Оставалось однако более серьезное препятствие письменный экзамен. Чем более взве. тГваТя свои шансы, тем менее оставался доволен В "Сгоду было только четыре вакансии. Число зареГа сˆировакных кандидатов перешло за шестьдесят. Почти вТоет готовились к экзаменам в течение ряда Ле? ˆкоторые были в числе первых двадцати, выдержавших Гггоошлом году. До полдюжины получили первокласс ныТсввдетельства в Оксфорде и Кембридже Я же Не занимался никакой учебой целых три года. Оставалось только десять недель для подготовки к экзаменам, кото рые были трудны не только благодаря конкут*тщи, Но включали в число обязательных предметов право и эко номику По праву я не читал ни строчки. Политическая экономия для меня была тайной и сокровенной наукой. Поистине перспективы вряд ли стоили затраты усилий.

Мой отец, однако, был рьяный оптимист. Я перебрался в Лондон и поступил на лучшие по тому времени курсы по натаскиванию к экзаменам. Знакомство с ними повер гло меня в еще большее уныние. Целую неделю я посе щал лекции с твердым терпением и аккуратностью. Дру. гие кандидаты заканчивали подготовку, когда я только приступал, а лекции по политической экономии и праву, ˆ без сомнения, превосходно излагаемые, но рассчитанные % явно на подготовленных слушателей, были для меня

Д просто тратой времени. Д Отчаяние заставило меня действовать, и я принял ˆ быстрое решение. Я написал своему отцу и объяснил, что должен оставить курсы, предлагая испробовать другие средства и нанять частных репетиторов по праву и поли тической экономии. Отец согласился на дополнительные расходы. Так как за меня плата была внесена вперед, заправилы курсов не возражали.

Мой репетитор по праву был прирожденным учите лем. Репетитор по политической экономии был немецкий гений, который преждевременно состарился от нюхатель ного табака и виски. Мы потрошили вместе Маршаля и Никольсона, и, так как мы проходили курс на немецком языке, я одним выстрелом убивал сразу двух зайцев.

Мой план кампании предусматривал три часа ежеднев ных занятий с моими репетиторами, остальная работа шла по моему

усмотрению. Однако тут бывали отвлека ющие моменты. В Лондон приехал развлечься мой дядя, наживший десятилетним упорным трудом состояние. Он влюбился в восхитительную уроженку Южной Америки, выезжавшую в свет с пожилым спутником. Он подыскивал подходящего человека, чтобы отвлекать внимание этой спутницы, и самым подходящим оказался я. Он заставил меня бросить мою скромную квартиру на Бэй суотер и перетащил к себе в отель. Каждый вечер мы обедали вчетвером, шли в театр, а затем ужинали в ресторане. Это вряд ли было хорошей подготовкой для плохо подготовленного кандидата, но мой дядя со своим крайним эгоизмом, характерным для большинства удачных дельцов, не подозревал о том, какой вред причиняет он мне. Наоборот, он каждое утро гонял меня к моим репетиторам и повторял, что, если я провалюсь, он ли шит наследства. Я смеялся и продолжал пить его шам панское. Впоследствии он дважды женился, и шансы мои на наследство потерпели крушение отчасти изза моего легкомыслия, но главным образом благодаря появлению на свет четырех цветущих кузенов, которые по своим годам могли бы быть моими детьми. В промежуточные годы он тысячекратно вознаградил меня за мое усердие, и если бы не мое беспечное мотовство, общая сумма его щедрот давала бы мне пятьсот фунтов стерлингов дохода в год.

Пока я в таком духе подготавливался, наступила пер вая роковая неделя августа, когда экзаменующие чи новники, отличающиеся странным образом недостатком сообразительности, раскрывают двери Берлингтонхауза перед молодыми людьми, надеждой нации. Я даю под робное объяснение всей процедуры для пользы тех педа гогов, которые признают никчемность всяких экзаменов. На примере со мной они найдут подтверждение своим теориям.

Когда в понедельник утром я занял свое место в хвосте вспотевших кандидатов, мои шансы на успех были настолько слабы, что я лично не беспокоился. Невы годная сторона моей неподготовленности бросалась в глаза. Но зато, с другой стороны, у меня было два преимущества. Я больше знал свет, был более светским человеком, чем мои конкуренты, и не располагая, как я думал, никакими шансами, я не нервничал. Может быть, у меня был еще шанс — огромная доля удачи. Лето в том году было страшно жаркое, какого в Англии не было давно, а я любил жару. В том же году в первый раз были включены в число экзаменационных предметов немецкое и французское сочинения, нововведение, ускользнувшее

от бдительности репетиторов заставившее кандидатов

полагаться только на свои слабые ресурсы. В числе тем тля французского сочинения — часть киплинговского оассказа «Восток есть Восток, а Запад остается Западом». Я ухватился за нее, собрав весь свой малайский, опыт, и излагая целые страницы из Лоти, которого знал наи зусть Я рад был такому экзамену, чувствуя себя совсем легко перед новой авантюрой. Затруднение у меня вызвал лист с воггоосами по политической экономии. Их было десять, из коих достаточно было ответить на шесть. К несчастию, мои познания ограничивались только четырь мя Я исписал целые страницы по поводу одного из вопросов, который я знал менее других, нацарапал ко роткие, необязывающие ответы на три остальных и затем добавил вежливое замечание о том, что два часа слиш ком короткое время для выполнения задания подобного содержания.

В четверг вечером, закончив свои письменные испыта ния, я простился со своими репетиторами, которые зани мались со мной все ночи во время экзаменов. Расстава ясь, мой менторнемец протянул мне запечатанный конверт.

— Вскройте его в день объявления результатов испы R таний, — сказал он. — В конверт вложено мое предсказа ™ ние относительно счастливых кандидатов. Я редко ˆ * ошибаюсь.

Едва он ушел, я вскрыл конверт. Он поместил меня на четвертом месте. Чтобы отпраздновать шутку, которую поистине можно было назвать <асолоссаль», я отправился пообедать в Карлтонклуб, а затем в театр.

Оставался только устный экзамен, назначенный на следующий день, и я считал себя вправе немного раз влечься. Однако устный экзамен едва меня не погубил. Экзамен по немецкому языку происходил в десять часов утра. Я не знаю, приходится ли винить мое последнее ночное времяпрепровождение, но экзаменатор сбил меня с толку. Он был чересчур вкрадчив и мил. Не успел я опомниться, как он втянул меня в разговор о Малайе. От этой исходной точки он перешел к расспросам (себе в назидание) о различных способах добывания сока каучу коносных деревьев. Даже поанглийски это слишком тех ническая и трудная тема для обыкновенного разговора. На иностранном языке она была просто невозможна, и, хотя мои познания понемецки были солидны, я чувство

вал, что по немецкому языку провалился. Я вышел из комнаты, ругая себя за свою бестолковость, и решил не попадаться больше подобным образом. Когда я вышел наружу, я впал в сомнения. Мой французский экзамен — завершение недельной пытки — должен был начаться не ранее пяти часов дня. Все мои друзья отправились в Шотландию или на континент.

Как мне было заполнить долгий перерыв между одиннадцатью и пятью часами? Я поколебался, а затем смело перешел улицу. Напротив Берлингтонхауза находился «Бристольбар», излюблен ное местопребывание иностранок, съехавшихся в Лондон в довоенное время. Подкрепившись для храбрости хере сом и горькой, я свел знакомство с двумя зрелыми, но весьма бойкими землячками мадам Помпадур. Я их уго стил завтраком, вином и был компенсирован француз ской беседой. На час я пошел пройтись по Гринпарку и вернулся в три тридцать, чтобы еще выпить и поговорить пофранцузски. В четыре с четвертью я уже весьма бегло говорил, и произношение мое стало почти безупречным. Без пяти минут пять я пересек улицу и пошел на француз ский экзамен.

Снова, как арестант под стражей, я ожидал в длинном коридоре, пока откроется экзаменационная камера. На сей раз, однако, всякие признаки нервности исчезли, и я вступил в комнату с храбростью испытанного ветерана. Профессор в пенсне с кротким выражением лица, с отви слыми усами, взглянул на меня и сложил концы пальцев вместе.

— Можете вы мне сказать, как называется француз ский дредноут, спущенный недавно в Бресте? — спросил он.

Я отрицательно покачал головой и улыбнулся.

— Нет, сэр, — сказал я отчетливо, я не знаю и не беспокоюсь о том. В моем распоряжении только полчаса времени, чтобы доказать вам, что знаю французский язык не хуже вас. Поговорим о другом.

Тут я сделал удачный ход. Он говорил с легким английским акцентом, и, прежде чем он успел прервать меня, я разбил его защиту.

— Вы профессор С, — сказал я. — На прошлой неделе я видел вашу книгу «О фонетике».

Своей выходкой я нарушил тайну анонимности, под которой якобы выступают все экзаменаторы гражданско го ведомства. Профессор быстро остановил меня, не

подтверждая и не отрицая моих слов. Дело было сделано Разговор перешел на фонетику, в которой я был знаток, а Столько новичок, и с этого момента я был спасен Поошел давно установленный срок, а профессор все енде продолжал разговор. Я задел его конек и, когда наконец Ха^тался с ним, я знал, что, хотя понемецки у меня выппло плохо, зато французское устное испытание я сдал блестяще.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В тот же вечер я отправился в Шотландию в горы и провел там великолепно следующие четыре недели, УДя рыбу в Спей и охотясь на тетеревов в имении моей бабушки. По мере приближения сентября я стал испыты вать муки беспокойства. Я подготовил моих родителей к тому что им придется разочароваться. В своем пессими стическом состоянии я не делал никаких попыток изба вить их от беспокойства за мое будущее. Особенно моя бабушка продолжала смотреть на меня, как на козла отпущения, который не имел никакого права на все хоро шее в жизни. Если я наливал второй стакан портвейна за к обедом, я был уверен, что встречу на себе ее упрекающий в взор. Меня окружала атмосфера явного неодобрения, и, примирившись с неизбежностью возвращения на каучу ■ ковые плантации Востока, я стремился извлечь сколько мог удовольствий из этой последней представляющейся возможности легко пожить. С таким настроением прини мает осужденный сытный завтрак перед казнью.

2 сентября, в тот благословенный день, когда я поя вился на свет, я отправился в соседний город сыграть партию в гольф. Не успел я расположиться на третьем поле, как меня встревожил дикий крик. Я отвлекся от мяча и увидел двух своих младлшх братьев, кативших на велосипедах наперерез по склону нашей горной дороги. Норман, который впоследствии погиб славной смертью под Лоосом, исчез в канаве. Переднее колесо его велоси педа погнулось, но его лицо сияло от возбуждения. Ли куя, он потрясал в воздухе какойто бумагой.

— Ты выдержал, — крикнул он запыхавшись, — ты первый.

Я взял бумагу из его рук. Это была правда. В ней черным по белому стояло: Первый — Р. Г. Брюс Локкарт. Я занялся изучением листа с отметками. Я был первым на семнадцатьбаллов. У первых четырех канди датов было пятьдесят баллов. У меня вышло плохо по немецкому языку, который я знал лучше всех предметов. Одну отметку я получил по математике. По праву я был на втором месте и на первом — по политической экономии. По французскому языку я получил на тридцать пять баллов больше, чем другие кандидаты. Я получил девяносто девять баллов из ста по французскому устному экзамену. Это сделали помпадурши. Я не знаю, живы ли они еще. Я никогда не узнал, как их звали. Но за тот ущерб, который я причинил могуществу, величию и владениям Британской империи своими действиями в качестве должностного лица, они, и только они,

должны нести полную ответственность.

Я бросил свою игру и вернулся домой, чтобы объя вить новость родителям. Они недавно отпраздновали свою серебряную свадьбу, и большинство моих многочи сленных родственников находилось в сборе по соседству. Мы устроили поистине великолепную встречу. Никогда ни до того, ни после я не чувствовал себя столь доброде тельным. Конверт без марок с надписью: «Служба его величества» произвел молниеносно метаморфозу в моей жизни, и к вечеру я из разряда ни на что негодных людей перешел в Валгаллу героев. Моя бабушка прижала меня к своей пышной груди и с непогрешимостью истинно вели ких людей заявила, что она всегда верила в мой успех. Она послала за своей сумочкой, за очками, и затем выписала мне чек на сотню фунтов. Ее пример оказался заразительным, и я получил в тот день до двухсот фунтов в подарок. Несколько дней спустя, не тронув этих денег, я отправился в Лондон, чтобы приступить к своим офи циальным обязанностям в Министерстве иностранных дел.

В тот год Министерство иностранных дел существен но отличалось от теперешнего министерства. Оно соеди няло тогда простор с изяществом, служба в нем шла легко. Теперь это кроличий садок, набитый машинистка ми в очках и серьезными весьма дурно одетыми молоды ми людьми. В 1911 году в нем еще находились престаре лые джентльмены, писавшие изза причуды гусиными перьями. Известный стандарт почерка и тщательное со блюдение полей требовались еще от молодых чиновни ков. В остальных отношениях это было спокойное, не лишенное приятности времяпрепровождение, подкрепляемое регулярностью службы и соответствующим перерывом на завтрак. Если служебные часы были длиннее сравнения Пальмерстона о фонтанах на Трафальгар, сквер, что «бьют от 10 часов утра до 4 часов дня», то это не было утомительно для чела. Да эти часы и не отдава лись исключительно работе. В департаменте, куда я был назначен, процветал настольный крикет под искусным руководством Гюи Лекока, теперь председателя федера ции британских промышленников.

Война и деятельность лорда Керзона уничтожили эту тихую заводь в стремительном потоке жизни. Коридоры, где играли в футбол, теперь уставлены тяжелыми шкафа ми с архивами. Штаты удвоились. Бумаги развелось столько, что сознательный служащий должен работать до поздней ночи, чтобы выполнить дневное задание. В Министерстве иностранных дел теперь работают дольше, чем в большинстве торговых фирм. Оно стало дейст венным и более демократичным.

В мое время оно обладало высокоразвитым чувством сознания собственного превосходства. Это было убежище мандаринов, державшихся надменно и обособленно от более плебейских министерств Уайтхолла. Допускалось до некоторой степени равенство с Министерством финансов. В конечном итоге даже посольские оклады находились под контролем Министерства финансов. Мы по справедливости славимся своим практическим смы слом. Нет англичанина, который не положил бы в карман свою социальную спесь, если это пойдет на пользу его карману. Министерство торговли, с другой стороны, рассматривалось подобно стрелковому тиру в публичной школе, как прибежище для бездельников.

На младших вицеконсулов, главная обязанность ко торых заключалась в содействии укреплению британской торговли за границей, смотрели как на ненужных при шельцев. В отношении социального положения они как бы пребывали в чистилище между раем первого отделе ния и адом второго.

В то время процедура в отношении младших вице консулов была такая. До занятия заграничного поста требовалось пробыть три месяца в консульском и ком мерческом департаментах Министерства иностранных дел. Если не считать, что пребывание здесь дало мне возможность познакомиться со многими служащими ми

нистерства, то это была просто трата времени. Ввиду такого казенного отношения к торговой деятельности, эти департаменты были самыми бездеятельными в мини стерстве. Старшие чиновники, работавшие в них, были люди, потерявшие всякое честолюбие и оставившие на дежду на дальнейшее повышение. Это была последняя ступень к почетной отставке и пенсии.

В качестве первого в новом списке вицеконсулов я был назначен отбывать свой стаж в консульский департа мент. Моим шефом был лорд Дюферин, добрый и благо родный человек, который выкуривал бесчисленное коли чество папирос и казался больным на вид, будучи тако вым в действительности. От своих подчиненных он тре бовал хороших манер и исполнительности. Единственная его страсть была — красные чернила. Мои первые две недели пребывания в министерстве были сущим несча стием, сравнимым только с первыми двумя неделями пребывания в школе. Никто со мной не заговаривал. Я ежедневно являлся в 11 часов утра в туго накрахмален ном воротничке, в установленной короткой черной визит ке и в полосатых брюках. Я регистрировал письма, по ступавшие в небольших количествах от пострадавших английских подданных за границей. Случалось, я набра сывал черновики требований об уплате сумм, выданных авансом

британскими консулами потерпевшим корабле крушение морякам. Однажды я испытал маленькое вол нение. Поступило письмо, адресованное Его Величеству, начинавшееся словами: «Мой дорогой король». Оно ис ходило от молодой девушкиангличанки 17 лет, посту пившей на службу к одному русскому помещику в По волжье. От железнодорожной станции она находилась далеко, и хозяин весьма грубо и неприлично приставал к ней. Этот патетический крик из дикой страны, донесший ся до меня, заставил мое горло сжаться от волнения и негодования. Я написал решительную записку, одобрен ную с похвальной поспешностью. Телеграф заработал. Требовалось вмешательство посла Его Величества, и че рез тридцать шесть часов маленькая леди была освобо ждена и отправлена на свою родину — в Ирландию. Впервые я ощутил биение пульса Империи. Я отведал власти и почувствовал себя должным образом в гордо приподнятом настроении.

В общем, однако, здесь было мало работы, и я пребы вал в строгом одиночестве. Каждый день я завтракал в

ресторане — я не мог завтракать вместе с Кэем, своим коллегой по департаменту, так как у нас перерывы на завтрак не совпадали. Случалось, в коридорах я прохо дил мимо молчаливо великих и великомолчаливых фи_ гур, принадлежавших к составу министерской иерархия. Украдкой я изучал их походку, их манеры, длинную гребущуто походку сэра Эдуарда Грея, автоматически энетятггаую сэра Эр Кроу, грациозно элегантную сэра Малькольма и тяжеловесную поступь сэра Виктора Уэлслея. Это были смутные, внушающие страх тени в моем существовании, внушавшие правильное представле ние о моей собственной незначительности.

По мере того как я ближе знакомился с Гюи Л скоком, мое положение становилось легче. Мы вместе завтрака ли. Наряду с сэром Джорджем Бьюкененом и Гарольдом Никольсоном он был одним из немногих уроженцев Вел лингтона в Министерстве иностранных дел. Когда мои братья выступали от Малъборса, я взял его посмотреть матч в регби между Веллингтоном и Малъборсом. Мы вместе играли в гольф. Я был допущен к игре в настоль ный крикет и стал мастером в этой области. От него я услыхал исторические анекдоты, ходившие по мини стерству о лорде Берти и других столпах минувших дней. В оплату, уступая своей склонности к откровенности, я рассказал ему историю своей жизни. Наша дружба росла столь быстро, что через несколько недель я был в состоя нии заставить его слушать восточные очерки, написанные мною н отвергнутые английскими издателями. Нет сом нения, что он это занятие нашел более

забавным, чем писание консульских записок.

Такое литературное времяпрепровождение, притом, разумеется, в рабочее время, привело к странному оборо ту моей судьбе. При обычных условиях меня по оконча нии шестинедельного стажа в консульском департаменте должны были перевести в коммерческий департамент, где мне пришлось бы находиться под опекой сэра Ольджер нона Лоу, строгого формалиста, которого боялась вся молодежь. Тут как раз в нашем департаменте произошла перемена. Лорд Дюферин захворал, и его временно заме нял Дон Грегори, бывший тогда младшим помощником. В это время случился агадирский инцидент, политиче ским департаментам пришлось работать усиленно, и наш штат убавили, чтобы помочь там. Однажды к концу дня, когда я читал вслух особенно трогательную историю о

католическом миссионере на Востоке Гай Лекоку, вошел Дон Грегори. Слово «католик» привлекло его внимание

— Что такое? — спросил он своей обычной озабочен ной манерой.

Гай объяснил.

— У нас в министерстве находится литературный талант, — сказал он. — Он нам читает рассказ о католи ческом миссионере.

Грегори взял мою рукопись. На следующий день он пригласил меня к обеду. Я познакомился с миссис Грего ри, и она мне понравилась. Я рассказывал ей о своей жизни на Востоке и дал ей еще рукописей для чтения. Я подарил ей два японских портрета, купленных в Японии, по поводу которых я написал сентиментальный рассказ. Через несколько дней я опять получил приглашение на обед. В моем положении в департаменте произошла пере мена. Грегори стал мне давать больше работы. Скоро я заделался его частным секретарем. Однажды он позвал меня.

— Нам не хватает работников, — сказал он. — Вы ничего не выиграете, перейдя в коммерческий департа мент или уехав скорей за границу. Я устрою, чтобы вы остались на некоторое время здесь помочь нам. Когда придет время ехать вам за границу, я позабочусь, чтобы вы от этого ничего не потеряли при выборе вашего будущего поста.

* Здесь ■ далее автор использует старое наган ниг стоят»! России Правильно: Петроград. (Прим. ред.)

Разумеется, я согласился. Я тогда еще принадлежа,! к епископальной церкви, хотя уже питал сильные симпатии к католицизму. Однако этого было достаточно. Отзывчи вый добросердечный Дон Грегори любил католиков и, что еще важнее, он, видимо, любил меня, и я ему обязан до конца своей жизни. В

качестве заведующего департа ментом он не имел себе равных, и от него я научился многому, что пошло мне на пользу в будущем. Он посвя тил меня в официальную жизнь за границей. Он мне много говорил о Румынии, где занимал пост, и о Польше, судьбами которой сильно интересовался. Он усиленно развивал во мне интерес к России, которую я тогда считал самым беспокойным местом в Европе. И вот однажды вечером перед Рождеством он позвал меня в свой кабинет и показал мне депешу. В ней наш посол в С.Петербурге* сообщал, что русское правительство изъ

явило согласие на мое назначение в качестве вицеконсул в Москву. а

— Через две недели вы отправитесь, — сказал 0н улыбкой.

" Москва. Перед глазами моими промелькнула Россия R описании Сэтона Мерримена — единственное, что я о ней знал. Приключения, опасности, романы представлялись I моем уме. Но одна мысль доминировала: Москва находилась в Европе. Я только на три дня пути был отдален от родины. Шесть недель назад, если бы не мои неудачные восточные рассказы, тысячи шансов против одного, что меня подобно другим новым вицеконсулам услали бы в Колон или Панаму, или в лучшем случае в Чикаго, или Питсбург. Я рассыпался в благодарностях и в тот же вечер поехал сообщить добрые новости своим родителям и готовиться к отъезду.

Тут случилось еще одно приключение перед отъездом. Мои родители по случаю моего отъезда устроили вечер, на который собрались все мои, вернее их, друзья из округи. Одна семья, явившаяся в полном составе, привез ла с собой молодую красивую девушкуавстралийку, ко торой я прежде никогда не видал. Я сразу был побежден. В моем распоряжении было только две недели для сва товства. Через десять дней мы были помолвлены. В самом начале нового года я уехал в Россию, а она вернулась в Австралию. Мы повенчались в следующем >ду, во время моего первого отпуска.

Книга II. МОСКВА 1912—1917
ГЛАВА ПЕРВАЯ

Мое прибытие в Москву совпало с приездом британской парламентской делегации, которая по приглашению русского правительства прибыла в С.Петербург и Москву в январе того же 1912 года. Это была импозантная группа со спикером Палаты общин во главе. Лорд Эмтхилл, лорд Дерби и лорд Уэрдел были представителями от пэров, генерал сэр Джемс Уолф Мэррей от армии, лорд Чарльз Бересфорд от флота и четыре епископа представляли церковь. Были тут и другие лица, а весь состав делегации доходил до восьмидесяти человек. В качестве переводчика прикомандирован был к ней непо дражаемый и незаменимый Морис Бэринг. Пока делега ция добралась до Москвы, многие из ее членов сдали в пути и вернулись домой. Петербургское гостеприимство оказалось не под силу им. Теперь оставшихся членов парламента ждали еще большие испытания в лице радуш ных москвичей, испытания, которые в полной мере должен был разделить и я.

По приезде на Брестский вокзал меня встретил Монт гомери Гров, мой новый шеф. Он был в полной парадной форме и собирался ехать в балет на галапредставление в честь британских гостей. Объяснив носильщику, что де лать с моим багажом, он впихнул меня в сани, повез в отель «Метрополь», сунул мне в руку пачку пригласи тельных карточек и, сдав меня отельному швейцару, умчался выполнять свои обязанности.

Немного ошеломленный, но полный любопытства я приступил к осмотру окружающей обстановки. Отель был набит до отказа, и отведенный мне номер находился в верхнем этаже. Большинство моих соседей были жен шины, раскрашенные и пышно разодетые, которые, убелившись после исчерпывающих телефонных расспросов к моей невинности и в скромном состоянии моего кощель ка. потеряли всякий интерес к новому пришельцу, в* всяком случае, если бы они и заинтересовались, вице. консулы были не в состоянии соперничать с русскими купцами того времени.

Первое, что запечатлелось у меня, когда я прогуливал ся по залу ресторана, это запах мехов, толстые женщины и крупные упитанные мужчины; зрелище привлекательного раболепства у подчиненных и добродушного чванства со стороны посетителей; большое богатство и грубое неве жество, притом невежество достаточно экзотического свойства, чтобы внушить отвращение. Я

вступил в цар ство, где единственным богом были деньги. Однако бог рублей оказался более расточительным, в большей степе ни мотом и менее суровым, чем бог долларов.

Самый ресторан сверкал огнями и цветами. Длинный высокий зал со всех сторон был обведен балконом. Вдоль балкона весело освещенные окна и раскрытые двери, ведущие в отдельные кабинеты, где укрытые от любо пытных взоров распущенные юнцы и развращенные ста рички сорили рублями и лили шампанское ради цыган ских песен и любви. Я неправ по отношению к моим любимым цыганам. Их мораль была лучше, чем боль шинства посетителей. Свое они хранили для себя. Прода жная любовь, на которую я намекаю, была австрийского, польского или еврейского происхождения.

Ресторан сам по себе представлял лабиринт малень ких столиков. Он был набит офицерами в дурно сшитой форме, русскими купцами с надушенными бородами, германскими коммивояжерами болезненной комплекции. И за каждым столом были женщины, на каждом столе шампанское, скверное шампанское по 25 шиллингов бу тылка. В конце зала находилась отгороженная эстрада, где оркестр в яркокрасных костюмах играл венский вальс с таким жаром, что заглушал хлопанье пробок, стук тарелок и под конец так гремел, что не слышно было разговора. А за маленьким пюпитром виднелось мефи стофельское лицо Кончика. Кончик, дирижер оркестра, Кончик, король всех ресторанных скрипачей, чех Кончик, так как по странному закону природы всякий дирижер в России — иностранец.

Когда я выпил свою первую рюмку водки и впервые отведал икры, как полагается, с теплым калачом, я по

нял, что нахожусь в новом мире, где первобытные черты и черты упадничества уживались рядом. Если бы перело мной явился призрак и предсказал бы, что я через семь лет буду снова находиться в этом зале, что я буду в одиночестве, оторван от всех своих друзей и окружен большевиками, что на месте, где теперь находился Кон чик, Троцкий будет в моем присутствии обличать союз ников, я презрительно бы рассмеялся. И, однако, в 1918 году по приглашению Троцкого я присутствовал здесь на первом заседании большевистского Центрального Исполнительного Комитета и впервые и единственный раз обменялся рукопожатием со Сталиным.

В этот момент, однако, все мое внимание было устре млено на Кончика. Шумные звуки вальса «Дунайские волны» смолкли. Из кабинета заказали «Я вам не го ворю» — романс, который когдато распевала Панина, величайшая цыганская певица. При жалобных минорных аккордах зал замер, а Кончик с глазами,

почти затеряв шимися на его полном лице, заставлял петь и рыдать свою скрипку, заключительные звуки ее были шепотом отчаяния и неудовлетворенной любви.

Бедный Кончик. Последний раз я видел его четыре года тому назад в Праге. Он играл в маленьком рестора не, посещаемом бездушными дипломатами и шумной чешской буржуазией. Его сбережения унесла революция. Последним его достоянием была его скрипка. Упомина ние о России вызвало слезы на его глазах.

В первую ночь свою в Москве, хотя я был сам себе хозяин, я принял похвальное решение (что делаю, увы, тщетно, при всякой перемене обстановки) и, правда, с естественной неохотой отправился спать в 11 часов. Москва мне очень понравилась. Чистый сверкающий снег, сухой треск мороза, звон колокольчиков и странная тишина покрытых снегом улиц заставляли биться мой пульс. Музыка Кончика дала мне новое ощущение, скры вая от меня отвратительные стороны моей новой жизни, которая подвергла мое здоровье и характер испытаниям. Чтобы быть строго правдивым, мой ранний уход из ресторана был вызван не всецело вновь приобретенным чувством долга. Не располагая никакими познаниями о России, я считал, что плотное одеяние будет необходимо для защиты от холода. Я поэтому надел толстое шерстя ное белье. Так как зимой обычная температура в русской комнате приближается к температуре турецкой бани, я

невыносимо страдал. После этого первого вечера я снял себя эту помеху и никогда больше к ней не прибегал ˚ Следующие три дня я провел в сутолоке развлечений Я даже не заглянул в консульство. Вместо этого я следо вал скромно по пятам делегации, завтракая то с одними то с другими представителями, посещал монастыри и бега, присутствовал на парадных спектаклях в театрах пожимая руки длиннобородым генералам и обмениваясь напыщенными комплиментами пофранцузски с женами московских купцов.

На третий день к этой веренице празднеств присоеди нился грандиозный обед, устроенный богачами Харито ненко, сахарными королями Москвы. Я опишу его под робнее, потому что он дает занятную картину довоенной Москвы, картину, которая больше не повторится.

Дом Харитоненко был огромный дворец, располо женный на другом берегу реки, как раз напротив Кремля.

Для встречи с британской делегацией были приглаше ны все власти, вся знать, все московские миллионеры, и, когда я прибыл, было тесно, словно на лестницах театра в очереди. Весь дом был сказочно убран цветами, достав ленными из Ниццы. Казалось, что

оркестры играли во всех передних.

Когда наконец я поднялся наверх, я затерялся в толпе людей, из коих не знал ни одного. Я сомневаюсь даже, поздоровался ли я с хозяином и хозяйкой. На длинных узких столах были расставлены водка и самые восхити тельные закуски, горячие и холодные, которые подава лись десятками служителей стоявшим гостям. Я выпил рюмку водки и отведал несколько незнакомых блюд. Они были превосходны. Один говоривший поанглийски рус ский сжалился над моим одиночеством, и я еще выпил и закусил. Давно уже прошел назначенный для обеда час, но никто, кажется, не беспокоился, и меня поразило то, что, может быть, в этой своеобразной стране обедают стоя. Я снова выпил водки и съел вторую порцию оленье го языка. Затем, когда мой аппетит был утолен, вдоль столов прошел лакей и вручил мне карточку с обозначе нием моего места за столом. Немного минут спустя огромная процессия потянулась в столовую. Я не хочу преувеличивать. Скажу по совести, я не в состоянии припомнить числа блюд или разнообразных сортов вин, подававшихся к ним. Но обед затянулся до одиннадцати часов и обременил бы желудок гиганта. Моими непос

редственными соседями были мисс Мекк, дочь железно дорожного магната, и флаглейтенант Каховский, рус ский морской офицер, прикомандированный к лорду Чарльзу Бересфорду.

Мисс фон Мекк превосходно говорила поанглийски, и под действием безыскусственной живой теплоты ее речи моя робость скоро растаяла. Не прошло и половины обеда, а она дала уже молниеносный обзор англорусских отношений, суммарное изложение особенностей англий ского и русского характера, общую характеристику всех находившихся в зале и детальный отчет о всех ее личных желаниях и стремлениях как осуществившихся, так и невыполненных.

Каховский казался расстроенным и не в своей тарелке. Во время обеда его вызвали из комнаты, и он более не возвращался. На следующий день я узнал, что он подо шел к телефону переговорить со своей любовницей,, же ной одного русского губернатора, проживавшей в С.Петербурге. Отношения их с некоторого времени испортились, и она с драматическим инстинктом выбра ла момент, чтобы сказать ему, что между ними вое кончено. Каховский тогда извлек револьвер и, держа еще телефонную трубку в руке, всадил себе пулю в лоб. Это было весьма печально, совсем порусски. Событие произ вело очень тяжелое впечатление на лорда Чарльза Бере сфорда и подало немного опасный пример молодому и необыкновенно

впечатлительному вицеконсулу.

Обед дотянули до конца и мы снова поднялись наверх в другой обширный зал, где была устроена сцена. Здесь более часа Гельцер, Мордкин и Балашова восхищали нас балетным дивертисментом, а Сибор, первый скрипач ор кестра Большого театра, играл нам ноктюрны Шопена.

Во что должен был обойтись такой вечер, мне неиз вестно. Для меня он закончился только к утру. После музыкального дивертисмента мы танцевали. Для меня это был эксперимент не из удачных, и странно, что русские тогда были плохие бальные танцоры. Крепко ухватившись за дружески расположенную мисс фон Мекк, я нанес еще раз визит в столовую, где шел непре рывный ужин. Здесь я застал сына хозяина дома, толсто щекого молодого человека, которому не было и двадцати лет, но который уже в этом возрасте выказывал признаки ожирения — доказательство привольной жизни. С кра ской на лице он сообщил нам, что, как только гости

разъедутся, мы отправимся послушать цыган и устроили маленький заговор, собрали еще до полдне ны родственно настроенных душ и в четыре часа утпа * тройках, частных тройках, запряженных великолепные арабскими лошадьми, пустились в длинный путь Стрельне, царству Марии Николаевны. *

Я представляю себе еще и сейчас эти тройки, стоящи перед домом: меховые полости кучеров, головы котопь!е кажутся маленькими в меховых шапках, выступающих и огромных складок шуб, подобных костюму Гаргантюа3 красивых лошадей, кусающих удила, под нами покрытая льдом река, сверкающая, словно серебряная нить при луне. Прямо перед нами призрачные кремлевские башни словно белые часовые, охраняющие звездный ночной стан.

Мы заняли свои места, по двое в каждых санях. Кучера гикнули на лошадей, и мы тронулись. Шесть добрых километров мы пронеслись с бешеной скоростью по пустынным улицам, по Тверской, мимо Брестского вокзала, мимо известного ресторана «Яр», прямо в Петровский парк. Мороз щипал щеки, у кучеров на боро дах выросли сосульки, и мы наконец остановились перед маленьким стеклянным зданием, носившим название «Стрел ьна».

Как во сне, я с остальной компанией прошел по пальмовому дворику, представляющему главную часть здания, в обширный кабинет с деревянными сосновыми стенами, где в открытой печи потрескивал огонек. Владе лец ресторана, потирая руки, поклонился. Главный рас порядитель поклонился, не потирая рук. Вереница служи телей в белых фартуках поклонилась еще ниже и

двину лась молчаливо исполнять свои разнообразные обязанно сти. В несколько секунд комнаты были подготовлены для великого ритуала. Мы, посетители, уселись за большим столом поближе к огню. Впереди нас было открытое пространство, а позади полукругом были расставлены кресла для цыган. Лакей подал шампанское, и тогда явилась Мария Николаевна в сопровождении восьми цы ган — четырех мужчин с гитарами и четырех девиц, гибких и стройных. Как мужчины, так и женщины были в тради ционных цыганских костюмах, мужчины в белых шелко вых русских рубашках и цветных брюках, девицы в цвет ных шелковых платьях и с красными шелковыми платка ми на головах.

Когда я впервые в эту ночь увидал Марию Николае вну, она была уже толстая, грузная женщина лет сорока. Бе лицо было в морщинах, а в широких серых глазах была задумчивая печаль. В состоянии покоя она казалась старой одинокой женщиной, но стоило ей заговорить, как моршины на лице разглаживались в улыбку, и можно было догадываться об огромном запасе энергии, кото рым она обладала. Циник, пожалуй, скажет, что жизнен ной ее задачей было привлекать глупых, преимуществен но богатых молодых людей, петь перед ними и застав лять их выпивать целые моря шампанского, пока их богатство или богатство их отцов не перейдет в ее кар ман. Здравый смысл, может, окажется на стороне циника, но ничего циничного в отношении к жизни у Марии Николаевны не было. Она была актрисой, в своем роде великой, вознаграждавшей полностью за те деньги, что получала, а доброта ее и щедрость по отношению к тем, кто были ее друзьями, исходили прямо от сердца.

В ту ночь я первый раз слышал ее пение, и память о густых низких нотах, составлявших секрет лучших цыган ских певиц, будет жить у меня до смерти. В эту ночь я выпил первую свою «чарочку» в ответ на ее пение. Для новичка это весьма тяжелое испытание. Большой бокал из под шампанского наполняется до краев. Цыганка ставит его на блюдо и, обратившись лицом к гостю, который должен будет выпить «чарочку», поет следующий куплет:

Как цветок душистый Выпьем мы за Рому,

А пока не выпьем, Не нальем другого.

Аромат разносит, Рому дорогого,

Так бокал пенистый Тост заздравный просит.

Последние четыре строчки с усиливающимся темпера ментом поет весь хор. Певица тогда подходит к гостю, которого она чествует, и протягивает ему блюдо. Он берет стакан, низко кланяется, выпрямляется, затем единым духом выпивает бокал и ставит его на блюдо вверх дном, чтобы показать, что не оставил ни капли.

Это интимный ритуал. Берется только христианское имя гостя, а так как у русских нет имени Роберт, Мария Николаевна окрестила меня Романом, его русским эквивалентом. Романом или Ромочкой я остался навсегда для своих русских друзей.

Искусство Марии Николаевны, однако, как я обнаружил, уже тогда относилось к более высокому уровню, чем гтежность увеселения, улержимо привлекательная, почти непреодолимая для славянской и кельтской рас. Много лучше всяких слов выражает она скрытые и подавленные желания человеческого рода. Она вызывает меланхолию полулирического, получувственного свойства. В ней часть от безграничного простора русской степи. Она крайняя противополо жность всему англосаксонскому. Она неудержимо раз рывает все препятствия. Она приводит человека к ростовщикам или доводит до преступления. Несомненно, это самая примитивная из всех форм музыки, в ее призыве (да простит мне дух Марии Николаевны это святотат ственное сравнение) есть чтото роднящее ее с негритян ским культом. Она в то же время весьма дорогая. Это она должна нести ответственность за главную массу моих долгов. Однако, будь у меня завтра тысячи и желание промотать эти деньги, то не найдется ни в Нью Йорке, ни в Париже, ни в Берлине, ни в Лондоне таких развлечений, которые я предпочел бы цыганским вечерам в «Стрельне» в Москве или в ВиллаРоде в С.Петер бурге. Это единственная форма развлечения, которая ни когда не надоедала и которая, если бы я поддался иску шению, никогда не перестала бы меня очаровывать.

Было бы глупо утверждать, что я сразу оценил цыган скую музыку с того первого вечера или, правильнее, с . того утра в «Стрельне». Не понимая ни слова порусски, я к по правде был немного ошеломлен.

Я не был настолько хорошо знаком со своими спутни ¥ ками, чтобы позволить им распустить вожжи моего кельтского темперамента, к тому же жара в комнате и сладкое шампанское вызвали головную боль. Поэтому я не тужил, когда в шесть часов утра компания распалась и мы разъехались по домам. Тут я понял врожденную хитрость ~™ челове*а. И в Петербурге, и в Москве места своего кГкнх УСТР0ИЛ Далеко 33 городом. Это ни для Уиˆ?

НЫХˆЛИ целей, а единственно SnISu?ˆLHa Й??.Устеть оправиться от последствий своего кутежа. В России не в ходу отрезвляющие средства. Зимний сухой, морозный воздух заменяет всякое лекарство. Пока я доехал до отеля, я был уже в состоянии повторить снова всю вечернюю программу.

Россия тех первых трех дней моей московской жизни сгинула навеки. Я не знаю, что произошло с мисс Мекк. В 1930 году ее отец, старик лет семидесяти, был расстрелян большевиками, как опасный контрреволюционер. Стар шая дочь живет сейчас в квартире из двух комнат без прислуги в Мюнхене. В 1930 году она приезжала в Анг лию, чтобы заявить протест против покупки английским правительством дома ее отца лорду Томсону, которого она принимала в России. Этот дом теперь является ме стопребыванием Британского посольства в Москве. Он сначала был конфискован большевиками, а затем продан правительству Ее Величества.

На другой день делегация, к своему собственному и всех других облегчению, выехала в Англию. Но им пред стояло еще одно приключение до выезда с русской терри тории. Когда поезд, который увозил их назад к умеренно здоровым условиям жизни, поздно вечером прибыл в Смоленск, на платформе поджидала делегация русского духовенства с местным епископом во главе. Они явились с хлебом и солью приветствовать английских епископов и обнаружили занавешенные окна в темных вагонах. Несчастные англичане спали, отдыхая от последствий десятидневных непрерывных празднеств. Русские, однако, проявляли настойчивость. Они мерзли изза желания увидеть английского епископа, и им хотелось видеть английского епископа хотя бы в ночной рубашке.

Наконец поездной кондуктор, боясь собственного ду ховенства больше, чем перспектив гнева иностранцев, разбудил Мориса Бэринга. Великий человек оказался на высоте положения, и развязка была скорой. Высунув голову из "окна, он обратился к духовенству на своем чистейшем русском:

«Идите с миром, — крикнул он, — епископы спят». И затем в качестве окончательного довода добавил довери тельно, но веско: «Они пьяны».

ГЛАВА ВТОРАЯ

Если экзотической пышности этих первых трех дней было достаточно, чтобы вскружить голову любому молодому человеку, то отъезд британской делегации ск0ро тоивелменя в нормальное состояние. Первый взгляд На британское консульство нанес сокрутлительныи УДа моим иллюзиям. Оно было расположено в квартире консула на жалкой боковой улочке и состояло из одной комнаты. Там не было ни курьера, ни швейцара. ДВери открывала прислуга консула, а в ее отсутствие я сам. Монгомери Гров был терпимым начальником, но был женат, имел троих детей, не обладал личными сред, ствами и, занимая связанный с большими расходами пост, получал позорно низкое жалованье. Он был беднее большинства членов местной британской колонии, кото рая преимущественно состояла из ланкаширцев, связан ных с хлопчатобумажной промышленностью. К счастью, работа оказалась не очень трудной. Каждое утро с десяти до часу я сидел в маленькой комнате, которая являлась канцелярией консульства. Единственная обстановка со стояла из двух письменных столов, библиотечного шка фа, сейфа, карты России и трех стульев. Если в комнате находилось больше одного посетителя, Монгомери Гров брал стул из своей гостиной. Я сидел спиной к своему начальнику, клеил марки и стучал на машинке. В течение первых недель я тратил почти все свое время на перевод экономических отчетов из местной немецкой газеты и снимал копии со стереотипной русской анкеты на продле ние «перми де сежур» (разрешение на пребывание), кото рая требовалась от всякого иностранца в России и кото рая выдавалась русским паспортным столом. У нас, ко нечно, не было делопроизводителя. Всю необходимую русскую переписку вел Монгомери Гров. Не прошло и 1 шести недель моего пребывания в консульстве, как тол ˆ стый русский купец сунул мне в руку чаевые в тот мо ˆ мент, когда я открывал ему входную дверь. Не желая его ш обижать, я положил в карман полученные от него двад цать копеек.

Я хорошо знаком с официальной жизнью в Малай ских штатах. Даже самый юный чиновник имеет там свою «прислугу» — клерков и одетых в форму курьеров. де7жипˆ В Р°скошных служебных помещениях и под мГп! СВОС Дˆияство. Окружающий их деловой тель °ˆгосится *ним с Уважением. В Москве представи ˆьˆипсяТˆСК°И ™пе?ш ЖИЛ в обстановке, которой меои j£L малаи,скии санитарный инспектор. Монго ри I ров, который в прошлом был блестящим и представительным офицером индусского кавалерийского пол ка, должен был остро переживать

свое положение. Он не мог принимать у себя богатых московских купцов, впро чем, он и не пытался делать это. Он выполнял свой долг не жалуясь, был столпом местной англиканской церкви и в общем искусно лавировал в бурных водах местных британских интересов и зависти.

Для меня самого абсолютная незначимость моего собственного положения являлась полезным уроком сми рения, и лишь только я оправился от первого удара, я примирился с ним и даже научился извлекать из него развлечения. Мне, разумеется, пришлось выехать из го стиницы. В те времена вицеконсул с жалованьем в разме ре трехсот фунтов в год не мог позволить себе жить в «Метрополе», и неделя, которую я там провел, обошлась мне дороже моего жалованья за первый месяц. Кроме того, для меня было важно научиться русскому языку. Дело в том, что изза отсутствия переводчика Монгомери Гров не мог уйти в отпуск до того, как я не овладею языком. Поэтому я переехал со всем своим имуществом в лоно русской семьи. Здесь, должен признаться, мне чрез вычайно повезло. Ежегодно около полдюжины англий ских офицеров приезжают в Москву для изучения русско го языка, чтобы сдать экзамены на переводчика. Идя навстречу их нуждам, некоторое число русских семейств специализировалось в преподавании русского языка. Большинство имело неопрятные квартиры людей средне го класса, где не приходилось особенно рассчитывать на комфорт или высокий культурный уровень. К счастью, для меня единственная семья, где имелась вакансия, были Эртели, и к Эртелям я, божьей милостью, отправился.

Госпожа Эртель, глава семьи, была вдовой Александ ра Эртеля, известного русского литератора и друга Тол стого. Она была полной маленькой женщиной лет пяти десяти, немного суетливая, но прирожденный преподава тель и очень интересовалась литературой и политикой. У нее была просторная квартира с прекрасной библиотекой на Воздвиженке. Моими сожителями были ее дочь, чер ноглазая темпераментная девушка, более похожая на итальянку, чем на русскую, племянница, высокая, краси вая, по типу англичанка, студентармянин Рубен Ивано вич (его фамилию я никак не мог запомнить) и чрезвы чайно старая дама, известная под именем «бабушка», очень молчаливая и появлявшаяся только за столом, в эту новую и скромную атмосферу я погрузился с mobm л у и *2_ 'м и умением приспосабливаться. За обыч1ММ311т>даˆмДˆ п надлежали мн *Eˆˆ^LSSˆS занятиям русским языком. Я SSSSˆSSSSS госпожой Эртель и ее дочерью « пол юумелым руководством делал быстрые успехи. Со сво^ГстСоны они относились ко мне, как к члену

семьи, и хотГя чувствовал иногда, что я им в тягость, мы ни разу не сказали друг другу резкого слова.

Это был приятный и полезный период моей русской жизни Еще задолго до того, как я овладел русским языком настолько, чтобы принимать участие в общем разговоре, я заподозрил, что Эртели резко настроены против царского режима и что их симпатии на стороне кадетов и социалистовреволюционеров. Когда мои зна ния русского улучшились (за четыре месяца я научился говорить довольно бегло), подозрение это подтверди лось, и сознание того, что я живу в антицаристской среде делало мою жизнь увлекательной, придало новый вкус моим занятиям по языку. Но, когда за вечерним чаем я был представлен женщине, муж которой был расстрелян во время революции 1905 года, я почти испугался. Я рассказал об этом эпизоде Монгомери Грову, который серьезно покачал головой и рекомендовал соблюдать I осторожность. Однако ничего неприятного со мной не приключилось во все время пребывания в этом обществе. Позднее я убедился в том, что вся московская интелли генция разделяет взгляды Эртелей.

И действительно, Эртели были типичными представи телями интеллигенции. Когда к десяти часам вечера соби рались они за столом вокруг самовара, то готовы были сидеть до глубокой ночи и обсуждать вопрос о том, как спасти мир при помощи революции. Но когда наступало утро действия, они крепко спали в своих кроватях. Все это было очень безвредно, безнадежно и очень порусски. ™^Ы"е В0ЙНа' и не извечная плохая организация ПеТ«Х СИЛ) Царь все еще сиДел бы на троне. Я русские доузьГГ^ непРавильного впечатления. Мои EtLS^™бЬ1ЛИ П°2 нава^нием революции. слу™кГк^ няпп„?.°РЫ "Ругались для специальных

В доме бывало много писателей — старые друзья покойного Эртеля. Молодые люди с пьесами для постановки и романами для издания. Художники, музыканты актеры и актрисы. Все они производили на меня большое впечатление, и я им поклонялся. У Эртелей я впервые встретился с госпожой Ольгой Книппер, вдовой Чехова и одной из лучших московских драматических актрис. С госпожой Эртель я впервые увидел чеховские пьесы в постановке Московского Художественного театра, этого строгого, торжественного театра, где аплодисменты за прещены и где в случае опоздания приходится пропу стить целый акт.

В этот период жизнь моя была раздвоена: одна поло вина — русская и неофициальная и другая — официаль ная и преимущественно английская. Предпочтение я от давал русской и неофициальной. Иногда я обедал в до мах у московских англичан. Реже я присутствовал на банкетах в германском консульстве. Я

нанес несколько официальных визитов моим коллегам по консульству и раз или два в неделю посещал Британский клуб в гости нице «Националы). Из русских богачей, с которыми я встречался во время пребывания в Москве британской делегации, я никого не видел. Скоро я обнаружил, что так называемого света в Москве не существует. Имелось незначительное число знати, которая держалась особ няком. Богатые купцы составляли особую группу. Интел лигенция была доступна, но только для тех, которые были введены в ее круги. Вне своих деловых отношений англичане и русские жили строго обособленно. Надо сказать, что многие местные англичане смотрели на русских, как на добродушных, но безнравственных ди карей, которых небезопасно вводить в свой домашний крут. Мне было забавно видеть госпожу Зимину — мо сковскую миллионершу — за завтраком и партией брид жа со своими тремя мужьями: двумя бывшими и одним настоящим. Это, несомненно, являлось признаком терпи мости, в то время выходящей за пределы западной циви лизации. Жены англичан в благочестивом ужасе воздева ли руки.

Мое знакомство с английской колонией нельзя счи тать очень удачным. Почти что первыми англичанами, которых я встретил, были братья Чарноки. Оба были ланкаширцами и связаны с хлопчатобумажной промыш • ленностью. В то время Гарри, младший брат, был дирек

тором большой хлопчатобумажной фабрики в Орехово Зуеве Владимирской губернии.

ОреховоЗуево являлось одним из наиболее беспокой ных промышленных центров, и там Чарнок в качестве противоядия водке и политической агитации ввел фут, бол. Организованная им заводская команда была в то время чемпионом Москвы.

Обо мне в кругах английской колонии ходили слухи, что я — блестящий футболист, вероятно, потому, что ме ня спутали с моим братом. Не справляясь о том, какой вид этой игры я практикую. — круглым или овальным мячом, Чарноки попросили меня вступить в состав «моро зовцев», как называлась их заводская команда. Несколькими часами позже я узнал, что в Москве имеется английская команда, в которой, ожидалось, я буду играть. Председа тель клуба сделал все, что в его силах, чтобы убедить меня изменить решение, но, давши Чарнокам слово играть у них, я не был склонен отказаться от него.

Вначале на меня немного сердились, но я никогда не пожалел о принятом решении. Позднее, когда я ближе познакомился с этими северянами, я понял, какие они прекрасные ребята. А Чарноки с тех пор сделались мои ми верными друзьями, и я всегда считал мой футбольный опыт с русским пролетариатом

самой ценной частью моего русского воспитания. Я боюсь, что опыт этот і принес мне больше пользы, чем моему клубу. С трудом я \ справлялся с порученным местом в команде. Несмотря на это, матчи были очень интересны и вызывали огром ный энтузиазм. В Орехове нам приходилось играть перед толпой в десятьпятнадцать тысяч человек. За исключе нием проигрышей иностранным командам, мы редко проигрывали. Разумеется, опыт Чарноков увенчался пол ным успехом. Если бы он был заимствован другими фабриками, то влияние его на характер русских рабочих оказалось бы очень значительным. В моей карьере рус ского футболиста имел место лишь один интересный эпизод. Это произошло в Москве, где наша заводская команда встретилась с германскими чемпионами. Из по буждений корректности русские футболисты предложили немцу быть рефери. Немцы были значительно сильнее наших игроков и использовали это свое преимущество для некорректной игры. В особенности один немец играл возмутительно грубо против молодого семнадцатилетне го английского студента, племянника Чарноков и блестя

щего футболиста, игравшего в нападении рядом со мной левым крайним. После того как немец сшиб его с ног в пятый или шестой раз, я разозлился и обругал его в выражениях, которые действительно никогда не употре бил бы в Англии. Рефери немедленно остановил меня. «Будьте поосторожнее, — обратился он ко мне на пре красном английском языке. — Я слышал, что вы сказали. Если вы еще раз позволите себе употребить такие выра жения, я вас удалю с поля». Выражения, которые я упо требил, не были так уж ужасны. Это было обращение к Всевышнему с просьбой поразить немца и отправить его в самые глубокие недра преисподней. Но в тот момент я все же содрогнулся. Как молния, мелькнули у меня перед глазами заголовки в английской прессе: «Британский вицеконсул удален с поля за сквернословие», и я тут же подло и пространно извинился. После игры я сообщил о своих опасениях судье.

— Если бы я знал, кто вы, — заметил он со сме хом, — я удалил бы вас с поля без предупреждения.

В течение этих месяцев подготовительной работы на мою жизнь влияло еще коечто. Это дружба с Джорджем Боуэном, молодым артиллеристом, который изучал рус ский язык за счет военного министерства. В общем, я был невысокого мнения о военных переводчиках. Однако Боуэн являлся исключением. Это был светловолосый ма ленький человек, очень серьезный и умный. Он обладал спокойным характером, который редко ему изменял. Мы очень подружились и, по крайней мере, раз в

неделю обедали вместе, причем во время этих обедов находили отдохновение от нашей работы, сопоставляя мнения о наших русских учителях. Он был прилежным работни ком, и, поскольку мы превратили наши обеды в своего рода гастрономическое соревнование в знании русского языка (кто первый спотыкался на какомнибудь слове в меню, тот платил за обед), эти обеды не наносили ущерба нашим русским занятиям.

В июне для нас обоих истек шестимесячный срок пребывания в Москве. В это время мы уже умели с известной беглостью изъясняться между собой на лома ном русском языке. С характерной скромностью мы не производили этих упражнений на улицах, а приберегали их для уединения парков и лесов. Мы жили очень скром но и лишь изредка позволяли себе выходить из рамок строгой экономии, которой научил меня Боуэн.

Однако случались и прорывы. В особенности ОДВо отступление от этого режима чуть ли не нанесло ему непоправимого удара. В июле мое начальство с семьей перебралось на дачу своеобразный летний домик за городом, куда отправляются все русские, за исключением самых бедных, чтобы избегнуть удушливой жары москов ского лета. И семья Эртелей выехала за город, оставив ме ня одного в квартире. Боуэн проводил отпуск на даче со своим русским семейством. Я был одинок и несчастен, Но непоколебим в своем новоявленном аскетизме. Однажды днем Боуэн вошел ко мне. Небо было цвета чернил. С юга приближалась гроза, и зной, растопивший асфальт, стал невыносимым. С красным лицом Джордж кинул свою шляпу на кровать и бросился в кресло.

— Я сыт по горло, — сказал он. — Это дачное существование разбило меня. Пятеро взрослых и трое детей в четырех расшатанных комнатушках. Стены как из бумаги. Клопы не дают спать. Целый день у меня в комнате рвет больную собаку. Василий Васильевич хра пит, а сегодня я застал Марию Петровну в момент, когда она шпилькой подбирала капусту с тарелки. Мне осто чертел пуританизм. Сегодня я хочу веселиться.

В этот момент разразилась гроза, и в течение трех четвертей часа, молнии плясали вокруг голубых и позо лоченных куполов Кремля. На затопленных улицах пре кратилось движение трамваев, и они стояли, похожие на к корабли со спущенными якорями. Гром сотрясал дом до } основания.

Мы заперли окна и, сняв пиджаки, лежали не двигаясь в креслах. Пот ручьями струился по лицу Джорджа. У меня болела голова. Мучительно прошел час. Неожидан но солнце выглянуло изза туч. Мы быстро открыли окна. Приятной прохладой повеяло из монастырского сада, расположенного напротив нашего дома.

Деревья, которые час назад были сухими и покрытыми пылью, окрасились в ярко зеленый цвет. На улицах возобнови лось обычное движение. Двинулись трамваи и вместе с ними и мы.

Мы наметили наш план действий. Джордж останется ночевать у меня. Мы пообедаем в «Эрмитаже». Потом ж^летьП1РаВИМСЯ В *AkbWm»« Решено расходов не

лисГkHm!Z !CwBUMH книжка*« в руках мы направи лись к Мюру и Мерилизу московскому Харродсу, и

предъявили наши чеки. Каждый был на 25 фунтов, что представляло для меня месячный заработок а для Джорджа и того больше. С волнением мы следили за выражением лица кассира. До сих пор мы никогда ее брали больше десяти фунтов. Он немедленно, без всяких колебании оплатил наши чеки. В те времена кредит бри танских чиновников был неограничен.

Счастливые и в самом легкомысленном виде мы от правились в прекрасный летний сад «Эрмитаж». В бассей не мы выбрали для себя стерлядь. Мы отобедали, как это обычно делают молодые люди, беспечно, нелепо пробуя все незнакомые русские блюда и запивая все это таким количеством водки и шампанского, которое вряд ли было полезно нам. Наша расточительность привлекла к нам внимание со стороны одетых в белое официантов, в то время как еврейскрипач Криш играл в нашу честь весь имеющийся у него английский репертуар. Обед продол жался очень долго, и мы закончили его парой хороших сигар и коньяком «Наполеон» по десять рублей стакан. Коньяк оказался неважным, конечно, Наполеон его ни когда не пил. Но глупцы должны учиться на опыте. На меня урок подействовал, и с этого дня коньяк «Напо леон» меня никогда больше не прельщал.

Настоящее приключение произошло несколько часов позже в «Аквариуме». Этот обширный увеселительный парк содержался негром по имени Томас — британским подданным, с которым консульство было не в ладах изза приглашения молодых английских девушек в ка честве шансонеток. В этом парке он содержал приличную оперетту, не менее приличную открытую сцену и значи тельно менее приличную веранду с кафешантан и неизбе жной анфиладой отдельных кабинетов для кутежей с цыганами.

Мы вошли в кафешантан довольно поздно, заняли лучшую ложу и уселись в ожидании того, что даже нам, в нашем приподнятом настроении показалось скучным. Быстрая смена на эстраде бесталанных танцоров и пев цов, которые показывались в течение нескольких минут, после чего кланялись, переодевались и присаживались к столикам, скоро нам надоел и даже «Макаронный чело век», который пил невероятное количество

шампанского в невероятно короткий срок, не сумел приподнять того мрачного настроения, которое начало быстро овладевать нами. Затем внезапно были притушены огни в зале. Ор

кестр заиграл английскую мелодию. Занавес поднялся на сцену вышла молодая англичанка, изумительно ' и

жая и прекрасная. Она спела и протанцевала свой Вомеп Публика приняла ее горячо. То же сделали двое молод,,,!! сразу посвежевших джентльменов. Голос у нее б», резкий и грубый. Произношение самое простонародное

п^чнрпи пи IIVUIIIP ЯНГ ПИЧЯ НПКТЙНПЛПШип . '

но она танцевала лучше англичаноктанцовщиц, которых видела Москва. Мы подозвали старшего официанта. По требовали чернил и бумаги и после стыдливого paj. думья — для нас обоих это являлось первым опытом послали ей совместную записку, приглашая ее присоеди ниться к нам. Она пришла. Вне сцены она показалась нам менее прекрасной. Певица оказалась ни остроумной, ни развратной. На сцене она работала с 14 лет и принимала жизнь философски. Но она была англичанка, и история се жизни взволновала нас. Я полагаю, что наши застенчи вость и неловкость ее забавляли.

Нам не удалось без помехи продлить нашу беседу. Официант принес записку и передал ее нашей гостье. Она прочла ее, просила извинить ее и вышла. За дверью мы услышали громкий разговор — преобладал мужской го лос. Затем послышались звуки борьбы и заключительно го «пропади ты». Дверь открылась и захлопнулась с силой, и с красным лицом к нам вернулась наша ланка ширская леди. «Что случилось?» — «Да пустяки. Тут один жокейангличанин, шальной парень, всегда пьяный, который превратил мою жизнь в ад». Мы выразили ей сочувствие, заказали еще шампанского, и в пять минут инцидент был забыт.

Но ненадолго мы забыли о нем. Через час дверь вновь открылась. На этот раз появился сам Томас в сопрово ждении городового. За дверью стояла толпа лакеев и служанок с испуганными лицами. Негр почесывал заты лок. Произошел несчастный случай. Идите, мисс. Жокей застрелился.

Сразу протрезвев мы заплатили по счету и последова ли за девушкой в неопрятные меблированные комнаты, где произошла трагедия. Мы приготовились к худшему — скандал, возможное бесчестие и наше вероятное прив лечение в качестве свидетелей. Для нас обоих дело пред ставлялось чрезвычайно серьезным. При этих обстоя тельствах самым лучшим было довериться Томасу. Он посмеялся над нашими страхами.

— Я все устрою, мистер Локкарт, — сказал он, — не

беспокойтесь, полиция вас не потревожит, так же как и мисс.

Они привыкли к таким трагедиям, а эта уже давно назревала.

Он был прав. Верно по отношению к тому, кто не был политически подозрителен, а тем более к тому, кто зани мал официальный пост, русская полиция проявляла чрез вычайную предупредительность, обычно подкрепляемую взятками. Однако должно было пройти несколько дней, прежде чем наши страхи рассеялись. На следующее или, вернее, в то же утро я проснулся с мрачными предчувст виями и слышал, как Джордж Боуэн, плескаясь в ванной, взывал к небу и спрашивал, кто тот безумец, который сказал: «Радость приходит вместе с утром».

В лето 1912 года мне посчастливилось дважды увидеть царя — случай редкий для Москвы, так как царь всея Ру си редко посещал прежнюю столицу. С этим городом у не го связано слишком много трагических воспоминаний, а ужасы Ходынки, когда во время празднеств, связанных с его восшествием на престол, были раздавлены тысячи кресть ян, еще свежи в его памяти. К тому же Москва в качест ве центра радикализма является для императрицы прокля тым местом. В первый раз царь приехал, чтобы открыть памятник своему отцу, императору Александру Щ. Это была строго официальная церемония, на которой присутствовала лишь знать, военные и гражданские вла сти и ограниченное число купцов. Это посещение царя запечатлелось у меня в памяти по двум причинам. Во первых, потому, что за несколько недель до этого мо сковская полиция надоедала нам и всему консульскому корпусу идиотскими вопросами относительно политиче ской благонадежности наших граждан, живущих побли зости от маршрута следования царя, и вовторых, пото му, что, следуя через Кремль, царь остановился на том месте, где был убит великий князь Сергей, преклонил колени на булыжной мостовой, прочел молитву. Интерес но было бы узнать, о чем думал этот последний из тех, кому можно было бы позавидовать — коленопреклонен ный монарх, находясь на том самом месте, которое было обагрено кровью его брата. Борис Савинков, организо вавший убийство великого князя, был тогда в изгнании. Он вернулся в 1917 году и стал военным министром правительства Керенского, с тем чтобы еще раз уйти в изгнание при приходе к власти большевиков. Еще раз он вернулся для выполнения рокового и до сих пор нерас

крытого задания, когда попытал счастья с нынешним* повителями России только для того, чтобы быть выбрТ. SbiM или выброситься из кремлевского окна рядом с ™м местом где великий князь подвергся своей участи.

Второй приезд царя имел место по случаю столетия Бородинского боя и освобождения России от наполео новского

ига. На этот раз торжества носили националь ный характер, и на меня значительное впечатление произ вели верноподданнические демонстрации. Никогда я не видел лучших военных частей, чем казацкие, составляв шие личную охрану царя. Вполне простительно, что д0. военные иностранные атташе переоценивали военную мощь России. Между тем, настоящим символом русской силы была слабая бородатая фигурка со странным за думчивым взглядом, ехавшая верхом во главе своих войск, слабые плечи которой, казалось, были неспособны выдержать облекавшее их, как саван, бремя самодержа вия. Даже в те дни, когда в умах большинства революция была еще далека, царь внушал больше жалости и симпа тии, чем восторга. Царский визит был испытанием, кото рое в любую минуту могло превратиться в трагедию; что касается Москвы, каждый вздыхал с облегчением, когда царский поезд покидал город.

Когда пришла осень, я приобрел нового друга, кото рый должен был оказать мне ряд услуг в период моего московского ученичества. Это был Михаил Ликиардопу ло, талантливый секретарь Московского Художественно го театра. «Лики» был странным, любящим существом. На одну треть грек, на одну треть русский и на одну треть англичанин. Его секретарские обязанности давали ему твердое жалованье. Его настоящей работой в жизни бы ли переводы. Он обладал литературным чутьем, прекрас ным русским прозаическим стилем и совершенно изуми тельным знанием в совершенстве восьми или девяти ев ропейских языков. Он знал большинство крупных евро пейских писателей и перевел лучшие их произведения на русский язык. Через него я впервые встретился с Г. Уэллсом, Робертом Россом, Литтоном Строги, Гре нуилем Баркером, Гордоном Крейгом, не говоря о мно гочисленных почитателях литературы, приезжавших в Москву на поклон храму русского искусства. В свободное время он работал в одной из передовых московских газет в качестве балетного критика. Он знал всех в литератур ном, артистическом и театральном мире Москвы, и бла

годаря ему передо мной открылись двери, которые иначе остались бы для меня закрытыми.

Бедный «Лики». Во время войны он заведовал под моим наблюдением нашим отделом пропаганды, и заведо вал очень хорошо. Его темперамент был слишком непо стоянен, чтобы придавать какуюлибо ценность его поли тическим суждениям. Русское поражение так его угнетало, что он был близок к самоубийству. Самая незначительная победа бросала его в другую крайность. К концу 1915 года, убедившись в окончательном поражении России, он совер шил чрезвычайно рискованную

поездку в Германию по нашему заданию, путешествуя в качестве греческого тор говца табаком и привез оттуда массу ценных сведений и новый оптимизм. Революция окончательно разрушила все его чаяния, и еще до большевистского переворота он бежал в Стокгольм, а оттуда в Англию. Как и многие русские либералы, он сделался ярым реакционером и потратил много энергии на антисемитские статьи для английской прессы. Он был прирожденным журналистом, живущим только сегодняшним днем, но благородство характера и доброта по отношению к друзьям были исключительны, и из всех моих русских друзей я больше всего жалею о нем. Он умер в Лондоне в 1924 году.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

К концу первого года моего пребывания в России я вернулся в Англию, чтобы жениться. Оглядываясь назад на это событие, с точки зрения человека средних лет, разочарованного и утратившего иллюзии, я нахожу свое поведение в высшей степени достойным порицания. Я не обладал ни деньгами, ни положением, и мои перспективы не шли дальше унылой и бесплодной карьеры на наихуд ше оплачиваемой в мире службе. Моя жена была австра лийкой по фамилии Турнер. Ее дедушка был в свое время самым богатым человеком в Квинсленде. После смерти отца на них обрушился ряд насчастий, и мать могла давать ей на жизнь не больше стадвухсот фунтов в год. Сама жена моя была хрупкого здоровья и воспитывалась в Англии и Швейцарии. Все ее друзья были богатые или зажиточные люди. Сама она привыкла к роскоши в жи зни. Просить девушку, которая воспитывалась в таком

—«vrooo* іс тому же шел лишь двадцать первый г0л ˆлелитьТмиой жизнь в бедности, да еще в придачу* ˆˆлутхивилизованном городе, как Москва, был* ˆгпˆничной дерзостью. Нужно отдать справедливость еТстлˆтв: она очень быстро приспособилась к жизни, \ второй были связаны многие лишения. Мои брак бь,л сделай выгоды от которой были только на Моей

СТ°Чтоепредставлял я собой в то время? Молодой чело век 25 лет широкоплечий, горбоносый, с поджарой кооенастой фигурой и смешной походкой. Характер мо лодого человека представлял собой любопытную смесь локкартовской осторожности и аскетизма с макгрегоров ской беспечностью и снисхождением к себе. До сих пор Макгрегоры одерживали верх над Локкартами, и, быть может, его основной ошибкой являлась общая всем кель там тенденция — смешивать беспутство с романтизмом. Такие достоинства, как обладание хорошей памятью, способность к языкам и большая работоспособность, в значительной степени ослаблялись ленивой терпи мостью, которая всегда ищет легчайший выход из за труднения, и роковой склонностью жертвовать будущим во имя дешевых аплодисментов настоящего. Короче, не привлекательный и неоформившийся молодой человек, чье самомнение носило почти болезненный характер. Если бы ктонибудь сказал ему, что через пять лет в к критический момент истории его страны он будет главой щ важной Британской миссии, то бы улыбнулся, склонил ж голову набок и скромно покраснел.

ш3 Таким я был в конце 1912 года. Однако с заключением брака моя жизнь изменилась, и я сделал серьезные усилия вести себя в соответствии с требованиями моего нового положения. Результат оказался самым благоприятным. Моя ночная жизнь была брошена и заменена кругом скучных светских обязанностей. Сношения с британской колонией стали обязательными, и, поскольку нас прини мали, мы в свою очередь стали принимать. Я с новым рвением принялся за работу. Я продолжал занятия рус ским языком; пока моя жена не изучила языка, мне приходилось смотреть за нашей маленькой квартирой, давать распоряжения прислуге и надзирать за хозяйст вом. Я читал вдвое больше, чем когда был холостяком. Мое знание русского языка было терпимым, и, таким образом, передо мной открылось все богатство русской

литературы... Вместе с тем я начал пописывать в англий ских газетах не столько из внутренней потребности сколько изза нужды. Гонорары нужны были как допол нительный источник скромных доходов, которыми мы располагали, и после небольшой практики я пришел к выводу, что они не так трудно даются. Я переписал и продал рассказы, написанные мной на Малакке Я стал почти регулярным сотрудником «Манчестер гардиан» и «Морнинг пост»; обе эти газеты интересовались тогда очерками о русской жизни; кроме того, я пристроил несколько более серьезных статей и рассказов на страни цах многочисленных британских журналов, процветав ших в те времена. Эти литературные труды я печатал под псевдонимом (в і о время дипломатам и консулам запре щалось писать), и за первый же год моей работы в качестве журналиста заработал около 200 фунтов. К тому моменту, когда война прекратила мою литературную деятельность, я имел постоянный заработок в размере 25—30 фунтов в месяц.

Мой брак не помешал дружбе с русскими. Напротив он укрепил ее. «Лики» был в нашей квартире постоянные гостем и платил за наше гостеприимство тем, что привел нас в соприкосновение с широким кругом своих литера турных и артистических знакомых. Через полтора года после моего приезда в Москву я знал большинство передовых московских интеллигентов.

Этот контакт, требующий постоянных разговоров на политические темы, возбудил во мне интерес к международ ным делам. Через Чарноков и других англичан, связанных с хлопчатобумажной промышленностью, я мог ощущать биение пульса промышленной жизни. Для того чтобы стать настоящим работником контрразведки, оставалось завое вать лишь знать,

купечество. С Британским посольством в С.Петербурге мы фактически в сношениях не состояли. Германский генеральный консул встречается со своим по слом раз в месяц. Французский генеральный консул может рассчитывать закончить свою карьеру посланником. Но между обоими британскими службами имеется негпюходи мая пропасть, через которую до сего дня еще не переброшен мост. Политические отчеты из Москвы не поощрялись. Запросы по коммерческим делам определенно отвергались. В архивах Московского консульства имеется или имелось письмо от некоего британского посла, которое мы вытаски вали в веселые минуты. Письмо это гласило следующее.

1ˆ , . . Прошу запомнить, что я здСС1

ш%£тДетого, чтобы Вы беспокоили меня вопросами' <тн23ˆˆ В МоскОВСКОМ конˆьс1Ве

g. Не?Х5етом беспокойства не только со сторон,,, зˆдаˆонсульских чиновников. На него обращав вниманГс посетителиангличане, которые сразу замечали, !то из всех великих держав лишь Великобритания „e filma ггоедставлена в Москве генеральным консульством. Они обычно высказывали свое возмущение возврата, лись в Англию, но ничего не предпринимали. Было толь ко одно исключение. Однажды в зимний вечер 1913 года, Гмомент когда я был в консульстве один, раздался звонок Я соскочил и впустил пожилого, хорошо одетого бородатого господина, который протянул мне свою ви зитную карточку. Его фамилия была Теннант, и, хотя я в то время этого не знал, он оказался родственником го сподина Асквита, тогдашнего премьера. Я пригласил его в нашу мрачную маленькую комнату.

Могу я видеть консула или вицеконсула? — спро сил он. _

Консул вышел, — ответил я. — Перед вами вицеконсул.

Он тяжело дышал. Подъем по лестнице на третий этаж, повидимому, его утомил.

— И это все Британское консульство? — спросил он наконец.

Я ответил утвердительно. Его глаза сверкнули. Затем с ворчанием он заметил:

— Скорее похоже на ватерклозет, чем на кон сульство.

Он пригласил меня позавтракать с ним на следующий день. За завтраком он задал мне ряд вопросов на ту же тему. Он ничего не обещал, но после его отъезда у меня было такое ощущение, что на этот раз последукп перемены.

Однако недели превратились в месяцы, и постепенно стала угасать надежда. Когда наступило лето, мы сняли вместе с Гровами дачу — обширный деревянный дом в Косино, рядом с озером, на котором имелись гребные лодки и где можно было

ловить щук и окуней. Этот рискованный эксперимент начался с трагедии. Моя жена приобрела себе игрушку — породистого французского бульдога Пипо, которого впоследствии нарисовал Коровин. Разумеется, она взяла его с собой на дачу. Хотя на городской квартире он вел себя безукоризненно, его первая ночь на даче оказалась сплошным несчастием Повиди мому, поездка в поезде вредно подействовала на его здоро вье, и во время обеда он настолько забылся, что испортил новый ковер в столовой ~ последнее приобретение семейст ва Гров. Мужчины в этих случаях беспомощны, и в продол жение всего обеда Гров и я не поднимали глаз от тарелок. Несмотря на это неприятное начало наша совместная жизнь на даче обернулась лучше, чем это можно было ожидать. Утром гнев госпожи Гров прошел. Со слезами на глазах жена попросила прощения за свою собаку. Сам Пипо щедро рассыпался в извинениях. И Пипо остался.

С Пипо мы имели еще одно приключение, которое могло для него окончиться трагически, а для нас оказа лось связанным с неприятными последствиями. Рядом с озером находится «святое» озеро, в котором купались, надеясь исцелиться, многочисленные паломники. Одна жды вечером жена, прогуливаясь, прошла мимо озера и с ественным чувством скромности обратилась в бегст во от массы голых тел, ищущих помощи в этих водах. Однако Пипо, будучи животным с сильно развитым стад ным чувством, в одно мгновение очутился среди палом ников, дико плескаясь в воде. Над озером поднялся крик. В первую минуту жена подумала, что паломники играют с собакой и спокойно продолжала свой путь. Крик, одна ко, перешел в сердитый гул, и собака с визгом выбежала на тропинку, преследуемая двумя десятками голых фи гур. Жена подобрала юбки и побежала. К счасгью, дача была рядом. Опятьтаки по счастливой случайности я оказался дома. В течение пяти минут я уговаривал со бравшихся у ворот голых людей, и в конце концов мои аргументы, подкрепленные серебряными рублями, оказа ли действие. Еще больше рублей пришлось потратить на оплату священника, который должен был совершить над озером обряд очищения. В общем, приключение оказа лось более накладным, чем забавным. Вначале я опасал ся, что оскорбленные купальщики выместят свою злобу на собаке; в течение нескольких дней Пипо держали на привязи. Но здесь я оказался несправедливым по отноше нию к русским. Заключив мир, они не затаили злобы, и, хотя ничто впоследствии не могло заставить собаку по дойти к озеру ближе, чем на сто саженей, если бы она это и сделала, то ей не угрожала бы опасность.

Той года спустя отсутствие денег заставило нас 11Пл дать

собаку. Какой в конечном счете оказалась ее Сул?" ба не знаю. Она была аристократкой и потому, ВероятНо, ненавидела революцию. Я боюсь, что по пример дога Максима Горького она была съедена голодающ,ˆ населением.

В это лето Москву посетил сэр Генри Уильсон. Вместе с ним и полковником Ноксом, нашим военным атташе я обедал в «Эрмитаже». Даже в эти дни сэр Генри ПОл„ ностью сознавал опасности европейской ситуации и суммировал со свойственной ему широтой взглядов все воз можности. Определяя относительную силу европейских держав, он проанализировал все мельчайшие детали. По его мнению, французская армия была равна германской Если бы случилась война, то русская армия должна была бы явиться той гирей, которая склонила бы весы в пользу Франции. Сэр Генри оказался не единственным экспертом, чей прогноз был опровергнут в процессе бури, раз разившейся в 1914 году.

В начале июля визит Теннанта дал наконец о себе знать. Это произвело впечатление разорвавшейся бомбы, как говорят, на Флитстрит. Московское консульство воз водилось в ранг генерального консульства и значительно увеличивались кредиты, отпущенные на его содержание. Гров получал перевод в Варшаву, а на его место назна чался Чарльз Клайв Бейли, бывший консул Её Величест ва в НьюЙорке и потомок славного в истории Индии рода. Я пролил сочувственные слезы по поводу отъезда Гровов (они были очень милы с нами) и с новыми надеждами и помыслами приготовился приветствовать своего нового начальника.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Чарльзу К. Бэйли (Чарльз Клайв Бейли, генеральный консул Великобритании в Москве. (Прим. ред.)) шел тогда 52й год. Это был крупный пдетущий мужчина с мешками под глазами. Глаза его умели и лукаво подмигивать, и гневно свер кать. Оставшиеся волосы были светлые. Его туловище было, казалось, слишком тяжело для его ног, и, когда он кашлял или смеялся, жилы вздувались на его лбу. Так как он постоянно смеялся по поводу рассказываемых им самим историй, а их у него было неиссякаемое множество (за два года он при мне не повторил ни одной), то я все время ждал, что его хватит удар. Он носил монокль и был проникнут сознанием собственной значимости.

Он не говорил ни пофранцузски, ни понемецки. Но, около десяти лет прослужив под начальством сэра Тома са Сандерсона в НьюЙорке, он отлично был знаком со всем тем, что относится к деятельности консульского учреждения. В нем сочеталось то, что американцы назы вают балагурством с достоинством, никто не мог себе позволить вольности с ним.

Еще важнее было то, что он был человек состоятель ный и не жалел собственных денег для поддержания своего престижа генерального консула. Он нанял себе большую квартиру на самой фешенебельной улице Моск вы и снял вблизи ее на первом этаже нового дома соот ветственное помещение для генерального консульства. Он нанял опытного письмоводителя, двух машинисток и 4 в качестве комиссионера Александра Нечаева, в прошлом чиновника русской гражданской службы, которому были ' хорошо знакомы как легальные, так и нелегальные пути проникновения через канцелярский формализм русской бюрократии. Мы обрели новый престиж как в глазах русских, так и наших коллег. Об этом заботился и Алек сандр. Он пожаловал Бейли титулом превосходительст ва, и не прошло и месяца со дня приезда последнего, как военные и гражданские власти в Москве знали, благодаря стараниям преданного Александра, что новый британ ский генеральный консул был человеком, которому бла говолили. Но иногда Александр слишком увлекался, и однажды, когда его поймали на том, что он пользуется консульской печатью для собственных нужд, Бейли вы шел из себя. Потребовался весь мой такт и мое заступни чество, чтобы старый мошенник не был немедленно уво лен. В конце концов Бейли должен был согласиться со мной, что нельзя гак легко рассчитывать человека, кото рый может раздобыть визу во внеслужебное время или спальное место на С.Петербург, когда

все билеты за несколько дней вперед распроданы.

На службе и вне ее Бейли делал все возможное, чтоы сыграть ту роль, которую для него наметил Александр. Он всю жизнь прожил хорошо и умел принимать гостей.

В этом ему помогала его жена, урожденная Рикардо. ЭТо была милая маленькая женщина, очень застенчивая, ти пичная англичанка, но очень гостеприимная и всегда готовая сделать все, что в ее силах, в интересах ее муЖа Русские приходили и наматывали себе все на ус. Они кушали обеды Бейли. Очень любили беилевские коктей ли которые они впервые ввели в Москве. Они готовы были принять его за то, за что его выдавал Александр, ц на меня падал отблеск нового великолепия. На службе Бейли заставлял меня много работать. Не зная языка, он во многом зависел от моей информации. С другой сторо ны, он научил меня, как нужно управлять канцелярией, как нужно обращаться с людьми разных положений и как действовать лаской или угрозой на те или иные отделы нашего Министерства иностранных дел. Обычно он гово рил: «Если вы не можете чеголибо добиться любе зростью, действуйте грубостью». Он следовал принципу м разводить китайских церемоний и в случае необходимости делал неприятности как посольству, так и министерству. К моему удивлению, такой образ действий лишь укреплял его авторитет. Его акции поднимались. Он отправился в С.Петербург повидаться с послом и возвратился с полномочиями совершить инспекторскую поездку по остальным консульствам в России. Несмотря на желчный характер (в молодости он перенес на Золо том берегу желтуху), он оказался прекрасным начальни ком, и ему я обязан всеми теми достижениями, которыми я обладал в качестве консульского чиновника. Вне служ бы он был мне, как отец родной, и я с ним никогда не расставался. В его доме я встречал массу людей, которых я бы никогда не узнал и дружба с которыми оказала мне неоценимые услуги во время войны. Под руководством Бейли я превратился из застенчивого и малосведущего . юноши в самоуверенного и квалифицированного admini | стратора.

Весной 1914 года, в то время, когда я исполнял обя занности генерального консула, заменяя уехавшего в слу жебную командировку Бейли, со мной приключился ин тересный случай. В субботу вечером мне позвонил по телефону пристав Тверской части. Двое англичан — мор ской врач и унтерофицер — оказались арестованными за кражу в магазине. Пристав, человек с круглой головой, угреватым лицом и усами, подстриженными по военному, был любезен, но упрям. Обоих посадили за

решетку. Они были пойманы с поличным Когла « т» ехал к

нему, он пил чай и как будто не очень обрадовали мне. Однако по моей просьбе он послал за щх>тс£Е£? Согласно собственным показаниям, арестова^ыГво^ решались из Китая, куда были командированы в Ан~ глию через Сибирь. Во время остановки в Москве он« отправились в магазин, выбрали несколько новых плат ков, дветри пары носков, деревянный кустарный пошей гар и положили все это в карман. Как раз в тот момент когда они собирались заплатить, сыщик, дежуривший в магазине, схватил их. Это было вполне правдоподобно Однако показания сыщика и вызванного для производст ва ареста городового были чрезвычайно неблагоприятны Сыщик клялся, что своими глазами видел, как унтере офицер отправил к себе в карман портсигар жестом профессионального карманника.

Единственным для них благоприятным обстоятельст вом было то, что в момент ареста они имели при себе 80 фунтов, в то время как стоимость якобы украденного ими не превышала трех фунтов. Я красноречиво использовал это несоответствие и указал также, что здесь, быть мо жет, произошло недоразумение, вытекающее из незнания языка.

Мое красноречие пропало даром. Пристав снисходи тельно улыбнулся.

— Вы выполняете ваш долг, господин консул, я — свой. Это скверное дело, — сказал он.

Мне не оставалось ничего другого, как ретироваться. В этот момент в комнату ворвался красивый юноша.

— Отец, — крикнул он возбужденно, — мы выигр Затем он увидел меня, смущенно остановился, зат

бросился ко мне и горячо пожал руку.

— Господин Локкарт, Вы помните меня, — ск он, — я играл против Вас в прошлом году. Я сре, полузащитник «Униона».

Лицо его просияло. Затем он обратился к отцу:

— Папа, это господин Локкарт, который играл с морозовцами — лучшей командой в России. Он должен выпить с нами чаю.

Пристав нахмурился, затем улыбнулся.

— Простите меня, — сказал он, — за делами я поза был про чай.

Он позвонил, велел принести несколько стаканов чаю, водки, и мы, усевшись и чокнувшись, выслушали, как

мальчик описывает матч. Пристав слушал в молчаливом восторге. Очевидно, он страстно любил сына. Я то*? силе/ надеясь на неожиданную развязку моего деда ЗагОНчив свой рассказ, мальчик повернулся ко мне и

СПрОС*А что Вы здесь делаете, господин Локкарт? Отец покраснел.

— Господин Локкарт беседует со мной по официаль ному делу, а ты ступай.

После ухода юноши воцарилось молчание. Затем при став откашлялся и сказал:

— Господин консул, я обдумал этот случай. Я убе жден что Вы правы и что британский морской врач с 50 фунтами в кармане не будет красть платков. Самое не приятное в этом деле то, что предметы были найдены у них в карманах. Бати бы только они находились в карма не унтерофицера, а доктора мы бы вызвали как свидете ля, дело значительно упростилось бы.

Он почесал свою лысую голову. Затем позвонил.

— Пришлите мне городового, который составлял протокол по делу англичан.

Появился городовой, крепкий птхютодушный парень, с сознанием того, что он хорошо выполнил свое дело, и ожидающий похвалы.

Вы составляли этот протокол? — спросил пристав.

Так точно.

Краденое Вы нашли в карманах обоих?

Так точно.

Ты в этом уверен?

Так точно, — ответил городовой.

Подумай еще раз, — прорычал пристав громовым голосом. Городовой вздрогнул, но дал тот же ответ. Даже для русского он был не слишком сообразителен.

Пристав возобновил атаку.

— Ты думаешь, что морской врач, офицер английско го флота может украсть пару платков?

Городовой потянул носом.

Так точно, то есть никак нет, — пробормотал городовой.

Дурак, — проворчал пристав, — что ты хочешь сказать? Ты хочешь сказать, что нашел все предметы в кармане унтерофицера и ничего в карманах врача.

Это было сказано очень медленно и непринужденно,

причем каждое слово подчеркивалось ударом штомл* линейки по столу. F"eo"

На этот раз городовой понял.

— Так точно, — хрипло пробормотал он. Пристав порвал протокол.

— Скорей составь новый протокол, и чтобы я больше не ловил тебя на небрежности.

Он повернулся ко мне и засмеялся.

— Это все, что я могу сделать — сказал он, — дело будет передано суду. Предупреждаю Вас, предстоят труд ности с

сыщиком, у которого упрямая башка и который получает проценты за поимку воров. Во всяком случае, сейчас имеется свидетель защиты. Остальное зависит от Вас. Врача я могу сейчас же отпустить.

Футбол имеет свою пользу. Я его горячо поблагода рил, попросил прислать врача мне на квартиру и бросил ся искать Александра Виленкина, юрисконсульта гене рального консульства.

Празднование 300-летия Дома Романовых в Москве 25.5.1913 г.

В тот же вечер мы разработали план действий. Врач объяснил, что они намеревались заплатить, и Виленкин, который знал Англию почти так же хорошо, как Россию, ясно увидел, какой линии ему следует держаться. Показа ния врача имеют значение, но в качестве основного свиде теля защиты должен выступить я. Таков был намеченный Виленкиным план кампании.

Я сначала возражал. Весьма сомнительно, удобно британскому консульскому чиновнику выступать в так деле. Во всяком случае, я не видел, в чем может в зиться моя помощь.

— Предоставьте это мне, мой дорррогой Лок карт,—сказал Виленкин своим еврейским акцентом. Я так и сделал.

Виленкин происходил из богатой еврейской семьи и славился тем, что лучше всех в Москве одевался. В деле зашиты двух англичан вопрос об одежде играл не послед нюю роль.

Во вторник мы все явились к судье. Виленкин и я надели по этому случаю черные визитки, полосатые брю ки, монокли и цилиндры. Наше появление произвело

сенсацию.

Слушание дела началось скверно. Показания сыщика возымели действие. Унтерофицер, грязный, небритый после трех дней тюрьмы, произвел неблагоприятное впе чатление. Однако речь Виленкина оказалась шедевром.

Он сгооил свою защиту на том, что задержанные имели ппи сХ крупную сумму денег, он подчеркнул все непра. вдопадобиРеУ тХ, что два столь замечательных члена мооских сил Ее Величества рискнули бы своей карьерой ££да нескольких носовых платков и пары носков. Всем Stho что англичане чистоплотны. Они моются. Они почитают чистое белье. Что удивительного в том, чт они решили использовать остановку в Москве и позволили тебе роскошь ванны и чистого носового плат ка Сьпцик перестарался. Дело имеет глубокое политиче ское значение. Англия и Россия теперь друзья — почти союзники. В один прекрасный день, — как скоро, никто не знает _ 0ни, возможно, будут сражаться бок о бок. Взвесил ли судья то тяжелое впечатление, которое произ ведет несправедливое решение на нынешнее благоприят ное состояние англорусских отношений. Другие страны, другие нравы. И в качестве доказательства того, что английские обычаи непохожи на русские, он пригласил в суд очень занятого человека — и. о. британского гене рального консула.

Я вышел вперед со всем достоинством, на которое был способен и принес присягу.

— Обычное ли это в Англии явление, что порядочные люди заходят в магазин, выбирают на прилавке товары, кладут в карман выбранное и лишь после этого произ Щ. водят расчет? — задал вопрос Виленкин.

% Да

Щ — Случалось ли Вам поступать также?

1*. — Да, — ответил я, не сморгнув.

Унтерофицер покинул суд с незапятнанной репута цией. Но в этот вечер все газеты вышли со следующим заголовком: «Британский генеральный консул присягнул, что в Англии покупатели кладут товары в карман рань ше, чем заплатят за них».

Однако моя репутация пережила этот сарказм. Я не много узнал свою Москву.

Для Виленкина это не являлось трудным достиже нием. Считавшийся всеми щеголем в мирное время, он во время войны показал себя иудейским львом. И действи тельно он был самым храбрым евреем, какого я когда либо видел. Он был одним из первых, ушедших на войну добровольцев. Благодаря физической храбрости и недю жинному уму он был вскоре произведен в прапорщики. За отличие в бою он получил Георгия. С моноклем и гладко

выбритый в мирное время, он отрастил себе на войне великолепную бороду и усы. Когда произошла первая революция, он отдался душой и сердцем задаче убедить своих солдат продолжать войну. Его ораторский талант выдвинул его на пост товарища председателя армейского комитета, и это он привел в С.Петербург военные части, подавившие первую большевистскую попытку переворо^ та в июле 1917 года. После большевистской революции 7 ноября 1917 года он примкнул к Савинкову и участвовал почти во всех заговорах против нового режима. Его пренебрежение опасностью доходило до безрассудной смелости, и я несколько раз предупреждал его о том риске, которому он подвергается. В июле 1918 года он был арестован в Москве как контрреволюционер. Он оказался в числе первых жертв официального терро ра, когда в порядке репрессий против покушения на жизнь Ленина 1 сентября 1918 года большевики расстре ляли семьсот своих политических врагов.

В течение весны и начала зимы 1914 года моя жизнь протекала деятельно и интересно. Я имел достаточно работы, чтобы не нуждаться. Мой интерес к России и ко всему русскому перешел почти в манию, и моя честолю бивая мечта сделаться

самым осведомленным консуль^ ским чиновником в России была на пороге осуществ! ния. Я гордился тем, что австрийский генеральный кс сул попросил наш годичный отчет (в основном напис ный мной) для списывания его и выдачи в качестве сі го. В прошлом он всегда оказывал эту честь свое* германскому коллеге. Однако, если я проявлял признаки слишком большой самостоятельности, Бейли всегда при зывал меня к порядку. Такова уж моя судьба, что мной всегда ктонибудь помыкает. Мои удовольствия были очень ограничены — немного тенниса, случайная партия на бильярде и воскресный отдых на даче. Все же я не считал себя несчастным. Моя семейная жизнь была спо койна и безоблачна. Хотя я был последним человеком, за которого женщина должна была выйти замуж, брак при нес мне много хорошего.

В июне 1914 года мне пришлось опять до отказу повозиться с официальными приемами. Адмирал Битти и избранная верхушка командного состава Первой эскадры линейных крейсеров нанесли официальный визит Москве. Моложавая внешность самого юного из адмиралов со времени Нельсона чуть ли не заставила меня совершить

служебную оплошность. В парадном мундире и шляпе с плюмажем я по поручению Бейли отправился на вокзал встретить поезд и приветствовать Битти. Это была моя первая встреча с флотскими, и я мало был знаком со знаками отличия различных чинов морской службы. На платформе я встретил градоначальника, губернатора, ко мандующего войсками и других русских должностных лиц, которым я должен был представить адмирала. Поезд подошел, и из специального вагона вышел ожив ленный молодой человек, выглядевший не старше меня самого и которого я, разумеется, принял за флаг адъютанта Битти. Я продолжал ожидать выхода велико го человека, и в течение этого времени произошла не удобная пауза. Паузе положил конец мой предполагае мый флагадъютант.

— Здравствуйте, — сказал он, — я — Битти. Пред ставьте меня и скажите, с кем я здороваюсь.

Мне стало жарко и холодно. Когда я ему впоследст вии рассказал о своем смущении, он рассмеялся и принял это как комплимент.

В свою защиту я должен сказать, что русские были также поражены юношеским видом Битти.

Визит этот имел огромный успех. Сопровождавшие Битти офицеры, в том числе адмиралы Хальсей, Брок и некоторые другие, имена которых стали во время войны общеизвестными, внесли свежую струю в московскую жизнь. Их гладко выбритые

румяные лица внесли в зной і ную атмосферу московского лета нечто новое и необычное. Квадратная челюсть Битти и надетая набекрень фуражка предоставили обильную пищу московским карикатуристам, которые были весьма довольны представив шемуся случаю противопоставить достоинства англий ского флота недостаткам своего собственного. Триумф достиг апогея во время выступления Битти на банкете, который давал ему город в Сокольниках, в большой палатке. После скучных речей ряда ораторов английский адмирал встал и голосом, которого не мог бы заглушить шторм, сказал речь, взволновавшую до крайности тяже лых на подъем москвичей. До тех пор они никогда не видели адмирала, у которого не было бы бороды до колен. Военная мощь Великобритании быть может незна чительна, но британский флот на недосягаемой высоте. Теперь я часто удивляюсь, почему лорд Битти не занялся политикой. Такой голос, как его, разбудил бы даже пре

бывающих в спячке членов Палаты лоолов ъп а блестящее выступление, и визит в огромной ст7пˆ«˚ действовал поднятию английского престижа ˆˆˆаи со" После этого наступила трагедия с быстротой оола бросающегося с поднебесья на свою добычу безжа ппг7 ная по своим последствиям. 28 июля был убит эгагетиог ФранцФердинанд, и если Лондон чувствовал себя в без опасности, то Москва с первой же минуты учуяла что взошла алая заря войны. Именно в это время и в моей семье произошла трагедия. В июне моя жена ожидала ребенка. Я собирался отправить её домой и даже написал своей бабушке, надеясь, что она согласится обеспечить необходимую финансовую помощь. Ответ получился сухой и решительный. Сама она рожала своего первого ребенка под переселенческой фурой в Новой Зеландии. В этих случаях место женщины около её мужа.

Врач, рекомендованный жене, был немец по фамилии Шмит, приятный симпатичный старик, давно пережив ший свои лучшие дни. У меня были сомнения и мне хотелось договориться с русским врачом. Однако англи чанки, проживавшие в Москве, были крайне предубежде ны против русских врачей. Шмит знал английский язык, и жена остановилась на нем.

Роды начались 20 июня и продолжались всю ночь. Несмотря на свою неопытность, я скоро понял, что роды трудные. Это была одна из самых знойных ночей, какие я пережил в Москве или где бы то ни было, и в течет бесконечных часов я стоял у открытого окна, курил nai росу за папиросой и старался не терять хладнокровия, три часа утра Шмит вошел в комнату.

— Трудно, очень трудно, — вздохнул он, — нуж« еще один врач.

Он дал мне номер, и я бросился к телефону. Казалось, прошло много часов. Я опять возобновил свое стояние у окна, прислушиваясь к стуку дрожек на мостовых. После нескольких ложных тревог доктор приехал. Это был молодой человек, чьи уверенные движения внушали дове рие. Затем он скрылся в спальной, и снова воцарилась мертвая тишина. В пять часов все было кончено. Наша кухарка Катя прошла через комнату, вытирая платком глаза. Вышел и молодой врач.

— Мать жива, — сказал он серьезно, — но девочка не выживет.

Быстро он рассказал мне подробности. Роды были трудные. Жена страшно ослабела, и пришлось прибегнуть к помощи инструментов. Если бы его пригласили раньше...

— Ребенок умер, — прошептал я. Он утвердительно кивнул. Как во сне, я распорядился подать врачам кофе и печенье и, как во сне, я проводил их ir выходу. Затем я сел и стал ожидать утра. В семь часов моя теща позвала меня в комнату, которая должна была стать детской. Ребенок лежал в люльке. Они одели его в те платьица, которые для него вышивала жена в течение месяцев. Он выглядел так свежо, что было трудно пред ставить себе его мертвым. Чепчик, надетый на головку, скрывал роковое повреждение черепа. ■

Машинально я приступил к дневной работе. Я позво нил Бэйли, чтобы сказать ему, что случилось. Я позвонил пастору, чтобы договориться с ним о похоронах, и днем направился на Садовую заказать гробик. Когда я прохо дил мимо Эрмитажа, ко мне подошла проститутка. Я прошел, но она последовала за мной. Молчаливо я про тянул ей пять рублей. На минуту наши глаза встретились. Затем она повернулась и убежала. Она, вероятно, приня ла меня за сумасшедшего.

Двумя днями позже я совершил длинную «прогулку» на немецкое кладбище с гробиком на коленях. Солнце беспощадно светило с безоблачного неба, но я не ощущал жары. Рядом хоронили 70 летнего англичанина. Я стоял среди чужих мне людей в тот момент, когда пастор читал отходную, и оба гроба — человека, который прожил свою жизнь, и безымянного ребенка — были опущены в общую могилу.

В течение всего знойного июля, когда жена лежа ла больная и сначала опасность угрожала ее жизни, а за тем рассудку, я усиленно трудился в генеральном кон сульстве, желая заглушить работой свои мысли. Дни проходили за днями и чувствовалось, что напряженное ожидание русских усиливается и постепенно переходит в грозный ропот. Почему Англия не выступает? Наступил август. Десятки людей ежедневно справлялись по

телефону о причинах этого и, не получая ответа, ворчали и грозили. В течение длинных дней военные части в полном боевом снаряжении с песнями маршировали по улицам, оставляя за собой облака пыли. Сердце России пылало войной. 5 августа, в среду утром, я совершил свою обычную прогулку из дома в генеральное консульство. На углу улЯЦЫ, расположенной против нашего помещения, стояла толпа демонстрантов, мешавшая мне войти. Пел хор, и возбужденные голоса вызывали генерального консула. Внезапно ктото в толпе узнал меня. «Дорогу британскому вицеконсулу!» — крикнул он. Сильные руки подняли меня и перенесли через головы толпы в генеральное консульство в то время, как тысячи голосов гремели «Да здравствует Англия!». Бородатый студент расцеловал меня в обе щеки. Англия объявила войну Германии. Еще один день проволочки, и демонстранты стали бы бить наши окна.

Книга III. ВОЙНА И МИР
ГЛАВА ПЕРВАЯ

Собоытия принесли нам великую эпоху, но великий момент нашел мелкое поколение.

ГЁТЕ

Мои воспоминания об этих первых месяцах войны, проведенных в Москве, замечательно живы, хотя сегодня, в свете наследующих событий, они напоминают скорее странный сон, чем действительность. Слишком велик контраст между 1914м и 1932 годом. Мне щшходится закрывать глаза, чтобы восстанавливать в памяти энту зиазм тех далеких дней. Снова я вижу эти трогательные сцены на вокзале: войска, серые от пыли и тесно размещен ные в теплушках; огромная толпа народу на платформе, серьезные бородатые отцы, жены и матери, бодро улы бающиеся сквозь слезы и приносящие подарки, цветы и папиросы; толстые священники, благословляющие счаст ливых воинов. Толпа бросается вперед для последнего рукопожатия, последнего поцелуя. Вот раздается пронзи тельный свисток паровоза, затем после нескольких неудач ных попыток перегруженный поезд, как бы нехотя отходящий, медленно уползает со станции и исчезает в сером полусвете московской ночи. Молчаливо и с опущенными головами толпа остается без движения, пока последний слабый отзвук песни людей, которым не суждено более вернуться, окончательно замирает вдали. Потом под при смотром жандармов все спокойно выходят на улицы.

Я ухожу, преисполненный надежды, которая заглу шает голос рассудка. Такой России я никогда не знал, Россия, вдохновлённая патриотизмом, корни которого, казалось, уходили глубоко в почву. Кроме того, это была трезвая Россия. Продажа водки была прекращена, и волнующее религиозное чувство заменило пьянство, которое в минувших войнах было характерным при отъездах русских солдат.

Среди буржуазии был тот же энтузиазм. Жены богатых купцов соперничали друг с другом в пожертвованиях на госпитали. В государственных театрах давались торжественные спектакли в пользу Красного Креста. Был как бы пир национального чувства. Каждую ночь в опере и балете оркестр императорских театров играл национальные гимны России, Англии, Франции и Бельгии

выслушивавшиеся стоя, в порыве экзальтированного патриотизма. Затем, особенно когда число союзных гимнов приняло размеры крикетного счета, порыв рассеялся и толстопузые москвичи стали вслух брюзжать по поводу того, что приходилось стоять около часу. Но в эти великие недели 1914 года русскому патриотизму было чем питаться. В самом деле, война началась выступлением русских войск, при опубликовании сообщении о продвижении русских войск Москва во всё горло выражала свою радость. Если в тот момент и были пессимисты, они не возвышали свой голос.

Революция не казалась даже отдаленной возможностью, ибо с первого дня войны каждый либерально настроенный русский надеялся, что победа принесёт с собой конституционные реформы.

Правда, в С.Петербурге крупные русские успехи вы звали скрытые насмешки по поводу неудач франко британских операций. В гостиных шептались о трусости англичан, а германофилы острили о решении Англии сражаться до последней капли русской крови. В Москве, однако, клеветников не слышно было, радость по поводу русских побед умерялась сочувствием Франции и Англии.

В самом деле, что касается России, то сердцем Антан ты была Москва. Всякий раз, когда Бейли или я появля лись в публичном месте, мы были предметом оваций. В «Летучей мыши» Никита Балиев выходил на авансцену и, указав на нас, говорил: «Сегодня вечером среди нас на ходятся представители нашего союзника Англии». Ор кестр играл английский гимн, и вся публика вставала и аплодировала. Мы делали вид, что нам неприятно это необычайное внимание, клялись друг другу, что больше не пойдем, но приходили так часто, как позволяла скром ность. Нет границ тщеславию даже великих людей, а Бейли и я были лишь двумя совершенно обычными смертными.

10 сентября мы прибыли в парадной форме на тор жественный спектакль по случаю взятия Львова. Я при шел с грустью в сердце. Германские силы были на Марне,

в судьбы Парижа были брошены на весы. Мои боатья были во Франции, а я принимал здесь участие в частей» нии русской победы. В театре офицерские мундиры со ставляли блестящую рамку для драгоценностей и дооо гих нарядов женщин. Шел «Орленок» Ростана в русском переводе. Бейли и я сидели в ложе около сцены, прямо против ложи, занятой французским генеральным консу лом. Во время первого акта французского консула вызва ли из ложи. Он отсутствовал некоторое время. Вернулся, видимо, взволнованным. Занавес опустился, но свет не зажигался. В одно мгновение атмосфера стала напряжен ной.

Русские одержали новую победу. Они взяли 100000 пленных. Они взяли Перемылить. В темной зале не истовствовали слухи. Затем зажглись огни рампы, музы канты заняли свои места, и молодая 18летняя девушка, дочь председателя Французской торговой палаты, вышла на сцену. В своем белом платье, с лицом, свободным от всякой косметики, золотоволосая, она очень напоминала архангела Гавриила. В дрожащих руках она держала листок бумаги. Присутствующие замерли в выжидатель ном молчании. Затем, трепеща от волнения, девушка начала говорить: «Следующая официальная телеграмма только что получена из французской Главной квартиры». Она остановилась, как будто язык ее прилип к горлу. Слезы покатились по ее лицу. Затем, резко повышая голос, она прочла сообщение: «Счастлив объявить Вам о победе по всему фронту. Жоффр».

Огни заблистали. Девушка убежала со сцены, и под громкие аплодисменты оркестр загремел «Марсельезу»; мужчины целовались, женщины улыбались и плакали в одно и то же время. Затем, когда оркестр прервал музы ку, произошло чудо. С галерей послышался топот мар ширующих ног и 400 французских резервистов дружно подхватили припев. На следующий день они отправля лись на французский фронт и пели «Марсельезу» со всей страстностью латинского темперамента. Картина полу чалась эпическая. Это был последний случай, когда Рос сия чувствовала полную уверенность в исходе войны.

Взятие Львова затушевало страшное поражение под Танненбергом. Но Танненберг должен был повториться, и если русские могли держаться против австрийцев почти до самого конца, то уже тогда было ясно, что они не могут устоять против немцев. Фактически 1аш*еноерг был прелюдией русской революции. Он был для Ленина

тых купцов соперничали друг с другом в пожертвования, на госпитали. В государственных театрах давались тор жественные спектакли в пользу Красного Креста. Был как бы пир национального чувства. Каждую ночь в опере и балете оркестр императорских театров играл нацио нальные гимны России, Англии, Франции и Бельгии выслушивавшиеся стоя, в порыве экзальтированного ца. триотизма. Затем, особенно когда число союзных гимнов приняло размеры крикетного счета, порыв рассеялся и толстопузые москвичи стали вслух брюзжать по поводу того, что приходилось стоять около часу. Но в эти вели кие недели 1914 года русскому патриотизму было чем питаться. В самом деле, война началась выступлением русских войск, при опубликовании сообщении о продви жении русских войск Москва во все горло выражала свою радость. Если в тот момент и были

пессимисты, они не возвышали свой голос.

Революция не казалась даже отдаленной возмо жностью, ибо с первого дня войны каждый либерально настроенный русский надеялся, что победа принесет с собой конституционные реформы.

Правда, в С.Петербурге крупные русские успехи вы звали скрытые насмешки по поводу неудач франко британских операций. В гостиных шептались о трусости англичан, а германофилы острили о решении Англии сражаться до последней капли русской крови. В Москве, і однако, клеветников не слышшо было, радость по поводу | русских побед умерялась сочувствием Франции и Англии. В самом деле, что касается России, то сердцем Антан ты была Москва. Всякий раз, когда Бейли или я появля лись в публичном месте, мы были предметом оваций. В «Летучей мыши» Никита Балиев выходил на авансцену и, указав на нас, говорил: «Сегодня вечером среди нас на ходятся представители нашего союзника Англии». Ор кестр играл английский гимн, и вся публика вставала и аплодировала. Мы делали вид, что нам неприятно это необычайное внимание, клялись друг другу, что больше не пойдем, но приходили так часто, как позволяла скром ность. Нет границ тщеславию даже великих людей, а Бейли и я были лишь двумя совершенно обычными смертными.

10 сентября мы прибыли в парадной форме на тор жественный спектакль по случаю взятия Львова. Я при шел с грустью в сердце. Германские силы были на Марне,

и судьбы Парижа были брошены на весы. Мои 6г*тк. были во Франции, а я принимал здесь участиГв ес^?* нии русской победы. В театре офице^иТмуид^^ ставляли блестящую рамку для Драгоценностей V дгХ гик нарядов женщин. Шел «Орленок» Ростана в русски, переводе. Бейли и я сидели в ложе около сценымгоямо против ложи, занятой французским генеральным kohcv лом. Во время первого акта французского консула вызва ли из ложи. Он отсутствовал некоторое время. Вернулся видимо, взволнованным. Занавес опустился, но свет не зажигался. В одно мгновение атмосфера стала напряжен ной. Русские одержали новую победу. Они взяли 100000 пленных. Они взяли Перемышль. В темной зале не истовствовали слухи. Затем зажглись огни рампы, музы канты заняли свои места, и молодая 18летняя девушка, дочь председателя Французской торговой палаты, вышла на сцену. В своем белом платье, с лицом, свободным от всякой косметики, золотоволосая, она очень напоминала архангела Гавриила. В дрожащих руках она держала листок бумаги. Присутствующие замерли в выжидатель ном молчании.

Затем, трепеща от волнения, девушка начала говорить: «Следующая официальная телеграмма только что получена из французской Главной квартиры». Она остановилась, как будто язык ее прилип к горлу. Слезы покатились по ее лицу. Затем, резко повышая голос, она прочла сообщение: «Счастлив объявить Вам о победе по всему фронту. Жоффр».

Огни заблистали. Девушка убежала со сцены, и под громкие аплодисменты оркестр загремел «Марсельезу»; мужчины целовались, женщины улыбались и плакали в одно и то же время. Затем, когда оркестр прервал музы ку, произошло чудо. С галерей послышался топот мар ширующих ног и 400 французских резервистов дружно подхватили припев. На следующий день они отправля лись на французский фронт и пели «Марсельезу» со всей страстностью латинского темперамента. Картина полу чалась эпическая. Это был последний случай, когда Рос сия чувствовала полную уверенность в исходе воины.

Взятие Львова затушевало страшное поражение под Танненбергом. Но Танненберг должен был повториться и если русские могли держаться против австрийцев> почти до самого конца, то уже тогда было ясно, что они не могут устоять против немцев. Фактически т^ен6ерг был прелюдией русской революции. Он был для Ленина

вестником надежды. За него ухватилась тайная аРМИя агитаторов на заводах и в деревнях; гибель головкй nvccKoro командования внесла колебания в боевой дух народа, который по своей природе и вследствие сурово стирусского климата всегда был неспособен к какому, либо длительному усилию.

Разумеется, переход от оптимизма к пессимизму со вершился не сразу, и, хотя на русском фронте не было такой неподвижности, как на французском, все же были длительные периоды монотонной бездеятельности.

Упадок духа фактически был постепенным, и, когда выяснилось, что война стала затяжной, жизнь стабилизи ровалась. В Москве, которая была далека от линии фрон та, буржуазия не унывала. Правда, было мало попыток к экономии и пожертвованиям. Не было движения общест венного мнения против рвачей, а «окопавшиеся» могли найти приют в организациях Красного Креста без опас ности прослыть трусами. Театры и места развлечения процветали, как в мирное время, и в то время как проле тариат и крестьянство были лишены водки, подобные ограничения не были наложены на имущие классы. Для пополнения их частных запасов вина требовалось разре шение, но, так как жизнь вздорожала, а русские чиновни ки получали маленькое жалованье, разрешение было лег ко получить. В

ресторанах разница была в том, что спиртные напитки наливали из чайника, а не из бутылки. Когда же контроль стал менее строгим, исчезла и необхо димость в чайниках.

С другой стороны, огромное и исключительно важное дело обеспечения армии нужной сетью госпиталей и заво дов проводилось так называемыми общественными орга низациями, представленными Союзом городов и Сою зом земств. Без этой помощи русская военная машина оказалась бы испорченной гораздо раньше, чем это име ло место. Но вместо стимулирования этого патриотиче ского усилия и поощрения общественных организаций во всех областях их деятельности, русское правительство делало все возможное, чтобы препятствовать и понижать их активность. Нужно сказать, что общественные органи зации обладали политическим честолюбием, были на строены либерально и явились поэтому угрозой самодер жавию. Вероятно, и Союз городов, и Союз земств контролировались либералами, на которых С.Петербург смотрел с большим недоверием. К тому же их главной

квартирой была Москва, которая никогда не пользой лась расположением императора. га"

Но как бы то ни было, в начале войны их энтузиазм был еданодушным, а политические домогательства ко торые появились впоследствии, были прямым результа том политики постоянных булавочных уколов. Трагедией России было то, что царь находился под влиянием жен щины, которая была во власти одного стремления — передать самодержавие непоколебленным своему сыну, и никогда не оказывала доверия общественным организа циям. Тот факт, что Москва постепенно оказалась вовле ченной во внутреннюю политическую борьбу сильнее, чем в войну, был следствием преимущественно этой фа тальной тупости царя. И хотя его лояльность по отноше нию к союзникам осталась незапятнанной до конца, несо стоятельное стремление ограничить лояльность своего собственного народа стоило ему впоследствии трона.

Лично для меня эта первая зима 1914/15 года была периодом грусти, облегчавшейся лишь непрерывной усердной работой. Моя жена медленно поправлялась от своей болезни. Ее нервы были расстроены, и она должна была отправиться в русскую санаторию, опыт, который принес ей мало пользы и которого я никогда не сделал бы, если бы был лучше осведомлен о русских санаториях. Мы оставили свою прежнюю квартиру и на время пои сков новой заняли меблированную квартиру одних на ших друзей, отправившихся в Англию. Мои дни, а часто и ночи были полностью поглощены консульской рабо той, которая более чем

утроилась во время войны. В частности, блокада и многочисленные постановления о контроле ввоза и вывоза требовали огромной счетной работы, которую я делал почти один. Москва тоже пре вратилась в важный политический центр, а так как Бейли почти полностью возложил на меня получение политиче ской информации, время мое было совершенно занято. Другой трудностью моего положения было безденежье. Роды моей жены стоили дорого. В новых условиях поло жение наше изменилось, наши социальные обязанности возросли. Деловые круги, а Москва была главным торго вым городом России, процветали от щедро раздаваемых вьцодных военных поставок; жизнь вздорожала, и мы оказались в несравненно худшем положении сравнитель но с русскими и с нашей собственной английской коло нией. Более того, война автоматически привела к концу

мои заработки журналиста. Мне не разрешали писать 0 войне Английские же газеты интересовались только ею.

Приятным нарушением монотонности нашего сущест вования в то время было посещение Гуго Вальполя который прибыл в Москву вскоре после начала войны и который оставался с нами в течение нескольких месяцев. Он был частым посетителем нашего дома, и его непоко лебимый оптимизм был благодеянием для моей жены. В то время он уже написал несколько книг, в том числе «Силу», и уже упрочил свой успех. При этом он был совершенно неиспорченным, обладал еще способностью краснеть и производил на меня впечатление скорее боль шого и неуклюжего школьника, полного кротости и энту зиазма, чем прославленного писателя, мысли которого воспринимались с благоговением и уважением. Мы, за исключением Бейли, сердечно приняли его, и он отвечал на нашу дружбу неизменной симпатией и благожела тельством. У Бейли он имел меньше успеха. Бейли был тогда болезненным, циничным и властным человеком. Он не верил энтузиастам. Еще меньше любил он споры. Гуго, энтузиазм которого по поводу русских успехов не имел границ, любил рассуждать и имел свои собственные суждения. Он раздражал Бейли, и я думаю, что чувство раздражения было взаимным.

Когда Гуго покинул нас, он отправился на фронт в качестве санитара при Красном Кресте. Впоследствии он , стал главой Бюро британской пропаганды в С.Петер I бурге. С самого начала он решил использовать возможно г лучше свое пребывание в России. Несомненно, оно прине сло ему пользу. Его приключения на фронте породили «Темный лес». Его опыт в С.Петербурге вдохновил его на «Тайный город».

Мой дневник показывает, что в то время я мало выходил из дому и все свободное время посвящал чте нию. В течение двух последних недель января 1915 года я прочел «Войну и мир» порусски. Иногда я ходил на балет или в цирк с Вальполем. Я был с Гуто, когда впервые встретился с Горьким в «Летучей мыши» Ники ты Балиева. В эти дни «Летучая мышь» была излюблен ным местом литературной и артистической Москвы. Ее представления начинались не раньше окончания теа тральных представлений, и многие артисты и артистки появлялись там, чтобы поужинать, а также чтобы посмо треть представление. В начале своего существования «Ле

тучая мышь» была своего рода клубом Московского Художественного театра, а сам Балиев был членомТруп пы, но оказался как артист не на высоте этой строгой школы. Теперь его труппа так же хорошо известна в Париже, Лондоне и НьюЙорке, как раньше она была известна в России, но, по моему мнению, представления потеряли много в смысле приятной интимности прежних московских дней, ибо тогда не было оторванности между артистами и публикой. Кстати, Балиев — армянин и происходит из ранее богатой семьи.

Горький произвел на меня сильное впечатление как своей скромностью, так и своим талантом. У него не обыкновенно выразительные глаза, и в них сразу можно было прочесть сочувствие человеческим страданиям, ко торое является преобладающей чертой его характера и которое в конце концов привело его после длительного периода оппозиции в объятия большевиков. Теперь Горь кий пишет против буржуазии и против умеренных социа листов с гораздо большим ядом, чем самый свирепый чекист Москвы, но, несмотря на эти литературные выпа ды, я отказываюсь допустить, что он утратил свое основ ное доброжелательство, которое в прошлом он никогда не забывал проявлять в любом случае, который возбуж дал его сострадание. Ни один человек, когдалибо видев ший Горького с детьми, с животными и с молодыми писателями, не поверит, что он может причинить зло или страдания хоть одному человеку.

С Шаляпиным я также впервые встретился в «Летучей мыши». За час до этого я видел его в опере «Борис», в которой он участвовал и в которой являл королевское величие с манерами крупного аристократа и с руками, как у венецианского дожа. Однако все это было теат ральным трюком, поразительным примером того дра матического таланта, по поводу которого Станиславский всегда говорил, что Шаляпин был бы величайшим в мире актером, если бы он решил оставить пение и перейти в драму. Вне сцены он был мужиком, с мужицким аппети том и

большими крепкими руками сына земли. Горький рассказывал забавную историю о Шаляпине. В молодо сти они оба бродили по Поволжью в поисках работы, в Казани странствующий импресарио искал местные та ланты для пополнения хора. Ему нужны были тенор и бас. Два бедно одетых кандидата вошли в его убогую контору; им устроили экзамен. Импресарио выбрал те

4255

нора, но забраковал баса. Тенором был Горький, басом был Шаляпин.

Москва, где антигерманские настроения были всегда сильней, чем в С.Петербурге, кишела слухами о герман ских интригах в высших сферах. В начале моего дневника за февраль 1915 года помещено следующее: «Сегодня телефонировал один офицер и спросил, когда же Англия избавит Россию от немки. Это, несомненно, относилось к императрице; мое собственное замечание было следую, щим: «Вот уже третий раз на этой неделе мне задают подобные вопросы». Теперь это случалось гораздо чаще, чем в предшествующие месяцы. Как раз к этому времени относится наиболее популярный московский военный анекдот. Царевич сидит и плачет в коридоре Зимнего дворца. Генерал, покидающий дворец после аудиенции, останавливается и гладит мальчика по голове.

— Что случилось, мальчик?

Царевич отвечает, улыбаясь сквозь слезы:

— Когда бьют русских, плачет папа. Когда бьют немцев, плачет мама. Когда же мне плакать?

Подобные рассказы ходят по всей стране и вредно отражаются на настроениях рабочих и крестьян. Москва жила анекдотами и слухами, и, хотя мания выискивания шпионов никогда не достигала таких размеров, как в Англии или во Франции, все же было немало преследова ний евреев и русских немецкого происхождения. Однако не все анекдоты были направлены против самодержавия. і Кайзеру тоже доставалось от остроумия московских | юмористов. Некоторые из этих анекдотов слишком грубы, * чтобы их можно было передать, другие известны. Все же один, я думаю, будет новинкой для английского читате ля. Зимой 1915 года кайзер посетил Лодзь и, чтобы привлечь к себе местное население, произнес речь. Раз умеется, его аудитория состояла преимущественно из евреев. Он ссылался в своей речи сначала на всемогущего Всевышнего, затем на самого себя и, наконец, на самого себя и на Бога. Когда речь была закончена, наиболее влиятельные из евреев собрались в углу, обсуждая положение.

— Этот человек нам подходит, — сказал главный раввин, — в

первый раз вижу христианина, который отрицает святую троицу.

Сколь странными и неправдоподобными кажутся эти анекдоты сегодня! Тогда же они, однако, были ходким

товаром любого сплетника и главным времяттетгоовож дением всякого салона. ^^препровож

ГЛАВА ВТОРАЯ

Я говорил, что Бейли был болезненным человеком Недостаток моциона (неизбежное зло московской зимы) и усиленная работа подорвали его здоровье, и в апреле 1915 года он осуществил свое намерение возвратиться в Англию и подвергнуться операции, которая уже давно была ему необходима. Со свойственной ему добротой он настоял на предоставлении мне недельного отпуска перед своим отъездом. Это был мой последний праздник в России, и я насладился каждой его минутой. Покинув Москву, все еще скованную зимой, я прибыл в Киев, колыбель русской истории и священный город православ ной церкви. Когда я проснулся после ночи, проведенной в поезде, я увидел зеленые поля и прекрасные белые доми ки, сверкающие в теплых солнечных лучах. Мой спутник, возвращающийся на фронт офицер, приветствовал меня с улыбкой. «Вы полюбите Киев. Вы найдете в нем лучшие і настроения, чем в Москве, не говоря уже о Петербурге»ˆ Я был в отличном настроении и потому был готов вери каждому. Но он действительно оказался прав. В Кие! несмотря на обилие раненых, военный дух был сильне! чем в Москве. В самом деле, вплоть до самой революцииˆ чем ближе к фронту, тем более оптимистическим было преобладающее настроение. Все лучшее России (раз умеется, также и некоторые худшие элементы) было в траншеях. Тыл, но не фронт разлагал страну.

Подъезжая к Киеву, мы остановились на довольно значительное время на промежуточной станции. Поезд, перевозящий австрийских пленных, стоял на соседнем пути. Пленные, повидимому, неохраняемые, вылезли из своих теплушек и разлеглись на шпалах, наслаждаясь первым теплом южного солнца, пока не возобновился их длинный путь в Сибирь. Бедные ребята. Они выглядели изголодавшимися и были очень плохо одеты. В Москве известие о взятии в плен столькихто тысяч человек всег да вызывало во мне горячее ликование. Здесь, лицом к лицу с самими несчастными, я мог думать только оо одном. Американский генеральный консул Снодхрэс, ко торый защищал германские интересы в России, в ярких

красках описал мне ужасные условия, господствовавшие в русских концеитрационных лагерях. С глубоким со страданием в сердце я спрашивал себя, многие ли из этих бедных, которые радуются, что они попали в плен, и не знают, какая судьба ждет их впереди, вернутся к себе на родину. Пока я стоял у открытого окна, словно посети тель зоологического сада, рассматривающий

невиданно го зверя, один из пленных начал петь интермеццо из «Сельской чести». Это был кроат; весна согрела его сердце, возбудила в его памяти родину — Далмацию. Он не обращал никакого внимания на русских — пассажиров поезда. Он пел для собственного удовольствия, и он пел так, как будто сердце его готово было разорваться. Я не узнал, кто он такой. Вероятно, это был тенор из Загреб ской оперы. Но действие его голоса на этой крошечной станции, с лежащими за ней зелеными полями и фрукто выми садами было волшебным. Его товарищи перестали играть камушками, лежавшими на линии. Русские из нашего поезда встали со своих мест, стоя у окон в молчаливом восторге. Затем, когда он кончил, и австрий цы, и русские единодушно принялись ему аплодировать в то время, как из вагонов на пленных посыпался град папирос, яблок и сладостей. Певец с важностью покло нился и отвернулся. Затем раздался свисток, и мы трону лись в путь.

Я прибыл в Киев в полдень в Страстную Пятницу и провел вечер, бродя по городу и обозревая церкви, кото рых в Киеве почти так же много, как и в Москве. Затем, | чувствуя себя усталым и одиноким, я лег в постель в J девять часов. На другой день я встал рано. Солнце осве щало комнату, и я принял решение наилучшим образом использовать свою временную свободу. Я уподобляюсь американцам по своей страсти к осмотрам, и осмотрел Киев со всей тщательностью типично американского ту риста. После Москвы было приятно увидеть горы и настоящую реку. Погода была прекрасная, улицы полны русскими, делавшими предпраздничные покупки в еврей ских лавках. Несмотря на большое количество церквей, Киев в большей степени еврейский, чем христианский город. Все вокруг как бы улыбалось. Новости с австрий ского фронта, для которого Киев является базой, все еще были хороши. Перемышлъ пал всего несколько недель тому назад, и оптимизм окружающих делал меня счастливым.

После завтрака я нанял дрожки и отправился на и™ димирскую горку, где оставил извозчика и raSLa«

чтобы посмотреть открываюпгл?сЯ JrrˆS % Англии или в Америке частный преддринимателТ вы строил бы здесь гостиницу или санаторий. Русские ™ воздвигли статую святого Владимира, которая стоит возвышаясь над Днепром, с большим крестом в пуке Днепр — величественная река, гораздо более величест венная, чем Волга, и совершенно непохожая ни на одну из ранее виденных мною рек. После более чем трехлетнего пребывания на равнине без гор и моря, он показался мне более красивым, чем, может быть, показался бы теперь.

Затем я отправился вниз к цепному мосту, чтобы посмотреть на город с равнины. Как это ни странно, вокруг Киева, выстроенного на группе холмов, прости рается такая же плоская равнина, как и вокруг Москвы. Пароходы с белыми крышами уже ходили по Днепру. Деревья только что распустились. Сирень цвела, и по сторонам дороги пестрели лютики. Расположенный на высоком берегу реки Киев напомнил мне Квебек, и если Квебек красивей по своему расположению, то Киев пре восходит его красотой своих строений.

Вечером я пришел в святую Софию ко всенощной. В Москве мои посещения церквей имели место только по таким официальным случаям, как рождение или тезоиме нитство императора. Я всегда бывал в форме и стоял среди избранных на отгороженном месте, достаточнс далеко от более незаметных молJUцихся. Здесь, в Киеве, был в такой густой толпе, что некоторые люди падали обморок. Несмотря на это я остался до конца, npj участие в крестном ходе и был вовлечен в волнукн подъем духа обширных масс крестьян и паломников.

Паломников, замечательно красочных издали, было1 огромное количество, и в пасхальный понедельник я пошел посмотреть на них в знаменитую Киево Печерскую лавру, которая наряду с ТроицеСергиевой лаврой под Москвой, является наиболее чтимым из свя тых мест России. Солнце грело так сильно, что я был вынужден вернуться обратно и снять пиджак. Когда я прибыл в собор, служба уже началась, и на монастыр ском дворе стояли тысячи солдат. Паломники, старые бородатые мужчины с бесцветными глазами и совершен но ссохшиеся старые женщины, закусывали во дворе .в самой церкви я нашел пожилого мудреца, с удовлетворе

нием жевавшего в углу корку черного хлеба. Он казался в высшей степени счастливым. Из церкви я отправился в подземелья, холодные и не производящие впечатления подземные ходы, где лежали кости забытых святых. Перед каждым гробом находилась кружка для сбора пожертвований, около которой сидел священник, и когда хромающие паломники неловко засовывали туда свои копейки, священник наклонялся над мощами умершего святого и пел «Молись Богу за нас». Дрожа от холода, вышел я на солнечный свет и сел на траву над обрывом! Там три слепых нищих, сидя в трех шагах друг от друга, с большим или меньшим успехом читали вслух Евангелие. Один молодой человек, не старше 25 лет, был одет в солдатскую форму. Если он потерял зрение на войне, каким образом он столь скоро усвоил брайлевскую азбу ку. Если нет, то почему на нем солдатская форма? Я не решился нарушить его душевный покой,

задав не тактичный вопрос, и предпочел смотреть на него как на живого представителя той святой России, которая в эти великие дни войны вызвала волнующие симпатии моих сограждан.

Немного дальше, на берегу, цыган с попугаем пред сказывал солдатам судьбу. Попутай был хорошо выдрес сирован и мог сосчитать сдачу до 30 копеек. Предсказате лей и священников было так много, что, неудивительно, многие солдаты и паломники уходили с пустыми карма нами. То, что оставалось, перепадало старому арфисту, I который под собственный аккомпанемент распевал гну I савым голосом кавказские народные песни. Все было J очень мирно, очень безобидно и очень благонравно. И паломники, и солдаты стояли удовлетворенные, возна гражденные полностью за свои издержки.

В Киеве у меня не было приключений: однако об этой неделе у меня осталось более живое воспоминание, чем о какомлибо другом эпизоде за время войны. Может быть, благодаря чарам солнечного света, контрасту с напряженностью моей московской жизни, пребывание в Киеве оставило во мне столь яркое воспоминание. Разу меется, продолжительное возбуждение может стать та ким же монотонным, как самое спокойное прозябание, и в последующие три года только самые яркие моменты оставались в моей памяти. s.

Погода изменилась, и дождь лил как из ведра, когда я уезжал из Киева. Вокзал был унылой пустыней, я посмо

трел назад через железнодорожный мост и был благо™ рея городу, который блистал своими самы*Гве£пым« красками специально для меня. Однако мне былТтяˆ от мысли, что я покидаю юг, солнечный свет и улыбаю щнхся, веселых украинцев для холодного и жестоко™ севера. Я был несправедлив к Москве и великороссам После переворота Киев стал центром самых крайних жестокостей революции, а украинцы выполнителями наиболее грубых жестокостей.

На обратном пути я имел незначительное приключе ние, которым обязан беспечности русских или их равно душию к принятым на западе условностям. Со мной в купе ехала дама. Она была очаровательна и в течение первого же часа рассказала мне всю свою жизнь. Она была известной певицей и, собрав значительное состоя ние, вышла замуж за гвардейского офицера. После шести лет супружеской жизни, он выстрелил в нее в припадке ревности. Пуля попала ей в шею. После этого она лиши лась возможности петь. В ее обществе часы шли незамет но, и было поздно, когда я лег спать. Ничего романтиче ского, однако, в нашей поездке не было. Хотя она прекрас но выглядела для своего возраста, ей было уже за шестьдесят.

Вскоре после моего возвращения в Москву Бейли уехал в Англию в отпуск по болезни, и в возрасте 27 лет я вступил в должность, которая вскоре приобрела значение одного из самых важных заграничных постов.

Его отъезд меня не обрадовал и не огорчил. Я зам нял его и раньше, когда он отлучался для инспекторси поездок. Я думал, что он вернется обратно примерн через месяц. В его отсутствие дела шли как всегда.

События, однако, должны были продлить время моей ответственной работы. Я вернулся из Киева в Москву, полную слухов и разочарований. Дела на германском фронте шли плохо. Русское наступление на австрийцев было сломлено. Недавно начались мощные контратаки, и беженцы стали стекаться в города, до крайности перепол няя их. От моих знакомых (социалистов) я получилтре вожные донесения относительно недовольства и беспо рядков в деревнях среди призывников. Раненые не желали возвращаться обратно. Крестьяне возмущались тем, что их сыновей отрывали от полей. Мои друзья — англичане в провинциальных текстильных предприятиях все более и более беспокоились по поводу социалистической

юз

агитации среди рабочих. Она была в такой же мере направлена против войны, как и против правительства. В Москве произошел голодный бунт, и помощник градона чальника был избит. Сандецкий, командующий москов ским военным округом, суровый старый патриот, ненави девший немцев, был снят со своей должности и на его место был назначен генералгубернатором князь Юсупов, отец молодого князя, впоследствии принимавшего уча стие в убийстве Распутина. Единственной причиной увольнения Сандецкого был, по слухам, его излишний патриотизм. Императрица, которая была неутомима в своих попечениях о раненых, дарила русским солдатам иконы, а австрийским и германским пленным деньги. Не знаю, насколько это верно, но мне передавали, что Сан децкий протестовал в высших сферах против поблажек военнопленным и впал в немилость. Атмосфера стала нездоровой. Уверенность в русском оружии уступила ме сто уверенности в непобедимости немцев, и в различных слоях московского населения стала проявляться резкая злоба против германофильской политики, приписывав шейся русскому правительству. Пресловутый русский «паровой каток», выдуманный англичанами (кстати ска зать, одно из самых неудачных сравнений) испортился.

Ясно, положение требовало действия, и я поставил перед собой и выполнил две задачи, над которыми я работал еще до

отъезда Бейли. Одна состояла в длинном докладе о беспорядках на фабриках, с изложением из первоисточника целей социалистов. Вторая — политиче ский доклад о положении в Москве. Он был выдержан в пессимистическом тоне и указывал на возможность серь езных волнений в ближайшем будущем. Затем с некото рым страхом я послал их послу. Я получил личное благодарственное письмо с просьбой, чтобы политиче ские доклады превратились в регулярную часть моей работы.

Мои предсказания о беспорядках получили полное подтверждение в ближайшие две недели. 10 июня боль шой антигерманский бунт вспыхнул в Москве, и в течение четырех дней город был во власти толпы. Каждый мага зин, каждая фабрика, каждый частный дом, принадлежа щий немцу или лицу, имеющему германскую фамилию, были разграблены и опустошены. Загородный дом Кноп па, крупного русскогерманского миллионера, который больше всех содействовал созданию в России хлопчато

бумажной промышленности, импортируя англнйсг» шины и привлекая английских директоров, былсо™ до основания. Толпа, обезумевшая от вина, «оторое^

раздобыла при разгроме винных магазинов, np£^n^ жавших лицам, имевшим германские фамилии, немала пошады. Я получил сведения, что среди жертв были и русские подданные, а в некоторых случаях лица, которые несмотря на немецкие фамилии не знали ни слова по немецки. На фабрике Цинделя, в наихудшем промышлен ном районе, директор, говоривший понемецки, стрелял в толпу и был убит на месте. Я вышел на улицу, чтобы видеть бунт своими глазами. В течение первых 24 часов полиция не могла или не желала чтолибо предприни мать. Пожары возникли во многих частях города, и, если бы был ветер, мог бы повториться пожар 1812 года. Я остановился на Кузнецком Мосту и стал наблюдать, как хулиганы грабили самый большой московский магазин роялей. Бехштейны, Блютнеры, большие и маленькие рояли, пианино летели одно за другим из различных этажей на землю, где огромный костер довершал разру шение. Треск падающих деревянных предметов, свирепые языки пламени и хриплый вой толпы сливались в оглу шительный грохот, который прекратился не сразу даже после того, как вызвали войска.

На третий день, после непродолжительной стрельбы, власти оказались в состоянии восстановить порядок. Не впервые после 1905 года толпа почувствовала свою силу* Она вошла во вкус.

Во время бунта погибло много имущества, прина жавшего английским подданным; я тогда же немедле! отправился к

полицмейстеру и князю Юсупову, генерал1 губернатору, дабы заявить сирициальный протест. Я на шел несчастного полицмейстера в полной прострации. Он понимал, что его будут считать ответственным, как оно в самом деле и было. Он был смещен в 24 часа. Князь Юсупов, один из самых богатых помещиков России, был в ином положении. Он был в резкой оппозиции тому, что он называл германофильской «квашней» в С.Петербурге, и он был склонен считать, что бунт окажет хорошее действие на пассивное правительство.

Вскоре после этого князь Юсупов ушел в отпуск и не вернулся на свой пост. Интересно объяснение его уволь нения, или, как он сам говорил, его отказа вернуться После бунта он пригласил к обеду генерала Климовича,

нового полицмейстера, и графа Муравьева, губернатора Московской губернии. Через два дня Джунковский, това рищ мюшетра внутренних дел и глава тайной полиции, вызвал Муравьева по телефону из Петербурга и сказал ему

— Два дня тому назад Вы обедали с Юсуповым.

Вам подали стерлядь и шофруа из куропаток.

Да '

Вы сравнивали московских и петербургских

жетшгян?

Да.

Вы пили «МутонРотшильд» 1884 года.

Да, — сказал удивленный Муравьев, — но откуда же, черт возьми, Вы все это знаете?

А как же, — ответил Джунковский, — Климович только что прислал мне подробный доклад.

Муравьев передал историю Юсупову, который сер дито воскликнул, что он не привык к тому, чтобы за ним шпионил его помощник, и заявил, что он не вернется в Москву, пока Климовича не уберут.

Климович остался, а Юсупов больше не возвратился Возникновение московского бунта покрыто тайной, во я всегда считал, что московский генералгубернатор достоин порицания за то, что он вначале допустил анти германскую демонстрацию, которую, очевидно, считал полезной, и не вмешался сразу, когда положение приняло опасный оборот.

Следствием этого печального события, было пригла шение от посла прибыть к нему в Петербург. Оглядыва ясь назад, на минувшие годы, мне трудно восстановить в памяти то волнение, которое охватило меня, когда я получил это послание. Вицеконсулов, даже временно исполняющих должность генерального консула, не каж дый день вызывают к послу для

консультации. В течение одной тягостной минуты я взвесил, не было ли ошибоч ным в какомлибо отношении ведение мною дел или не являюсь ли я в какойлибо мере ответственным за то, что случилось. Я решил вопрос в свою пользу и укрепил свою растущую самоуверенность. Осторожности ради я посе тил Михаила Челнокова, московского городского голо ву, и моих лучших друзей в России, чтобы собрать последнюю политическую информацию. Затем, уложив свой чемодан, я отправился на вокзал, где незаменимый Александр раздобыл мне отдельное купе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Несмотря на то что в России я пробыл три гола это было мое первое посещение С.Петербурга. Тогда же я впервые увидел сэра Джорджа Бьюкеяена*(Джордж Уильям Бьюкеяен (1854-1924) посол • Роя» . 1910 •918 гг. (Прим. ред.)). Хотя я теперь ненавижу все города, новый город всегда производит на меня впечатление. В одном отношении С.Петербург не разочаровал меня. Это действительно гораздо более кра сивый город, чем Москва, и вид — особенно зимой из английского посольства, которое занимает, или занима ло, благородное положение на реке против Петропавлов ской крепости, сказочно красив. Но даже летом, в пе риод белых ночей, С.Петербург всегда представлялся мне серым и холодным. Под его прелестной наруж ностью скрывалось унылое сердце. Никогда я не любил его так, как Москву.

Прибыв ранним утром, я отправился в старую гости ницу «Франция», тщательно привел себя в порядок, по завтракал, а затем пошел в посольство через Дворцовую площадь. Я испытывал ощущение беспокойного опасе ния, как будто мне предстояло посещение зубного врача. Как шотландец, я иногда пытаюсь помочь моему низше му, сравнительно с англичанином, существу путем при творного презрения к его интеллектуальным недостат кам. В присутствии иностранцев по самоуверенности — я лев. Хвастливое чванство американцев только увеличи вает во мне сознание моей значительности. В присутст вии русских я всегда чувствую себя «grand Seigneur// Но мягкая и скромная надменность англичанина свод меня на уровень разоблаченного глупца. Я думаю, чт это сознание своей ничтожности, которое во мне сейчг сильнее, чем когда бы то ни было, появилось с того дня, когда я впервые вошел в подъезд английского посольства.

Когда я поднимался по широкой лестнице, на верху которой посол обычно принимал своих гостей и на кото рой три года спустя несчастный Кроми должен был быть подстрелен и затоптан насмерть большевистскими сол датами, я чувствовал себя, как школьник перед учителем. Я повернул налево, и меня провели в небольшую прием ную, откуда вела дверь в коридор.

Здесь меня встретил Эвери, канцелярский служитель, замечательный человек, обладавший всем презрением ан гличанина к иностранцу, и склонность которого к брюз жанию может сравниться только с добротой его сердца. Мне дали стул и предложили обождать. По мере того как время шло, чувство предвкушаемого удовольствия сме нилось все увеличивающимся волнением. Единственный член посольства, с которым я был

знаком, был военный атташе полковник Нокс. Но он отсутствовал. Посол не назначил время беседы со мной. Несомненно, все были очень заняты. Может быть, я должен был сначала позво нить, чтобы условиться о часе приема. Я стал нервничать и беспокоиться. Высшая сверхчувствительность натуры была моим несчастием в течение всей жизни. Она, и только она виновата в моей незаслуженной репутации дерзкого человека, которой я пользовался в течение моей карьеры, и которая позднее была причиной тому, что один из очень высоких чиновников Министерства ино странных дел назвал меня «наглым школьником». Ни когда эта чувствительность не делала меня в такой степе ни беспомощным, как в те бесконечные четверть часа, которые я провел в обществе Эвери.

Наконец открылась большая белая дверь, появился высокий, атлетически сложенный и красивый человек. Это был «Бенджи» Брюс, глава канцелярии, вечный и неизменный любимец каждого посла, при котором он когдалибо служил. Сообщив мне, что посол примет меня через пять минут, он провел меня в канцелярию и позна комил с другими секретарями. Впоследствии я ближе познакомился с ними и оценил их достоинства, но мое первое впечатление было, что я попал в машинописное бюро. В неудобном тесном помещении, заставленном столами, сидели с десяток молодых людей, занятых пере пиской и зашифровкой. Они хорошо работали и «Бенд жи» Брюс мог писать на машинке так же быстро, как любой профессиональный переписчик, и зашифровывал и расшифровывал с изумительной быстротой. Здесь сидели молодые люди, образование каждого из которых стоило несколько тысяч фунтов стерлингов, выдержавшие труд ный экзамен. Однако, в разгар великой войны, во время которой их специальные знания могли принести боль шую пользу их стране, в течение бесконечных часов были заняты работой, которая могла бы быть также хорошо выполнена простым клерком. Эта система, ныне, ж

счастью, оставленная, была типичной для бедности мыш ления, царившего в Уайтхолле в течение, во всяком^™ чае, первых двух лет войны. Каждая миссия, а в Р^ии их, вероятно, было десятка два, получала почти неогра ниченные суммы от казначейства. Профессиональные ди пломаты, которые, каковы бы ни были их недостатки знают свою работу лучше, чем любители, были оставле ны при своих обязанностях, как в мирное время, не столько вследствие опасности разглашения тайн, сколько потому, что такой порядок существовал в течение поко лений и потому, что в департаменте личного состава министерства не было никого с достаточной гибкостью ума и

мужества, чтобы настаивать на изменении этого порядка. И неудивительно, что после войны многие из молодых дипломатов, утомленные этой бессмысленной работой, подали заявления об отставке. Брюс относится к ним. Человек усердный и привлекательный, прекрасный знаток языков, крепко дисциплинированный и с действи тельным организационным талантом, он прекрасно управлял своей канцелярией. Хотя он был слегка упрям, как полагается ирландцу, он служил своим различным начальникам с страстной преданностью и лояльностью. Когда он вскоре после войны вышел в отставку, Мини стерство иностранных дел, может быть, потеряло самого способного из своих молодых дипломатов.

После того как я минут двадцать проморгал в канце лярии, пришел Эвери и объявил, что посол свободен. Когда я вошел в большой кабинет, в котором затем имел столько бесед, навстречу мне вышел тщедушный человек с утомленным выражением глаз. Его монокль, его тонкие черты лица и его прекрасные серебристосерые волосы придавали ему вид, напоминающий театрального дипло мата. Однако не было чеголибо искусственного в его манерах или в нем самом, а только большая привлека тельность и чудесная сила возбуждать доверие, которую я сразу ощутил.

Его обращение было таким приветливым, что моя нервность моментально прошла; в течение часа я разго варивал с ним, сообщил свои опасения и беспокойство по поводу создавшегося положения, недостаток снарядов скрытую пропаганду против войны, растущее во всех классах населения недовольство правительством и ртпш против самого царя. Он казался удивленным, «я думал, что в Москве гораздо более здоровая атмосфера, чем в

С.Петербурге», — сказал он грустно. Так оно и было, но я понял, что до этого он переоценивал московский па триотизм. Я поколебал веру, которая, может быть, ни когда не была особенно сильна.

Я был приглашен к завтраку и был представлен жене посла. Она была женщиной с сильными симпатиями и антипатиями, причем она мало старалась их скрывать и в течение нескольких месяцев каждый раз, когда я приез жал в С.Петербург, она неизменно встречала меня заме чанием: «Вот идет пессимист мистер Локкарт». Все же во всех других отношениях она не проявляла ко мне ничего кроме благосклонности, и, хотя я никогда не умел совер шенно превозмочь свою врожденную робость, я считал себя в числе счастливцев, пользовавшихся ее расположе нием. По отношению к сэру Джорджу она была всем

тем, чем должна быть жена, заботясь с исключительным вни манием об его здоровье, управляя домом с точностью часового механизма и никогда не нарушая той пунк туальности, которую посол довел почти до мании. Она была большая женщина, и ее сердце было пропорцио нально ее объему.

Здесь не место давать отчет о деятельности в России сэра Джорджа Бьюкенена, но мне приятно отдать дол жное этому человеку. Всякий англичанин, занимавший официальное положение в России в годы войны, неиз ' бежно сталкивался с критикой, которая всегда сопрово ждает неудачу. А в глазах англичан развал России в 1917 году был величайшей неудачей. Поэтому они уси ленно ищут козлов отпущения среди своих соотечествен ников. Клеветники не пощадили сэра Джорджа Бьюкене на ни в России, ни в Англии. Мне приходилось слышать слова министров о том, что, если бы мы имели в России более крепкого посла, революции можно было бы избе жать. Имеются русские, которые с черной неблагодар ностью обвиняли сэра Джорджа Бьюкенена в том, что он подстрекал к революции. И то и другое совершенно вздорные обвинения. Конечно, русское обвинение являет ся особенно жестокой и беспочвенной клеветой, которая, к стыду лондонского общества, повторялась без опровер жений в лондонских салонах русскими, пользовавшимися гостеприимством в высоких сферах. Это поношение не может быть оправдано никакими личными страданиями. Сэр Джордж Бьюкенен был человеком, все существо которого противилось революции. Когда пришла рево

по

люция, он отказался встречаться, и действительно ннжог да не встречался ни с одним человеком, который отвегст вен за свержение царизма, и никогда, ни лично ни че~ рез своих подчиненных не поощрял домогательств та ких лиц.

Понятно, он был бы человеком, лишенным проница тельности, если бы он не сумел предвидеть приближав шейся катастрофы, и его обязанностью было, если бы он был встревожен, предостеречь русского самодержца об опасности, надвигавшейся на него. Он предпринял эту трудную задачу в своем известном разговоре с императо ром. Я видел его как раз перед тем, как он отправился к царю. Он сообщил мне, что, если царь примет его сидя, все пойдет хорошо. Царь принял его стоя.

Утверждение Уайтхолла, что более крепкий посол мог бы предотвратить конечную катастрофу, основывается на полном незнании традиций русского самодержавия. Презрение к иностранцам характерно для английской расы, но в этом отношении позиция Джона Буля является снисхождением по

сравнению с надменным безразличием петербургского общества к человеку, стоящему вне их крута. Русская аристократия, не очень родовитая и веду щая жизнь более роскошную, чем культурную, жила в своем замкнутом мире. Звание посла не открывало перед ним дверей. Если он нравился как человек, его приглаша ли всюду. Если нет — его не желали знать. Это не было снобизмом. Русская аристократия была также госте приимна, как и другие слои русского общества. Но она делала свой собственный выбор лиц, пользующихся ее гостеприимством, и иногда она была поразительно не разборчива. Во время войны молодой лейтенант управле ния британской военной цензуры, вероятно, бывал более часто в высоких сферах, чем все члены посольства, вместе взятые.

Аристократия исповедовала самодержавие как рели гию. Оно было скалой, на которой было построено ее собственное благополучие. В ее глазах император был единственным настоящим монархом в мире, и в своих собственных интересах она была готова всегда рассма тривать всякую попытку иностранных дипломатов ока зать на него влияние как посягательство на император скую власть. Наиболее активными членами бюрократи ческого мира были балтийские бароны — класс даже сегодня приросший своей шкурой к реакции. В воине они

Ш

видели прежде всего опасность для самодержавия и смо трели со скрытым недоверием на Англию — колыбель конституционной монархии. Кроме того, несмотря на всю свою слабость, сам император противился иностран ному влиянию и подходить к нему нужно было с особен ным тактом. Он, как и его приближенные, оскорбился бы всякой попытке английского дипломата откровенно с ним поговорить.

Задача сэра Джорджа Бьюкенена была поэтому иск лючительно трудна. Он должен был преодолеть полити ческий предрассудок против Англии, который все еще оставался после прежних политических разногласий. Он должен был принять в соображение особую подозритель ность правящего класса. Утверждение, что он был нере шительным человеком потому, что он действовал столь осторожно, совершенно не соответствует всему его ха рактеру. Он был назначен в посольство в С.Петербурге благодаря прекрасной работе в Софии, и я сомневаюсь в том, чтобы на британской дипломатической службе был другой человек, который столь же хорошо понимал ха рактер славян. Если даже он не был человеком выдающе гося ума (он обладал недоверием шотландца к блеску), у него была замечательная интуиция и большой запас здра вого смысла.

Русской сметливости он противопоставлял [полнейшую честность и искренность, сдерживаемую I осторожностью. Он пользовался полным доверием Сазо | нова, наиболее положительного из царских министров. В широких кругах русского народа на него смотрели как на человека, стремящегося к общей победе всех союзников, неспособного к интригам против России. Я нарочно го ворю «в широких кругах русского народа», ибо ошибоч но думать, что сэр Джордж Бьюкенен был непопулярен в русском обществе. За исключением германофильских кругов у него было много почитателей среди русской аристократии. Лишь уже после революции знать стала роптать против него, ища в нем козла отпущения за свой собственный провал и ширму, которой они хотели при крыть свою несдержанную болтовню против импера то ра. В большей степени, чем все резолюции Союзов земств и городов, в большей степени, чем вся агитация социали стов, открыто выраженная критика со стороны великих князей и высокопоставленных аристократов, подорвала авторитет императорского трона. Если история англо русских отношений за эти знаменательные годы будет

рассматриваться в ее последовательности, то будущие поколения поймут, с каким огромным тоудом ™ Джордж Бьюкенен удерживал Россию в состоянии войны Понятно, я не могу представить себе большего несчастия для судеб Англии, чем английского посла в С.Петербурге, играющего перед императором роль ма ленького Наполеона из Уайтхолла.

Как начальник сэр Джордж Бьюкенен был очаровате лен, — человек, в котором все мысли о себе были погло щены высшим чувством долга. Его персонал обожал его, и, когда он совершал свою ежедневную прогулку в рус ское Министерство иностранных дел, надев шляпу не сколько набок, его высокая худощавая фигура, слегка сгорбленная, словно под тяжестью забот, вызывала в каждом англичанине ощущение того, что сам посол так же, как и здание посольства—частица Англии.

Если имеется какаялибо особенность его характера, которую я должен подчеркнуть, то это его бодрость как физическая, так и моральная. Физически он не знал значе ния слова «страх». Морально — он полностью торжест вовал над тем, что я считал естественной склонностью к линии наименьшего сопротивления, и становился без ма лейшего колебания лицом к лицу с положениями и бе седами, которые внушали ему отвращение.

Со мной он был неизменно добр. Вследствие незначи тельности моего положения я мог видеть людей, с кото рыми ни он, ни другие члены его персонала не могли встретиться. Таким

образом, я был в состоянии давать ему сведения, которые, если они только были достовер ны, представляли для него некоторую ценность. Многие послы, получая обычно такую информацию, включали ее, когда это требовалось, в свои собственные депеши. Это не было свойственно сэру Джорджу. Он не только всячески поощрял меня как в письмах, так и в личных беседах, но и посылал мои доклады в Англию в Мини стерство иностранных дел, часто сопровождая нескольки ми словами одобрения. В результате я приобрел в Лондо не полное доверие к своей работе, и во многих случаях получал личные • одобрительные письма сэра Эдварда Грея. Я немного возгордился. Я стал более люто сра жаться с департаментом личного состава за расширение канцелярии и увеличение ставок. Но к сэру Джорджу я был преисполнен благодарности и уважения, всегда должно было бы сопровождать благодарность.

из

Впоследствии я лишился его благосклонности, заняв по сле большевистской революции позицию против интер венции. Но, за исключением лорда Мильнера, из всех людей, с которыми мне приходилось работать, ни один не внушал мне такого чувства любви и преклонения, как он, и я рад, что успел перед его смертью помириться с ним.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Я вернулся в Москву довольный своим приемом у посла, ободренный его просьбой оставаться с ним в тесном контакте и приезжать в С.Петербург, как только будет нужно обсудить какойнибудь важный вопрос. Я ничего никому не сказал о своем визите; но грозный Александр не был столь скромен, и вскоре я обнаружил, что в глазах чиновников и политиков мой престиж значи тельно вырос. Повидимому, из уст Александра история пошла дальше и в главных комитетах Всероссийского земского союза и Союза городов широко стало известно, что Его Превосходительство, исполняющий обязанности британского генерального консула (Александр всегда до

(бавлял исполняющий обязанности) регулярно ездит в С.Петербург совещаться, а может быть, и давать совет Его Высокопревосходительству (в России послы велича лись Их Высокопревосходительством) британскому послу.

В течение лета 1915 года я укрепил свою дружбу с Михаилом Челноковым, московским городским головой, бывшим товарищем председателя Государственной ду мы. Челноков — великолепный образец московского куп ца — седобородый, патриархальный, широкоплечий, не смотря на свою хромоту выглядел мужественнее боль шинства своих соотечественников. Хотя он был на двад цать лет старше меня, мы стали близкими друзьями, и через него я не только познакомился со всеми московски ми политическими деятелями — с князем Львовым, Васи лием Маклаковым, Мануйловым, Кокошкиным и многи ми другими, но также получил экземпляры многочислен ных секретных резолюций, вынесенных такими организа циями, как Московская городская дума, Земский союз, главой которого являлся князь Львов и Союз городов, душой которого являлся сам Челноков. Иногда я даже

имел возможность получать в Москве из этого же источ ника экземпляры секретных резолюций, вынесенных ка детской партией в С.Петербурге или такие документы как письмо Родзянко премьеру, и раньше всех доставлять их нашему посольству в С.Петербурге. Эти мелкие успе хи, естественно, увеличили мою репутацию откапывате ля новостей. Через Земский союз и Союз городов я приносил коекакую пользу военному ведомству. Земский союз и Союз городов, несмотря на препятствия, которые им чинило правительство, больше всего напоминали на ше Министерство снабжения. От князя Львова и Челно кова я регулярно получал последние цифры по военной

продукции.

В течение двух с половиной месяцев отсутствия Бейли, я основательно окопался в Москве. Я получил благодар ность министра иностранных дел. Я был persona grata для военных кругов в Москве. Посол прислал за мной. В конце июля должен был вернуться Бейли. Я чувствовал, что он будет доволен, и я буду удовлетворен, зная, что хорошо сделал свою работу. Казалось, все шло хорошо.

Однако наступил новый кризис. События на русском фронте шли из рук вон плохо. Отступления из Галиции и от Карпат отразились не сильно на Москве, если не считать увеличения числа раненых; иначе обстоял вопрос с наступлением на Варшаву. Неделями в Москву лился поток польских беженцев. 19 июня пришла телеграмма от Грова, извещающая меня, что Варшава эвакуируется и что оставшиеся там члены британской колонии выезжа ют немедленно в Москву. Три дня спустя он приехал; в тот же день я получил телеграмму от Бейли, сообщаю щую, что он назначен генеральным консулом в Нью Йорк и возвращается в Москву уложить свои вещи. Я ничего не имел против Грова. Если тут и было честолю бие, то я его не сознавал. Но я должен признаться, что этот двойной удар привел меня в замешательство. Если Бейли едет в НьюЙорк, совершенно очевидно, что Гров займет его место в Москве. Говоря откровенно, мне вовсе не хотелось вернуться после Бейли к режиму Грова.

30 июля приехал Бейли, имея в своем кармане пакет с сюрпризом. Все мои опасения кончились. Гров должен был быть переведен в Гельсингфорс. Я же оставлен во главе московского генерального консульства, ьеили со общил мне, что вслед за его назначением в ньюиорк министерство назначило нового генерального консула в

Москве. Однако сэр Джордж Бьюкенен запротестовал, заявив, что я проделал неоценимую работу и было бы ошибкой тормозить мою деятельность, подчинив началь нику, который не мог так хорошо знать ситуацию, как я. Бейли сказал мне с неподдельной радостью, что Мини стерство иностранных дел очень довольно мною. Я по пытался сделать равнодушное лицо. Хотя я ровно ничего не предпринимал для удовлетворения своих собственных притязаний, тем не менее у меня были угрызения совести по поводу Грова, которому предстояло горькое разоча рование. Но в глубине души я ликовал. Еще не достигнув двадцати восьми, я уже собственными заслугами постав лен во главе одного из наиболее важных генеральных консульств во время войны. Некоторое количество са момнения хорошо в молодом человеке.

Если не считать честолюбцев и разбойников, оно скоро улетучивается.

Около недели я неотступно был с Бейли, помогая ему разобраться в делах, организуя его прощальные обеды и принимая от него генеральное консульство. Английский клуб устроил ему блестящие проводы; мы в свою очередь организовали официальный прием в генеральном кон сульстве, на котором каждый обменивался с Бейли по дарками. Я получил массивный портсигар, который хра ню поныне.

Речь Александра явилась довольно тяжелым испыта нием для присутствующих, открыв последние шлюзы глубокого душевного волнения даже у Бейли (мои секре тарши обе плакали, и только старый клерк Фриц, латыш, был невозмутим). В лирических тонах он указывал на Бейли и меня как на два блестящих примера для русских, каким должен быть чиновник и заявил о своем твердом намерении покинуть Москву, если я уеду. Напыщенность речи Александра была как раз хорошим тормозом для моих словоточивых желез. Все же я был полон печали в связи с отъездом Бейли. Он был для меня скорее отцом, чем начальником. Он был сама доброта во время болезни моей жены. То что он был мне предан и искренне хотел моего продвижения, хотя он снисходительно относился к моей беспечности, не помешало мне, однако, черпать прекрасные советы из запаса его мудрости. Я терял не только друга, но союзника, в подлинном смысле слова, единственного союзника в городе с двумя миллионами жителей. Увы! Больше я его никогда не видал.

Его совет, состоящий главным образом из одного

поучения соблюдать одиннадцатую заповедь, пока я со стою на службе, упал на бесплодную почву

Падение Варшавы было трагическим завершением не удачной летней кампании 1915 года. Это был удар кото рого нельзя было скрыть даже от масс и который совер шенно естественно усилил пессимизм и разговоры о ми ре. Люди типа Челнокова и Львова были довольно креп ки; их корни уходили в землю. Но зато политиканы были возбуждены, их нервность распространилась, как влаж ный туман, и охватила половину населения. Ужасные слухи о том, что русские сражаются в окопах, вооружен ные одними палками, просочились с фронта в тыл. Ни пожилой человек, ни молодой новобранец не испытывали ни малейшего расположения идти на убой; в промышлен ных центрах, как ИвановоВознесенск, вспыхнули анти правительственные забастовки, сопровождавшиеся в не скольких случаях стрельбой.

Как обычно власти изобрели противоядие, чтобы раз рядить общественное волнение. 23 августа, когда мрач ные настроения

достигли апогея, Москва кишела слуха ми, исходившими, повидимому, из официальных источ ников, что союзники форсировали Дарданеллы. Днем одна из московских газет вышла с большим заголовком: «Официальное сообщение: Дарданеллы взяты». Затем следовало подробное описание бомбардировки проливов с полным перечислением потерь и перечислением назва ний судов. По получении этих известий большая толпа собралась на улицах. Народ становился на колени на Тверском бульваре благодарить Бога за славную победу. Началась манифестация перед генеральным консульст вом. Напрасно я старался разъяснить толпе, что известие ложное. «Официальное сообщение!», — кричали газетчи ки, и голос мой тонул в криках «ура». Позже, вечером толпа стала буйствовать, и около памятника Скобелеву произошла демонстрация против полиции, которая кон чилась, как обычно, атакой конных жандармов.

Следующий день был днем всеобщего разочарования по поводу ложного известия. Я вместе с моим ФранДУЗ" ским коллегой отправился к полицмейстеру с требова нием привлечения к ответственности издателя и редакто ров, опубликовавших это известие. Он принял нас с обычной чиновной елейностью. Он уже предаосхитил наше негодование и закрыл газету до конца войны, мы выразили ему свою благодарность. Я был весьма удив

лен. обнаружив после этого заявления, что газета продол жает вьстоднть. изменив свое название: «Вечерние ново сти» на «Вечернюю газету». Во всех других отношениях она была идентичной со своей предшествеиииицей. Заго ловки и шрифт были те же. Вчерашний, провинившийся редактор, подписал сегодняшнюю передовицу. Я выру гался и махнул рукой на полицию. Позже мне удалось узнать, что утка о победе была выпушена по уговору с полицией, чтобы дать выход общему возбуждению. Я никогда не претендовал на знание психологии царской полиции. Однако я решительно отказываюсь поверить в ее \мение работать и честность. Страшная «охранах» из повести Сетона Мерримееа, была мифом, пугавшим ско рее страшным своим именем, чем своей осведомлен ностью. Это было учреждение, которым управляли тупи цы и пройдохи, причем на 10 тупиц приходился один пройдоха. С наступлением осени приближавшаяся траге дия России все больше угнетала меня. Предстояли собы тия похуже падения Варшавы. Но та же слабость харак тера, делающая русских неспособными к длительному усилию, притупляла их пессимизм. Ни один из москвичей не умел долго предаваться отчаянию. И действительно, когда удар следовал за ударом, местный патриотизм воспрянул опять, и,

если в Петербурге мало кто верил в русскую победу, Москва провозгласила лозунг, что война { не может быть выиграна, пока не будет устранено из I столицы влияние темных элементов. Этот момент кладет начало первой из многих резолюций, требующих образо вания Кабинета национальной обороны, или обществен ного доверия. Вначале эти требования были сравнитель но умеренными. Москва была готова принять законных царских министров, а именно таких людей, как Криво шеий. Сазонов, Самарин, Щербатов и другие, которые ве были связаны с политическими партиями в Думе. На этой стадии царь мог бы довольно легко, не выходя за пределы обычного круга, из которого он выбирал своих советников, сформировать новый кабинет, удовлетворяв ший общественное мнение. Если б он своевременно дал шестидюймовую реформу, царь мог бы спасти те ярды, которые разочарованная страна спустя некоторое время взяла силой. Те, однако, кто стоял ближе к нему, видели вещи в ином свете. Они говорили ему, что любая уступка была бы истолкована как слабость и что аппетит ва реформы только разыграйся бы. Это было самым ве

не

отразимым аргументом, и поэтому тем, кто боил» старался для дела русской победы, царь ответшГоˆ ском Думы, отставкой Великого князя Николая HmˆZ вича. отставкой Самарина, Щербатова ■ Джˆижоисжого трек министров, которые в этот момент были нанботее популярны в Москве.

Роспуск Думы вызвал обычные забастовки и проте сты. Но принятие на себя Верховного командования са мим царем было первым верстовым столбом по дороге на Голгофу. Это была наиболее роковая из многих оши бок несчастного Николая II. потому что в качестве глав нокомандующего он нес в глазах народа личную ответст венность за длинный ряд поражений, которые теперь стали совершенно неизбежными благодаря технической отсталости России.

Отставка Самарина и Джунковского явилась косвен ным следствием одного эпизода, молчаливым свидете лем которого я был сам. В один летний вечер я имсси с несколькими англичанами был в «Яре», самом роскош ном ночном ресторане Москвы. Пока мы в главном зале смотрели программу, в одном из соседних кабинетов поднялся сильный шум. Дикие женские крики, ругань мужчин, звон разбитых стаканов, хлопание дверьми сли лись в адский хор. Лакеи бросились наверх. Метрдотель послал за полицией, которая всегда дежурила в больших ресторанах. Полиция суетилась, лакея чесали затылки в совещались. Причиной беспорядка оказался пьяный скан

даливший Распутин; ни полиция, ни администрация не осме_тнвались вывести его. Городовой позвонил участко вому надзирателю, тот полицмейстеру. Полишлеистер позвонил Джунковскому, который был товарищем мини стра внутренних дел и начальником всей полиции Джун ковский, бывший генерал и человек с характером, отдал распоряжение арестовать Распутина, который, в сущно сти, не был даже священником, а самым обыкновенным гражданином После того как он в продолжение лму* часов мешал всем веселиться, его увели ■ ближайший полицейский участок; по дороге он вьлгрнкнвал руга тельства и угрозы. На следующее утро его выпустили по распоряжению свыше. В тот же день он выехал в |*стер бург. И в течение двадцати четырех часов Джунковский получил отставку. Отставка Самарина, последовавшая позже, произвела очень тяжелое впечатление Диорялнтˆ человек с прекрасной репутацией, он был ооер

прокурором святейшего Синода и одним из лучших пред. ставителей своего класса. Его можно было обвинить в чем угодно, но не в отсутствии глубоко консервативных взглядов или преданности императору. Однако каждый либерал и социалист уважал его как честного человека, и тот факт, что император пожертвовал одним из своих самых верных слуг ради такого субъекта, как Распутин, был воспринят почти всеми в Москве как абсолютное доказательство бездарности царя. «Долой самодержа вие», — кричали либералы. Но даже среди реакционеров были такие, которые говорили: «Если вы хотите, чтобы самодержавие процветало, дайте нам хорошего само держца». Это был единственный случай, когда Распутин встретился на моем пути. Однако время от времени я видел следы зверя в доме Челнокова, где городской голова показывал мне коротенькие напечатанные запи сочки, в которых просили устроить предъявителя сего на теплое местечко в Союзе городов. Записки были подписа ны безграмотными каракулями «Г. Р.» — Григорий Рас путин. Записочки неизменно выбрасывались стойким Челноковым. С наступлением зимы, а она была ранней в 1915 году, на фронте установилось затишье, а в связи с этим затишье и на политическом горизонте.

Мы с женой обедали в гостях шесть раз в неделю. Почти каждый день у нас к завтраку бывали гости — английские офицеры, генералы, адмиралы, полковники, проезжающие через Москву на пути в штабы различных русских армий. Раз в неделю жена принимала. Благодаря врожденному такту ей удавалось на этих приемах соеди нять волков с ягнятами. Она особенно была довольна, когда ей удавалось заполучить одного или двух

социалистов.

Тем не менее приходили все — от коменданта Крем ля, губернатора, полицмейстера и генералов Московско го военного округа (далеко не все генералы были хорошо расположены к правительству и местным властям) до московских миллионеров, балерин, артистов и писателей, а также робких и отчасти неуклюжих политиков левого крыла. Насколько я припоминаю, на этих приемах не было никаких схваток, хотя в одном случае Саша Кро поткина, дочь старого анархиста князя Кропоткина, едва не подралась с графиней Клейнмихель по поводу отсутст вия военного духа в С.Петербурге. Это смешение раз личных групп москвичей было также полезно им, как и

яам. Были разрушены перегородки, на которые до сих пор никто не покушался. Благодаря этому мы располага ли самой разносторонней информацией.

Весьма оригинальным путем, когда был убит мой брат Норман в Лоосе, мне пришлось убедиться что среди русских есть такие, сердца которых устремлены к победе. Известие о смерти я получил в начале октября Мы были на прогулке за городом и обедали в «Эрмита же». Жена отправилась домой переменить ботинки. Там она застала телеграмму и позвонила мне в ресторан.

Впервые случилось, что о смерти любимого человека я узнал без всякого предупреждения. Я не выдержал и тут же в телефонной будке горько заплакал. Я рассказал своим русским друзьям, что случилось, и поехал домой. На следующее утро почти все московские газеты собо лезновали о моем брате и о потерях, которые понесли шотландские войска. В течение ряда дней я получал соболезнующие письма от русских всех классов и состоя ний. Приходили многие такие, которых я ранее'никогда не видел. Большинство из них кончало выражением уве ренности в окончательной победе союзников.

Не следует думать, однако, что моя жизнь была сплошной трагедией. Забастовки, политическое недо вольство, поражения стоят сегодня, как вехи на большой равнине, но они не были в то время событиями повседнев ной жизни или даже значительной части моей ежеднев ной жизни. У меня были свои дела. Я присутствовал на заседаниях комитетов (британская колония имела много различных организаций для раненых и беженцев: по при зыву новобранцев, по военному снабжению и т.д.) и занимался обыденной консульской работой, которая, неза висимо от моей политической работы, была основной. Некоторые мои неприятности были юмористическими, иные только раздражали. Я мог смеяться, когда жена мне звонила в консульство о том, что

прислуга забастовала, или, вернее, отказывается идти в квартиру, потому что там ходит домовой, главный проступок которого состоял в том, что он бил ценную посуду. В действительности же редкая и дорогая икона сама упала, но так как моя жена стала на сторону прислуги, мне ничего не оставалось, как пригласить священника отслужить молебен. Тот пришел и за пять рублей обильно окропил домового святой водой. Дом был очищен, слуги возвратились, и, как это ни стран но, подозрительный шум и битье посуды 1хрекратились.

Менее забавным представлялись частые ссоры между членами консульства, аппарат которого значительно раз бух с появлением британских беженцев из Варшавы.

Бейли оставил мне наследство в лице Франсиса Грине па, известного лондонского адвоката. Это был красивый старик, всегда хорошо одетый; его серебряные волосы и монокль придавали солидность персоналу консульства, в котором я был едва ли не самым младшим членом. Будучи в хорошем настроении, он был очарователен в своих манерах. Его работа также была выполнена пунк туально и хорошо. Но — и это было большое «но» — он был очень вспыльчив, обидчив, постоянно происходи ли сцены. Иногда он обижался на Александра, задевшего его достоинство. Другой раз, на Ст. Клера, варшавского вицеконсула, который состоял при мне. Будучи больше поляком, чем шотландцем, он гордился старинным шот ландским родом, к которому принадлежал. Это были странные капризные люди. Сами оскорбляли других, но не любили, когда другие оскорбляют их. Мне думается, я с ними обращался хорошо; во всяком случае, когда жи вешь месяцами и даже годами в маленьком учреждении в весьма напряженной обстановке, когда видишь изо дня в день одни и те же лица, и очень сильные нервы могут сдать; а нервы Грине па и Ст. Клера были далеко не крепкими. Мне удавалось сглаживать трения между чле нами консульства. Хуже обстояло дело, когда злость Грине па изливалась на посетителей. Я старался, насколь ко это возможно, не выпускать его из его же кабинета; разумеется, я не мог запретить ему входить в главную канцелярию при исполнении обязанностей. В длинной цепи инцидентов два имели серьезные последствия. Одна жды утром, когда я расшифровывал телеграмму, до меня донеслись из канцелярии сердитые пререкания. Из обще го шума выделялся голос Гринепа, дрожавший от ярости: «Делайте, что вам сказали, или убирайтесь».

Я выбежал вовремя, чтобы удержать моего вспыльчи вого старика от физического насилия над английским артиллерийским майором, который побагровел от негодования.

Скажите, вы возглавляете консульство? — обра тился он, заикаясь, ко мне.

Извольте извиниться, или я доложу о вас в Мивв стерство иностранных дел. Этот человек оскорбил коро левский мундир.

Ш

Гринеп стоял у конторки, указывая пальцем на вот рет короля, который украшал стену. "

— Снимите вашу шляпу, сэр, в присутствии Его Ко ролевского Величества. Он упорно повторял свое требо вание. С помощью клерка Фрица, который был свидете лем всей сцены, я установил истину. Офицер в форме вошел в консульство в шляпе. Гринеп, проходивший мимо, указал на портрет короля и при этом сказал до вольно вежливо: «Разве вы не видите королевского порт рета? Здесь не вокзал». Офицер на это не обратил никако го внимания. Тогда Гринеп уже более настойчиво повто рил свое требование, и тут страсти разгорелись.

Это был трудный случай. Фактически Гринеп был неправ, потеряв самообладание. Офицер, однако, проя вил бестактность. Он отстаивал свои права, утверждая, что, войдя в консульство, он поступил правильно, не сняв фуражку.

Ввиду того, что он упрямился, я не имел другого выбора, как уволить несчастного Гринепа, на что я, одна ко, не хотел бы идти отчасти потому, что он был мне предан и, вовторых, это означало бы выбросить Гринепа на улицу. Я пытался смягчить офицера, не жертвуя Гри непом, но офицер был неумолим и требовал удовлетворе ния. Я отказал. Он ушел, обещая еще свести счеты. Я доложил об этом случае послу, разделив вину поровну и представив все дело, как результат расстройства нервов вследствие войны. Больше я об этом ничего не слышал, в таким образом, к • счастью, для меня инцидент был исчерпан.

Более серьезным был аналогичный эпизод, в котором Гринеп резко обошелся с Балиевым, богатым армяни ном, братом знаменитого Никиты. В свободное время Гринеп для повышения своего заработка давал уроки богатым русским. Балиев был одним из его учеников. По видимому, у них возникли какието недоразумения на почве платы. Как бы там ни было, Гринеп затаил обиду. Это проявилось, когда Балиев в один прекрасный день явился в консульство за получением визы; к несчастью, Гринеп опять находился в канцелярии, и вид богатого человека, который, как он считал, лишил его заработан ных с таким трудом рублей, вывел его из равновесия, и я опять выступал в роли примирителя. На этот раз, одна ко, последствия оказались более серьезными. При инци денте были свидетели, и Балиев решил дать делу заков

ный ход. По счастью, его адвокат находился в приятель ских отношениях с нашим и был не в меньшей степени чем я озабочен предотвращением публичного скандала. Мы выработали такой компромисс, который мог бы удовлетворить задетое самолюбие Балиева и в то же самое время спасти Гринепа от увольнения. В конце концов Балиев согласился приостановить дело, если ему будет принесено публичное извинение в присутствии все го состава консульства, его самого и его адвоката. Текст извинения должен был быть набросан им самим.

Оно было длинное. В нем много говорилось о том, каким должно быть поведение джентльмена. Это была неприятная порция для любого из нас, а что касается Гринепа, то он за двадцать четыре часа до срока отказал ся извиниться. Я пояснил ему, что ничего больше не могу для него сделать и что, если дело пойдет в суд, результат заранее ясен. Он должен будет уйти со службы. Наконец он согласился. Извинение было перепечатано, и я вместе с юристом установил процедуру его вручения. В канцеля рии Фриц и три машинистки сидели как мумии за своими столами, у двери стоял Балиев со своим адвокатом. Когда все было готово, я прошел в комнату Гринепа и привел его, сунув в руки текст извинения. Он был в лучшем своем костюме. Его волосы были тщательно приглажены. Монокль был прямо вставлен. Лицо его было, как у статуи. Только по дрожащей в его руках бумаге можно было судить о бешенстве, душившем его. — Могу я начать? — произнес он зловещим шепотом. Когда он читал этот идиотский документ, яркий румя нец покрыл его щеки, и они стали такого цвета, как гребень у индюка. Толстый Балиев, самодовольный, сма ковал унижение англичанина. Когда Гринеп кончил, он смерил взглядом своего врага, скомкал бумагу в своих руках и вышел из комнаты со следующими словами: «Нате подавитесь».

Сейчас эта сцена кажется довольно комичной и даже несколько недостойной моего положения, но в то время это было серьезным делом. В самом деле, способность. Гринепа вынашивать обиды была так велика, что он мог бы очень легко вовлечь генерального консула либо в скандал, либо в дорогую судебную тяжбу и, уж конечно, в смешное положение.

Однако были и компенсации. В ноябре 1915 года посол информировал меня письмом, что Министерство

иностранных дел так довольно моей работой, что я 6vnv оставаться во главе генерального консульства до ковш войны. Я весьма удачно использовал это письмо для улучшения моего финансового положения, которое в свя зи с возрастающей ответственностью становилось все более затруднительным. В

течение некоторого времени я вел ожесточенную переписку с Министерством иностран ных дел. Мы были в разгаре войны. Мои расходы были гораздо больше расходов Бейли, и я не получил ни увеличения жалованья, ни ассигнования на консульство. Я привлек на свою сторону посла, который оказал мне сердечную поддержку. Вскоре вслед за этим он написал в Министерство иностранных дел: «Едва ли, в настоящий момент найдется еще гделибо более ответственный кон сульский пост, чем в Москве. Это промышленный и, в широком смысле, политический центр России. Вы можете судить по сообщениям мистера Локкарта о прекрасной работе, проделанной консульством с момента отъезда Бейли».

Однако даже послы не могут нарушить невообрази мую рутину департамента личного состава или казна чейства. И не в закоснелом Уайтхолле, а в сердце моей бабушки письмо сэра Джорджа Бьюкенена нашло свой отклик. Почтенная леди, всегда восторгающаяся ус пехом, была обрадована похвалами посла. Я хорошо знал, как направить свою просьбу. Мой брат Норман дал нам всем хороший пример, когда он был еще учеником первого семестра в Мальборо. Перед своим днем рожде ния он писал своей бабушке следующее:

«Дорогая бабушка,

Надеюсь, что Вы здоровы. Я с большим удовольст вием посещаю школу. Мой день рождения в ближайший вторник. Все мальчики имеют фотоаппараты и проводят время за фотографированием. Погода очень хорошая, и мы больше заняты хоккеем, чем регби. Я уже учу четвер тый падеж, и мой классный наставник называется Тей лор. Его кличка «Трильби». Он пастор и страшно быстро читает молитвы. Я надеюсь, что Вы здоровы, дорогая бабушка и что Вам не холодно в Эдинбурге. На прошлой неделе я лучше всех сделал письменную работу.

Ваш любящий внук Норман.

" S. У меня нет фотоаппарата».

Имея хорошую сноровку, я мог сыграть лучшую ме лодию на этой скрипке. Я нарисовал почтенной леди

яркую картину о шотландцах в России, и об участии Брюсов, Гордонов и Гамильтонов в постройке Петербур га, и о выигранных Петром Великим сражениях.

Без нее я погиб бы в Москве. Я уверен, что это соображение не нарушит спокойного сна сотрудников департамента личного состава. Пусть они не думают, что я питаю к ним злобу. Уайтхоллская игра в волки ведется с тех пор, как боги живут на Олимпе, и она будет продолжаться во веки веков. В общем она ведется с обеих сторон без злобы. Я хотел бы только, чтобы в

военное время приемы этой игры были смягчены.

ГЛАВА ПЯТАЯ

К концу 1915 года моя политическая работа увеличи лась. Союзники были весьма серьезно озабочены ситуа цией в России, и к моим другим работам прибавилась задача по приему и опеке различных миссий, высылаемых Францией и Англией для стимулирования русских к новым усилиям.

До сих пор у нас был небольшой список более или менее регулярных посетителей. В числе их были такие, как полковник Нокс (сейчас генерал сэр Альфред Нокс), сэр Самуэль Хоар, глава специальной миссии контрраз ведки, генерал сэр Джон ГенбюриВильяме и адмирал сэр Ричард Филлимор, два британских представителя, прико мандированных к царской ставке, а также различные офицеры, прикомандированные к различным армиям на русском фронте. Из этих офицеров полковник Нокс, ко торый провел много лет в России, был наиболее осведо млен в военных делах. Еще в начале войны он видел трещины в русской стене, и если союзники имели преуве личенное представление о русской мощи, то это произош ло, во всяком случае, не по вине английского военного атташе. Вплоть до революции ни один человек не имел более трезвого представления о военном положении на восточном фронте и ни один иностранный наблюдатель не дал своему правительству более верной информации, чем он. Что касается прочих офицеров, то сэр Джон ГенбюриВильямс был очаровательным и весьма попу лярным человеком. Адмирал Филлимор хранит лучшие традиции британского флота, упорно поднимаясь в семь часов утра или в 6 часов в стране, где никто не шевелился

раньше девяти или десяти часов. Влияние его на русских было огромно и благотворно. Сэр Самуэль Хоар побе дил тысячи препятствий с тем же прилежанием и упорст вом, которые вознесли его до ранга министра. Его назна чение в С.Петербург не нашло одобрения в военных кругах. Трудно было понять, каким путем его миссия могла дополнять работу, проводимую другими англий скими организациями. Он сам не обладал качествами, необходимыми для выполнения порученной ему ра боты, и, когда он приехал, я боялся трений и провала. Будь на его месте человек с меньшим тактом, мои пред чувствия оправдались бы. Сэр Самуэль, однако, отдался своей задаче с неослабным и в то же время ненавязчивым энтузиазмом. Он изучил русский язык. Он работал неуто мимо. Он поставил своей задачей встречаться с русскими всех классов. Он собирал свою информацию из многих источников и, в отличие от большинства других офице ров

разведки, он показал большое умение выискивать и отфильтровывать правду от вороха слухов. Короче го воря, он преуспел. Если бы в то время кто-нибудь предло жил мне пари на то, будет или не будет сэр Самуэль лидером консервативной партии, или премьером Англии, я сознаюсь, без колебаний держал бы за то, что будет. Теперь, однако, я понимаю, что те же качества, которые он проявил в России в обстановке больших трудностей, не пошли на пользу его будущей политической карьере. Сэр Самуэль соединял в себе крупные способности, сме лость, умение овладеть вопросом вместе с твердой и упорной волей. Если восемнадцать лет тому назад я поставил бы тысячу против одного, сегодня я бы не поставил больше, чем два к одному.

Как я уже сказал, эти лица были нашими постоянны ми посетителями. Этот список пришлось пополнить. Первой прибыла в Москву французская политическая делегация в Румынии. Ее задачей было парализовать немецкие влияния в Бухаресте и вовлечь Румынию в войну. Она состояла из Шарля Рише, выдающегося уче ного, Жоржа ЛякурГайда, историка, и М. Гавоти, быв шего владельца крупного французского журнала. Я мно го встречался со всеми тремя в течение их долгого пребы вания в Москве, потому что, как это ни странно, делега ция на несколько недель задержалась в Москве, раньше чем смогла выехать на место своего назначения. Приезду делегации в Бухарест сопротивлялся, и долгое время

небезуспешно, французский посланник в Румынии. Этот приезд весьма памятен для меня по трем причинам первая вполне похвальная, вторая чисто тщеславная, а третья слегка предосудительная, виновницей коей являет ся моя жена. Говоря о первой, я имею в виду Рише, в котором я нашел величайшего гения и наиболее привле кательную личность, с которой мне когда бы то ни было приходилось встречаться. Только немногие из людей, которые коечто понимали в делах во время войны, сох ранили веру в теорию «великого человека». Большинство наших гениев умирают невознагражденными, но совер шенно верно, что их редко можно найти на бесплодном поле современной военной политики. Рише, впрочем, один из тех гениев, который получил признание еще при жизни.

У него прекрасный простодушный, как у ребенка, характер. Первый конструктор современного аэроплана, поэт и выдающийся писатель прозы, он получил Нобе левскую премию за труд по медицине.

Война отняла шесть из семи его сыновей, но это не оставило в сердце Рише злобы и ненависти, кроме нена висти к самой

войне. Он жив до сих пор, в возрасте восьмидесяти лет, почти один среди своих соотечествен ников, бросивший весь свой вес на поле международного взаимопонимания против враждебных эгоистических ин тересов и невежественного национализма.

В то время Рише, разумеется, был патриотом, то есть верил в победу союзников, считая ее непременным усло вием для победы над милитаризмом. Как хорошо он защищал дело союзников перед русскими. Как быстро он понял русский характер. Когда он выступал, окруженный всеми профессорами университета, он отвел меня в сторону.

— Это наша война, — сказал он, — вашей страны и моей. Мы должны быть сильны и рассчитывать только на самих себя.

Второй причиной, почему этот приезд оставил во мне живое воспоминание, было то, что он дал мне возмож ность впервые публично выступить с большой речью. Правда, несколькими неделями раньше я уже произнес свою первую публичную речь порусски на открытии госпиталя. Она была очень короткой. За завтраком, дан ным в Английском клубе в честь высокопоставленных французов, я должен был сделать первую попытку воен

„ой Пропагинды с трибуны. Накануне завтрака у меня распухли гланды, и я заболел иифлужцей В момеи* когда я собирался позвони.., „раму, „ yiIajI и 0г)Мо™Ги „оранил себе голову телефонной трубкой. ВозможнГчто ЭТО было к лучшему. Псе три француза сказались бол« блестящими профессиональными ораторами Для мен. было лучше дебютировать перед моими соо.счсс. венни ками, которые как п стенах парламента, гак и вне его Га я посетил почти все парламенты н Европе и слышал боль фИНСТВО известных ораторов) худшие ораторы в мире

1

Третьей и слегка предосудительной причиной г>ыло получение моею женой документа существенной важно сти. Я уже сказал, что французской делегации не было разрешено поехать в Румынию ввиду протестов Блопдв. ля, французского посланника в Бухаресте. Французы бы ли весьма возмущены и не скрывали своей декады и намерений по приезде в Париж потребовать объяснений. Они нашли поддержку против своего дипломатического представителя в докладе маршала По, однорукою фран цузского генерала, который как раз закончил обстоятель ное обследование всего положения в Румынии. Ныло известно, что По в своем докладе высказывался откро венно и резко, и нам очень хотелось заполучить подлин ный документ. Один из французов (все трое еще живы, и было бы бестактно

оглашать его имя) жил у нас в кварти ре. Как большинство французов любил поухаживать. Почтенный и весьма уважаемый профессор в Париже, он оттаял в теплой и слегка распущенной атмосфере Моск вы. Он все поверял моей жене. Он стал проговариваться. Однажды днем, чтобы отвлечь ее от головной боли, он дал ей прочесть знаменитый доклад По. Она дала его переписать, и, таким образом, я мог послать точную копию сэру Джорджу Бьюкенену. За военными установи лась репутация резких и грубых людей, но доклад мар шала шокировал бы самого грубого солдафона из наше го военного министерства. На выразительном языке, не приукрашенном никакими ухищрениями стиля, доклад Дал убийственную картину румынского двора в 1915 го ду. Маршал не пощадил никого. Король был описан со всеми многочисленными слабостями, в нем почти не было положительных черт. Там было полное досье ро мантических похождений при дворе, с подробным переч нем замешанных, с указанием сферы влияния и политиче ских симпатий каждого. Там весьма нелестно были изо

бражены французский, британский и русский посланники которые обвинялись в том, что они подают плохой при мер румынскому обществу в военное время, и в том, что они тратят свою дипломатию на мелкие разногласия между собой.

Маршал был откровенно пессимистичен. Последую щее вступление Румынии в войну оправдало его песси мизм. Ни во что не ставил румынскую армию. Союзную дипломатию в Румынии он ставил еще ниже. Вся сила его негодования была обращена против французского и рус ского посланников, взаимная антипатия которых позво ляла германофильской партии вклиниться между двумя влияниями.

— Англии, — говорил старый солдат, — не суждено сыграть исторической роли в Румынии. Воздействовать на нее она может лишь красотой своих сынов. Ей следо вало бы послать румынскому двору своего самого краси вого военного атташе. В результате доклада генерала По в Румынии произошли перемены. В качестве своего ново го военного атташе Англия послала туда полковника Томсона, который стал затем личным другом мистера Рамзея Макдональда, лейбористским пэром и министром и который погиб во время злополучного полета на дири жабле Р101.

У меня сохранилось мало воспоминаний о втором Рождестве войны, кроме разве того, что оно было весе лым. Русские, правильно или неправильно, никогда не портили своих праздников угнетенным настроением и никогда не пытались искусственно поддерживать воен ный пыл. Они были

недисциплинированны, аморальны и индивидуалисты чистой воды.

1 января 1916 года жена и я провели весь день в официальных визитах — одна из немногих скучных обязан ностей официальной жизни в России. Новый год, очевидно, не только меня побудил к хорошим намерениям, потому что заметки в моем дневнике на январь необычайно опти мистичны. Два фактора обусловили эту более здоровую атмосферу. Наш грекорусский друг Ликиардопуло только что вернулся из своего рискованного путешествия по Ав стрии и Германии. Он был послан туда союзниками для разведывательной работы, и переодетый греческим торгов цем табака посетил крупные города обоих государств. «Лики» оставил Москву глубоким пессимистом, убежден ным в непобедимости германского оружия. Вернулся он

оптимистом, твердо уверенным в том, что Германия пере живает большие трудности, чем Россия, и что Россия может дольше выдержать. В том, что касается снабжения он был безусловно прав. Чего он не учел — это разящ»* степени сопротивляемости обоих народов.

Привезенные им новости наполнили, однако, Москву бодростью, и в течение пяти недель он был националь ным героем. Еще более ободряющим был прием импера тором князя Львова и Челнокова в ставке в Могилеве. Организовано оно было генералом Алексеевым, началь ником штаба и ярым патриотом, который питал презре ние солдата к русским политиканам средней руки. Пока великий князь Николай Николаевич был главнокоманду юшим, Союзы земств и городов направляли свои хода 1 тайства лично ему. Отношение императора к ним было хуже. Не одобряя различные принятые ими политические резолюции, он до сих пор отказывался видеть их. Поэто му в Могилев они приехали, чтобы встретиться с генера лом Алексеевым, а не с императором. В качестве москов ского городского головы Челноков привез с собой привет армии от «сердца России» и официальную резолюцию Городской думы, провозглашающую войну до победного конца. Генерал Алексеев, зная о громадной работе, про деланной этими крупными общественными организация ми по снабжению армии, решил восстановить добрые отношения между императором и обоими союзами.

— С императором все благополучно, — заявил он обоим москвичам. — Единственная помеха — это шлю хи, которые вертятся около него. Обождите здесь, а я снесу ему резолюцию.

Он сейчас же вернулся с распоряжением к Челнокову явиться к императору. Когда широкоплечий городской голова вошел в

комнату, резолюция лежала на столе императора.

— Почему эта прекрасная резолюция не была посла на прямо мне? — спросил царь.

Челноков пробормотал несколько неуклюжих извине ний по поводу нарушенного им этикета и затем сказал, что если Его Императорское Величество разрешит, то он тут же передаст приветствие и прочтет резолюцию. Царь разрешил и был очень доволен. Он сказал:

— Я согласен с каждым словом в этой резолюции. Мир не может быть заключен, пока не будет достигнута полная победа. Вы совершенно правы, выражая свою

6. 131

благодарность Англии. Мы должны преклонить прп* ней колени. срсˆ

Затем царь стал расспрашивать Челнокова о поло** нии в Москве. Городской голова заметил, что там не топлива и ощущается недостаток продовольствия вследствие плохой работы железных дорог и что при сложившихся обстоятельствах приходится считаться возможностью волнений в течение зимы. Император от ветил, что, earn народ мерзнет и голодает, к нему нельзя быть слишком суровым, даже если он прибегает к наси лию. Затем он с подозрением в голосе спросил, не преуве личивает ли городской голова.

Челноков ответил — нет.

Тогда царь заметил:

— Все, что я могу сделать для смягчения этого поло жения, будет сделано.

Я получил полный отчет об этом посещении, как только Челноков вернулся в Москву. Оба — князь Львов и он — серьезные бородатые люди, без капли легкомы слия, радовались, как школьники. Они вернулись из став ки с сердцем, преисполненным оптимизма. Император был великолепен.

Их собственная работа могла беспрепятственно раз виваться. Армия была на их стороне. Что значит теперь С.Петербург? Армия гораздо важнее и могущественнее любого правительства. Увы, большие надежды, возла гавшиеся на это посещение, оказались жестоко обману тыми. Император уже не мог избежать своей судьбы, уготовленной ему назревающей трагедией. Немного здравого смысла, несколько слов похвалы со стороны императора оказались бы достаточными для того, чтобы стянуть к трону лояльные патриотические элементы рус ского народа. Как мало потребовалось бы усилий. Я видел это по энтузиазму двух общественных деятелей, которые по своему темпераменту были гораздо менее революционны, чем мистер Ллойд Джордж, и были

про тив своей воли вовлечены в революцию, став ее первыми жертвами. Однако усилие это превосходило способность императора к предвидению. Старая система продолжала жить. Повсюду общественные силы встречали противо действие. Всякий им симпатизирующий министр мог быть уверен, что рано или поздно он будет уволен в отставку. И по мере того как один за другим исчезали патриоты и верные люди, трехсотлетние верноподдани

ш

ческие чувства подрывались отчаянием. В моем со6с™«« ном сознании ощущение неминуемой катастроф^апс^ вилось все сильнее и сильнее. Понятно. вненгаЛ должен был всегда казаться ультра оптимистичным, спокойно уверенным и непоколебимо убежденным в конечной побе де союзников. И, хотя мой действительный оптимизм ограничивался Западом, мне приходилось симулировать возрастающую веру в Восток.

В феврале 1916 года меня несколько раз вызывали в СПетербург. У нас в ходу был новый план: официальное Бюро британской пропаганды в С.Петербурге под руко водством английских журналистов. Хью Валыюль и Хе рольд Вильяме (лучший и наиболее скромный из британ ских экспертов по России) были его главными инициато рами. Затем должно было быть организовано отделение в Москве. Оно должно было находиться под моим надзо ром, и в качестве пропагандиста я пригласил Ликиардо пуло. В С.Петербурге Бюро пропаганды было строго официальным учреждением с специальными отделами и собственным персоналом. Я создал свою организацию в Москве из недр генерального консульства без всякой помпы и огласки. В этой области я был в состоянии оказывать значительное влияние на местную прессу и накачивать ее официальной пропагандой без того, чтобы она это почувствовала. Мне нравилась эта часть моей работы, хотя она требовала большого такта, в особенно сти, когда дело дошло до выборов литературной делега ции из московских журналистов, которую мы посылали в Англию, согласно нашей новой политике. Доминирую щей идеей было то, что когда эти писатели увидят, как напрягает свои силы Англия, они напишут об этом в русской прессе, и тогда нам реже придется слышать о том, что англичане держат свой флот под стеклянным колпаком и что они решили бороться до последней капли русской крови. Один из писателей, которого я пригласил или которого мне было предложено пригласить, был граф А.Н. Толстой, гладкий, жирный представитель оо гемы с большим литературным талантом, но с сильным пристрастием к жизненным благам. Граф Толстой ныне, чтобы не потерять этих благ, примирился с большевнка ми и за

счет одной или двух пьес против Романовых сумел остаться буржуазным индивидуалистом в стран , где даже литература коммунизирована. д ˆа

Как раз в это время я получил от сэра м»

Бьюкенена телеграмму, где мне предлагалось подгото вить встречу британской морской делегации в порядке осуществления новой программы пропаганды, посланной в Москву. Предупреждение это было получено мною ровно за два дня до приезда. Я не был удостоен каких либо указаний по вопросу о том, из каких источников черпать финансовые средства для содержания высшего командного состава Его Величества. Эта загадка являет ся одной из немногих проблем, разрешение которых британское правительство неизменно предоставляет ини циативе и карману местного работника. Единственное, что я знал — это то, что семеро старших офицеров нашей подводной флотилии — все очень храбрые джентльмены, потопившие несколько германских крейсеров и огромное число менее крупных единиц, — приедут в Москву 15 февраля и проведут там четыре дня. Им даны указания во всем полагаться полностью на меня.

И британская колония, и мои русские друзья, по со бственной инициативе и с изумительной щедростью, при шли мне в помощь. В один вечер я заполнил свою программу. Мой старый приятель Челноков обещал «раут» в Городской думе. Госпожа Носова, сестра бра тьев Рябушинских, богатейших людей в Москве, взяла на себя устройство в своем особняке банкета с обедом на 100 персон и танцами. Княгиня Гагарина организовала при ем. Управляющий государственными театрами обещался устроить в кратчайший срок торжественный спектакль в опере. Балиев, владелец «Летучей мыши», и Московский артистический клуб взялись повеселить гостей своими собственными силами. Британский клуб, без чьей помо щи мои собственные усилия принять почетных британ ских гостей оказались бы тщетными, организовал первый из этих пышных англорусских банкетов, которые до революции являлись кровью и плотью — не говоря об икре и водке — англорусской дружбы в Москве.

Посещение имело полный успех. Быть может, для флота ныне наступили тяжелые времена, но мой опыт в отношении британских морских офицеров за границей был самым счастливым. В значительно большей степени, чем армейские офицеры, они обладают даром умиро творять и производить впечатление на иностранцев. Они умеют распускать себя, не теряя достоинства. Среди них редко встречаются твердолобые. Семеро моих подводни ков очень быстро приспособились к своей

новой роли.

Они приехали как «львы», но это были ручные и добро желательные «львы». Они позволяли себя гладитьОи! братались с балеринами и официальными чинами И Кроми, их глава, офицер не по годам серьезный, в одном случае выступил с блестящим результатом. Случай этот представился на ужине, который давал Алатр — артисти ческий и театральный клуб — в честь наших молодых гостей. Ужин сопровождался экспромтным дивертисмен том, во время которого лучшие московские балерины и певицы танцевали и пели для поощрения нашего пищева рения. Уже поздно ночью русские потребовали от Кроми, чтобы он выступил, заявляя, что только это их удовлет ворит. Его потащили на эстраду. Высокого роста, сму глый, байроновского типа, с дугообразными бровями и бакенбардами, он без малейшего волнения оглядел публику.

— Леди и джентльмены, — сказал он, — все вы артисты, музыканты, поэты, писатели, художники, ком позиторы — вы — творцы. То, что вы сотворили на долгие годы, переживет вас. Мы же простые моряки. Мы разрушаем. Но со всей искренностью мы можем заявить, что в этой войне мы разрушаем, чтобы то, что вы сотво рили, могло жить.

Это была самая короткая и по своему эффекту самая волнующая речь, которую я когдалибо слышал в России. Русские были в восторге. Приезд подводников совпал с взятием Эрзерума русской армией на Кавказе, и на протяжении четырех дней мы жили в атмосфере ликую щего оптимизма. Что касается меня, то я нашел лишь один изъян в гармонично составленной программе. В Английском клубе первую речь произнес я. В течение двух дней я репетировал ее перед женой и верным «Ли ки», который, как секретарь Московского художественно го театра, был знатоком декламации. Я произнес ее с волнением и скромно. Там было трогательное упомина ние о тех, которые в литературном смысле этих слов тонули на море со своими судами. Речь моя вызвала слезы на моих глазах и глазах публики. Однако, к моему огорчению, речь эта не приводилась в газетных отчетах. Русский морской штаб, опасаясь того, что может слу читься, если немцы узнают, что командиры британских подводных лодок отсутствуют на своих кораблях, ооста вил строжайшей цензурой весь приезд делегации.

С отъездом морской делегации Москва вернулась к

своему первоначальному пессимизму, несколько отлича ющемуся от петербургского пессимизма тем, что в нем отсутствовали признаки злорадного пацифизма. Москва была готова сражаться до конца. Это не мешало пред чувствию, что

конец может быть гибельным.

В этот момент предчувствия усугублялись германским наступлением на Верден и притоком в Москву аристокра тических польских беженцев. Эти поляки имели нездоро вое влияние. Внешне они были привлекательны. Они внесли много приятности в московскую светскую жизнь. Их страсть к политическим спорам дала много свежего материала моим отчетам. Несмотря на то что я был склонен сочувствовать их страданиям, ближайшее зна комство с ними вызвало во мне чувство недоверия и даже отвращения. Я терпеть не мог ту манеру, с которой они принимали теплое гостеприимство, оказываемое им по всюду. Они отвечали насмешками над своими хозяевами, делая при этом вид, что они презирают честных москов ских буржуа.

Еще меньше переваривал я их эгоистичное чванство и пессимизм. Апогея это чувство достигло, когда однажды вечером — во время наиболее критического периода на ступления на Верден — развязный, но пустой шляхтич заметил в присутствии главы французской военной мис сии: «Если Верден будет взят, падет и Париж. Как это будет ужасно для польского вопроса». Это только один из многих примеров польской бестактности. Между тем этот народ, никогда не умевший самостоятельно устроить свою жизнь и, разумеется, мало чем содейство вавший делу союзников в войне, был по Версальскому договору награжден большим отрезком территории, чем какая бы то ни было другая нация.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Весной 1916 года у меня опять разболелось горло. На этот раз болезнь сопровождалась жестоким приступом депрессии. Мне казалось, что все разваливается. Даже Челноков выражал недовольство по поводу того, что английские фирмы не выполняют военных заказов, и в первый раз сомнение в победе союзников закралось в меня. Мое мрачное настроение было немного рассеяно неожиданным приездом Хью Вальполя, неотразимого в

.норме Красного Креста и как всегда неˆк™ Серженного и бодрого оптимиста £, тоˆ™ˆ нулся из Англии, где появилась его первая unnVn К" сия «Темный лес», которая имела там большой venet Он привез мне сахару и коекаких пряностей YT„?, лестной оценки моей работы, от лорда Роберта Сзсилˆ I других членов Министерства иностранных дел. Псгсле em отъезда мне опять стало не по себе. Приближалась Пас ха, и жена уговорила меня бросить работу на несколько дней.

Чтобы отдохнуть немного от Москвы, мы решили отправиться в знаменитую ТроицеСергиеву лавру. Неза менимый Александр принял все необходимые меры, что бы принять нас как следует. Но отдых оказался плохим Мы приехали вечером в Чистый Четверг. На вокзале нас встретил монах. Другой монах повез нас со станции ярямо ко всенощной. Сергиев монастырь, самый знаме нитый в России, представляет Кремль в миниатюре. Он окружен стенами такой толщины, что по ним свободно могут проехать рядом два экипажа. За всю свою историю монастырь выдержал сотню осад и теперь, несмотря на то что в нем монахи, скорее напоминает крепость, чем обитель.

После службы мы пили чай у настоятеля. Это был воспитанный и простой пожилой человек с серебристой бородой и пухлыми мягкими руками, которые он беспре станно мыл. Около семи часов мы отправились в приго товленное нам помещение — маленькую монастырскую гостиницу при церкви Черниговской Божией матери в миле от монастыря. К счастью, там было чисто и уютно.

В Великую Пятницу дождь лил как из ведра, я целый день сидел дома и читал статьи сэра Роджера де Коверли в «Spectator». В субботу мы снова ходили в церковь и осматривали окрестности. Рано утром за нами приехал монах, чтобы отвести нас в Вифлеемский монастырь — прелестное небольшое местечко на берегу озера в трех милях езды. А вечером по березовому лесу мы поехали в Лавру, чтобы присутствовать на ночном богослужении

Весь монастырь был залит электрическим светом, іи на Фоне темнокрасного неба высокие колокольни выриси вывались, как огромные небоскребы. Служба пр™Зb№ ˆ глубокое впечатление. Мы стояли около ™™*10£ солдат и крестьян, от которых шел тяжелый:зтм. и Держали в руках тонкие церковные свечи, щедро поливая

себя и нас воском. Но хор пел так изумительно хорош что мы забыли об усталости. '

Следующие два дня были полны радости. Солнышко стало пригревать и разогнало все мои страхи и весь мой пессимизм. Крутом поля запестрели цветами. Белые цер ковки спокойно стояли в кругу берез. А в озерах дремали старые как мир окуни и карпы. После Москвы разлитая здесь тишина была чудесна.

В понедельник на Пасхе мы были опять на богослуже нии и шли с крестным ходом вокруг стен Лавры на почетном месте, непосредственно за архимандритами Потом нас угостили великолепным завтраком из шести семи рыбных блюд. Пока мы ели, настоятель очень мило с нами беседовал. В его разговоре не было ничего воинст венного, никаких бравад «с нами Бог». Он говорил о чудесах, в которые крепко верил, — да и действительно вера в чудеса была очень нужна, чтобы уповать на победу России, — говорил о христианском смирении, о кающих ся и благочестивых душах.

Чаще же всего мы совершали далекие прогулки, ста раясь взять как можно больше радости от нашего краде ного досуга и получше согреться под сверкающим весен ним солнцем. Как сейчас помню одно наше путешествие к озеру, за монастырем св. Параклита. Мы долго броди ли по узкой мшистой дорожке, которая шла через тесное ущелье, поросшее диким терновником и ежевикой. Ни пешего, ни конного, ни одной живой души нам не по встречалось по дороге. То были самые счастливые часы моей жизни — часы глубокого умиротворения.

Я вернулся в Москву, полный энергии и новых на дежд, готовый бороться со всеми треволнениями моей повседневной жизни, которых было не мало: мои русские друзья изрядно меня раздражали, несмотря на всю мою любовь к ним. Это были очаровательные люди для про стого знакомства, но совершенно безнадежные для сов местной работы, и, несмотря на то что я стал фатали стом, я никак не мог разобраться в оттенках их языка, где «сейчас» означает «завтра», а «завтра» — «никогда».

Лучше всего я могу показать разницу между отноше нием к жизни русских и англичан, рассказав о случае из русской судебной практики в это время. В некотором отношении этот случай напоминает знаменитое дело Мэлкома в Англии. В

Варшаве русский жандармский офицер по фамилии Златоустовский влюбился в некую

госпожу Марчевскую, жену одного из офицеров котоный в это время сражался на фронте. Когда Варшава бшм эвакуирована, Златоустовский привез ее в Москву и посе лил в своей квартире. Узнав об этом от жены Златоустов окого, Марчевский приехал с фронта и пытался прони кнуть в квартиру, где находилась его жена. Тогда Златоу стовский выстрелил из револьвера через дверь и убил наповал безоружного Марчевского. Несмотря на гнусное поведение жандармского офицера во всей этой истории, он был оправдан. Общественное мнение не протестовало против приговора, и Златоустовский даже не потерял своей службы.

Когда я снова возобновил свои встречи с Челноковым и другими видными московскими деятелями, я нашел их в более подавленном настроении, чем обычно. Отставка Поливанова, военного министра, за его слишком тесный контакт с общественными организациями привела их в уныние. Падение Кута, следовавшее за нашим пораже нием в Галлиполи, ирландское восстание в Дублине все это были серьезные удары по престижу Англии. Мы Челноковым обсуждали положение. Что предпринял чтобы укрепить общественное доверие? Как бороться пораженчеством и недостатком веры в западных союзни ков? Городской голова, англофильство которого было прочно и устойчиво, считал необходимым официальный приезд английского посла в Москву. Я выражал уверен ность, что посол приедет, если будет знать, что это принесет пользу.

Мы сделаем его почетным гражданином Москвы, — сказал Челноков.

Прекрасно, — ответил я. — Это в духе лучших английских традиций.

Но тут было одно препятствие. До сих пор только один иностранец имел звание почетного гражданина Москвы. Эта честь никогда не выпадала на долю англи чанина. Это было редкое и ценное отличие, и оно могло быть дано только при единодушном согласии всей Го родской думы. Теперь Городская дума была сколком с Государственной. Она состояла из представителей всех политических партий, включая крайних правых, которые не относились к Англии сочувственно и были penjj76ˆ" иыми противниками либеральных партий. Даже кову, хотя он и был городским головою, было совершен но невозможно добиться единогласного решения, ин пи

глаживал свою длинную, как у патриарха, бороду. заТл приятным глубоким голосом высказал мне свое мнениеˆ — Я знаю своих коллег. Они как дети. Они никогда в согласятся, если

предложение будет идти от меня. Н ° если вы поговорите отдельно с каждым из них и скажете что сэр Джордж Бьюкенен приедет в Москву, и внушите им, что мысль о почетном гражданстве будет исходить от них, тогда, пожалуй, они попадут на удочку при условии конечно, что вы умно возьметесь за это дело.

Я выполнил план в точности, как он мне подсказал, я повидал Н. И. Гучкова, В. Д. Брянского и других несго ворчивых членов Думы и, имея единодушное согласие всех в кармане, поехал к послу.

Приезд посла в Москву по моему предложению был приурочен к британскому имперскому празднику. Это. кажется, был первый случай в России, когда британский имперский день праздновался здесь официально. И от начала до конца то был сплошной триумф. «Волки чер ной сотни» были рядом с «кадетскими ягнятами». Октя бристы и социалистыреволюционеры соперничали друг с другом в выражениях дружбы и в решимости сражаться до победного конца. Генералы и видные сановники напе ребой друг перед другом старались внести свою лепту в общее торжество. По этому случаю я написал статью для одной из ведущих московских газет. Именно в этот мо мент я чувствовал себя достойным своего имперского ордена. Я поместил характеристику сэра Джорджа Бью кенена в другой видной московской газете. Я уговорил посла заранее написать свою речь, заказал Ликиардопуло ее перевод, и красиво напечатанный русский текст пода вался вместе с закуской избранным гостям. На банкете в этот вечер я предложил за здоровье посла тост, о кото ром один из московских журналистов сказал, что это образец высокого красноречия и уверенности в своих силах. Увы, это было 16 лет тому назад!

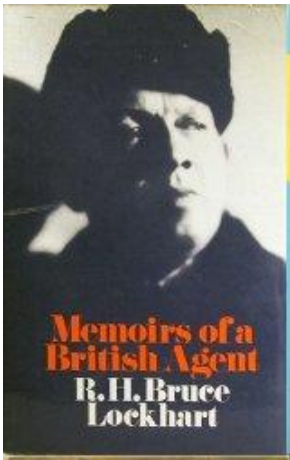
Сам посол, как центральная фигура в этом пышном зрелище, был великолепен. Он был самой элегантной фигурой, которую Москва видела за много лет, а его благородная внешность и подкупающая искренность про никали до глубины русского сердца. Казалось, что в самом его имени какоето счастливое предзнаменование. Разве не был св. Георгий патроном Москвы? В этот момент прилив англорусской дружбы достиг своей выс шей точки. И только один маленький эпизод нарушил

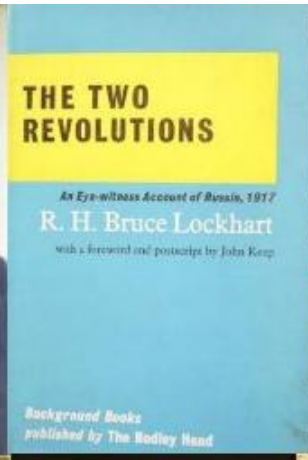
великолепие всей картины. На следующий вечен отпы города в торжественном заседании, окруженные%Г5 было самого лучшего и блестящего в московском™ ществе, с соблюдением всех формальностей вручили Высокопревосходительству сэру Джорджу Бьюкеиену чрезвычайному и полномочному послу Его британского Величества при императоре всея России, звание

наследст венного и почетного гражданина города Москвы. Вместе с почетной грамотой ему были поднесены и более сущест венные дары: ценная икона и кубок. Обычай требовал, чтобы одариваемый сказал хотя бы дватри слова по русски. Увы, сэр Джордж не учился в русской школе. «Бенджи» Брюс и я свели ответную формулу к минимуму и старательно учили посла произнести, когда он будет принимать кубок, порусски «спасибо». Это кратчайшая форма благодарности. И вот, когда наступил роковой момент, сэр Джордж запнулся и своим густым басом сказал во всеуслышание: «За пиво».

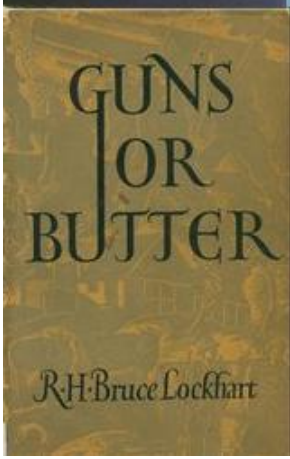
Никакие филологические неточности не могут стереть головокружительного успеха этих двух дней. Челноков был на верху блаженства. Я тоже. Нам казалось, что те что мы сделали в Москве, мы уже победили немцев. Са~ сэр Джордж был очень растроган и благодарен. Когда прощался с ним на перроне вокзала, он пожал мою руку — Локкарт, — сказал он, — это самый счастливы" день в моей жизни, и им я обязан Вам.

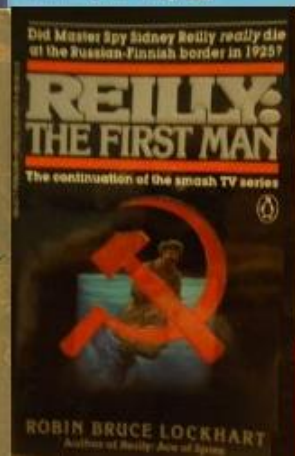
Приезд сэра Джорджа Бьюкенена, как я вижу теперь, был поворотным пунктом моей официальной карьеры. Это был момент моего наибольшего влияния на посла и последний случай в моей жизни, когда я преклонялся перед геройством. Правда, это дало мне новую уверен ность в своих собственных силах. В будущем я мог выступать перед нашим Министерством иностранных дел уже как задорный и смелый лев. Но с растущей уверенностью пришла какаято слабость характера, я сделался оракулом, а оракулы должны чувствовать сеоя непогрешимыми. Быть может, в это время я не сознавал своих ошибок. Быть может, это была реакцияпюте напряженной и утомительной рабогы многих «я** Как бы там ни было, многие из моих идеалов 1WW Рассеялись в том сумбуре, который царил lfl«Ej когда их не стало, я почувствовал ОД£Я»>SlTO Высшая форма тщеславия это слава. Я J*WJ5oS У меня его никогда не было, но снисходительное отноик

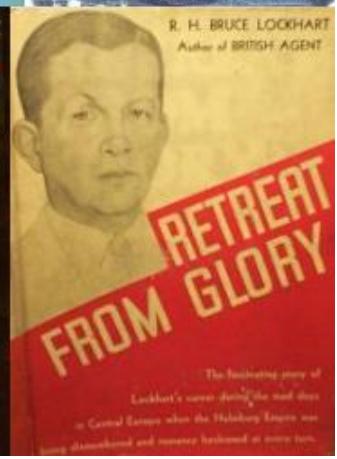

Memoirs of a British Agent
R. H. Bruce Lockhart


THE TWO REVOLUTIONS
An Eye-witness Account of Russia, 1917
R. H. Bruce Lockhart
with a foreword and postscript by John Keep
Background Books
published by The Bodley Head

BRITISH AGENT
R.H. BRUCE LOCKHART


GUNS OR BUTTER
R·H·Bruce Lockhart


Did Master Spy Sidney Reilly really die at the Russian-Finnish border in 1925?
REILLY: THE FIRST MAN
The continuation of the smash TV series
ROBIN BRUCE LOCKHART


R. H. BRUCE LOCKHART
Author of BRITISH AGENT
RETREAT FROM GLORY

Книги автора. "Записки британского агента", "Две революции", "Британский агент", "Оружие и масло", "Райли первый человек перешедший руско-финскую границу в 1925 году", "Протектор от славы".

I «о мк было сальнее Роман а с нж ■ надежд* ва побег.

ручхешж. Теперь уже ее было больше силы, которая могЛ бы ржхжжть мрак, сгустнтшшйся над расярххггетггым те том Россяш

Моем 1ШММЯРШИМ чувствам первый удар был ваве ов вскоре после отъезда посла.

Во время своего пребывавяя в Москве посол сообщк мне под строгим секретом, который я должен был сохрранять даже от жены, что лорд Китченер праезжае Россию Великий человек посетит Москву. Я должен бы: прав* от овиться всполнять вес его желания. Уже теперь » начал искать в антикварных магазинах подлинные эк эемпляры старююого китайского фарфора, которых* лорд Китченер очень уˆтехался.

В течение ближайших нескольких дней группа русски журналистов телефонировала мне. чтобы узнать, ветк.. ли новость о приезде лорда Китченера. На одном и ■ обычных илрфвзЁсов моей жены генерал Вогак. обаятелъ ный и очень культурный человек, сообщил собравшич».. о иришш и причине приезда лорда Китченера, как бухте это не составляло никакого секрета. И задолго до тоге, как лорд Китченер отплыл из Шотландии, известие о его миссии сделалось достоянием Петербурга и Москвы

Я считаю это непростительным легкомыслием, приме ром того, как часто в России в эти военные дни не уме.... ■ хранить тайн. Я не говорю, конечно, что это имело какое ннбуль оггвзтеяне к судьбе злопол>"чного Гемшпанра.

Я лично никогда не видел лорда Китченера, поэтому * не сумею сказать, что он мог и чего не мог сделать в России. Однако я беру на себя смелость усомниться в том. о чем так часто говорили англичане, писавшие о России, что. если бы царь встретился .типом к липу лордом Китченером, война приняла бы другой оборот. Я мало верю в теорию о великих людях, быть

может, потому, что у меня душа подневольного человека. Сила народов в их объединении. Сильные народы дают силь ных людей. Слабые должны уступать дорогу. Но даже если считать лорда Китченера сверхчеловеком, я не верк: в то. что он мог оказать на царя сколькonибудь прочное влияние Даже сильные люди не могут бороться со сти хией. Во всяком случае, решение послать его в Россию пришло слишком поздно. Беспощадная рука рока была ■ же простерта над правящими классами России.

, трагедии Китвевер, 6uu

s

3. этим слелкивхл другой ужр. котом »w шве серьезные последе™* для руса», в «ˆГ**ˆ* ˆСжэоо» Россини министр июсттлниу,ˆ дˆˆижгташо! выпел в otctwTe.*\ TLˆtw «го заставили >«тн. Обстоятсˆьствэ п«

2в которых смешались и другие честные, стоившее министры Уже с некоторых пор Сазонов чувств. что его ноложеяне непрочно. Поэтсмл он оттижмˆ, сˆв«у на аудиетгию к парю Он был в восторгТ ярИСЭЛ; оказанного ему там На обратном пути он ветре ˆосезл. который вез в ставку самого вепот .TjrpeorcV. 9ССХ аагхтих iipeMbсрмкшвстров — Шткрмсра И ее .ввия еше Сазонов доехать до Петербурга, как вявж изменил свои планы. Сазонову было предложенс о— щщгься в отпуск в Финляндию Вскоре последовала его отставка. Снова воеторжествовали темные еялы те

дкнии

Еслж Сазонов н не был крчтпюв государственЕ.? : rvpo*. он все же был честным человеком. Он ата^ стремился к сотрудничеству с сэром Джорджем Бьгссеве ном я с французским послом Палеологом. Ое • работать в контакте с Думой и был облечен лезет:;г общественных организаций. Его имя нензменн: г ~ ровдло в каждом списке кандидатов в «кабинеты ;г_г. венного доверни»», которые были любимой мечт о* л» радов r максимумом их требований в то врем* Ов 5ы_ верным приверженцем монархии и одним из тех :: па людей, советы которых, если бы к ним ирж.т>лззо двсь. могли бы сохранить корону последнему Р. v Пост министра иностранных дел достался Шт:.ˆ ~ И1значеяие которого даже в ветнкокняжескйл •нив встречено с недовольством ■ горечью. Ylcz ? > 8BCV таких безумных шагов последняя опора W * Р>тпнлась. Подавленное состояние патриотически сгР°еяных кругов сменилось полным отчаянием

Сазонов украсил историю русской дипломатия oisva аеˆоываемым анекдотом Я не слышал, как оя е» Рˆˆазывал.

Несколько лет тому назад, юг» « встретил его • ' уже после |

11№1И1цвли, он не подтверждал во ■ *

ВО

отрицал его достоверности. Я уверен все же, что этот рассказ правилен в существе, если и не во всех деталях Вот его обычная версия:

«В английском посольстве был обед, на котором присутствовали Сазонов и французский посол. После обеда три столпа — Сазонов, сэр Джордж Бьюкенен и Палеолог — удалились в кабинет, чтобы за сигарой поговорить о современном положении. Разговор коснулся дипломатии. Какая нация дает самых тонких дипломатов? Палеолог, француз и поэтому льстец, усердно восхвалял русских дипломатов, сэр Джордж как шотландец и правдивый человек высказывался в пользу немцев. Каждый отстаивал свою точку зрения, а так как они не могли прийти ни к какому соглашению, то обратились к Сазонову. Русский министр улыбнулся.

— Ваши превосходительства, — сказал он, — вы оба неправы. Тут не может быть двух мнении. Пальма первенства принадлежит англичанам.

Палеолог, почувствовавший зависть к сэру Джорджу, сделал кислую гримасу. Глаза сэра Джорджа выразили наивное удивление. Сазонов снова улыбнулся.

— Вы хотите объяснений? Извольте. Когда вы узнае те их, вы поймете, что мои доводы бесспорны. Мы русские — я благодарю гна Палеолога за комплимент — талантливый народ. Мы превосходные лингвисты. Наши знания всесторонни. Но, к несчастью, у нас нет веры в собственные силы. Мы не умеем усидчиво работать и никогда не знаем, как поступит завтра даже самый способный наш дипломат. Он может пасть жертвой всякой бессовестной женщины и, попав к ней в руки, способен выдать шифр неприятелю.

Немцы как раз наоборот. Они прекрасные работники. Они очень усидчивы. Они составляют свои планы на много лет вперед, и, когда их надо проводить в жизнь, весь мир уже знает о них. Искусство же дипломатии состоит в том, чтобы скрывать свои намерения. В этом то превосходство англичан. Никто не знает, что они собираются делать — тут Сазонов погладил свою бородку и любезно улыбнулся сэру Джорджу, — потому что они сами этого не знают».

Конечно, отставка министра, который так хорошо знал союзников, была для них тяжелой утратой.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

События последних месяцев, предшествовавших революции, представляют собой печальную хронику, неудачи на фронте (брусиловское наступление в Австрии только возбудило ложные надежды), уныние и подавленное на строение в официальных кругах, в тылу, министерская чехарда, бессильные протесты Думы, растущее недовольство не только в деревне, но и в городе.

В Петербурге и даже в Москве война отошла на второй план. Приближающаяся катастрофа сознавалась всеми и была у всех на устах. Правящие круги перед лицом неотвратимого несчастья пытались предостеречь императора. Политические резолюции, которые вьшосились не только либералами, но и знатью, сьшалнсь на императора, как осенние листья.

В этих резолюциях не было ничего нелояльного. Они только требовали от царя, чтобы он заменил своих министров людьми, которые пользуются доверием страны. Царь менял людей с быстротой фокусника, но эти перемены мало удовлетворяли общественное мнение. Они ни в какой мере не являлись ответом на очень сдержанные требования общества. Ведь этот человек, полный семейных добродетелей, без пороков и без воли, был само держцем милостью Божией. Он мог менять свои решения ежеминутно, но он никогда не забывал о своих наследственных правах.

«Что это за разговоры о народном доверии? — спрашивал он. — Пусть народ заслужит мое доверие».

В течение этих последних шести месяцев мое генеральное консульство сделалось чемто вроде почтового ящика для всевозможных жалоб. Целыми днями я переводил резолюции (еще и сейчас целая куча их лежит среди моей частной переписки) и памфлеты. В это время появился салонный поэт Мятлев, кавалерийский офицер, не дурно владевший стихом, которым он пользовался, что бы высмеивать непопулярных членов правительства. Я переводил резолюции прозой. Я перекладывал мятлевские стихи в плохие английские вирши. Я посылал и прозу и стихи в посольство. В конце концов я вероятно, надоел своей попусту растрачиваемой энергией.

Трагедия заключалась в том, что как резолюции, так и памфлеты писались людьми, которые в глубине своей души и не помышляли о революции, которые ревностно желали успешного ведения войны и которые теперь, если они и живы, отдали бы свою правую руку, чтобы восстановить в России империю.

Поскольку дело касается Москвы, я не преувеличиваю. Почти ежедневно я встречался с людьми, которые против своего желания образовали первое временное правительство после отречения царя: князь Львов, Челноков. Мануйлов, Авилов, Маклаков, Новиков, Кокошкин. Из тесного личного общения с ними я знал, что их пугала задача, которая вставала перед ними как перед русскими патриотами. Эта проблема была остро показана Маклаковым, знаменитым русским оратором и впоследствии послом временного правительства в Париже, в одной из тех басен, к которым цензура заставляла прибегать русских: «Автомобиль спускается с крутого холма. Внизу зияющая пропасть. Ваша мать сидит впереди, рядом с шофером. Вы сами сидите на заднем сиденье. И вдруг вы видите, что шофер теряет

способность управлять. Что вы должны делать?»

Если бы подобный вопрос был предложен на страницах какой-нибудь популярной газеты, мог бы составиться интересный конкурс, и мистер Ленсбери, сэр Малькольм, Кембелл, мисс Этель Меннин, лорд Кэстельрос и леди Инверклайд могли бы дать на него вполне удовлетвори тельный ответ, но для народа, втянутого в водоворот мировой войны, этот вопрос был вопросом жизни и смерти. В данном случае не было сделано попыток для его разрешения. Шофер и автомобиль должны были низвергнуться в пропасть.

В течение этого знойного лета Москву посетил ряд гостей: английские генералы, отряд броневиков Локкера Лемпсона, английские журналисты, великий князь Михаил, брат царя. Я занимал английских гостей и прислу шивался к их суждениям. У меня был долгий и бесплодный разговор с великим князем Михаилом Александровичем, который приезжал на закрытый просмотр нескольких французских военных фильмов. В своей казачьей форме он производил приятное впечатление. Высокого роста, с красивым лицом, обаятельными манерами и хорошим характером, великий князь мог бы быть прекрасным конституционным монархом. Он говорил совершенно свободно о войне, о недостатке снарядов, необходимости улучшить транспорт и сделал только одно замечание, которое можно было истолковать как политическое. «Слава Богу, — сказал он, — атмосфера на фронте гораздо лучше, чем в Петербурге». Он был самым спо1ГОЙным и, вероятно, наименее самонадеянным из всех великих князей.

С наступлением зимы посольство стало чаще посещаться. Лорд Джордж Бьюкенен дал торжественный обед Челнокову и немногочисленной депутации Московской думы в ответ на гостеприимный прием, оказанный послу во время его посещения Москвы. Мы ехали в Петербург вместе с Челноковым. За обедом он особенно расхваливал меня и в своей речи приветствовал меня как верного друга России.

Я был приглашен на завтрак к французскому послу. Я беседовал с Сазоновым, который задавал мне много вопросов, но сам уклонялся от каких бы то ни было сообщений. Молодой человек из Москвы возбуждал всеобщий интерес.

Но — и это было большое «но» — я видел, что атмосфера в Петербурге была более нездоровой, чем когда бы то ни было. Шампанское лилось рекой. «Астория» и «Европейская» — две лучшие гостиницы в столице — были переполнены офицерами, место которым было на фронте. «Ловчиться» или подыскать себе синекуру в тылу не считалось бесчестным. У меня было

ощущение бессмысленной скуки и fin de sieele.

А на улицах стояли «хвосты» из бедно одетых мужчин и без умолку болтающих женщин, ожидающих хлеба, который не доставлялся. Даже в посольстве уже перестали надеяться. Сэр Джордж выглядел усталым и больным. Он все еще носил шляпу попрежнему элегантно и в обществе русских ни на одну минуту не терял своего оптимизма. Но на ходу его плечи горбились, как бы под тяжестью бремени, которое он не в силах был нести. В канцелярии слегка нервничали — неизбежное следствие однообразной и ненужной работы. Я сам вел себя предосудительно и как-то помальчишески. Я тратил на визиты больше времени, чем было нужно, и увиливал под благовидными предлогами от работы, чтобы поспеть на приемы к русским и развлекаться у тех, кого я принимал в Москве. Я пил шампанское, и притом больше, чем можно было, у тех, кого я недолюбливал, и вернулся в Москву несчастным и пристыженным. В этот момент моя жизнь меня не удовлетворяла.

С наступлением декабря тон противоправнтельственных резолюций стал смелее. На фабриках социалдемократы и социалистыреволюционеры вели теперь революционную пропаганду. Земский и городской союзы раздраженные до крайности бессмысленной политикой Протопопова, прежнего либерального члена Думы, который на посту министра внутренних дел оказался реакционнее любого черносотенца, созвали съезд и, несмотря на его запрещение, провели секретную резолюцию, которая по силе своих выражений превосходила все их прежние требования. Правда, в ней не было никаких выпадов против царя, но после длинного вступления, в котором очень выразительно указывалось на все те болезни, которыми страдала Россия, в резолюции заявлялось, что «правительство, ставшее теперь орудием темных сил, ведет Россию к гибели и расшатывает царский трон. В этот грозный час своей истории страна требует прави тельства, достойного великого народа. Пусть Дума в этой решительной борьбе, которую ведет народ, оправ дает его ожидания. Нельзя терять ни одного дня».

Этот документ был секретным, лишь поскольку его было запрещено печатать. Но он размножался на ротато ре в тысячах экземпляров и распространялся как в тылу, так и на фронте.

Эта резолюция была принята как раз перед Рождеством. За два дня до конца года был убит Распутин. История его убийства рассказывалась столько раз, что она не нуждается в повторении. Из трех участников этого, быть может, ложно понятого акта патриотизма лично мне в то время был известен лишь великий князь Дмитрий Павлович. Все трое — двумя другими были князь

Феликс Юсупов и Пуришкевич — являлись сторонниками царского режима и их покушение на Распутина имело целью спасти трон. Теперь, когда мы рассматри ваем это убийство в свете истории, мы видим, что, хотя оно и воскресило на мгновение надежды патриотов, все же его единственным результатом было усиление пораженческих элементов и ускорение революции, которая была неизбежна, даже с точки зрения беспристрастного наблюдателя.

Единственным лицом, которому это убийство принес ло некоторую пользу, был великий князь Дмитрий Пав лович, самая ясная голова и самый большой англофил из всех великих князей. Ссылка на Кавказ за участие в убийстве Распутина позволила ему, когда грянула революкэпия, бежать через Персию и избежать той ужасной участи, которая постигла его родных, убитых большевиками.

Прежде чем светоч царизма окончательно погас, он вспыхнул еще раз последним слабым пламенем надежды. К концу января 1917 года в Петербург прибыла союзни ческая делегация. Целью посещения было установление более тесного контакта между союзниками для того, чтобы окончательно поставить точки над «и», догово риться об условиях мира и заранее радоваться победе, которая была всегда на устах французов и англичан и в которую теперь верили так мало русских. Редко бывало в истории великих войн, чтобы такое количество генералов и министров покидали свою родину для столь бесполез ного дела. Британская миссия была самой многочислен ной. Она возглавлялась лордом Мильнером, при котором состояли политические советники — лорд Ровельсток и Джордж Клерк и военные — сэр Генри Вильсон и пять других генералов. Французы были более экономны. Они послали только одного политика — Думерга и двух генералов, одним из которых был Кастельно. Во главе итальянской миссии был синьор Шалойа и помощник его генерал Руджиери.

В таком блестящем обществе моя маленькая персона совсем терялась. Тем не менее я был привлечен к делам. Британская миссия должна была посетить Москву, и я был вызван в Петербург для обсуждения с лордом Мильнером положения и подготовки программы. Москва, как всегда, придавала большое значение приезду делегации, надеясь, что в последнюю минуту союзники помогут улучшить дела России. Эти надежды, появившиеся и у меня, были разбиты в Петербурге. Я завтракал с лордом Мильнером в Британском посольстве. Долго беседовал днем, а вечером обедал с ним с глазу на глаз в его комнатах в «Европейской». Я думаю, что он был очень рад отделаться, хотя бы на один вечер, от тех бесконеч ных торжеств, которые были

предназначены для него и остальных делегаций.

Я нахожу, что из всех крупных политических деятелей, с которыми я имел дело, он был одним из наиболее чутких и симпатичных людей. Кроме того, он был иск лючительно хорошо осведомлен о фактах и лицах, при чем казалось, что он без всякого напряжения удерживает все в памяти. Я сомневаюсь в том, что его интуиция была столь же замечательна, как и его познания. Но с первого же дня своего приезда он понял всю безнадежность поло жения России и не пытался скрывать, что напрасно теряет время. Слушал он меня с бесконечным терпением, хотя выглядел усталым и утомленным чрезмерной работой. Мне кажется, он мог понимать молодежь, и я, как и большинство других людей моего возраста, подпал под его обаяние. Он задал мне несколько вопросов, и я отве чал, что, если не будут сделаны некоторые уступки об щественному мнению, беспорядки неизбежны. Он вздох нул.

— Я не говорю, что вы неправы, — мягко сказал он, — но я обязан сообщить вам две вещи. Прежде всего люди, хорошо разбирающиеся в положении вещей как среди союзников, так и среди русских, в Петербурге считают, насколько я понимаю, что революции не будет до окончания войны. И вовторых, я не вижу способа побудить к тем уступкам, о которых вы говорите.

На следующий день я вернулся в Москву, а лорд Мильнер занял свое место за столом конференции. И в то время пока делегаты разговаривали о Константинополе, об ЭльзасЛотарингии и делили военную добычу, около булочных волновался народ, охранка арестовывала рабочих, а напутанные придворные дамы повторяли пророчество Распутина о царской семье: «Если я умру или вы покинете меня, в течение шести месяцев вы потеряете сына и трон».

Через неделю лорд Мильнер прибыл в сопровождении лорда Ровельстока и Джорджа Клерка в Москву. (Сэр Генри Вильсон и остальные английские генералы поехали на фронт. В Москву они прибыли позже.) До конца своих дней лорд Мильнер никогда не забывал этих двух дней в Москве. Они окончательно сокрушили его. В Городской думе был прием, на котором он должен был произнести речь и вручить Челнокову знаки ордена Подвязки, кото рые король пожаловал ему в награду за услуги англорусскому союзу. (Бедный Челноков, то были последние часы его пребывания городским головою. Когда наступи ла революция, он должен был бежать из России, оставив дорогой его сердцу орден. Сейчас он умирает от рака в русском госпитале в Белграде. Когда я несколько лет тому назад встретился с ним там, он высказал желание получить новые знаки ордена. Я пытался через

Мини стерство иностранных дел получить их для него, но мне

обшили оттуда, что он должен купить орден сам.) Был joeH англорусский завтрак, который длился пять ча

У^ я на котором некоторые члены Государственной говорили такие длинные речи, что завтрак грозил превратиться в обед. Несчастный англичанин, не понимая пусского языка, без сомнения, с большим удовольствием поехал бы осматривать Кремль и московские древности, яо был прикован к своим обязанностям с раннего утра и по позднего вечера. Моя деловая работа тоже была не из приятных. И все же это посещение вызвало одно истори ческое свидание. Я устроил неофициальную беседу между князем Львовым и Челноковым, с одной стороны, и лор дом Мильнером и Джорджем Клерком — с другой. Я служил им переводчиком. Князь Львов, спокойный седо бородый человек, утомленный непосильной работой, го ворил очень сдержанно. И чтобы не было никаких недо разумений относительно его взглядов, он принес с собою письменный меморандум. Это был длинный документ, смысл которого сводился к тому, что если позиция царя не изменится, то в течение трех недель вспыхнет революция.

Но даже тогда, когда я распрощался на ночь с лордов* Мильнером, мои обязанности не кончились. Я должен был послать в посольство донесение. А тут еще Джордж Клерк хотел видеть ночную Москву и ради этого он готов был пожертвовать своим сном. Воспользовавшись услугами одного молодого русского миллионера, мы по везли его к цыганам. Это был, несомненно, один из последних кутежей с цыганами при самодержавии. Одно му Богу известно, во что это обошлось. Я бы не смог заплатить. Нас было восемь: четверо англичан и четверо русских. Джордж Клерк как почетный гость был букваль но залит шампанским. Мой молодой русский миллионер сделал все, что мог. Мария Николаевна пела бесчислен ное количество раз «Чарочку» и собственными ручками подносила Джорджу Клерку бесконечное число бокалов. Быть может, он имел много побед как дипломат, но никогда он не держал себя таким героем, как в этот последний вечер в Москве. Он ни разу не отказался выпить. При каждом тосте он опрокидывал бокал по РУсски, и монокль его ни разу не сдвинулся с места, 'фическа его оставалась такой же безукоризненной, а

ц° сохраняло свою обычную окраску.

ранним утром Прохоров велел подать счет, раздал

щедрые чаевые, и мы отправились домой: моя жена Джордж Клерк, «Джимми» Валентин и я в одном авто мобиле, а Прохоров и его русские друзья ехали впереди. Вскоре мы их обогнали. Они

остановили свою машину около городового и стояли посреди улицы. По просьбе Джорджа Клерка мы также остановились в ожидании. Прохоров шарил в карманах. Затем вынул свой кошелек и дал рубль городовому, который звякнул шпорами и поклонился. Положив руку на эфес своей шпаги, Прохо ров выпрямился во весь рост. Его глаза засверкали, и казалось, что он собирается скомандовать в атаку. «Бо же, царя храни», — загремел он. «Боже, царя храни,

отвечал городовой. — И бей жидов».

Мы поехали дальше. Нельзя сказать, чтобы Прохоров был юдофобом. По своим политическим убеждениям он был либералом, но всю дорогу он повторял: «Боже, царя храни» и «бей жидов». Таков был ритуал. Такова была дореволюционная традиция.

Когда лорд Мильнер и Джордж Клерк вернулись в Петербург, к нам нагрянули военные — сэр Генри Виль сон со своими собратьями по оружию. Это посещение не имело политического значения. Однако оно чуть не испортило мои отношения с русскими друзьями и было причиной одного из самых неприятных эпизодов моей карьеры.

Генералы приехали в Москву не для деловых целей, а для развлечения. Они были пресыщены официальными приемами. Во всяком случае, их не интересовали полити ческие взгляды московской оппозиции или безбородого консульского чиновника. Как мог я развлечь их? Надо ли устроить для них интимный обед и танцы? А так как приезжих пятнадцать человек, то приглашать ли еще мужей? По этому поводу я беседовал с Генри Вильсоном по его прибытии и, стараясь угодить видному генералу, помчался выполнять его приказания.

Я обратился за помощью к жене. Она позвонила по телефону тем русским дамам, которые во время войны так усердно помогали нам развлекать разные английские делегации, посещавшие Москву. С большим рвением принялись они за это дело, и еще днем мы сумели сорга низовать чудесный вечер. Конечно, мне не приходится говорить о том, что мы приглашали только хорошеньких и молодых женщин и что мужья их ничего об этом не знали. О, самонадеянная и пылкая юность!

Вечер состоялся в отдельном кабинете ресторана «Эр ˆтаж» Закуски и вина были лучшими из того, что тогда ˆ«но было достать в Москве. Играл оркестр Крита и в

Йя* английских гостей исполнял «Люби меня — н мир

Г/пет моим» с еще большим подъемом, чем всегда. Вечер «палея на славу. Он носил дружеский характер, гпягчем „пяличия ничем не нарушались. Да иначе и не могло быть в присутствии

таких столпов респектабельности как генерал Клив, лорд Дунканнон (теперь лорд БессбЧь ov) и сам Генри Вильсон. И все же среди этого невинного стада оказалась одна черная овца. Лорд Брук попросил разрешения привести одну свою знакомую. Мои московские друзья ее не знали. Она была аристократка, разведенная и, что всего хуже, — она приехала из Петербурга.

Я должен сказать, что как она, так и лорд Брук соблюдали этикет еще строже, чем самые благовоспитан ные участники нашего благовоспитанного собрания. Но беда была уже непоправима. С раннего утра следующего дня мой телефон беспрестанно трезвонил, и меня вызыва ли гневные мужья, требуя объяснения моему поведению. Последний удар был мне нанесен одним моим другом, богатым и весьма влиятельным, который приехал прямо? в генеральное консульство, чтобы лично меня увидеть.^ Его провели в мой кабинет. Он подошел к столу и щелкнул каблуками. Глаза его грозно сверкали.

— Роман Романович, — сказал он, — вы были моим другом. Я считаю своим долгом сказать, что вы поступи ли не как джентльмен, приглашая мою жену без меня. Прощайте.

И кипя негодованием, он вышел из комнаты, и мне нужно было потратить много усилий, чтобы восстано вить нашу старую, нарушенную дружбу.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Несколько дней спустя сборные делегации выехали в Англию, Францию и Италию. Они уезжали без орке стров, без торжественных проводов. Они отправлялись "а Мурманск, где их должен был забрать «Кильдонан ˆэстль»; помня судьбу Китченера, они держали день и ˆас отъезда в тайне. И для большей конспирации они ожертвовали своими ботинками, оставив их по приказу ц> ответственных за их жизнь, перед дверьми своих

комнат; ботинки так и стояли там еще долгое время после того, как обитатели комнат исчезли.

Ходят слухи, что по возвращении своем в Англию лорд Мильнер представил в кабинет доклад, в котором выражал уверенность, что никакой революции не будет но не успели высохнуть чернила на его докладе, как революция началась.

Мне не удалось проверить правильность этого расска за одного из министров, но, уважая память лорда Миль нера, я склонен верить этому. Такая развязка не только льстит моему самолюбию, но и импонирует моему при страстию к трагичному. Какникак, а мои предсказа ния оправдались, хотя их и игнорировали.

Однако стремление к истине заставляет меня сомне ваться в том, что лорд Мильнер когдалибо написал такой доклад и вообще так категорично высказывал свое мнение. В Министерство иностранных дел, правда, посту пил доклад, начинающийся словами: «Это может пока заться признаком самонадеянности в том, кто провел в России всего две недели», и кончающийся смелым пред сказанием, что никакой революции не будет. Но доклад этот не был подписан лордом Мильнером.

К тому же ни в поведении лорда Мильнера во время его поездки в Россию, ни в многочисленных моих с ним беседах ничто не давало повода думать, что он верит в прочность царского режима. Какие сведения давал он мистеру Ллойд Джорджу, я не знаю, но не думаю, чтобы они были оптимистичны. Сэр Самуэль Хоар, сопрово ждавший группу Мильнера на обратном ее пути в Англию, усиленно подчеркивает, что все члены группы за блуждались почти во всех своих выводах и что рапорты их, написанные на «Кильдонан К зет ль», доказывают не лепую самонадеянность.

Несмотря на утверждения сэра Самуэля, я продолжаю думать, что лорд Мильнер был настроен не так уж опти мистично. Поездка в Россию привела его в мрачное настроение, которого не сумели рассеять восторги его подчиненных. Во всяком случае, в

его последующих пись мах к британским чиновникам, оставшимся в России, не было ни капли оптимизма. Достаточно одной цитаты — выдержки из письма, написанного к «Бенджи» Брюсу, главе канцелярии посольства, несколько недель спустя по возвращении лорда Мильнера в Лондон. Вот что он пишет: «Увы, увы! боюсь, что все делегации британских

рабочих ^^fWietm расточаемые нами по адресу русской революции ~ да демократии», «со S «ободных народов; iiporm, тиранов» и т. д, и т п совершенно впустую. Для меня очевидно, что намеренно или нет, но Россия выходит на войны. Это должнˆггь ударом для вашего шефа, который в прошломˆлал т£ много для укрепления дружбы Россв/сАнглиейTZJr™ рый сумел бы предотвратить и новую катастрофу, £ш Вы слушались его советов. Даже сейчас он Драено лавирует в столь трудном положении, но я бокядГˆо никакой рулевой не спасет в этом ужасном тайфуне»

Здесь мало оптимизма. Одно несомненноГесли поезд ка этой делегации не открыла глаза ее участникам на положение в России, тогда она была бесполезна даже как практический урок для западных союзников. В смысле изучения положения в России делегация смело могла остаться в Лондоне, Риме и Париже.

12 марта, то есть меньше чем три недели спустя после отъезда союзных делегатов, разразилась буря: в одну ночь хлебный бунт, подобный сотням других, происшед шим за предыдущий год, превратился в революцию. В Москве не было кровопролитий, так как не было никого, кто защищал бы старый режим. Был страшно холодный день. В нашем доме с центральным отоплением с неделю не было топлива, и я вышел на улицу и смешался с толпой. Самое яркое воспоминание того дня было ощущение теплоты в толпе перед зданием Городской думы. Хули ганства не было. Толпа охотно пропустила меня, но все же, прежде чем я достиг двери, мне стало так жарко, что я с облегчением снял свою меховую шапку. Одним из первых иностранцев я проник в московский штаб революции. Внутри комнаты и коридоры громадного здания город ского самоуправления были наводнены группами студен тов и солдат; солдаты были возбуждены, грязны и офи циальны, студенты — грубы и ликующи. Нельзя сказать, что это была сплошь молодежь. Были и бородатые, с проседью люди, согбенные годами — люди, пережившие ссылку, проведшие годы в крысиных норах и теперь с Дрожащими коленями и странным блеском в глазах празд нующие победу. Энтузиазм властвовал, почти заражал, но ˚н сильнее чувствовался в уличной толпе, чем внутри здания. Я разыскал Челнокова. Он вышел ко мне из зала заседания. На лбу

у него выступили капли пота, его хромота была заметнее, чем обычно. Он потерял голос.

— Я борюсь за свою жизнь, Роман Романович

сказал он. — Эсеры и социалдемократы против моей кандидатуры на пост городского головы, но не беспокой тесь, я одолею их. Но это неприятная история, и она повредит войне...

И с этими словами он оставил меня и вернулся к словесной борьбе, разгоравшейся еще сильнее. Тот, кто вчера был слишком революционен для царя, уже был слишком реакционен для революции.

При выходе из здания я встретил Грузинова, предсе дателя губернского земства. Он только что получил на значение командовать революционными войсками. Казалось, его смущало поклонение и энтузиазм курсисток и гимназистов, окруживших его. Пламя разгоралось быстро.

Еще одна сцена ярко сохранилась в памяти от этого первого дня восторженного смятения. По дороге домой я встретил на улице Гарри Чарнока. Он долгое время вел переговоры о продаже крупных текстильных фабрик Вакулы Морозова богатой американской фирме. Что касается американцев, то они уже давно готовы были подписать контракт и уплатить деньги. Сам Чарнок вел это дело и рассчитывал составить на этом небольшой капиталец, а потому тоже стоял за подписание, но Морозовы с мужицким упрямством все торговались и торговались до последней минуты. Теперь было уже поздно. Чарнок лаконично протянул мне бумажку, это была телеграмма от американской фирмы с уведомлением о том, что сдел ка не состоится. Крупный капитал испугался.

Когда я проходил по Театральной площади, аги таторысоциалисты, преимущественно студенты и гимназистки, раздавали солдатам антивоенные брошюрки. Против отеля «Националь» ктото в толпе узнал меня. «Да здравствует Англия!» — раздался голос студента. «Да здравствует Англия и революция!» — отозвалась грязная толпа. Это был беспокойный и смутный день.

История революции рассказана уже не одним пером. Она будет темой для историков во все века. Я не намерен говорить о ней подробно, а лишь постольку поскольку она касалась меня лично. Я не собираюсь также анализи ровать ее причины или гадать о том, что случилось бы, если бы Керенский сделал тото в такой день, а генерал Иванов тото — в другой. Мои личные взгляды на рево люцию могут быть изложены в нескольких словах.

революция произошла потому, что терпение русского народа

лопнуло под давлением царящих повсюду не производительности и упадка. Нй одна другая нация не "{ˆдержала бы стольких лишений, как Россия, в течение такого долгого времени. Как примеры непроизводитель ности приведу невероятно бесхозяйственное обращение со съестными припасами, окончательную разруху транс порта и бессмысленную мобилизацию миллионного не нужного и негодного войска. Как на пример разложения укажу на бесстыдную погоню за прибылью со стороны военных поставщиков. Ясно, что сам царь как самодер жец должен отвечать за систему, провалившуюся глав ным образом изза людей, назначенных им для контроля этой системы (Штюрмер, Протопопов, Распутин). Если бы он поступил подругому, если бы он был другим человеком... это — детские доводы.

Необходимо понять одно — с самого начала революция была революцией народной. С самого начала ни Дума, ни интеллигенция не управляли ходом событий. И второе — революция была революцией ради земли, хлеба и мира, — но прежде всего ради мира. Был толы» один путь спасения России от большевизма — это заклю чить мир. Керенский провалился потому, что он не захотел мира. И Ленин достиг власти только тем, что обещал прекратить войну. Мне возразят, что Керенскому нужно было расстрелять и Ленина и Троцкого. Солдаты, рассуждающие так, всегда забывают о психологических предпосылках. После падения старого режима вождь (то есть Керенский), вознесенный первой революцией, должен был быть таким человеком, который не расстреливает своих противников. Таков первый этап естественного процесса. И даже если бы Керенский расстрелял Ленина и Троцкого, вместо них появился бы другой антивоенный вождь и он победил бы со своей антивоенной программой.

Это было так ясно, что только серьезность нашего положения на Западе может служить оправданием наших безрассудных проектов (начиная с бесплодной архангель ской экспедиции и кончая еще более бессмысленной, но, к счастью, невыполненной, японской интервенцией), кото рые мы отстаивали в целях восстановления восточного Фронта. К числу этих отъявленных дураков я причисляю и себя. Из всех военных один генерал Макрэди оставался в ЗДравом уме.

Мое личное общение с первой революцией продолжа лось восемь месяцев. Это был период депрессии и раз! дробленности, период новой деятельности; в ней не было уже ни капли веры и надежды. Я не был сторонником старого режима, но мне не трудно было уяснить себе, как скажется новый режим на ходе

войны. Через три дня после начала восстания я представил посольству обстоя тельный анализ революционного движения. Краткое со держание этого донесения, тогда же записанное мною в дневник, таково: «Положение настолько неясно и неопре деленно, что трудно даже пытаться чтолибо предуга дать. Кажется немыслимой возможность прекращения борьбы между буржуазией и пролетариатом без дальней шего кровопролития. Когда она начнется, никто не знает но перспективы войны представляются мрачными».

Революция началась в понедельник, а в субботу я в качестве официального лица принимал участие в тор жественном смотре революционных войск на Красной площади. Это было изумительное зрелище — сорокаты сячное войско отмечало недавно обретенную свободу церемониальным маршем, проведенным с идеальной вы держкой и порядком. И все же, несмотря на безоблачное небо и ясный воздух, я испытывал такое чувство, как будто я в тюрьме. Громадная Красная площадь, видев шая столько раз подавление свободы, начиная с казней во времена Иоанна Грозного и кончая первомайскими де монстрациями большевиков; мрачный фон — высокие красные стены, окружающие Кремль, — все это отнюдь не символ свободы. Русские (как я в этом убедился позднее, в еще более беспокойные времена) обладают талантом помпы и торжественных зрелищ. И если с моей стороны наблюдалась склонность к излишнему энтузиаз му (а я — романтик, инстинктивно ненавидящий всякое правительство), то там были генералы — либеральные патриоты вроде Оболещева, только что вернувшиеся с фронта, которые могли охладить мой пыл. От дисципли ны не осталось и следа. Солдаты перестали отдавать честь своим офицерам. Дезертиры тысячами удирали в деревню. Трехсотлетние шлюзы были снесены. Поток не мог быть остановлен никакими человеческими силами, пока он сам не иссякнет. Можно было только искусно ввести его в менее опасное русло. Но этот метод был чужд союзникам, встретившим революцию сначала с притворным энтузиазмом, а затем с быстровозрастаю

шей тревогой. Им хотелось — и для военных кругов это желание было естественно — вернуть все на прежнее место. Но, к несчастью, ни во временя, ни в революции небывает возврата.

Через две недели после революции я отправился в СПетербург, чтобы увидеться с членами нового, Временного правительства. Князь Львов, премьерминистр, был моим близким другом. С остальными я часто встре чался в течение последних двух лет. Шингарев, петер бургский врач, Кокошкин, крупный московский специалист по международному праву, и Мануйлов,

ректор московского университета были людьми большой честности и одаренности. Для английского либерального кабинета 1906 года они служили бы мощным и благородным украшением. Они были слишком мягки, чтобы иметь дело с буйными элементами Советов, совершившими революцию и теперь фактически управляющими Думой.

Перед отъездом на вокзал я пообедал с Челноковым, только что назначенным комиссаром Москвы. Он нари совал мне картину того, что я могу встретить там. Его собственное положение становилось невыносимым. Он признался, что не мог надеяться на успех при новых выборах, проводимых теперь на основе всеобщего голо сования для каждой городской думы и земства России. Царствование Львова, говорил он, продлится не дольше моего.

Флегматик, каких мало, он говорил без злобы и пре дубеждения. Я чувствовал его правоту. «Свободная демо кратия» (как потом издевались большевики над лозунга ми первой революции) уже не годилась для либеральных вождей, годами восклицавших: «Верю в народ!»

Я разыскал князя Львова в Таврическом дворце среди неописуемого хаоса. Он председательствовал на заседа нии кабинета министров. Секретари непрерывно врыва лись в его кабинет с бумагами для подписи или наложения резолюции. Он начинал говорить со мной, но в это время звонил телефон. В коридоре его ждали делегаты с Фронта, из деревни, бог весть откуда еще. И в этой беспокойной, торопливой суматохе не было никого, кто бы мог защитить премьерминистра или снять часть за 0от с его плеч. Казалось, что все стараются заниматься неопределенным делом, чтобы избежать ответственности. Я пожалел, что здесь нет мисс Стевенсон, которая послала бы всю кучу делегаций к черту и навела бы в этом содоме какойто порядок.

Разговор велся урывками. Наконец он прервал его. — Видите, что делается, — сказал он, — мы выби ваемся из сил, но ведь дел масса. Приходите ко мне на квартиру сегодня в двенадцать часов вечера.

Князь погладил свою седую бороду и посмотрел на меня со слабой улыбкой. Он казался усталым и из нуренным, а глаза его, и в обычное время маленькие почти исчезли за ресницами. За две недели он постарел на десять лет. Человек большого обаяния, он был бы пре восходным председателем Совета Лондонского графства. Он был идеальным председателем земского союза, но он не годился для революционного премьерминистра' Я сомневаюсь, смог бы ктонибудь из его класса удержаться в то

время на его месте. Естественный ход событий не терпит никакого вмешательства в свои процессы, а время диктаторов еще не пришло или уже мино вало.

Я был у Львова — скромная квартира из двух комнат, где он жил с того самого дня, когда приехал из Москвы принять бразды правления. Он был в том же костюме, дорожный мешок все еще стоял в передней. У меня сердце разрывалось, глядя на него. Он казался таким одиноким и покинутым. Как всегда, он говорил немного отрывисто и односложно. Он был скромен и, вопреки аристократической фамилии, боль ше походил на деревенского доктора, чем на аристократа. На мало его знающих он производил впечатление хитреца — исключительно благодаря своей застенчивости. С теми, кому он доверял, он был откровенен и прост — он не скрывал своих страхов и опасений. Россия переживает, но... Россия будет воевать, но... все, что он говорил, сводилось к признанию собственной слабости.

Встретившись с другими моими московскими друзья ми, членами правительства, я увидел ту же беспомощ ность, те же опасения. Во всем кабинете был только один человек, обладающий какойто силой. Это был кандидат Советов — Керенский, министр юстиции. Революция со крушила моих прежних друзей либералов. Приходилось искать новых богов.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Первую мою встречу с Керенским устроил князь Львов Это была лучшая из возможных рекомендаций як большинство социалистов, Керенский уважал Льво я как за его честность, так и за все, сделанное им для vccKoro народа. Я получил приглашение к завтраку.

В назначенный час мои сани остановились у Минигтеоства юстиции, я поднялся наверх по парадной лестнице где еще три недели назад царили чопорные церемоний старого режима, и вошел в приемную, наполненную толпой солдат, моряков, служащих, студентов, курси сток, рабочих и крестьян, терпеливо ожидающих своей очереди, как ждут в хлебных очередях на Литейном или на Невском. Я пробрался через эту толчею к усталому издерганному секретарю.

_ Вы хотите видеть Александра Федоровича Ке ренского? Совершенно невозможно. Придется прийти завтра.

Я терпеливо ооъясняю, что приглашен к завтраку. Голос автоматически прерывает: — Александр Федоро вич уехал в Думу. Понятия не имею, когда он вернется. Сейчас вы сами знаете...

Он пожимает плечами. Не успел я изобразить на лице разочарование, как в толпе начинается волнение. «Рассту пись! Расступись!» — кричат солдаты. Два нервных, очень молоденьких адъютанта расчищают проход, и Ке ренский крупными энергичными шагами приближается ко мне. Лицо его мертвенно бледно, даже желтовато. Узкие, монгольские глаза усталы. С виду кажется, что ему физически больно, но решительно сжатые губы и коротко подстриженные под бобрик волосы создают об щее впечатление энергичности. Он говорит короткими, отрывистыми фразами, делая легкие, четкие движения головой. На нем черный, похожий на спортивный, ко стюм, одетый поверх черной русской рабочей блузы. Он берет меня за руку и ведет в свое личное помещение, и мы садимся завтракать за длинным столом, человек на трид цать. Мадам Керенская уже завтракает. Рядом с ней ьрешковская, бабушка русской революции, и крупный крепкий моряк Балтийского флота. Люди входят и вы ходят, когда хотят. Завтрак наспех, повидимому, для всех желающих. Керенский все время говорит. Несмотря на правительственный декрет о запрещении спиртных

?255 Ш

напитков, на столе вино, но сам хозяин на строгой диете и не пьет ничего, кроме молока. Всего.несколько месяцев назад ему

удалили больную почку, но его энергия неуга сима. Он вкушает первые плоды власти. Ему уже мешает давление, производимое на него союзниками. «Как бы реагировал Ллойд Джордж, если бы к нему пришел рус ский и стал учить его, как управлять английским наро дом?» Несмотря на это он в хорошем настроении. Его энтузиазм заразителен, его гордость революцией безгра нична. «Мы делаем то же самое, что вы делали несколько столетий назад, но пытаемся сделать это лучше — без Наполеона и Кромвеля. Меня называют сумасшедшим идеалистом, но благодарите Бога за идеалистов в этом мире». И в эту минуту я готов был благодарить Бога вместе с ним.

После этого первого завтрака я много раз встречался с Александром Федоровичем. В России я знал его луч ше — гораздо больше, чем ктолибо из английских чино вников. Не раз я служил ему переводчиком при перегово рах с сэром Джорджем Бьюкененом. Часто я видел его одного. Именно ко мне он пришел, скрываясь от больше виков. Это я помогал ему в выезде из России. И теперь, когда тысячи русских и английских противников больше виков поносят его, когда те, кто искал его расположения и опирался на его слова, проклинают его имя, — я остаюсь его другом.

Керенский стал жертвой буржуазных упований, расц ветших благодаря его недолгому успеху. Он был честен, если не велик, искренен, несмотря на ораторский талант, и для человека, превозносимого в продолжение четырех месяцев как божество, сравнительно скромен. С самого начала он вел безнадежную борьбу, пытаясь загнать обратно в окопы нацию, уже покончившую с войной. Под перекрестным огнем большевиков слева, на каждом пере крестке и в каждом окопе кричавших о мире, правых и союзников, требующих восстановления порядка царски ми методами, у него не оставалось шансов на победу. И он пал, как пал бы любой, попытавшийся сделать то же самое.

И все же в продолжение нескольких недель казалось, что его ораторский талант совершил чудо и что его нелепая вера в благоразумие русского народа (разделяе мая всеми эсерами и большинством либералов) может оправдаться. Ибо Керенского следует считать одним из величайших, в своем роде, ораторов в истории. В его выступлениях не было ничего обаятельного. Его голос огрубел от постоянного крика. Он мало жестикулировал _L удивительно мало для славянина, но он владел речью я говорил с покоряющей убежденностью. Как отчетливо я помню его первый приезд в Москву. Это было, кажется, вскоре после назначения его военным министром. Он только что вернулся из поездки по фронту. Он выступал в Большом театре — там, где позднее

большевики ратифицировали Брест-Литовский мир. Но Керенский был первым политическим деятелем, выступающим на этой знаменитой сцене, давшей миру Шаляпина, Собинова, Гельцер, Мордкина и массу других певцов и танцоров. В тот день громадный театр был набит до отказа. В Москве зола русского патриотизма была еще тепла, и Керенский пришел, чтобы снова раздуть его пламя. Генералы, высшие чиновники, банкиры, крупные промышленники, купцы с женами занимали партер и ложи бельэтажа. На сцене представители Советов солдатских депутатов. На авансцене, как раз над суфлерской будкой, соорудили небольшую кафедру. Обычное десятиминутное опоздание, и по залу пошли толки: Александр Федорович болен, новый кризис отозвал его в С.Петербург. Потом шумок разговоров сменился взрывом аплодисментов, и изза кулис показалось бледное лицо военного министра; он направился к кафедре. Все встали. Керенский поднял руку и сразу заговорил. Он выглядел больным и усталым. Он вытянулся во весь рост, как бы собирая последний запас энергии. И с нарастающей силой начал излагать свое евангелие страданий. Ничего не достигнешь без страда ний. Сам человек рождается в муках. Величайшие рево люции мира начались с Голгофы. Можно ли думать, что наша революция окрепнет без страданий? От царского режима мы получили в наследство громадные трудности — разваленный транспорт, отсутствие хлеба, отсутствие топлива, но русский народ умеет страдать. Он (Керенский) только что вернулся из окопов. Он видел людей, месяцами живущих по колено в грязи, в воде. Они обовшивели. Целыми днями у них нет ничего, кроме корки черного хлеаба. Нет оружия для самозащиты. Они месяцами не видят своих жен. И все же они не жалуются. Они поклялись выполнить свой долг до конца. Ропот слышен только в Москве и С.Петербурге. И от кого же? От богачей, от тех, кто в шелках и золоте пришел сюда, чтобы в комфорте послушать Керенского. Он обвел глазами ложи бельэтажа; страстными отрывочными фразами он довел себя до исступления. Неужели они превратят Россию в развалины, будут виновны в позорнейшей в истории измене, в то время как покорные бедняки, имеющие все основания жаловаться, все же держатся? Ему стыдно за апатию больших городов. Что они совершили такого, чтобы чувствовать усталость? Неужели они не могут потерпеть еще? Он приехал в Москву с поручением от тех, кто в окопах. Неужто ему придется вернуться к ним и сказать, что их усилия тщетны, ибо люди в «сердце России» потеряли веру?

Окончив речь, он в изнеможении упал назад, подхва ченный адъютантом. При свете рампы его лицо казалось

мертвевнобледным. Солдаты помогли ему спуститься со сцены, пока в истерическом припадке вся аудитория пов скакала с мест и до хрипоты кричала «ура». Человек с одной почкой, человек, которому осталось жить полтора месяца, еще спасет Россию. Жена какогото миллионера бросила на сцену свое жемчужное ожерелье. Все женщины последовали ее примеру. И град драгоценностей посы пался из всех уголков громадного здания. В соседней со мной ложе генерал Вогак, человек, прослуживший всю свою жизнь царю и ненавидящий революцию больше чумы, плакал как ребенок. Это было историческое зрели ще, вызвавшее более сильную эмоциональную реакцию, чем любая речь Гитлера и других ораторов, когдалибо слышанных мною. Речь продолжалась два часа. Ее дейст вие на Москву и всю Россию продолжалось два дня.

Сейчас реакционеры и монархисты, когдато прекло нявшиеся перед ним, не скажут о Керенском ничего хоро шего. Он служит им козлом отпущения больше, чем большевикам.

В 1923 году два юных отпрыска русского дворянства приехали ко мне в Прагу. Они были в большом возбу ждении. Они сообщили мне, что весь день они занима лись оскорблением Керенского. Узнав, что он живет в Праге, в отеле «Париж», они заняли соседний с ним номер и целый день кричали через тонкие перегородки: «грязная собака» и другие оскорбительные вещи. Это очень типично для отношения большинства русских к человеку, преступление которого заключается в том, что он не оправдал невозможных чаяний.

Керенский явился символом необходимой интермедни между царской войной и большевистским миром. Его поражение было неизбежно. В глазах Россия, поддер живавшей его, смерть на своем посту была бы еще большим поражением.

В июне 1931 года мы завтракали с ним в «Карлтон Грилл Рум» в Лондоне; к нам вскоре присоединился лорд Бивербрук. Со свойственным ему острым интересом к человеческой психологии, он сразу же стал осыпать Керенского вопросами.

Какова причина вашего провала?

Керенский ответил, что немцы толкнули большевиков к восстанию, так как Австрия, Болгария и Турция собирались заключить с Россией сепаратный мир. Австрия решила просить о сепаратном мире всего за две недели до Октябрьской революции.

Удалось бы вам победить большевиков, если бы вы заключили сепаратный мир? — спросил лорд Бивербрук.

Ну конечно, — возразил Керенский, — мы были бы теперь в Москве.

Так почему же, — поинтересовался лорд Бивер брук, — вы не

сделали этого?

— Мы были слишком наивны, — последовал ответ. Наивность — лучшая эпитафия на могилу Керенского.

Теперь ему пятьдесят. Он прекрасно сохранился.

Со дня удаления больной почки он не болел ни одного дня. Он живет в Париже и все еще мечтает о дне, когда Россия вернется к нему. Он все еще идеалист. Ему, как и всегда, недостает суровости революционера, добившего ся победы революции. У него два сына. Оба инженеры и оба работают в Англии.

По странному совпадению и Керенский, и Ленин, и Протопопов (самый сумасшедший из царских министров) родом из одного и того же волжского города — Симбирска. Керенский происходит из рода православных священников. Его отец был государственным чиновником и поверенным в делах Ленина. Это была единственная связь между ними. Керенский никогда не встречался с Лениным и видел его раз или два издали.

Тогда же я познакомился и с другими революционерами: Борисом Савинковым, Филоненко, Черновым, Зензи новым, Рудневым — новым городским головой Москвы, Урновым — председателем Совета солдатских депутатов, Минором, почтенным эсеровским редактором, Прокоповичем и женой его Екатериной Кусковой эта замечательная пара как по внешности, так и по работе свободно может быть названа русским двойником супругов Сидней Вебб. Когданибудь, когда русская революция также скроется во мраке времени, как французская их имена войдут в русскую историю. Иностранному же читателю все эти имена, за исключением Савинкова ничего не говорят.

По непонятной причине на Бориса Савинкова англичане смотрели как на человека действия и, следовательно как на героя. Больше, чем другие русские, Савинков был теоретиком, человеком, который мог просидеть всю ночь за водкой, обсуждая, что он сделает завтра, а когда это завтра приходило, он предоставлял действовать дру гим. Нельзя отрицать его талантов: он написал несколько прекрасных романов, он понимал революционный темпе рамент лучше коголибо и знал, как сыграть на нем для собственной выгоды Он столько общался со шпионами и провокаторами, что, подобно герою одного из своих романов, он сам не знал, предает ли он себя или тех, кого он хотел предать. Как и большинство русских, он был одаренным оратором и производил впечатление на слу шателя. Както раз он совсем покорил мистера Черчилля, увидевшего в нем русского Бонапарта. Однако в нем были роковые недостатки. Он любил пышность, несмотря на честолюбие он не хотел пожертвовать

своими слабостями ради этого честолюбия. Его главная слабость была и моей слабостью — склонность к коротким при ступам лихорадочной работы, и вслед за ними — длин ные периоды безделия. Я часто встречался с ним после падения правительства Керенского. Он приехал ко мне в Москву в 1918 году, когда за его голову была обещана награда. Опасность для него и для меня была велика. Единственной маскировкой служили ему громадные ро говые очки с темными стеклами. Почти все, о чем он говорил, сводилось к обвинению союзников и русской контрреволюции, в сообществе с которыми он обвинялся. В последний раз я видел его в ночном кабачке в Праге в 1923 году. Он был трагической фигурой, к которой нельзя было не чувствовать глубочайшей симпатии. Спустя не которое время, растеряв всех своих друзей, Савинков вернулся в Москву и предложил свои услуги большеви кам; меня это не удивило. Без сомнения, в этом беспокоином мозгу созревал какой-то грандиозный проект нанесения последнего удара на благо Россия и свершения какого-то необыкновенного «соир d'etat*. Это была ставка игрока (он всю жизнь играл в одиночку), и хотя противники большевиков утверждают, что он был убит — отравлен и выброшен в окно, — я не сомневаюсь в его самоубийстве. *

Период правления Керенского был самым несчастливым в моей служебной карьере. Я потерял надежду, а вместе с ней и внутреннее равновесие. Я искал отдыха и развлечений в материальных удовольствиях. Я был ненасытен и разнуздан. Война, наложившая клеймо на многих моих сверстников, отняла у меня мою прежнюю энергию. Я затосковал по деревенской тишине и мирной прохладе полей и, не имея возможности обрести их, я предался соблазнам города. Я неуклонно катился вниз.

Когда английские министры поняли, чем грозит русская революция, они стали прилагать все усилия, чтобы образумить русских и сурово напоминать им об их обязательствах по отношению к союзникам. Какойто умник выдвинул идею посылки франкобританской социалиста : ческой делегации с целью убедить русских товарищей не прекращать войну. И в середине апреля Месье, Мута, Кашэн и Лафонт — представители французских социалистов и мистеры Джим ОТрэди, Уилл Торн и В. В. Сандерс — активные британские лейбористы при были в С.Петербург для проповеди Советам мудрости и патриотизма. Французы были интеллигентами. Муте — адвокат, Кашэн и Лафонт — профессора философии, а из англичан — Сандерс был тогда секретарем Фабианского общества. ОТрэди и Торн не нуждаются в представлении английским читателям.

С самого начала поездка носила характер фарса. Делегаты честно выполнили задание, но, как и следовало ожидать, они совершенно потерялись в дебрях русской революционной фразеологии. Они были сбиты с толку бесконечными дискуссиями об условиях мира. Они разби рались в жаргоне русских социалистов гораздо хуже меня. Незнание русского языка делало их положение еще более затруднительным. Но хуже всего то, что им так и не удалось завоевать доверия даже умеренных социалистов, с самого начала смотревших на них как на лакеев своих правительств.

Если делегаты не произвели никакого впечатления на русских, то они поистине изумительно реагировали на революцию. ОТрэди и Торн — особенно последний были неподражаемы. Никогда не забуду завтрак в посольстве, где этот простодушный великан развлекал нас рассказами о своих приключениях. Он чисто по английски презирал пустословие, и болтовня на чужом языке его раздражала. Ему хотелось пустить в ход свои сильные руки и стукнуть по головам болтливых товарищей.

Союзные делегаты прибыли в Москву. Побывали на фронте. Произнесли — при помощи переводчика — не сметное количество патриотических речей и наконец уехали, поумнев и расстроившись. Последствия этой поездки были весьма забавны. ОТрэди стал сэром Джем сом ОТрэди и правителем колоний. Уилл Торн теперь лейбористский старшина в Палате общин и остался тем, чем был всегда, — вождем тредюнионов. Мистер Сан дерс в 1929 году был членом лейбористского прави тельства. Он тоже, только чутьчуть розоват. Из франц зов Лафонт вошел и вышел из коммунизма; Муте все еще умеренный социалист, Кашэн — из всей шестерки самый убежденный патриот, человек, со слезами в голосе умо лявший Советы не выходить из войны до окончательной победы Антанты, — теперь целиком отдался Москве и является оплотом большевизма во Франции.

События сменялись быстро. Через несколько дней после приезда франкобританской рабочей делегации и почти одновременно с возвращением Ленина в Россию, сюда приехал М. Альбер Тома, французский министр снабжения. Он тоже был послан французским прави тельством, по традиции претендующим на особое знание революции и жаждущим обеспечить сотрудничество ре волюционной России с Антантой. Тома, социализм которого был чуть розовее консерватизма мистера Болдуина, приезжал в сопровождении целой армии секретарей и чиновников. Более того, он привез в кармане распоряжение об отозвании М. Палеолога, французского посла и

циника, всегда казавшегося мне несерьезным человеком, но понимающего Россию гораздо лучше, чем многие думали. Отозвание было симптомом новой политики.

Я довольно часто встречался с Тома — общительным бородатым человеком, обладающим чувством юмора и здоровым аппетитом буржуа. Он подружился с сэром Джорджем Бьюкененом. Он поддерживал в Керенском

верность войне. Он бывал на фронте, произносил перед войсками патриотические речи, жирно уснащенные рево люционным пафосом. Тома спорил с Советами. И он оказал Антанте одну весьма существенную в то время услугу. Советы заняты были отвлеченным дискутирова нном условий мира. Они изобрели формулу: «Мир без аннексий и контрибуций», и эта фраза, повторяемая на тысячах митингах, в окопах и деревнях, разнеслась по стране, как пламя пожара. Этот лозунг был весьма невыгоден и неприятен для английского и французского правительств, заранее поделивших еще незавоеванную добычу в виде и аннексий и контрибуций.

французскому послу и сэру Джорджу Бьюкеиену бы ло поручено обойти хитростью эту новую весьма опасную форму пацифизма. Задание было тонкое и трудное. Казалось, из тупика н£ было выхода, и в отчаянии они обратились за советом к Тома. Веселый социалист рас смеялся.

— Я знаю своих социалистов, — сказал он. — Оящ / будут драться до последней капли крови за лозунг. Hj/tri жно принять его, но изменить его толкование.

Так аннексии превратились в возмещение убытков, щ\ контрибуции — в репарации. Кажется, именно тогда ˆ слово «репарация» впервые получило официальное при менение. И именно Тома удалось убедить Советы при нять пункт о возмещении убытков ЭльзасЛотарингией. В то время это казалось большим достижением. По существу же, поскольку меньшевики и эсеры, поддавшие ся на уловку Тома, скоро сошли со сцены, это не состави ло никакой разницы.

А. Тома был самым заметным из всех французских и английских социалистов, приезжавших в Россию за этот период первой революции. Он хорошо говорил. Он умел приспособиться. Он был смел. Но достижения были не значительны. Его речи были не убедительнее речей наших военных атташе, полковников Нокса и Торнхилла, более искренно убеждавших русского солдата не покидать своих союзников, воюющих в другом конце Европы. Для большевиков Тома, конечно, был ренегатом, социа листомпредателем, продавшимся буржуазии, и его изо бличали и верхи и низы революции.

Положение союзных делегаций в России на самом Деле быстро становилось невыносимым. Все старались Убедить русских продолжать войну, хотя они только что

сбросили режим, отказавшийся дать им мир. Капля здра вого смысла могла подсказать каждому, что в данных условиях победа большевиков — лишь вопрос времени.

По горячим следам А. Тома приехал мистер Артур Гендерсон, посланный мистером Ллойд Джорджем с ана логичной миссией. Мистер Гендерсон также привез в кармане приказ об отозвании. Строго говоря, приказа этого не было в дорожном чемодане Гендерсона. Дело обстояло так: когда мистер Гендерсон, который был первым в истории Англии лейбористом, добившимся ми нистерского портфеля, был уже на пути в С.Пе тербург, Министерство иностранных дел послало теле грамму сэру Джорджу Бьюкенену, где превозносило его работу и предлагало отдохнуть. Другими словами, его отзывали, и пост передавался мистеру Гендерсону.

Расшифровав телеграмму и даже не посоветовавшись с послом, «Бенджи» Брюс, глава канцелярии, полетел к Сазонову, получил от него подтверждение тому, что Те рещенко, министр иностранных дел во Временном прави тельстве, будет очень сожалеть об отставке сэра Джорд жа Бьюкенена. Вернувшись в посольство, он послал длинную частную зашифрованную телеграмму Джорджу Клерку в Министерство иностранных дел о том, что назначение Гендерсона повлечет за собой катастрофу.

Как выяснилось потом, эта смелая инициатива подчи ненного была излишней. Мистеру Гендерсону была дана оценка (одним из его лейбористских коллег) величайшего министра иностранных дел во всей истории Англии. Пра вда, доктор Дальтон, дававший эту замечательную оцен ку, был первым помощником мистера Гендерсона по работе в области внешней политики Великобритании, и, восхваляя своего шефа, он попадал под отраженные лучи его славы. Тем не менее во время поездки в Россию мистер Гендерсон выказал поистине достойную удивле ния осторожность. Вместе с Джорджем Юнгом он оста новился в отеле «Европа», служившем пышным кровом для лорда Мильнера, Джорджа Клерка, сэра Гэнри Виль сона и многих других знатных гостей России. По пригла шению посла я явился. Мы обедали с ним в его личном кабинете. Весь долгий летний вечер мы бродили с ним по Невскому, по площади Зимнего Дворца, по Дворцовой набережной. Под золотыми отблесками арки Адмирал тейства я услышал всю историю гендерсоновской карье ры. Я сопровождал его в Москву. Я водил его на тор

жест венное заседание Московского Совета, и в его номе ре

московской гостиницы я устроил ему частное свидание (служа при этом переводчиком) с Урновым, бывшем в то время всемогущим председателем Совета солдатских

депутатов.

Мистер Гендерсон имел репутацию — без сомне ния заслуженную — первоклассного организатора. Он — крупная фигура на партийных заседаниях, где ему удается властвовать до последнего момента, скрывал свои истинные намерения. Он скрытен. Он не проговорится.

На этот раз, однако, я заглянул в душу мистера Гендерсона. Он был слабоват в географии. Он плохо ориентировался, но быстро сообразил, что местность нездоровая. Товарищи из Советов сбивали его с толку. Он не понимал их языка, ему не нравились их манеры. Разумеется, он хотел бы быть первым лейбористким послом, но все же положение министра выше положения величайшего из современных послов.

Больше того, сэр Джордж Бьюкенен был не так плох, как его представляли. Сэр Джордж, как быстро сообра зил мистер Гендерсон, понимал этих дикарей гораздо лучше, чем сам мр Гендерсон. Далее, сэр Джордж обо шелся с ним любезно, а мистер Гендерсон любит любе зность и лесть. Великая жертва оказалась поэтому очень легкой. Мистер Гендерсон рассказал, что, хотя пост по { ела у него в кармане, он пришел к выводу, что ничего хорошего из отзыва человека, понимающего Россию го раздо лучше его и показавшего себя совершенно свобод ным ото всяких партийных уз, не выйдет. Сэр Джордж даже не был против стокгольмской конференции, и ми стер Гендерсон, чей несомненный патриотизм умерялся здравым смыслом интернационализма, видел проблеск надежды и стокгольмской конференции. Так, отряхнув прах С.Петербурга с ног своих, он вернулся в Лондон Для великого самоотречения и настояния на оставлении сэра Джорджа Бьюкенена послом его Великобританского Величества и Чрезвычайным полномочным представите лем при революционном правительстве России. Вернув шись в Англию, он получил исторический отказ мистера Ллойд Джорджа в аудиенции, после чего немедленно подал в отставку. Так он потерял и пост посла, и порт фель министра. Это было горькой наградой за его чест ное, хотя и с излишней скромностью выполненное пору чение. Если оно и не имело желательных последствий в

отношении России, то все же сумело отбить у мистера Гендерсона охоту к революционной деятельности до кон ца жизни. Что касается стокгольмской конференции, за щита которой повлекла за собой падение мистера Ген дерсона, то ее

решения получили поддержку нескольких британских дипломатов, в том числе и Эмсе Ховарда, и отвергнув их, мистер Ллойд Джордж, сперва загоревплий ся, но быстро остывший, совершил небольшую ошибку. В Стокгольме мы могли многое выиграть, не рискуя почти ничем.

В это злополучное лето 1917 года я испытал нечто, достойное упоминания, хотя бы потому, что это проливает на русскую натуру полукомичный свет. Наш план пропагандистской работы предусматривал передвижное кино; его возглавлял полковник Бромхэд, будущий председатель британской фирмы Гомонт. Ему было поручено сагитировать русских на войну при помощи демонстрации фильмов о ходе войны на западном фронте. Можно легко себе представить эффект этих военных фильмов на дезорганизованную русскую армию, понятно, что они только увеличили число дезертиров.

Бромхэд не был виноват в этом. Он прекрасный парень, сознающий бесплодность показа военных картин людям, мечтающим только о мире. И все же он должен был выполнять свой долг. Фильмы входили в проект Уайтхолла о возрождении России, и их приходилось показывать.

Итак, в Москву приехал Бромхэд для демонстрации британских усилий. Не следовало ли мне помочь успеху его фильмов? Не следовало ли записаться в список патриотических ораторов? Казалось, нет ничего легче. В Москве, увы, ораторов было больше, чем борцов.

Мы наняли театр, составили программу. Но тут вмешался Совет солдатских депутатов, который был неизмеримо сильнее Временного правительства. Фильмы предназначались для московских войск. Пусть солдаты смотрят картины. Но долой красноречие воинствующих империалистов. Никаких речей! Напрасно я ходил в президиум Совета солдатских депутатов. Напрасно твердил о достоинствах свободы речи. Самое большее, чего мне удалось добиться, это разрешение выступить самому Локкарту — Локкарту, сочувствующему революции и знавшему взгляды революционной России на условия мира. Больше никому. На этих условиях члены президиума гарантировали успех фильмов. Они придут, чтобы убедиться в точности соблюдения условий.

Бромхэд принял условия с искренним удовольствием. Я дал согласие неохотно. Послеобеденная речь перед аудиторией, обезвреженной хорошим обедом и шампанским, — одно дело, но выступление перед полутораты сячной толпой скептически и критически настроенных революционеров на их языке меня ничуть не привлекало.

Я поработал над этой речью. Я аккуратно составил ее поанглийски и заказал перевод ее сладкоречивому русскому поэту. Я выучил ее наизусть. Речь вышла идеальной. Я репетировал свое выступление вплоть до каждой паузы. Недаром я разъезжал в свое время с Керенским.

Мой призыв был откровенно сентиментален. Ничто другое не смогло бы заставить большую массу людей воевать. Но я был сентиментален порусски. Я не упоминал о преступности оставления западных союзников без поддержки. Я подробно осгановился на желательности и даже необходимости для России сепаратного мира и нарисовал картину лучшего будущего, созданного великой революцией. Но ни лучшее будущее, ни сама революция не смогут осуществиться, если исчезнет всякая дисциплина и путь к Москве окажется открытым для врага. Ленин одной фразой разбил бы этот довод, но Ленин, к счастью, в это время еще скрывался в С.Петербурге.

В день моего испытания я направлялся в театр с тайной надеждой на то, что мне не к кому будет обращаться. Но Совет солдатских депутатов сдержал свое слово. Здание было набито до отказа. Более того, рядом с ложей президиума, на балконе, сидел товарищ мини стра по морским делам Кишкин, верховный комиссар Москвы. У нас были фильмы двух видов — морские и военные. Мы поступили умно, оставив морские напосле док. Они были лучше, и в них не было ужасов. Мое выступление было в конце. Когда я вышел на авансцену, перед занавесом, мне не аплодировали. Я начал волнуясь. Царило почтительное молчание. Меня собирались слу шать. Я забыл все заученные приемы и почти все слова. Мой голос дрожал, но русские истолковали это как искреннее волнение, голос мой то грубел, то нелепо прерывался в самых неподходящих местах. Под конец меня слушали в гробовом молчании. Когда я кончил, у меня Дрожали колени и пот ручьями, словно слезы, стекал по лицу.

Затем поднялся содом. Какойто солдат вскочил на сцену и расцеловал меня в обе щеки. В ложе президиума встал Кишкин и громовым голосом заявил, что Россия никогда не покинет своих союзников. Сегодня днем он получил официальное извещение о том, что русский флот вышел в Балтику в полной боевой готовности. Крики «ура!». Галдеж. Во всех уголках зала солдаты повскакали с мест и старались перекричать друг друга. Было почти как после объявления войны. Я вызвал припадок русской истерии. Триумф был непродолжительный. На другой день отчет о выступлении был жестко выправлен цензором. Социалисты опомнились.

Это было моим последним публичным выступлением в

качестве генерального консула в Москве. Так же как старая Россия неуклонно шла к трагическому концу, так и в моей жизни произошла небольшая трагедия. Я говорю о ней открыто, без оговорок.

Незадолго до этого я сошелся с русской еврейкой, с которой случайно встретился в театре. Этим я обратил на себя внимание.

Вскоре слухи об этом дошли до посла. Он пригласил меня к себе, и мы вместе вышли на прогулку. Никто не мог бы обойтись со мной мягче. Никто не сумел бы так легко найти путь к моему сердцу. Он рассказал мне историю своей жизни. В молодости он пережил нечто подобное. Истинное счастье заключается в подавлении искушений, в которых человеку после пришлось бы раскаиваться. Он упомянул о моей работе. Жаль портить такую блестящую карьеру, ради преходящего ослепления, порожденного нервным возбуждением военного времени. Условность — родная сестра лицемерия, но в государственной службе без нее не обойдешься. Кроме того тут вопрос долга и вопрос войны. Нужно ставить на первое место отечество, а не личную прихоть.

Я был глубоко тронут. Мы с чувством обменялись рукопожатием, я расчувствовался от искреннего восхищения перед этим прекрасным старцем, так глубоко понявшим меня, он, думаю, от не менее искреннего сожаления об утерянной юности; и я вернулся в Москву, поклявшись отказаться от счастья. Я сдерживал обещание ровно три недели, но однажды зазвонил телефон, и я вернулся.

Это был конец. Я нарушил слово, и на этот раз посол с грустью, но твердо заявил мне, что я на грани нервного потрясения и что мне необходимо отдохнуть на родине

Возможно, он был прав.

Не было никакого скандала. Я думаю, что даже секретарь Министерства иностранных дел не был осведомлен об истинной причине моего внезапного возвращения. Было сказано, что я переутомлен и ко мне отнеслись с большим участием. Поэтому же мне удалось избежать торжественности официальных проводов. Мои москов ские друзья были — сама доброта. Им сказали, что я болен и нуждаюсь в покое. Все они ждали меня обратно через шесть недель, да и приближение краха России было уже настолько очевидным, что каждый был занят устройством своих личных дел. Для тех же, кто думал обо мне, я был мучеником долга. Но, зная, что мой вынужденный отпуск по болезни был на самом деле отозванием и что я никогда не вернусь, я остро чувство вал свое положение и улизнул из Москвы в первых числах сентября 1917 года скорее как преступник, чем как мученик. Я уехал из С.Петербурга как раз в начале поединка Керенского с

Корниловым и прибыл в Лондон за шесть недель до большевистской революции.

Книга IV. ИСТОРИЯ ИЗНУТРИ (Петроград Москва 1918 г.) ГЛАВА ПЕРВАЯ

История — это список преступлений, безумств и ошибок человечества.

тиввок

От путешествия обратно в Англию у меня в памяти осталось очень немного. Я должен был ехать через Фин ляндию и Скандинавию и в первый раз увидел Сток гольм. В этот раз он не произвел на меня никакого •> впечатления. Я даже не помню, где мы остановились. Насколько мне помнится, я избегал английского псщШ сольства. В этот период я не вел дневника. Мое умствен^ ное возбуждение было чрезмерным, и я хотел только одного — забыть обо всем.

Единственное, что осталось у меня в памяти — это железнодорожный путь от Христиании до Бергена. Пей заж, более дикий и живописный, чем Скалистые горы Канады, служил прекрасным фоном для овладевшей мною меланхолии. Дикие болота, величественные пики, извилистые ущелья, озера и бурные горные потоки, где водится форель, а над ними ели и березы с листвой, позолоченной первым дыханием осени, напомнили мне Шотландию. В Бергене я встретил Вардропа, который должен был заменить меня в Москве. Это был пожилой педантичный человек, воплощенная осторожность. По видимому, Министерство иностранных дел не рисковало больше иметь дело с юношами. Не чувствуя к этому никакого интереса, я дал ему необходимые сведения о Москве. Не могу сказать, чтобы наша встреча доставила мне удовольствие. Говорить или думать о России стало Для меня нестерпимым. Я хотел одного: вернуться на родину и заняться там рыбной ловлей.

Вероятно, я ехал из Бергена в Эбердин и совершил этот переезд, интересный разве только тем, что мы все время подвергались опасности со стороны подводных лодок, на судне «Vulture». В зале суда я не решился

бы подтвердить под присягой свои показания относи тельно судна или порта, в котором я сошел на берег. Знаю только, что в Лондон я приехал в утро того дня, когда войска Корнилова выступили в поход на С.Пе тербург. Я пошел прямо в

Министерство иностранных дел и подал рапорт о своем прибытии. Меня встретили с распростертыми объятиями как человека, выполнившего важное поручение и потерявшего на этом свое здоровье. Необходимо было дать мне длительный отдых, чтобы я мог не думать о войне, работе или России до полного выздоровления. С внутренним отвращением я взял на себя навязанную мне роль и в тот же день принял все меры к тому, чтобы поехать в шотландские горы к своему дяде. Перед отъездом мне пришлось перенести еще одно испытание. Через несколько часов после моего прибытия в Лондон «Дэйли мэйл» удалось выследить меня. Им нужны были сведения об исходе конфликта между Корниловым и Керенским. Общественное мнение в Лондоне считало, что все шансы победить были на стороне Корнилова. Я придерживался совершенно опре деленного мнения о неизбежности неудачи Корнилова. Не мог бы я написать статью? Это необходимо сделать сейчас же. «Дэйли Мэйл» хорошо оплатил ее.

Тогда, пожертвовав обедом, я настрочил статью. Представитель газеты смотрел мне через плечо, когда я писал. Я дал несколько новых снимков Керенского и Савинкова и получил чек на 25 гиней. Здесь по обыкнове нию сказалось отсутствие у меня коммерческой жилки. За статью я взял меньше половины той суммы, которую сумел бы получить более ловкий журналист. С другой стороны, статья должна была быть анонимной; как пра вительственный чиновник, я не мог подписываться своим именем, а полученный чек оплачивал мой обратный про езд из Шотландии. Это был мой первый опыт писания срочных газетных статей.

Пути провидения не только неисповедимы. Иногда они, кроме того, доставляют массу развлечений. Обнов ленный телесно и духовно, я вернулся в Лондон через две недели после большевистской революции. Нужно было снова приниматься за работу. Меня временно отдали в распоряжение сэру Артуру Стал М зтленду в качестве эксперта по России в новом Министерстве внешней тор говли. Я многим обязан сэру Артуру. Он проявил ко мне исключительное внимание и настоял на том, чтобы я жил

его доме на Кадоганскверь. и, что гораздо важней, снова ввел меня в курс русских дел. Coup d'etat произведенный большевиками, свел к нулю ценность тех услуг* которые я оказал Министерству внешней торговли. Сэр Артур помог мне, или, вернее, заставил меня найти новое поле деятельности.

В продолжение трех недель я завтракал и обедал с политическими деятелями. Единственной темой разговоров была, разумеется, Россия. Мои собеседники проявля ли настолько

большое невежество в том, что касалось России, что ко мне вернулась уверенность в моих знани ях. Я давно предвидел неизбежность большевистской революции и не мог разделять господствовавшего в Лон доне мнения, что ленинский режим не продержится доль ше нескольких недель и что тогда Россия вернется к царизму или к военной диктатуре. Еще меньше верил я в то, что русские крестьяне возвратятся в окопы. Россия вышла из войны. Большевизм кончится, во всяком слу чае, не раньше, чем кончится война. Я расценивал как полное безумие нашу милитаристическую пропаганду, так как она не учитывала усталости от войны, приведшей большевиков к власти. С моей точки зрения, нам необходимо было серьезно отнестись к большевистским ным предложениям. Целью нашей политики должно было быть заключение Россией антигерманского мира.

Мои попытки бороться с прочно укоренившимся мнением, что Ленин и Троцкий были переодетыми офицерами германского штаба или, по крайней мере, немецкими агентами, были безуспешны. Большой успех имели мои доводы тогда, когда я утверждал, что было бы безумием не войти в сношения с людьми, державшими в своих руках судьбы России.

Разные политические деятели поразному реагировали на мои доводы. Общее настроение было в то время пессимистическим. Думается, в глубине души члены ка бинета министров понимали, что Россия фактически вышла из войны; тем не менее они упорно шли наперекор логике, отказываясь поверить в гибель своих скрытых чаянии. Среди консерваторов, которые в то время питали неестественный, а теперь необъяснимый страх к махина циям мра Артура Гендерсона, преобладала ненависть к Революции и боязнь ее последствий в Англии. Такую же оязнь встретил я и среди патриотов «Рабочей партии». а Кадоганскверя возобновил знакомство с Джимом

ОТрэди и Уиллом Сором. Они тоже критиковали мра Гендерсона. Они говорили, что он перешел в лагерь сторонников Сноудена и держал курс на революцию и на «рабочий» кабинет министров. Я видел мра Гендерсона лично на Викториаплейс, 1. За те семь месяцев, кото рые протекли со времени нашей встречи в России, он ничуть не изменился. Это был все тот же богобоязненный методист и напуганный революцией мелкий буржуа, ка ким он всегда был и останется. Он очень откровенно изложил мне свою позицию. Ему очень не нравилось отношение к нему Ллойд Джорджа, которое, по его сло вам, только увеличивало его престиж в лейбористских кругах. Его взгляды на русскую революцию почти не отличались от моих. Он решительно высказывался за необходимость установления сношений с

большевиками. Он шел дальше. Он высказывался за созыв конференции, то есть за такую форму ведения переговоров, которая была бы гораздо более опасной, чем первоначально пред ложенная стокгольмская конференция. В те дни, однако, мр Гендерсон подобно мру Ллойд Джорджу считал, что ему придется встретиться с Лениным лицом к лицу лишь для того, чтобы одержать над ним победу в поединке остроумия.

За три недели с 27 ноября по 18 декабря 1917 года я перевидал массу политических деятелей и экспертов. Мы вели бесконечные и ни к чему не приводящие разговоры. Этот период научил меня одному: человек в Лондоне имеет тысячу преимуществ перед человеком на арене действий. Тогда я был слишком молод, чтобы воспользо ваться этим уроком. В последующем году мне предстоя ло на горьком опыте узнать, что значит находиться на арене действий.

За это время у меня было одно волнующее приключе ние. 18 декабря я должен был обедать с Бонар Лоу на Кадоганскверер. Был туманный вечер. Туман сопровож дался воздушной атакой. Я одевался под аккомпанемент орудийной пальбы и взрывов бомб. С трудом проложил себе дорогу через толпу на станцию подземной железной дороги Пикадилли и после долгих задержек и многих волнений я наконец с опозданием на час достиг дома сэра Артура СтилМэтленда. Стол был накрыт на восемь персон. Сэр Артур даже не переоделся к обеду. Бонар Лоу не явился. Я оказался единственным из приглашенных, которому удалось добраться до места назначения.

На следующий день бесконечные разговоры послед них трех недель начали претворяться в действие. Сэр Артур снова устроил званый обед. На этот раз кроме меня пришли Г. В. К. Дэвис, профессор истории в Ок сфордском университете, и лорд Мильнер. Мы говорили попоздней ночи, и я повторил все свои аргументы в пользу необходимости завязать сношения. Лорд Миль нер отнесся ко мне очень доброжелательно. Уходя, он сказал мне, что мы с ним скоро встретимся. На следую щее утро меня вызвали на Даунингстрит. Там я встретил лорда Карсона и лорда Керзона. Оба с похвалой отозва лись о моей работе, и мы долго беседовали о России. В тот же день мы снова встретились в здании военного министерства в УайтхоллГардене. Присутствовали не сколько экспертов по русским делам, в том числе Рекс Липер и полковник Байрн. Нашим мудрым словам вни мали министры — генерал Смэтс, лорд Карсон и лорд Мильнер. Разговоры были довольно бесцельными. Лорд Мильнер был единственным министром, который имел хотя бы элементарное представление о географии России. Лорд Карсон едва не вывел

меня из моего торжественно го настроения, серьезно спросив, какая разница между максималистами и большевиками. В конце совещания лорд Мильнер сказал мне, что кабинет в принципе при знает необходимость завязать сношения с большевиками, но что они не могут подыскать человека, способног! выполнить эту задачу.

Утром 21 декабря меня снова вызвали на Дауни стрит, 10. Мне пришлось ожидать минут десять. Потом меня ввели в длинную, низкую комнату, занятую огром ным столом. Заседание кабинета только что кончилось. Мр Ллойд Джордж, держа в руках пенсне, стоял у окна, оживленно разговаривая с лордом Керзоном. Моего покровителя, лорда Мильнера, не было, и мне пришлось долго ожидать, пока он наконец вошел и подвел меня к мру Ллойд Джорджу.

— Мр Локкарт? — спросил он. Он пожал мне руку и отступил на шаг, чтобы повнимательней рассмотреть меня. — Тот самый?

Я чувствовал себя очень глупо. Потом, когда он прив лек ко мне всеобщее внимание, он продолжал очень медленно, так, чтобы все могли слышать его:

Судя по Вашим отчетам, я ожидал увидеть мудрого, пожилого джентльмена с седой бородой.

Он похлопал меня по плечу, спросил, сколько мне лет пробормотал чтото о молодости и о Питте, который был премьерминистром в 24 года, и мы принялись за дела. Началось новое заседание, на этот раз под предсе дательством мра Ллойд Джорджа. В моем дневнике записано, что тогда он показался мне старым и усталым. Несмотря на это он очень живо и умело вел собрание. Он задал мне несколько вопросов о Ленине и о Троцком. Вопросы следовали один за другим так быстро, что я едва успевал ответить. Я понял, что у него уже сложилось определенное мнение по русскому вопросу. Позднее лорд Мильнер сказал мне, что на Ллойд Джорджа произвел большое впечатление разговор с только что вернувшимся из России представителем американского Красного Креста полковником Томпсоном, который в очень резких выражениях объявил, что считает безумием поведение союзников, до сих пор не вступивших в переговоры с большевиками. Когда наша беседа кончилась, мр Ллойд Джордж встал и, коснувшись вкратце хаоса, царившего в России, и необходимости войти в контакт с Лениным и Троцким, подчеркнул, какое огромное значение имеет при этом такт, знание страны и понимание обстановки. В заключение он сказал, что, по его мнению, место мра Локкарта в этот момент не в Лондоне, а в С.Петербурге. После этого меня отпустили.

В конце дня у меня было еще одно совещание с лордом

Мильнером и лордом Карсоном. На этот раз присутствовал лорд Роберт Сесиль, ныне виконт Сесиль. и мне пришлось пережить очень трудные 15 минут.

Лорд Сесиль был товарищем министра иностранных дел. Он относился чрезвычайно скептически к мысли о пользе установления каких бы то ни было сношений с большевиками. В свете его позднейшего поведения как интернационалиста интересно отметить, что тот самый человек, который после войны так часто в Женеве сидел за одним столом с Литвиновым и Луначарским, в то время держался твердого убеждения, что Ленин и Троц кий были подкупленными германскими агентами и что они старались исключительно ради Германии и не пре следовали никаких своих целей. Мое будущее все еше было для меня неясным.

В этот вечер лорд Мильнер и лорд Роберт уехали в Париж, а я отправился к родителям встречать с ними Рождество. Перед отъездом мне предложили оставить

мой номер телефона и быть готовым к тому, что меня в любой момент могут вызвать и снова послать в Россию.

В день Нового года я вернулся в министерство. За это время там выработали план дальнейших действий. Было совершенно ясно, что мне придется очень скоро ехать в Россию; в качестве кого — мне не сказали. Через три дня все мои сомнения рассеялись. Я должен был ехать в Россию во главе специальной миссии, чтобы завязать неофициальные сношения с большевиками. Сэр Джордж Бьюкенен возвращался на родину. Мне предстояло от быть на том самом крейсере, на который он должен был сесть в Бергене. Я получил весьма неясные ииструкции. Моя задача заключалась в том, чтобы завязать сноше ния. Я не был облечен никакими полномочиями. Если большевики предоставят мне необходимые дипломатиче ские привилегии, не будучи признанными британским правительством, мы сделаем такую же уступку в отноше нии Литвинова, которого большевики уже назначили со ветским посланником в Лондоне.

Мое положение сулило мне немало трудностей, но я принял свое назначение без всяких колебаний. Прежде всего нужно было получить рекомендательные письма к Ленину и Троцкому и установить modus vivendi с Литвиновым. Благодаря Рексу Липеру и то и другое удалось мне сверх ожиданий хорошо. Липер был в прия тельских отношениях с Ротштейном, впоследствии по сланником большевиков в Тегеране, а в то время штат ным переводчиком в нашем военном министерстве. У меня была долгая беседа с Ротштейном; ее содержание подробно записано в

моем дневнике. Ротштейн, много лет живший в Англии, был типичным интеллигентом и кабинетным революционером. Он сказал, что Троцкий стремится не к сепаратному, а к всеобщему миру. Он отметил, что на месте Ллойд Джорджа он безусловно принял бы предложение Троцкого созвать мирную кон ференцию. Англия выиграла бы от этого больше всех. Попытки русских занять самостоятельную позицию кон чатся неудачей после выступления Троцкого, и Англия и Германия сумеют разрешить колониальные вопросы ме ЯДУ собой. Германия согласится почти на все условия, то QCTh на мир без аннексий и контрибуций. Может быть, ˚на пойдет на компромисс даже в отношении Эльзас Лотарингии. Во всяком случае, со стороны Англии было ˚ы абсурдом продолжать войну ради ЭльзасЛотарин

гии. Нет ничего легче, как разрушить сентиментальные соображения, не имеющие глубоких корней в народе Нам необходимо очень серьезно взвесить возможность заключения более выгодного мира через девять месяцев.

В то время на подобные предложения посмотрели бы как на измену. Теперь, когда Европа стонет под игом мирных договоров, они кажутся вовсе не такими безрас судными. (Кстати интересно отметить, что Ротштейн ошибся всего на полтора месяца в предсказании момента конца войны.)

Я уклонился от обсуждения вопроса о всеобщем мире, перевел разговор на Россию и изложил мои планы отно сительно ведения переговоров с его друзьями. Я выразил подлинную симпатию к желанию русских заключить мир и указал, что заключение сепаратного мира с Германией будет связано для России с большими затруднениями и что даже неофициальное сближение русского прави тельства с британским доставит России не меньшие выго ды, чем Англии.

Мы расстались друзьями. Ротштейн обещал исполь зовать свое влияние на Литвинова, чтобы получить от него рекомендательное письмо к Троцкому. Через не сколько дней все дело устроилось за столиком в рестора не Лайонса на Странде. Обе стороны были представлены: Литвиновым и Ротштейном от России и Липером и мною от Англии. Официального признания пока не по следовало. Неофициально Литвинову и мне предоставля лись известные дипломатические привилегии, в том числе пользование шифрами и дипломатическими курьерами.

Это был удивительный завтрак. За окном — свинцо вое январское небо. В плохо освещенном зале было темно и мрачно. Нам с Липером было ровно по 30 лет. Литвинов был старше нас на 11 лет, а Ротштейн на год или два старше Литвинова. Оба они были евреи, оба подвергались преследованиям и сидели в тюрьме

за свои политические убеждения. С другой стороны, Литвинов его настоящая фамилия Валлах — был женат на англи чанке, а сын Ротштейна, британский подданный, служил в британской армии.

Душой разговора был Ротштейн. В его манере гово рить я нашел ту смесь лукавства и серьезности, которая впоследствии так пригодилась мне в переговорах с боль шевиками в России. Невысокий, бородатый, с темными живыми глазами, он был своего рода интеллектуальным

сверчком. Его диалектические прыжки одинаково пора жали нас и забавляли его самого. Его революционность была совершенно лишена кровожадности. Если бы бри танское правительство оставило его в покое, он вероятно до сего дня спокойно жил бы в Англии. Литвинов, крепко сложенный, с широким лбом, был более неповоротлив и менее остроумен. Он произвел на меня, скорее, благопри ятное впечатление. Постольку поскольку большевик спо собен в большей или меньшей степени ненавидеть те или иные буржуазные институты, он, несомненно, считал гер манский милитаризм большей опасностью, чем англий ский капитализм.

После несколько нервного начала наши разговоры пошли очень гладко, и тут же, на грубой полотняной скатерти ресторанного столика, Литвинов написал мне рекомендательное письмо к Троцкому. Вот оно в перево де Ротштейна:

«Гражданину Троцкому

Народному Комиссару по иностранным делам Дорогой товарищ!

Податель сего мр Локкарт едет в Россию с официаль ным поручением, точный смысл которого мне неизвестен. Я знаю его лично как вполне честного человека, разбира ющегося в нашем положении и относящегося к нам с симпатией. Я считаю его пребывание в России полезным с точки зрения наших интересов.

Мое положение здесь остается неопределенным. Толь ко из газет я узнал о моем назначении. Жду курьера, который привезет мне необходимые документы, без ко торых трудности моего положения еще увеличиваются. Посольство, консульство и русская правительственная комиссия до сих пор не сложили с себя полномочий. Их отношение ко мне будет зависеть от отношения британ ского правительства.

На днях я писал в Министерство иностранных дел и просил, чтобы меня приняли для разрешения ряда прак тических вопросов (визирование паспортов, пользование шифрами, военное соглашение и т.п.), но не получил ответа. Предполагаю, что вопрос о моем признании не Удастся разрешить до возвращения Бьюкенена.

Прием, оказанный мне прессой, вполне удовлетвори телен. Я завязал знакомства с представителями лейбо ристского движения. Во всех социалистических газетах я поместил призыв к рабочим Англии. Даже буржуазная

пресса охотно предоставляет мне свои страницы для того, чтобы я мог объяснить свое положение.

С первым же курьером напишу более подробно. д0 сих пор не получил вашего ответа на мою телеграмму № 1 от 4 января н. с. Поэтому я очень прошу вас подтвердить получение всех телеграмм и нумеровать ва ши телеграммы.

Надеюсь, шифры будут мне переданы курьером. При вет Ленину и всем друзьям. Крепко жму руку.

Ваш (подпись) М. Литвинов. P.S. Ротштейн просит передать Вам привет. Лондон, 11 января (н. с.) 1918».

Завтрак кончился забавным инцидентом. Когда мы заказывали сладкое, Литвинов увидел на меню магиче ские слова «пудинг дипломат». Идея понравилась ему. Новый дипломат будет есть дипломатический пудинг. Официант Лайонса взял заказ и через минуту вернулся сказать, что пудинга больше не осталось. Литвинов по жал плечами и улыбнулся.

— Меня не признают даже у Лайонса, — сказал он.

Мои последние дни в Лондоне были заняты не одними только встречами с Литвиновым и Ротштейном. Необхо димо было набрать персонал для миссии. Мне предоста вили почти полную свободу выбора. В качестве основно го помощника я хотел взять Рекса Липера, так как его знание большевизма было бы для меня неоценимым. Однако накануне отъезда он решил остаться в Англии; он решил, что принесет больше пользы, поддерживая сноше ния с Литвиновым и интерпретируя своеобразную психо логию большевиков мандаринам в Уайтхолле. Последу ющие события показали, насколько мудрым было его поведение. Хотя в то время я пожалел о принятом им решении, впоследствии я был благодарен ему за то, что он находился в Англии, когда я сунул голову в петлю в Москве. Я заменил Липера капитаном Хиксом, который только что вернулся из России, где он принес много пользы в качестве эксперта по ядовитым газам. Человек исключительно обаятельный, он был популярен в России и понимал русских. Он был кроме того первоклассным лингвистом; прекрасно знал немецкий язык и владел русским. Его взгляды на сложившееся положение совпа дали с моими. Впоследствии я никогда не жалел о моем выборе. Хикс оказался исключительно лояльным колле

гой и преданным другом. В качестве эксперта по торго вым делам я взял Эдварда Бёрза (Birse), московского коммерсанта,

говорившего порусски с колыбели. Штат моей миссии дополнял Эдвард Филеи, блестящий моло дой чиновник Министерства труда, ныне заметная фигу ра в Международном бюро труда в Женеве. Когда я брал шифры, мне посоветовали взять надежного денщика. Для этого нужно было заручиться письмом от военного сове та и переговорить с генераладъютантом Макрэди. Этот разговор ободрил меня. У генерала Макрэди были свои взгляды на Россию, которые он и изложил мне в виде серии выкриков, стоя перед камином в своем кабинете в военном министерстве. Брать с собой в Россию денщика! Какой смысл возить солдат в Россию? Читали ли когда нибудь ребята из Министерства иностранных дел исто рию? Неужели они не понимают, что если десятимил лионная армия развалилась, ее не восстановить в течение целого поколения? Военная пропаганда в России — это бесцельная трата денег и энергии.

Взгляды генерала были совершенно правильными. Если бы Уайтхолл придерживался их в 1918 году, можно было бы избежать излишнего кровопролития и миллион ных затрат. Я был согласен с генералом и пытался втолковать ему это. Я объяснил ему, что моя миссия была дипломатическая, а не военная, и что моей целью было завязать сношения с людьми, которые в данный момент вели переговоры о сепаратном мире с Германией. Я получил денщика — высоченного ирландского гвардей ца. Он явился на вокзал пьяный. По дороге в Эдинбург он протрезвился, снова напился на следующее утро, пред ложил за полкроны состязаться со мной в боксе на Прейнсесстрит и отстал от нас по дороге в Квинсфори. Больше мы его не встречали.

Перед отъездом мне пришлось вести переговоры с целым рядом важных чиновников Министерства ино странных дел; среди них были лорд Хардинг, Эрик Друм монд, Джордж Клерк, Дон Грегори, Джордж Бьюкенен, Ропни Кэмпбелл и лорд Роберт Сесиль. Последний все еще был настроен скептически и не мог отделаться от уверенности, что Троцкий был переодетый немец. Более спокойно обстояло дело с прессой. Моя миссия до извест ной степени держалась в тайне. Коечто, однако, просочи лось в прессу: помещались заметки, насмешливые или похвальные, в зависимости от взглядов данной газеты, о

молодом человеке из Москвы. Одна вечерняя газета объ явила, что я был назначен послом в Россию, что в качестве возможных кандидатов назывались мр Артур Гендерсон и я и что мое знакомство с Россией решило выбор в мою пользу.

Почти ежедневно я виделся с лордом Мильнером, За пять дней до отъезда мы с ним вдвоем обедали у Брукса Он был в одном из своих самых блестящих настроении. С чарующей

откровенностью он говорил со мной о войне о будущем Англии, о своей карьере и о возможностях молодежи. Он с горечью отозвался о Министерстве ино странных дел, назвал мра Бальфура безобидным старич ком и резко критиковал других важных лиц из мини стерства, которые еще живы в настоящее время. Перед смертью он хотел бы провести шесть месяцев в Мини стерстве иностранных дел. Он вымел бы их всех оттуда метлой или лучше подверг бы министерство обстрелу, а потом назначил бы лорда Роберта Сесил я министром, а сэра Эйра Кроу товарищем министра.

На войну он смотрел пессимистически. Давая мне окончательные инструкции, он подчеркнул серьезность моего положения. Если не удастся быстро ликвидировать угрозу подводных лодок, необходимо будет как можно скорей принять решение. Он не исключал возможности переговоров о заключении мира. Что касается России, положение стало настолько серьезным, что результаты моей миссии особенного значения иметь уже не могли. Моей главной задачей было нанести максимум вреда Германии, вставлять палки в колеса при переговорах о сепаратном мире и всеми силами укреплять сопротивле ние большевиков в отношении германских требований Все сведения о значении и о силе большевистского движе ния, которые я смогу собрать, представят исключитель ную ценность. О всех затруднениях я должен телеграфи ровать ему лично.

Мне трудно писать о лорде Мильнере иначе, как с глубоким восхищением. Он никогда не блистал на рыноч ной площади политической жизни. В нем не было лживо сти политического деятеля. Разумеется, он не был орато ром, как например мр Ллойд Джордж. Но в совете министров, члены которого были в большинстве случаев полными невеждами во всем, что не касалось Англии, его широкие познания, его способность к настоящей работе его глубокое понимание тонкостей административной р

боты делали его незаменимым. Он был незаменимым сотрудником Ллойд Джорджа, так как на него можно было положиться в том, что он прочтет все бумаги, проработает любой план и выскажет объективное и бес пристрастное мнение по любому поставленному перед ним вопросу. Благородный образ мыслей, исключитель ное личное обаяние, возвышенный идеализм, полное от сутствие личного честолюбия и глубокий патриотизм делали его идеальным вдохновителем молодежи. С мо лодежью он чувствовал себя лучше всего. Он любил окружать себя молодежью. Он верил, что нужно давать молодым

работникам возможность проявить себя. До конца своей жизни этот человек, такой мягкий и чуткий в обращении и такой непреклонный в достижении своих целей, сохранял глубокий интерес к будущему Англии. Он был очень далек от того шовиниста и реакционера, каким его одно время представляло общественное мне ние. Наоборот, многие его взгляды на общество были поразительно передовыми. Он верил в хорошо организо ванное государство, где личные заслуги и таланты имеют большее значение, чем титулы или богатство. Он не чувствовал никакого уважения к изнеженному аристокра ту, а тем более к финансисту, который составил себе состояние не производством, а рыночными спе!суляция ми. Я был одним из последних молодых работников, поклонявшихся ему, и он до сих пор остался моим куми ром. В общественной жизни сегодняшнего дня я не вижу ни одного Мильнера, ни одного человека, способного беззаветно служить государству, не преследуя никаких личных целей, а только стремясь служить ему хорошо. Этот человек в гораздо большей степени, чем политиче ские деятели и миллионеры, может служить идеалом общественного деятеля. В жизни каждой нации важен, в конце концов, только характер, и в этом отношении ни один из встреченных мной так называемых великих лю дей, не может сравниться с лордом Мильнером. Его отношение ко мне служит прекрасным доказательством этого. Он устроил мою русскую миссию не потому, что он чувствовал к большевизму чтолибо кроме отвраще ния, а потому, что он считал меня наиболее компетент ным из англичан во всем, что касалось России. Он был видимо разочарован, когда узнал! что я душой и телом готов был предаться большевикам. Мои последующие неудачи могли вызвать у него мысль о неправильности

его выбора. Однако его отношение ко мне не изменилось Когда я вернулся, он был так же добр ко мне, как и перед отъездом. Я снова не раз обедал с ним вдвоем у Брукса и был частым посетителем в его доме на ЛиттльКолледж стрит. Когда я снова уехал из Англии, я старался не терять с ним связи. Он с интересом следил за моей карьерой, и по его совету (исполненному, к сожалению слишком поздно) я ушел из Министерства иностранных дел.

В одном отношении участие, которое лорд Мильнер принимал в моем назначении, было гибельным для моих планов. Я был назначен в качестве главы русской миссии не Министерством иностранных дел, а военным советом, то есть фактически мром Ллойд Джорджем и лордом Мильнером. Мое назначение было проведено через голо вы чиновников

министерства, недовольных методами ра боты Ллойд Джорджа, который оставлял на их долю только более мелкие поручения.

Я должен был учесть это своевременно, тем более что лорд Роберт Сесиль прозрачно намекнул мне на это, и постараться умилостивить высших чиновников мини стерства. Сесили и Мильнеры уйдут после конца войны, Хардинги, Тирреллы и им подобные останутся. Перед отъездом я был у лорда Хардинга и, кажется, вел себя с подобающей скромностью. Признаюсь, однако, что эта сторона моего положения не привлекала моего особенно го внимания. Приключение затрагивает глубочайшие струны в сердце молодого человека. Я получил возмо жность принять участие в великом приключении, и моей единственной мыслью было как можно скорей начать его. За прошедший месяц я вращался среди людей, стояв ших в центре политической жизни Лондона. Меня выбра ли из бесконечного количества кандидатов и дали мне трудное и увлекательное поручение. Мне невероятно по везло. Если моя голова и не закружилась слегка от успе ха, то всегда найдутся добрые друзья, которые скажут, что она закружилась.

Я уехал с большой помпой. С письмом Литвинова в кармане и с благословением лорда Мильнера я выехал М января в Эдинбург и провел ночь у бабушки, которая всплакнула над моей участью. На следующий день в сопровождении других членов миссии и жены, поехавшей нас провожать, я направился в Квинсферри. Был яркий солнечный день, и, когда мы проехали верстовой столо

на десять миль, перед нами внезапно открылась панора ма: мост через форт, а за ним — британская эскадра.

Мы прибыли в «Гоус Инн» как раз к завтраку. Теперь о нас заботилось морское министерство. От них мы не полу чили почти никаких сведений. Известно было только, что вечером нам предстояло сесть на крейсер, который повезет нас в Берген. До сумерек мы решительно не знали, как нам убить время. Я ходил вдоль берега, смотрел на большие военные суда и думал, когда же я вернусь домой. Я воспи тывался на Стивенсоне. Здесь, в этой самой старомодной гостинице «Гоус Инн», дядя Эбенезер и капитан Госизон сговорились заманить Давида Бальфура на бриг «Кове нант» и продать его в рабство на американские плантации. То, что мы остановились тоже в «Гоус Инне», не предвеща ло ничего доброго. К тому же, было 13е. Скоро, однако, дела заставили меня забыть все эти мрачные предчувствия. Когда наступила темнота, на берег сошел молодой лейте нант и шепотом сообщил нам, что нам пора на борт. Чудесный покров тайны окутывал нашу посадку. Мягко ступающие матросы незаметно унесли наш багаж. Потом мы молча гуськом

спустились по ступенькам с пристани на катер, который должен был перевезти нас на «Ярмут». В шесть часов пополудни мы были на борту. Однако якорь был поднят только на рассвете следующего дня. Тогда сопровождаемый двумя истребителями наш корабль мед ленно прошел между огромными боевыми крейсерами, ми новал массивные фермы моста через форт и вышел в открытое море.

Великое приключение началось.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Если путь из Москвы в Лондон совершенно изгладил ся из моей памяти, то путешествие обратно в Россию я помню так ясно, словно оно было только вчера. В нем не было ни однообразия, ни спокойствия. Я сделался ва жной особой, и это изменение отразилось на отношении ко мне двух главных барометров мирового значения: прессы и наших заграничных консульств. В первый вечер моего пребывания на «Ярмуте» я торжественно обедал вдвоем с капитаном, высоким, хорошо сложенным чело веком с твердым лицом и спокойными, самоуверенными манерами. Он был внуком В. Г. Грэса, знаменитого

игрока в крикет; теперь он адмирал. Остальные члень миссии обедали в каюткомпании. Для многих из нас это был последний обед на борту парохода. Как только мы миновали остров Мэй, мы попали в сильный шторм Было страшно холодно, и каждые полчаса мы попадали в новый буран. Северное море было в самом скверном состоянии, какое только можно себе представить, а наш легкий крейсер вовсе не подходил для таких бурь. Мы не могли выйти на палубу. У многих матросов и по крайней мере у одного из офицеров разыгралась морская болезнь Хиксу, Филену и Бёрзу было очень плохо.

На следующее утро показался норвежский берег, но море было слишком бурным и буран слишком ослепляю щим для того, чтобы мы могли войти в фиорд. Ночью один из истребителей, неспособный дольше выдерживать шторм, был принужден вернуться обратно. На некоторое время мы потеряли связь и со вторым истребителем, так как радиостанция замерзла.

Я не страдал от морской болезни, но признаюсь от кровенно, что почувствовал облегчение, когда после 24 часового блуждания около норвежского берега мы нако нец вошли в Бергенский фиорд. Здесь нас встретил ком модор Гаде, главнокомандующий норвежским флотом. На борту его паровой яхты были сэр Джордж Бьюкенен, генерал Нокс, адмирал Стэнли, капитан Скэл и капитан Нейльсон, возвращавшиеся в Англию. У меня состоялся получасовой разговор с посланником. Он был очаровате лен, как всегда, но выглядел на этот раз больным и усталым. Первые 10 месяцев революции отняли 10 лет его жизни.

Попрощавшись с посланником и его свитой, мы пре красно позавтракали с Гаде и в четыре часа дня сошли на землю в Бергене. На следующее утро мы совершили путешествие по самой чудесной в мире железнодорожной линии от Бергена до

Христиании. Зимой, однако, этот путь не произвел на меня такого впечатления, как осенью.

Норвежские купцы разжирели на поставке судов и рыбы союзникам, поэтому в Христиании было очень весело, и деньги тратились без счета. Шампанское лилось рекой начиная с 11 часов утра. Население держалось определенно британской ориентации; ненависть к нем цам, подводные лодки которых стоили жизни многим норвежцам, была очень сильна. За несколько дней Д˚

нашего приезда один немецкий эстрадник был освистан норвежской публикой, когда он попытался запротесто вать, его чуть не разорвали в клочки.

Мы провели в Христиании сутки. Хотя я спешил в Россию, зная о русскогерманских мирных переговорах, время прошло довольно приятно. Я обедал в нашем посольстве и встретился с сэром Мансфельдтом Фин ли — одним из самых высоких англичан и, несомненно, самым высоким дипломатом в мире. Он был хорошим организатором, и с помощью Чарльза БрюднеллБрюса добился того, что огромное посольство (в Христиании, где в мирное время царит дипломатический застой, во время войны был благодаря блокаде самый большой штат) работало с исключительной четкостью. По своим политическим взглядам он был крайним консерватором и охотней примирился бы с поражением в войне, чем с возможностью социальных потрясений Англии.

В Христиании мы впервые встретили английских беженцев из России. Эти люди, члены богатых англий ских колоний в С.Петербурге и в Москве, видели, как в одну ночь, на их глазах их благополучие было сметено ураганом революции. У меня в дневнике записан разго вор с одним из этих беженцев — именно с Рейнольдом, известным лесопромышленником, близко связанным с сотрудниками нашего посольства. Он потерял все и очень нервничал; его преследовала одна идея — чтобы мы как можно скорей заключили мир и совместно с Германией восстановили порядок в России.

Я вспоминаю этот разговор, потому что он типичен для настроений русской буржуазии в Москве и С.Пе тербурге в 1918 году. Однако перед лицом этих фактов наши военные эксперты упорно продолжали писать ме морандумы о лояльности русских и о восстановлении восточного фронта, как будто в России после больше вистской революции еще остались люди, способные ду мать о чьихлибо интересах, кроме своих собственных, и о какомлибо фронте, кроме внутреннего. Я не ставлю этого в упрек русским. Это — здравый смысл. Англича нин или немец,

поставленный в аналогичные условия, рассуждал бы точно так же. Если и были русские, кото рые поддерживали английскую идею восстановления во сточного фронта и которые говорили о святости своих обещаний вести войну до победного конца, они созна тельно или бессознательно держали язык за зубами.

Единственной целью каждого русского буржуа (а 99°/ так называемых лояльных русских принадлежали к бур жуазии) была интервенция британской армии (а если не британской, так германской) для восстановления порядка в России, подавления большевизма и возвращения бур жуазии ее собственности.

По прибытии в Стокгольм мы узнали, что в Финлян дии вспыхнула гражданская война и что у нас не было почти никаких шансов добраться до С.Петербурга. Од нако я решил пробиться во что бы то ни стало, и пока сэр Эсме Гоуард (теперь лорд Гоуард и экспосланник в САСШ, в то время наш посланник в Стокгольме) связы вался по телеграфу с британскими представителями в Гапаранде и Гельсингфорсе, чтобы облегчить нам наше путешествие, я отправился к Воровскому, русскому пред ставителю в Швеции, чтобы выхлопотать у него разреше ние на встречу нас у финляндской границы русским поездом.

Боровский понравился мне. У него было тонкое ин теллигентное лицо с живыми серыми глазами и каштано вой бородой. Он был худ, выглядел аскетом и произвел на меня впечатление человека со вкусом и очень культур ного. У него были красивые руки; в Париже его, не задумываясь, приняли бы за художника или писателя. Я показал ему письмо к Троцкому, и он обещал сделать все возможное, чтобы помочь мне. От него я узнал последние новости о руссконемецких мирных переговорах в Брест Литовске. С моей точки зрения, новости эти были, ско рей, приятными. Вначале немцы хотели заключить мир как можно скорее, но теперь, после измены украинцев, целиком предавшихся им, они пытались заставить боль шевиков принять самые невозможные условия. По сло вам Воровского, переговоры еще не закончились. Если это будет только возможно, он доставит нас в Петербург через три дня.

Мы прибыли в Стокгольм в субботу, 19 января. Толь ко в пятницу, 25 января нам удалось выехать в Гапаранду и в Финляндию. Хотя задержка была неприятна, наше пребывание в Стокгольме было небезынтересным. Город выглядел изумительно красиво — весь в снегу под голу бым небом. Погода была прекрасная, воздух — как шампанское. Мой отель осаждался посетителями в большинстве случаев русскими и англичанами, бежавши ми из С.Петербурга и Москвы, которые хотели, чтобы

защитил их имущество или передал письма их близким. Я

завтракал и обедал с сэром Эсме Гоуардом. Он позна комил меня с Брантингом — шведским социалистиче ским премьерминистром. Брантинг, массивный я вели чественный человек, был инициатором злосчастной сток гольмской конференции социалистов, на которую с та ким неодобрением смотрел мр Ллойд Джордж. Она не состоялась, так как английские консерваторы боялись, что британские делегаты попадут в лапы немецких вол ков. Брантинг не отказался от своей мысли и собирался пригласить на конференцию большевиков. Сэр Эсме Гоуард, который в Стокгольме имел возможность соста вить себе более объективное представление о положении обеих враждующих сторон, чем находившиеся в других местах дипломаты, поддерживал начинания Брантинга, справедливо заключая, что от такой конференции мы ничего не потеряем и можем коечто выиграть. Как и все другие попытки, клонившиеся в конечном счете к заклю чению мира, она не привела ни к чему.

В Стокгольме же я встретил некоторых старых дру зей — непостоянного Ликиардопуло, Пой Кольбрука, старого русского джентльмена генерала Вогака — и завя зал новые знакомства, в частности с Клиффордом Шар пом, блестящим редактором «Нью стейтсмен». «Лики», некогда либерал, теперь, как и другие русские либералы, стал крайним реакционером. Он пытался напугать нас страшными рассказами о России: как в Туркестане насе ление вырезало стариков, женщин и детей, потому что нечего было есть; как в Петрограде люди меняли костюм на ломоть черного хлеба. С нашей стороны было бе зумием продолжать дальше путешествие. Англия должна изменить курс своей политики и субсидировать монархи стов. Большевики дольше месяца не продержатся.

Более интересен был мой обед с Нобелем — членом знаменитой шведской семьи Нобелей. Он прожил много лет в С.Петербурге и имел крупные интересы во всей России. Его взгляд на создавшееся положение был более правильным. Он был убежден, что большевизм еще не Достиг своего апогея. Как все иностранцы, имевшие соб ственность в России, он горячо высказывался за всеоб щий мир и за антибольшевистскую интервенцию союзни ков вместе с немцами. Он был один из немногих, кто уже т˚гда считал большевизм мировой угрозой. Он вошел в щведский стрелковый клуб для того, чтобы в случае

пролетарского восстания в Швеции занять место на бур жуазных баррикадах. Не все мое время занимали подо£ ные серьезные и мрачные беседы. Более легкомысленные развлечения доставил мне сэр Кольридж Кеннард, секре тарь посольства по британской пропаганде в Швеции Сэр Кольридж — ориенталист,

поэт и романтик. У него создалось посвоему очень интересное представление о пропаганде. Представители шведских высших классов были германофилами. Кроме того, они были сентимен тальны и любили весело проводить вечера. Сэр Коль ридж выработал фантастический, но по существу ценный план превратить их в англофилов, создав в Стокгольме первоклассное английское варьете. Он привлек на свою сторону сэра Эсме и убедил Уайтхолл, что английская красота и английский талант являются более мощными политическими факторами, чем передовые статьи в суб сидируемой шведской прессе. И он получил почти пол ную свободу действий.

Он гордился своим кабаре не меньше, чем Муссолини своими драмами, и не позволил нам покинуть Сток гольм, не побывав там. Это был удивительный вечер. Мы пообедали в великолепном мавританском зале Гранд отеля и отправились под звездным небом, при луне, сиявшей над замерзшими водами фиорда, к Рольфу, где помещался двор сэра Кольриджа. Там я впервые услы шал, как мисс Ирэна Браун поет «Не11о, шу dearie!». Там же мисс Бетти Честер помогала победе союзников, вызывая своей живостью взрывы аплодисментов у сенти ментальных пьющих пунш шведов. Это была великолеп ная и наиболее удачная форма пропаганды, потому что она окупала себя. Для меня западная цивилизация кончи лась этим вечером на девять месяцев.

На следующий день я получил письмо от Воровского, вызывавшего меня к себе. Он получил телеграмму из С.Петербурга. Были приняты все меры к тому, чтобы обеспечить нам безопасный проезд от финской границы Он сообщил мне кроме того последние новости из Рос сии. В них не было ничего утешительного. Шингарев и Кокопткин, два эксминистра правительства Керенского, были зверски умерщвлены матросами в морском госпи тале в С.Петербурге, куда их перевезли из Петропавлов ской крепости. Я близко знал их обоих, особенно Кокош кина, который был моим старым другом по Москве. Оба принадлежали к лучшему типу русских. Вся их жизнь

прошла в беззаветном служении обществу. Они были либералы, без устали работавшие чтобы помочь угнетен ным; трудно было найти среди общее!венных деятелей двух' других людей, которые были бы в такой мере лишены личного честолюбия или эгоизма. Известие об этой бойне наполнило меня подлинным ужасом. Революю ция развертывалась, как пописаному. Ее первыми жерт вами, как всегда, оказались демократы, больше всего верившие в здравый смысл народа. Даже Воровский был потрясен и казался пристыженным. Через пять лет он сам пал жертвой выстрела, сделанного русским монархистом в отеле «Бо

Риваж» в Лозанне.

В тот же вечер, наспех попрощавшись с нашими друзьями, мы выехали в Гапаранду — шведский погра ничный городок на северной оконечности Ботнического залива. Путешествие было утомительным. Оно продол жалось 26 часов с лишним. Было много остановок, паро воз пыхтел и рычал, словно не желая, чтобы мы ехали дальше. По существу говоря, мы были вправе повернуть назад. В Финляндии вспыхнула гражданская война между белыми и красными. Белые держали в своих руках север. Красные завладели Гельсингфорсом. Нам предстояло перебраться через фронт. Кондуктор и пассажирышве ды уверяли нас, что нам это не удастся.

Утром в субботу, 26 января мы прибыли в Галаранду и после некоторых разговоров и больших колебаний пересекли границу и очутились в Финляндии, в Торнео. Там мы провели целый день, обсуждая вопрос о нашем дальнейшем образе действий. Я решил, что мы зашли слишком далеко, чтобы отступать. Благодаря энергии Гринера, английского уполномоченного по проверке па спортов, нам удалось убедить финнов, чтобы они подали поезд, и в 10 часов вечера мы отправились в неизвест ность. Нашими спутниками были главным образом рус ские эмигранты, изгнанные при царском режиме, которые теперь возвращались в новый <фай на земле». Многие из них трепетали, очевидно, из страха перед белыми, кото рые в этой части Финляндии были господами положения.

На следующий день в восемь часов вечера мы прибы ли в Рухимяки, где нам сказали, что мост в Кусвало разрушен белогвардейцами и что дальше ехать нельзя. Нам предстоял выбор: или вернуться в Стокгольм, или Уговорить охрану довезти поезд до Гельсингфорса окру жным путем. Ночь мы провели на станции, а на следую

щее утро прибыли в Гельсингфорс, застав столицу фˆ. ляндии в состоянии революции. На площади перед вокза лом шла беспорядочная перестрелка. На платформе нас встретил Ледницкий, известный юристполяк, с которым я познакомился в Москве. Он сообщил мне, что все гостиницы переполнены беженцами, что спят по трое и по четыре человека даже в ванных и что у нас нет никаких шансов найти там пристанище. Он предложил попробо вать найти нам комнату в доме польского ксендза. Когда перестрелка замолкла, я оставил Бёрза и Филена стеречь багаж и пошел с Хиксом и Ледницким на поиски ксендза. Устроиться у него нам не удалось. Ледницкий остался у него, а мы, вооружившись планом города, отправились обратно на вокзал. Была ужасная погода. Стояла отте пель, грязножелтый

снег размяк и таял. Перестрелка в соседних улицах казалась неприятно близкой. Внезапно, когда мы взобрались на холм и свернули на широкий бульвар, мы очутились лицом к лицу с бегущей толпой, преследуемой отрядом матросов с пулеметом. Матросы поливали улицу пулями. Преследуемые бросались на мо стовую, чтобы спастись от них. Некоторые бежали со всех ног. Другие ломились в запертые двери магазинов и домов. Несколько трупов лежало ничком на снегу. Стол кновение продолжалось всего несколько секунд, и мы с Хиксом, попавшие в положение удобных мишеней, не успели повернуть назад. Мы бросились ничком на снег. Я поднял вверх руку с белым платком, а Хикс помахал в воздухе английским паспортом. Следующие несколько секунд показались нам вечностью.

Матросы осторожно приблизились к нам, держа наго тове пулемет и винтовки. К счастью, они оказались рус скими, и мое письмо к Троцкому возымело на них чудес ное действие.

По существу говоря, матросы были словно посланы с неба. Удовлетворенные в отношении нашей bona fides, они пошли с нами на вокзал, где распорядились о тща тельном хранении нашего багажа. Потом они повели нас в британское консульство. Там мы застали Грова и вице консула Фаусетта. Им удалось устроить нас ночевать в маленький финский пансион, а на следующий день Фау сетт, знавший в Гельсингфорсе буквально всех, убедил правительство красной Финляндии дать нам поезд и до везти до взорванного моста, за которым надеялись найти русский поезд.

В семь часов вечера мы снова отправились в путе шествие. Благодаря охране, которую нам дали красные, мы ехали с большим комфортом. Во всяком случае, наш поезд топили и ехали мы если не роскошно, то простор но. Обстоятельства нам благоприятствовали. Красные финны были особенно любезны с нами, так как в этот момент белые финны вели переговоры о помощи с немцами.

Когда мы подъехали к мосту, мы пережили еще один волнующий момент. Слухи, впрочем, как и всегда, пре увеличили размер повреждений. Правда, линия была прервана. Арка моста погнулась. Однако сам мост не обвалился, и через него можно было перебраться пеш ком. В полночь мы вышли из теплого поезда в морозную ночь. Еще одно препятствие мы благополучно преодоле ли. Сопровождавшие нас в качестве охраны вооруженные финские красногвардейцы оказались одновременно любе зными и деловитыми. В два приема они перенесли через мост наш багаж. Это было нелегкое дело, так как мы взяли с собой массу вещей и наши чемоданы были тяже лы и громоздки.

Когда переноска была закончена, мы убедились, что все вещи до единой целы.

Благодаря тем же финским красногвардейцам, мы смогли немедленно продолжать наш путь дальше. Поезд о разведенными парами ждал нас на другой стороне. На следующий день в семь часов вечера мы прибыли в С.Петербург без дальнейших инцидентов или задержек. Мы были последними британскими пассажирами, кото рым удалось добраться до С.Петербурга — последними британскими представителями, которые совершили путь из Лондона в С.Петербург через Скандинавию до конца войны.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Тот С.Петербург, в который я вернулся, был совсем непохож на оставленный мной несколько месяцев тому назад. Улицы были в ужасном состоянии. Снег не сгреба ли неделями, и путешествие на санках с Финляндского вокзала до посольства было похоже на катание по теа тральной железной дороге, только гораздо менее без опасное. По улицам ходили угнетенные несчастные люди.

Лошади выглядели жутко — словно они целыми неделя ми ничего не ели. Перед Троицким мостом мы проехали мимо трупа лошади. Он примерз к снегу и, очевидно лежал там уже несколько дней.

В посольстве царило смятение и разногласие. Троцкий был в БрестЛитовске, где он вел мирные переговоры с немцами, и никто в точности не знал, что именно там происходит. Штат посольства разбился на две партии Одни высказывались за признание, другие — против, а Линдли (ныне сэр Френсис Линдли. посол Ее Величества в Японии), замещавший посла, держался нерешительной политики, лавируя между этими двумя группами. Пока мы не подыскали подходящего помещения, члены моей миссии остановились у членов других британских миссий в С.Петербурге. Меня приютил Рекс Хоар, теперь бри танский посол в Тегеране, а в то время второй секретарь посольства. Очаровательный собеседник, произносивший слова медленно и растянуто, что противоречило его иск лючительно деятельному уму, Хоар был один из немно гих англичан, объективно относившихся к революции. Он высказывался за признание большевистского прави тельства, и его взгляды в точности совпадали с моими. В эту ночь, чтобы скорей заснуть, я стал читать книгу, лежавшую у изголовья моей постели. Это оказался «Современный Египет» лорда Кромера. Читая книгу, я наткнулся на афоризм, которым Кромер руководство вался в Египте: «Нужно применяться к обстоятельствам и извлекать пользу даже из того, что нам не нравится». Этой фразой я с успехом руководствовался в том затруд нительном положении, в которое я теперь попал.

На следующий день я впервые увиделся с Чичериным, которому на время отсутствия Троцкого, находившегося в БрестЛитовске, было поручено Министерство ино странных дел. Он принял меня в том же здании, где некогда властвовал Сазонов. При нашем свидании при сутствовал Петров, смуглый еврей. Трагикомичность на шего положения лучше всего иллюстрируется тем фак том, что оба мои собеседника вернулись в Россию прямо из английской тюрьмы.

Русский из хорошей семьи, задолго до революции пожертвовавший своим состоянием во имя своих социа листических убеждений Чичерин был высококультурным человеком. В юности он начал карьеру в качестве чиновни ка царского Министерства иностранных дел; свободно и

2*2

правильно говорил на французском, английском я немец ком языках. Он был одет в безобразный желтовато коричневый клетчатый костюм, привезенный им из Ан глии. За шесть месяцев наших почти ежедневных встреч я ни разу не видел его одетым иначе. Борода и волосы песочного цвета и этот костюм придавали ему вид одной из тех гротескных фигур, которые дети делают на при брежном песке. Только глаза, маленькие и окруженные красной каемкой, как у хорька, проявляли признаки жи зни. Его узкие плечи склонялись над заваленным работой письменным столом. Среди людей, работавших по 16 часов в сутки, он был самым неутомимым и вниматель ным к своим обязанностям. Идеалист, лояльность кото рого по отношению к партии была непоколебима, он с исключительным недоверием относился ко всем, кто не входил в нее.

Наша первая беседа была удовлетворительна, но не достаточно определенна. Позднее, когда я ближе позна комился с Чичериным, я узнал, что он никогда не прини мал решения, не посоветовавшись предварительно с Ле ниным. В данном случае, однако, он повидимому полу чил инструкцию относиться к нам дружелюбно. Действи тельно, большевики, стремившиеся натравить немцев на союзников и союзников на немцев, были довольны моим приездом. Большевистская пресса сознательно преувели чивала значение моей миссии и моего собственного поло жения, изображая меня не только человеком, облеченным доверием Ллойд Джорджа, но и влиятельным политиче ским деятелем, целиком сочувствующим большевикам. Такое поведение газет привело к некоторым недоразуме ниям в кругах союзнических миссий в С.Петербурге. В частности, один служащий американской контрразведки, участие в войне которого свелось к приобретению кипы настолько явно поддельных документов, что их не использовала даже наша секретная служба, сообщил своему правительству, что в С.Петербург прибыл опас ный английский революционер, действовавший заодно с большевиками.

Чичерин довольно честно сообщил мне о том, что происходило в Бресте. Он сказал мне, что переговоры подвигаются медленно и что теперь Англии представ ляется блестящая возможность протянуть руку помощи России. Почти

тут же он сообщил мне, что большевики Деятельно организуют новый Интернационал, в котором

не будет места умеренным социалистам вроде Брантинг и Гендерсона. Это было началом знаменитого in Интернационала. 1

В первые же дни моего пребывания в большевизип ванном С.Петербурге я познакомился с Реймондом Ро бинсом, главой американской миссии Красного Креста братом известной писательницы Элизабет Робине На третий день после моего приезда Рекс Хоар пригласил нас вместе обедать, и мы очень неплохо поговорили Робине, который был больше филантропом и гумани стом, чем политиком, оказался прекрасным оратором Его разговор, как разговор мра Черчилля, был всегда монологом, но он никогда не был скучен и у него был замечательный дар подбирать оригинальные аллегории. Черноволосый, с орлиным профилем, он выглядел очень эффектно. Это был индейский вождь с Библией вместо томагавка. Он был правой рукой Рузвельта во время президентских выборов 1912 года. Будучи сам богатым человеком, он был противником капитализма. Однако несмотря на свои симпатии к черни он поклонялся вели ким людям. До сих пор его главными героями были Рузвельт и Сесиль Роде. Теперь его воображением овла дел Ленин. Как это ни странно, Ленину нравилось это обожание, и Робине был единственным иностранцем, с которым Ленин всегда охотно встречался и которому даже удавалось произвести сильное впечатление на ли шенного эмоциональности вождя большевиков.

Миссия Робинса, менее официальная, была подобна моей. Он был посредником между большевиками и аме риканским правительством и поставил себе задачей убе дить президента Вильсона признать советскую власть. Он не знал русского языка и знал очень мало о России, но в Гумберге, русскоамериканском еврее, долгие годы на ходившемся в близком соприкосновении с большевист ским движением, он нашел помощника, снабжавшего его необходимыми сведениями и аргументами. В устах Ро бинса аргументы Гумберга о необходимости признания звучали очень убедительно. Мне нравился Робине, о течение ближайших четырех месяцев мы встречались с ним ежедневно, и чуть ли не ежечасно.

Первые 12 дней моего пребывания в С.Петерсургс прошли в бесконечных дискуссиях с Чичериным и ан г пинскими представителями Мои отношения сЛя№^ который в качестве charge d'affaires мог почувствовать

законное неудовольствие по поводу моего вторжения на политическую арену (как официальный представитель

британского правительства он, разумеется, не вступал ни в какие сношения с большевиками), были самыми дру жественными. Я в полной мере сотрудничал с ним, сооб щая ему обо всем, и спрашивал его совета по поводу каждого шага, который я предпринимал; благодаря это му мне удалось не попасть в очень неприятное и двусмы сленное положение.

Дело мое, однако, почти не продвигалось, и на боль шинство посланных в Лондон телеграмм я не получал ответа. Мы продолжали оставаться почти в полном неве дении относительно истинного хода переговоров в Бре сте, а Чичерин не очень старался вывести нас из этого неведения. Все, что он говорил, сводилось к тому, что, хотя германский милитаризм и британский капитализм были одинаково ненавистны большевикам, германский милитаризм представлял в данный момент наибольшую опасность. Германия стала центром антибольшевистской лиги. Она поддерживала буржуазию в Финляндии, Румы нии и на Украине. Русская буржуазия ждала, что Герма ния вмешается в русские дела и восстановит прежнее положение вещей. Создавалась ситуация, которую бри танское правительство могло использовать в своих инте ресах. Большевики с радостью встретят поддержку Англии.

Девятого февраля у меня была встреча более интерес ного порядка. В Петербурге работали различные комис сии мирной делегации центральных держав. Через дове ренных людей я получил от одного из болгарских делега тов предложение встретиться. Поскольку я ничем не ри сковал, я ответил согласием. В моем дневнике он обозна чен как С. Кажется, его звали Семидов. В долгом и интересном разговоре он сказал мне, что Болгария созре ла для мира и революции и что при поддержке (оче видно денежной) со стороны Англии, было бы нетруд но начать движение с целью свергнуть короля Фердинан да и лишить власти германофильское министерство. Этот человек мог быть провокатором, подосланным ко мне большевиками. В данном случае, однако, есть осно вания предполагать, что он был действительно тем, за кого он себя выдавал. Я сообщил об этом инциденте в Лондон и ничего не получил в ответ.

Ожидая возвращения Троцкого из Бреста, мы во

де

сяользовались случаем и заняли большое и хорошо об ставленное помещение в одном доме на Дворцовой набе режной, почти напротив Петропавловской крепости и за несколько сот ярдов от посольства. Там был прекрасный винный погреб, который мы приобрели за очень доступ ную цену. Фактически мы могли иметь почти даром целый дворец. Несчастная

аристократия, лишенная всего была довольна, когда она могла найти иностранцев, к(у торые могли хотя бы на время защитить ее имущество

На новоселье я устроил званый обед, на который я пригласил весь штат посольства и других влиятельных английских представителей, находившихся в С.Пе тербурге. Моим главным гостем был Робине. Он пришел поздно, прямо от Ленина. Он принес с собой известие, что Троцкий отказался подписать позорный мир, но что. поскольку Россия больше не может воевать, демобилиза ция будет продолжаться.

Во время обеда Робине говорил мало, но потом, когда мы собрались в курительной, у него развязался язык. Стоя у камина, характерным жестом откидывая назад свои черные волосы, он обратился к нам с призы вом, чтобы союзники поддержали большевиков. Он на чал спокойно, анализируя аргументы союзников против признания и разрушая нелепую теорию союзников, будто большевики стремятся к победе Германии. Он нарисовал трогательную картину беспомощного народа, не имею щего ничего, кроме мужества, чтобы отразить величай шую военную организацию, какую только знала история. Нам нечего ожидать от деморализованной русской бур жуазии, которая сама надеется на то, что немцы помогут ей восстановить ее права и собственность. Потом он начал панегирик Троцкому. Красный вождь был «суки ным сыном, но величайшим евреем после Христа. Если немецкий генеральный штаб купил Троцкого, он купил настоящий алмаз». Продолжая свою речь, он дошел поч ти до возмущения по адресу безумия союзников, «играю щих на руку Германии в России». Потом он театрально прервал свою речь и вынул из кармана листок бумаги, л вижу его, как сейчас. Сознательно или нет, но он позабо тился о создании почти идеальной мизансцены. Перед ним полукруг упрямых англичан. Позади ревущее пламя камина, языки которого бросают вещие тени на жеЛТˆ обои по стенам. Снаружи, в окне, стройный пшиль. 11 тропавловской крепости и огромный огненный шар

ходяшего солнца, бросающего кровавые лучи на одетую снегом Неву. Он снова откинул волосы рукой в встряхнул головой, как лев. «(Ктонибудь из вас читал это? — спросил он. — Я нашел это сегодня утром в одной из ваших газет». Тогда низким голосом, дрожащим от вол нения, он прочел стихотворение майора Мак Краэ:

Мы мертвые. Немного дней тому ниц Мы жили, видели рассвет, сияние заката. Любили и были любимы, а теперь лежим

На полях Фландрии. Мы вам передаем наш спор с врагом Вам протягиваем слабеющими руками Наш факел; держите высоко

его. Если вы измените нам. которые умирают, Мы спать не будем, хотя маки расцветают На полях Фландрии.

Когда он кончил, наступило мертвое молчание. Каза лось, целую вечность. Робине стоял, отвернувшись, и смотрел в окно. Потом, выпрямившись, он снова подо шел к нам.

— Ребята! — сказал он. — Я думаю, все вы приехали сюда с одной целью — не дать германскому генерально му штабу победить в этой войне.

Тремя быстрыми шагами он подошел ко мне. Он пожал мне руку: «До свидания, Локкарт». Еще четыре шага — и он вышел.

Как театральное выступление, речь Робинса была ве ликолепна. Сегодня эта сцена кажется истерической. Не сомненно, он подготовил все эффекты с утра перед зерка лом. Но в тот момент его слова произвели на всех нас глубокое впечатление. Никто даже не улыбнулся. Даже «Бенджи» Брюс, несмотря на все свои ульстерские анти революционные предрассудки, был на некоторое время Убежден, что признание или, по крайней мере, поддержка, большевиков против немецкого вторжения являлась пра вильной политикой. Генерал Пуль, позднее руководив ший злосчастной архангельской экспедицией, придержи вался тогда того же мнения.

Через три дня я впервые встретился с Троцким в Русском Министерстве иностранных дел. Наше свидание продолжалось два часа, в течение которых мы обсудили все виды англорусского сотрудничества. В качестве од ного из обвинений против меня вгюследствии выдвига

лось то, что я сразу же подпал под влияние Троцкого поэтому приведу запись в дневнике, сделанную мн0й сразу же после нашего разговора:

«15 февраля 1918. Имел двухчасовой разговор с Л. Д. Т. (Львом Давыдовичем Троцким). Его озлобление против Германии показалось мне вполне честным и искренним. У него изумительно живой ум и густой, глу бокий голос. Широкогрудый, с огромным лбом, над ко торым возвышается масса черных вьющихся волос, с большими горящими глазами и толстыми выпяченными губами, он выглядит как воплощение революционера с буржуазной карикатуры. Он одевается хорошо. Он носит чистый мягкий воротничок, и его ногти тщательно нама никюрены. Я согласен с Робинсом.

Если боши купили Троцкого, они купили настоящий алмаз. Он оскорблен в своем достоинстве. Он полон воинственного возмущения против немцев за унижение, которому они подвергли его в Бресте. Он производит впечатление человека, который охотно умер бы, сражаясь за Россию, при том условии, однако,

чтобы при его смерти присутствовала достаточно большая аудитория».

Троцкий действительно был озлоблен против немцев. В этот момент он не был вполне уверен в том, как немцы будут реагировать на его знаменитое объявление: «Ни войны и ни мира», но он предчувствовал, что эта реакция будет не из приятных.

К несчастью, он был полон озлобления и по адресу англичан. Мы не сумели в свое время подойти должным образом к Троцкому. Во время первой революции он жил в изгнании в Америке. Тогда он не был ни меньшевиком, ни большевиком. Он был тем, что Ленин называет троц кистом, то есть индивидуалистом и оппортунистом. Ре волюционер, наделенный темпераментом художника и несомненной физической храбростью, он никогда не был и не мог быть хорошим партийцем. Его поведение до первой революции вызвало серьезное осуждение со сто роны Ленина. «Троцкий, как всегда — писал Ленин в 1915 году, — в принципе против социалшовинистов, но на практике он всегда заодно с ними».

Весной 1917 года Керенский обратился к британскому правительству с просьбой содействовать возвращению Троцкого в Россию. Здравый смысл диктовал два выхо да: отказать на том основании, что Троцкий представ ляет угрозу для общесоюзнического дела; или позволить

ему вернуться совершенно спокойно. Как это водится во всех наших поступках по отношению к России, мы всту пили на путь гибельных полумер. С Троцким обраща лись, как с преступником. В Галифаксе, НьюБрэнсвике. его разлучили с женой и детьми и интернировали на четыре недели в концентрационный лагерь в Амхерсе вместе с немецкими военнопленными. С его пальцев сня ли дактилоскопические отпечатки. Тогда, возбудив в нем жгучую ненависть к нам, мы дали ему вернуться в Россию.

Я передаю этот инцидент так, как мне изложил его сам Троцкий. Впоследствии я узнал, что в основном он был точен. Возмущенный Троцкий вернулся в Россию, примкнул к большевикам и выместил свою злобу, напи сав горячий антибританский памфлет, озаглавленный «В плену у англичан». Следы его недовольства прояви лись и во время нашей беседы. Мне удалось, однако, успокоить его.

Немецкая опасность занимала его больше всего, и его последние слова при нашем расставании были: «Теперь перед союзниками открываются огромные возможно сти».

Вернувшись от Троцкого, я нашел спешное письмо от Робинса, немедленно вызывавшего меня к себе. Я нашел его в

большом волнении. Он поссорился с Залкиндом, * племянником Троцкого и в то время товарищем комисса ра по иностранным делам. Залкинд обошелся с ним грубо, и американец, которому Ленин обещал при любых обстоятельствах приготовить в часовой срок поезд, решил добиться извинений или немедленно покинуть Россию. Когда я пришел, он только что кончил говорить по телефону с Лениным. Он поставил ему ультиматум, и Ленин обещал дать ответ через десять минут. Я ждал, а Робине рвал и метал. Потом раздался звонок и Робине взял трубку. Ленин сдался. Залкинд будет снят с должно сти. Но он был старым членом партии. Не будет ли Робине возражать, если Ленин пошлет его в качестве большевистского эмиссара в Берн? Робине мрачно улыб нулся. «Благодарю вас, мр Ленин, — сказал он. — Поскольку я не могу послать этого сукина сына в ад, сжечь его — это лучшее, что вы можете с ним сделать»*.

— .

Игра слов: поанглийски «сжечь» (burn) звучит почти как «Берн».

Это было началом чрезвычайно напряженного мес ца. Немцы не теряли времени, и в ответ на отказ Троцко го подписать мирный договор на предложенных ими условиях пошли, к великому ужасу большевиков, в насту пление на С.Петербург. Вначале большевики пытались оказать какоето сопротивление. В этом смысле были даны распоряжения флоту и армии. Сам Троцкий, кото рого я теперь видел ежедневно, сообщил мне, что, если даже Россия не сумеет сопротивляться, она будет вести партизанскую войну. Очень скоро, однако, выяснилось что оказать сопротивление, в военном смысле этого сло ва, русские не могут. Большевики пришли к власти под лозунгом «Долой войну!». Лозунг за войну мог легко привести их к гибели. Буржуазия открыто радовалась наступлению немцев. Осмелевшие антибольшевистские газеты с остервенением набросились на большевиков. Решающим фактором было настроение войсковых ча стей. При слухах, что война будет возобновлена, дезер тирство с фронта приняло размеры панического бегства, и после ночного заседания комиссаров немцам была по слана телеграмма с согласием капитулировать и заклю чить мир на каких угодно условиях.

В коалиции большевиков и левых социалреволюцио неров, из которой состояло правительство Ленина, была партия священной войны. В нее входили такие большеви ки, как Петров, Бухарин и Радек; численно она немногим уступала партии мира. Ленин, однако, стоял за мир. Без мира он не мог укрепить свои позиции. Именно тогда он сформулировал свою политику «лавирования»;

лучший перевод слова «лавировать» — французская фра за «reculer, pour mieux sauten>. Троцкий по обыкно вению держался промежуточной позиции. Он не хотел воевать. Он считал войну неизбежной. Он сообщил мне, что, если союзники обещают свою помощь, он заставит правительство переменить решение и высказаться за вой ну. Я послал несколько телеграмм в Лондон, требуя официальных директив, которые позволили бы мне укре пить позицию Троцкого. Директивы присланы не были.

23 февраля были получены германские условия. В смысле территориальных требований, они были значи тельно более жесткими, чем Версальский договор. Снова в рядах большевиков произошел раскол. На следуюгдии день после горячих и страстных споров Центральный исполнительный комитет большинством 112 голосо

против 86 постановил принять немецкие условия. Холод ная, расчетливая логика Ленина победила. Было, однако, 25 воздержавшихся. Среди них оказался Троцкий, во время дебатов прятавшийся у себя в кабинете.

В день обсуждения я позвонил Троцкому. Он дал мне свой личный номер телефона, по которому он отвечал сам. — Могу я поговорить с гражданином Троцким'? — спросил я. В ответ прорычали: — Нет. Но я узнал его голос.

Лев Давыдович, — быстро сказал я. — Говорит Локкарт. Мне нужно видеть вас немедленно. После ми нутной паузы снова послышалось рычание:

Какой смысл? Впрочем, если хотите, приезжай те сейчас. Я в Смольном.

Смольный — в царское время институт благородных девиц — был главным штабом большевиков. Он живо писно расположен рядом с монастырем, красивым синим и белым зданием на окраине города. Сам институт серого цвета, с входом, как у греческого храма. Он напомнил мне старое здание королевского военного колледжа в Сандхэрсте.

Когда я проходил мимо вооруженных пулеметами в штыками часовых, стоявших у ворот, мой пропуск, под писанный самим Троцким, подвергся тщательному иссле дованию. Наконец меня отвели к коменданту, высокому матросу, которого я впоследствии должен был встретить при менее благоприятных обстоятельствах. Через не сколько минут я в сопровождении его прошел через лабиринт коридоров и классных комнат в святилище Троцкого, находившееся на третьем этаже. Про себя я отмечал надписи, еще висевшие на стенах: дортуар пято го класса, бельевая, класс рисования. Раньше в этих коридорах раздавался легкий стук девических каблучков. Все дышало непорочностью, разве только

иногда вдруг слышалось глупое хихиканье. Теперь все покрылось грязью и пришло в беспорядок. Матросы, красногвардей цы, студенты и рабочие стояли, прислонившись к стенам. Все они выглядели так, словно не мылись две недели. Окурки и смятые газеты усыпали пол.

Кабинет Троцкого представлял исключение. Высокий и светлый, он был устлан красным ковром. В нем стоял прекрасный письменный стол карельской березы. В нем была даже корзина для бумаг. Всюду проявлялась свойственная его хозяину аккуратность.

Сам хозяин кабинета, однако, был в отвратительна настроении. «Вы не получили ответа из Лондона?» спросил он. не переставая хмуриться. Я сказал ему что до сих пор не получил отвега на телеграммы, но что если болыпсвикп сделают серьезную попытку спасти понови ну России от германского ига, я уверен, что поддержка со стороны Англии обеспечена.

— Вы не получили ответа, — сказал он. — Ну вот. а я получил. В то время, как вы здесь пускаете мне пыль в глаза, ваши соотечественники и французы интригуют против нас. поддерживая украинцев, продавшихся Герма нии. Ваше правительство подготавливает японскую ин тервенцию в Сибири. Ваши здешние миссии вместе со всей буржуазной накипью строят против нас заговоры. Поглядитека. — закричал он.

Он схватил кипу бумаг со стола и швырнул мне ее в руки. Это были якобы подлинные, но на самом деле поддельные документы, которые я уже видел раньше Они были отпечатаны на бумаге со штампом германского генерального штаба. Они были подписаны различными немецкими штабными офицерами, в том числе, кажется, и полковником Бауэром. Они были адресованы Троцко му и содержали различные инструкции, которые он дол жен был выполнить в качестве немецкого агента. Одна из инструкций была приказом провезти по железной дороге две немецкие подводные лодки из Берлина во Владиво сток.

Я уже виден эти документы раньше. Некоторое время они циркулировали в кругах, связанных с союзническими миссиями в С.Петербурге. Одна серия «оригиналов» бы ла приобретена американским агентом. Через несколько месяцев обнаружилось, что эти письма, якобы пришед шие из таких различных мест, как Спа, Берлин и Сток гольм, были отпечатаны на одной и той же машинке.

Я улыбнулся, но Троцкий был неумолим. «Так вот на что ваши агенты тратят время и деньги, — прошипел он. — Ваши интриги здесь только помогли немцам. Надеюсь, вы гордитесь делом рук своих. Ваше Мини стерство иностранных дел не

достойно выиграть войну. Ваша политика по отношению к России была с самого начала нерешительной и колеблющейся. Ваш Ллойд Джордж похож на человека, который играет в рулетк> ■ ставит на все номера подряд. Теперь я покончу со во., этим Знаете ли вы, что в то время, как вы, дураи*"

шпионы, пытаетесь доказать, что я немецкий агент там о" махнул рукой по направлению к комнате внизу где заседал Центральный исполнительный комитет. мои друзья называют меня антантофилом».

В его нападках была доля правды. Британское прави тельство смотрело на большевизм, как на бедствие и на зло. Оно могло объявить ему войну или просто игнори ровать его целиком и полностью. Было безумием, одна ко, продолжать смотреть на него как на движение, поощряемое исключительно для достижения немецких целей Когда я сказал Троцкому, что не получил ответа на мои телеграммы, я говорил чистую правду. Между тем я получил несколько писем от нашего Министерства иностранных дел. Они попрежнему выражали сомнения я подозрения лорда Роберта Сесиля относительно Троц кого. Если мне и удалось убедить Уайтхолл в том, что Троцкий не был переодетым немецким штабным офице ром, он всетаки продолжал оставаться для них герман ским агентом. Мое свидание с ним не привело ни к чему. Единственное, чего мне удалось добиться от Троцкого, было то. что мир будет заключен на короткий срок. Большевики не собирались соблюдать поставленные нем цами условия. Он обещал, однако, подробно информиро вать меня обо всем. В ту же ночь Покровский, Чичерин в Карахан выехали в БрестЛитовск, чтобы подписать мирный договор.

Развал железнодорожного транспорта и способность большевиков все затягивать задержали фактическое зак лючение мира еще на неделю.

В это время неизвестность относительно хода мирных переговоров и наступление немцев на С.Петербург при вели союзнические посольства в полное смятение. Часа ми длились бесконечные совещания о полигике, которой следовало придерживаться. Что делать с посольствами и миссиями — оставлять их в С.Петербурге или эвакуиро вать? Оставаясь слишком долго, они рисковали быть захваченными немцами. Решение эвакуироваться было принято после того, как немцы отказались приостано вить наступление до того момента, как большевики фак тически подпишут продиктованный им мирный договор.

Когда решение было принято, предстояло получить ˚т большевиков визы на выезд для большого количества британских

представителей и агентов, многие из коих не вошли в дипломатические списки. Это было дело тонкое

к нелегкое, тем более что большевики смотрели на отъезд союзнических посольств почти так же, как игрок, теряю щий туза.

Мне было поручено выхлопотать визы. Вооружив шись грудой паспортов, я направился попытать счастье в Министерство иностранных дел. За отсутствием Троцко го и Чичерина меня принял Петров. Пребывание в ан глийской тюрьме не увеличило его расположения к ан глийским представителям. Сообщив мне, что против отъ езда аккредитованных дипломатов возразить ему нечего он направил меня в Лудкому, неприятному еврею юристу, заведывавшему отделом паспортов.

Он сидел за столом в большой комнате. Кроме него там находилась молодая машинистка, сидевшая за ма леньким столиком в углу. Грубость Луцкого привела меня в бешенство. Это была крыса, которую я с удо вольствием придушил бы. Пока он просматривал тол стую пачку паспортов, я сохранял спокойствие. «Мне приказано давать визы только настоящим диплома там, — сказал он. — Все эти люди не входят в штат посольства». Я терпеливо объяснил ему, что мой список подлинный и что владелец каждого из паспортов в той или иной форме связан с посольством. Он внимательно пересмотрел все фотографические карточки. К моему великому облегчению, он пропустил генерала Пуля и нескольких других офицеров, снятых в военной форме. Пачка почти кончилась, и я уже думал, что достиг полно го успеха. Крыса, однако, хотела попользоваться своим кратковременным превосходством. Он хотел заставить меня почувствовать только что достигнутую им власть. Он вытащил один из паспортов.

— Я знаю этого человека,— сказал он.— Это шпион. Вы пытаетесь обмануть меня, как французы и итальянцы.

Он бушевал несколько минут. «За то, что вы хотели обморочить меня, я отказываю вам вообще в визах». Я стоял, все еще сдерживаясь. «В таком случае, — ответил я, — разрешите мне поговорить по телефону с Троцким. Вот номер его телефона, и вот мой пропуск, подписанный его собственной рукой». Луцкий пробормотал чтото и сразу переменил тон. «Очень хорошо, — сказал он, от кладывая в сторону отвергнутый паспорт, — я поставлю печать на все остальные, кроме вот этого».

В этот момент доложили о приходе маркиза Делла

Торретта, итальянского charge d'affaires, а впоследствии итальянского посланника в Лондоне и министра ино странных дел при Муссолини. Луцкий вскочил на ноги. Готовясь к новой сцене, он стал относиться ко мне почти дружелюбно. Он снова

бегло просмотрел паспорта, вы брал из них несколько, принадлежавших членам британ кой колонии и положил их вместе с отложенным ранее. Он позвал машинистку.

— Садитесь за мой стол и поставьте штамп на этих паспортах, — сказал он, указывая на большую пачку, — остальные задержаны впредь до дальнейших распоряже ний.

Потом, выпячивая свою маленькую грудь, он вышел на середину комнаты, чтобы стоя встретить итальянского маркиза. Последовала самая необычайная сцена, какую я только видел, может быть, даже самая необычайная из всех тех, которые когдалибо имели место между двумя , представителями иностранных держав. Как только мар Щ по вошел в комнату, Луцкий набросился на него с пото ком ругательств. Дело шло об итальянском депутате по имени граф Фрассо, которого арестовали большевики ж которого итальянцы включили в список лиц с официаль ными паспортами. Не было конца эпитетам, которыми Луцкий награждал несчастного итальянца. Самыми мяг кими из них были: бандиты, доносчики, сукины дети... Оба собеседника были небольшого роста. Вначале Тор ретта, мягкий, корректный и педантично вежливый, пы тался возражать. Его протесты вызвали новую бурю ругательств. Тогда Торретта начал нервничать и едва не расплакался. Его лицо смертельно побледнело. Седовла сый, одетый в короткий черный сюртук, он напомнил мне кролика из «Алисы в стране чудес». Руки его нервно подергивались. Потом он тоже начал кричать. Казалось, еще несколько секунд, и оба дойдут до рукопашной.

Я с увлечением наблюдал за сценой, однако, мне нужно было сделать еще одно свое дело. Среди отвергну тых паспортов лежал паспорт Теренса Кейса, брата ад мирала Кейса, служившего полковником в нашей контр разведке. Я знал, что он участвовал в различных анти большевистских планах. Если его паспорт задержат, это может грозить для него неприятными последствиями. В это время машинистка ставила печати, одним глазом смотря на работу, а другим следя за развертывающейся пеРед нами драмой. Она была хорошенькая. Я сказал ей

какуюто лк>беэность, я она улыбнулась. Я продолжа говорить, перебирая в то же время груду паспорто Продолжая нашептывать ей любезности, я сунул паспоп Кейса в большую пачку. И, да благословит Бог ее голу бые глаза, она поставила на нем печать. ^'

В тот момент, когда она кончала работу, я услы шал последние слова Луцкого: «Ни один итальянец не выедет отсюда», и подавленный и сгорбившийся мар киз Торретта вышел из комнаты. Вполне довольный собой Луцкий вернулся за свой стол.

Я держал в ру ке визированные паспорта, среди которых был и пас порт Кейса. Полдюжины отвергнутых паспортов ле жали на столе. «Можно мне уйти?» — вежливо спро сил я.

— Разумеется, — ответил он.

Я пошел к выходу, но вернулся с полдороги.

— Может быть, мне лучше взять и остальные, — сказал я. — Их владельцы могут без них попасть в неприятное положение.

Он пожал плечами. Его мысли были все еще заняты битвой с Торреттой. «Возьмите их», — сказал он. И, медленно собрав паспорта, я с достоинством покинул комнату.

В тот же вечер британские и французские чиновни ки (итальянцев, разумеется, не было) выехали специаль ным поездом в Белоостров на финскую границу. Петров, заместитель народного комиссара по иностранным де лам, явился на вокзал для окончательной проверки па спортов. С французами были какието неприятности, но все наши, включая Теренса Кейса, благополучно проеха ли границу.

Если даже моя миссия в России была во всех других отношениях неудачной, она дала какието результаты хотя бы в том отношении, что она спасла 40 или 50 британских представителей от оскорблений, которым подверглись их коллеги французы и итальянцы.

Драма с паспортами закончилась приятным трюком под занавес. На другой день после отбытия посольств Луцкого арестовали за незаконную выдачу виз некото рым французским гражданам. Его обвинили в том, что он получал от них взятки. В этот вечер я хорошо п00˚^" дал по поводу удачного исхода дела. Мне помогли н взятки, а моя врожденная кельтская способность уое ждать людей и пара русских глаз.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Союзнические посольства выехали 28 февраля. На следующий день я пошел в Смольный, где впервые встре тился с Лениным.

Я почувствовал себя несколько растерянным. Моя позиция была теперь еще более неясна, чем всегда. Но я решил остаться на посту по двум причинам. Большевики еще не подписали мирный договор. Они, очевидно, под пишут его, но даже тогда мир будет недолговременным. Эту ситуацию я мог использовать в своих целях. Во вторых, поскольку большевики все еще держали в своих руках власть в России, я чувствовал, что было бы глупо прервать всякие сношения с ними и оставить поле битвы немцам. Я был убежден, что большевики внутренне го раздо сильней, чем предполагали в большинстве своем иностранные наблюдатели, и что в России не было силы, способной заменить их.

В этомто заключалось основное расхождение между мной и Уайтхоллом. В лондонских официальных кругах господствовало мнение, что большевизм будет сметен через несколько недель. Мой инстинкт говорил мне, что, какими бы слабыми ни были большевики, их деморали зованные противники в России были еще слабей. Во вспыхнувшей гражданской войне мировая война потеря ла всякое значение для всех классов русского общества. Поскольку нашим главным врагом была Германия (а в то время очень немногие из англичан рассматривали большевизм как серьезную угрозу западной цивилиза ции), разжигание гражданской войны не принесло бы нам никакой пользы. Если бы мы стали на сторону врагов большевизма, мы поставили бы на более слабую лошадь и нам пришлось бы бросить много сил, чтобы добиться хотя бы временного успеха.

Информируя Линдли о своем желании остаться, я повторил ему все эти аргументы. Он не возражал. Поэто му я отпустил в Англию Филена и Бёрза, которые при создавшемся положении вещей вряд ли смогли бы быть мне полезными, и попросил, чтобы мне разрешили взять к себе Рекса Хоара, взгляды которого совпадали с моими и растущее влияние которого представило бы для меня большую ценность. Он хотел остаться, но Линдли — и в Этом он, может быть, был прав — решил, что, поскольку моя миссия была номинально неофициальной, он не имел

права разрешить мне держать у себя на службе npodW сновального дипломата. Он не возражал, если бы я вз любого чиновника, желавшего остаться, но не входящег^ в штат посольства. Желающих нашлось несколько и них я выбрал Давида Гарстина, брата известного рома ниста. Это был молодой

кавалерийский офицер, доволь но хорошо говоривший порусски. Кроме того, из ан глийских представителей остались морской атташе капи тан Кроми, не хотевший допустить, чтобы Балтийский флот попал в руки немцев, консул Вудхауз, майор Мак Альпайн и капитан Швабе из миссии генерала Пуля и еще несколько офицеров и чиновников нашей контрразведки Они совершенно не зависели от меня и сами посылали отчеты в Лондон.

Следовательно, отъезд Линдли оставил меня на про извол судьбы. Кроме того, проезд через Финляндию был закрыт, и на ближайшие шесть месяцев мне предстояло потерять всякую возможность сноситься с Англией, ина че как по телеграфу. Робине также присоединился к аме риканскому посольству, бежавшему в Вологду. Он сооб щил мне, что, по всей вероятности, посол со своим шта том на следующий день выедет в Америку через Сибирь. Если бы мне удалось заручиться содействием со стороны Ленина, он остался бы и постарался убедить американско го посланника последовать своему примеру.

Мое настроение было поэтому подавленным, когда я шел утром в Смольный на свидание с вождем большеви ков. Он принял меня в маленькой комнате в том же этаже, где был кабинет Троцкого. Комната была грязно ватая и лишенная всякой мебели, если не считать пись менного стола и нескольких простых стульев. Это была не только моя первая встреча. Я видел его вообще впер вые. В его внешнем виде не было ничего, хотя бы отда ленно напоминающего сверхчеловека. Невысокий, до вольно полный, с короткой толстой шеей, широкими плечами, круглым красным лицом, высоким умным лбом, слегка вздернутым носом, каштановыми усами и корот кой щетинистой бородкой, он казался на первый взгляд похожим скорее на провинциального лавочника, чем н вождя человечества. Чтото было, однако, в его стальны глазах, что привлекло внимание, было чтото в его наi мешливом, наполовину презрительном, наполовину ул бающемся взгляде, что говорило о безграничной увере ности в себе и сознании собственного превосходства.

Позднее я проникся большим уважением к его умст венным способностям, но в тот момент гораздо большее впечатление произвела на меня его потрясающая сила воли, непреклонная решимость и полное отсутствие эмо ций. Он представлял полную противоположность Троц кому, который, странномолчаливый, тоже присутство вал при нашей беседе. Троцкий был весь темперамент — индивидуалист и художник, на тщеславии которого я мог не без успеха играть. Ленин был безличен и почти бесче ловечен. Его тщеславие не поддавалось лести. Единствен

ное, к чему можно было в нем апеллировать, был сардо нический юмор, высоко развитый у него. В течение бли жайших нескольких месяцев меня засыпали запросами из Лондона, где хотели проверить слухи о серьезных расхо ждениях между Лениным и Троцким; наше правительст во многого ожидало от этих расхождений. Я мог бы ответить на них после этого первого свидания. Троцкий был великим организатором и человеком огромного фи зического мужества. В моральном отношении, однако, он был неспособен противостоять Ленину, как блоха не может противостоять слону. В Совете комиссаров не было человека, который не считал бы Троцкого равным себе; с другой стороны, не было комиссара, который не смотрел бы на Ленина как на полубога, решения которо го принимаются без возражений. Ссоры, нередко проис ходившие между комиссарами, никогда не касались Ленина.

Я вспоминаю, как Чичерин описывал мне заседание Совета комиссаров. Троцкий выдвигает предложение. Другие комиссары горячо оспаривают его. Следует бес конечная дискуссия, во время которой Ленин делает за метки у себя на колене, сосредоточивая все внимание на какойнибудь своей работе. Наконец ктонибудь говорит: «Пусть решает Владимир Ильич» (имя и отчество Лени на). Ленин подымает глаза от работы, дает в одной фразе свое решение, и все успокаиваются.

В своей вере в мировую революцию Ленин был безза стенчив и непреклонен, как иезуит. В его кодексе полити ческой морали цель оправдывала все средства. Иногда, впрочем, он умел быть изумительно откровенным. Таким ˚н был в беседе со.мной. Он дал мне все сведения, которые я спрашивал. Дальнейшие события показали правильность его информации. Разрыв мирных перегово ров — эхо была чистейшая выдумка. Условия были таки

ми, каких можно ожидать от милитаристического права тельства. Они скандальны, но на них придется согласить ся. Предварительное подписание состоится завтра; дого вор будет ратифицирован подавляющим большинством партии.

Как долго продержится мир? Этого он не может сказать. Правительство переедет в Москву, чтобы укре пить свои позиции. Если немцы вмешаются и захотят поставить буржуазное правительство, большевики будут бороться, даже если им придется отступить за Волгу или за Урал. Но они будут бороться своими средствами. Они не хотят быть орудием в руках союзников.

Если союзники способны понять это, им представ ляется блестящая возможность сотрудничества. Больше викам англоамериканский капитализм почти так же не нависте н, как

германский милитаризм, но в данный мо мент псюледний является непосредственной угрозой, поэ тому он доволен, что я остался в России. Он предоставит мне все возможности, гарантирует, насколько прости рается его власть, мою личную безопасность и даст мне в любой момент возможность свободно покинуть Россию. Но он сомневается в возможности сотрудничества с сою зниками. «Наши пути различны, — сказал он, — Мы идем на временный компромисс с капиталом. Это даже необходимо, так как если капиталисты объединятся, они раздавят нас в первой же стадии нашего развития. К счастью для нас, капитализм по самой своей природе неспособен к единению. До тех пор, однако, пока сущест вует немецкая опасность, я готов рискнуть на сотрудни чество с союзниками, которое временно будет выгодно для обеих сторон. В случае немецкой агрессии я согла шусь даже на военную помощь. В то же время я совер шенно убежден, что ваше правительство никогда не су меет увидеть вещи в этом свете. Оно — реакционное правительство. Оно будет сотрудничать с русскими реакционерами».

Я выразил опасение, что теперь, когда появилась уве ренность в заключении мира, немцы бросят все свои силы на западный фронт. Они раздавят союзников, и что тогда будут делать большевики? Еще более серьезная опас ность заключалась в том, что Германия сумеет спасти свое население от голодной смерти при помощи хлеоа, насильственно вывезенного из России. Ленин улыбнулся «Как все ваши соотечественники, вы мыслите в конкрет

ныгл военных терминах. Вы игнорируете психологический фактор. Эта война разрешится в тылу, а не в окопах. Но паже с вашей точки зрения ваши аргументы ошибочны. Германия давно убрала свои лучшие военные части с восточного фронта. В результате этого грабительского мира она будет вынуждена содержать на востоке боль шие, а не меньшие силы. А насчет того, что она сможет получить из России большие запасы продовольствия, вы можете успокоиться. Пассивное сопротивление — это выражение пришло с вашей родины — есть более мощное оружие, чем неспособная драться армия».

Я вернулся домой в глубоком раздумье. У себя на столе я нашел кипу телеграмм из Министерства ино странных дел. Они были полны жалоб по поводу мира. Как я мог утверждать, что большевики не германофилы, если они отдавали без единого выстрела половину России немцам? Среди телеграмм был и написанный в сильных выражениях протест против деятельности Литвинова в Лондоне. Мне предлагалось немедленно предупредить большевистское правительство, что подобное

поведение мы не можем терпеть. Я сидел, переводя смысл протеста на русский, позвонил телефон. Это был Троцкий. Он получил известие, что японцы готовятся высадить десант в Сибири. Что я мог бы предложить в этом случае и как я могу объяснить цель своей миссии перед лицом этого акта открытой враждебности? Я выразил сомнение в подлинности его сведений и снова сел за стол. Мой слуга принес мне еще одну телеграмму. Она была от Робинса, который советовал мне выехать в Вологду. Я связался с ним по телефону, сказал ему, что останусь несмотря ни на что до самого конца в С.Петербурге, и попросил его информировать посланника о японском недоразумении. Японская интервенция в Сибири уничтожит всякую воз можность соглашения с большевиками. Здравый смысл говорил, что как мера восстановления восточного анти германского фронта этот шаг более чем бессмыслен. Последним ударом этого дня была телеграмма от моей жены. Составленная в загадочных выражениях, эта теле грамма несомненно указывала на то, что мои усилия не встречали одобрения в Лондоне. Я должен быть осторо жным, если не хочу погубить свою карьеру.

Лондон не одобрил и не осудил мое решение остаться после отъезда Линдли. Исходя из того, что Министерство иностранных дел продолжало бомбардировать меня

телеграммами, я заключил, что они мирятся с создавшей ся ситуацией. Я предался небольшой оргии жалости * самому себе, что еще больше укрепило мое упорство Несомненно, моя участь была не из легких. Потом я лег в постель и прочел жизнь Ричарда Бэртона. При сложив шихся обстоятельствах это было, пожалуй, самое опасное успокаивающее средство, какое я только мог принять Бэртон всю жизнь боролся с Уайтхоллом, и результаты были гибельны для него.

В этот период С.Петербург жил странной, жизнью. Большевикам еще не удалось установить железную дис циплину, характерную для их режима сегодня. По су ществу говоря, они почти не пытались сделать это. Тер рора не было, и население не слишком боялось своих новых хозяев. Продолжали выходить антибольшевист ские газеты, осыпавшие руганью политику большевиков. Особенно старался тогдашний редактор «Новой жизни» Горький, выступавший против людей, которым теперь он предался всей душой. Буржуазия, все еще верившая, что немцы скоро пошлют большевиков ко всем чертям, весе лилась так, как трудно себе представить при подобных обстоятельствах. Население голодало, но у богатых еще были деньги. Были открыты рестораны и кабаре; послед ние, во всяком случае, были всегда переполнены. По воскресеньям перед нашим домом

устраивались бега, и было странно сравнивать красивых, упитанных беговых лошадей с голодными, костлявыми клячами несчастных извозчиков. Реальную опасность для человека представ ляли в эти первые месяцы после революции не сами большевики, а анархисты — банды воров, бывших кадро вых офицеров и авантюристов. Они захватили несколько лучших домов в городе, и, вооружившись винтовками, ручными гранатами и пулеметами, распоряжались по праву сильного в столице. Они подстерегали своих жертв изза угла и бесцеремонно расправлялись с ними. Они не чувствовали никакого уважения к личности. Однажды вечером Урицкий, впоследствии глава петербургской ЧК, возвращался из Смольного в центр города. Бандиты стащили его с саней, раздели и предоставили ему продол жать путь в таком виде. Ему повезло: он остался в живых. Когда мы выходили из дома вечером, мы никогда не ходили поодиночке, даже на очень короткие рассто яния. Мы шли всегда посреди улицы, держа руку в карма не, где лежал револьвер. Беспорядочная стрельба не

смолкала всю ночь. Большевики, видимо, были совер шенно неспособны бороться с этим бичом. Много лет они громко возмущались тем, что царское правительство дяшает их свободы слова. Они еще не начали собствен

дую кампанию против свобод.

Я отмечаю эту относительную терпимость большеви ков потому, что позднейшие жестокости были следствием усиления гражданской войны. За усиление этой кровавой борьбы, возбудившей столько тщетных надежд, в значи тельной мере была ответственна союзническая интервен ция. Я не хочу сказать, что политика невмешательства во внутренние дела России скольконибудь повлияла бы на ход большевистской революции. Я считаю только, что наше вмешательство усилило террор и увеличило крово пролитие.

В субботу третьего марта русские делегаты в Бресте подписали перемирие, а на следующий день был созван в Москве съезд Советов, который должен был формально ратифицировать мирный договор. В то же время больше вики объявили о создании нового Верховного Военного совета и издали приказ о вооружении всего народа. Троц кий был назначен председателем нового Совета, а Чиче рин был назначен на его место в большевистском Мини стерстве иностранных дел.

Я виделся с Чичериным после его возвращения из Бреста. Он был настроен подавленно и поэтому друже любно. Он сообщил мне, что немецкие условия вызвали в России взрыв негодования, подобный тому, какой имел место во Франции после 1870 года, и

что теперь для союзников настал самый благоприятный момент для то го, чтобы выразить свои симпатии. Мир был продикто ван России, и она нарушит его, как только будет доста точно сильна. Такова была позиция всех комиссаров, с которыми я в то время приходил в соприкосновение.

Так как правительство собралось эвакуироваться из Петербурга, я спросил Чичерина, что он может сделать, чтобы поместить мою миссию в Москве. По обыкнове нию он был весь обещания и неопределенность. Тогда я пошел к Троцкому, который, когда он был в настроении, Умел устраивать всякие дела, и быстро устраивать. Я нашел его в возбужденном состоянии. Его актерский темперамент применился к новой роли. Почти за одну ночь он превратился в солдата. Слова его дышали вой ной. Ратификация или не ратификация, но война будет.

На небольшом заседании большевистской верхушки ко, торая уже решила ратифицировать мир, он воздержало от голосования. Он не будет присутствовать при фо? мальной ратификации в Москве. Он останется С Петербурге еще на неделю. Он будет доволен, если я останусь с ним. Мы поедем вместе, и он обещает устроить меня в Москве. Предпочитая мужественную активность Троцкого колебаниям Чичерина, я решился остаться.

Несмотря на беспокойство по поводу японской интер венции, упоминание о которой немедленно зажигало огонь в глазах Троцкого (кстати сказать, русская буржуа зия отнеслась к известию об интервенции равнодушно правильно решив, что она не облегчит её страдания), я провел последнюю неделю в С.Петербурге довольно приятно. Я ежедневно встречался с Троцким, но кроме того работы у меня было меньше, чем всегда. Погода была прекрасная, и мы провели время довольно весело, развлекаясь с нашими русскими друзьями.

В это время я впервые встретился с Мурой, которая была старым другом Хикса и Гарстина и часто навещала нас в нашей квартире. Ей было 26 лет. Чистокровная русская, она с высокомерным презрением смотрела на мелочи жизни и отличалась исключительным бесстра шием. Ее огромная жизнеспособность, которой она, мо жет быть, была обязана своему железному здоровью, вселяла бодрость во всех, кто приходил с ней в соприкос новение. Где она любила, там был ее мир; ее жизненная философия делала ее хозяйкой всех возможных последст вий. Она была аристократка. Она могла бы стать комму нисткой. Она никогда не могла бы быть мещанкой. Впо следствии ее имя было связано с моим в финальном эпизоде моей карьеры в России. В эти первые дни нашего петербургского знакомства я был слишком занят, слиш ком поглощен своими

важными делами, чтобы обратить на нее должное внимание. Она показалась мне очень привлекательной женщиной; разговоры с ней были ярким пятном в моей повседневной жизни. Увлечение началось после.

Кроми, наш морской атташе, был ее другом, ив день его рождения Мура устроила небольшой званый обед, на который мы все пришли. Была масленица, и мы ели бесчисленные блины и пили водку. Я написал шуточное стихотворение на каждого из гостей, а Кроми произнес

одну из своих самых остроумных речей. Мы пили за вашу

хозяйку и неумеренно смеялись. Для всех нас это был едва ли не последний беззаботный час в России. Из четырех присутствовавших англичан остался в живых один я. Кроми умер славной смертью, защищая наше посольство от вторжения большевиков. Несчастный Да вид Гарстин, со всем своим мальчишеским энтузиазмом работавший за дело установления сношений с большеви ками, был отозван военным министерством и послан в Архангельск, где он пал жертвой большевистской пули. Уилл Хикс, или Хикки, как все его называли, умер от туберкулеза в Берлине весной 1930 года.

Последнюю неделю мы провели в тихом теперь С.Петербурге. Никогда он не был столь прекрасен. Опу стевшие улицы придавали ему еще большее очарование.

Центр тяжести был перенесен в Москву. Ленин выехал десятого марта. Только в конце дня 15го Троцкий сооб щил мне, что мы выедем на следующее утро. Его только что назначили военным комиссаром. В тот самый мо мент, когда было объявлено о его назначении, открылся съезд Советов, который должен был ратифицировать мир, и Ленин, отвечая на нападки сторонников войны, произнес историческую фразу: «Один дурак может задать в минуту больше вопросов, чем дюжина мудрецов может ответить в час».

На следующее утро, оставив большую часть нашего громоздкого багажа в посольстве, мы встали в семь часов и прибыли в Смольный к восьми. Мы напрасно поспешили, так как поезд Троцкого был подан только в десять. Большую часть дня мы провели на вокзале, гре ясь на солнце и наблюдая за погрузкой 700 латышей — преторианцев Красного Наполеона. Они выглядели сви репо, но дисциплинированы были прекрасно. Скуку дол гого ожидания рассеяли забавные выходки Билля Шато ва, веселого проходимца с прекрасно развитым чувством юмора. Годы изгнания он провел в НьюЙорке и знал бесчисленное количество истсайдских анекдотов. В боль шинстве случаев предметом издевательства были в них Россия или русские, к

которым Шатов, несмотря на свои Убеждения, относился слегка презрительно. Его вид был еще смешней его анекдотов. Миниатюрный Карнера, он был одет поверх костюма и овечьего полушубка в рабо чую одежду. На голове у него была английская жепка с огромным козырьком. Два огромных револьвера висе

ли на ремне у него на боку. В общем все это выглядел как помесь пулеметчика и джентльмена с рекламы

Наконец в четыре часа явился Троцкий, великолепный в своей шинели цвета хаки. Мы отдали ему честь, пожал руку, и он сам провел нас в наши купе. Их было два а та» как нас, считая наших двоих слуг русских, было'всего шестеро, нам было просторно, тем более что поезд бы переполнен. Мы ехали в одиночестве, но не доезжая Любани получили записку от Троцкого. Он приглашал нас к обеду.

Этот обед я буду помнить всю жизнь. Мы сидели на верхнем конце длинного стола в станционном буфете. Я сидел справа от Троцкого, Хикс слева. Кушанья были простые, но вкусные: густые щи, телячьи котлеты с жаре ным картофелем и солеными огурцами и огромный торт. Было кроме того пиво и красное вино. Троцкий, однако, пил минеральную воду. Он был в хорошем настроении и был прекрасным хозяином. Огромная толпа молча глазе ла, как мы обедали. Казалось, люди собрались со всей округи, чтобы посмотреть на человека, давшего мир России, а теперь отказывавшегося от него. В конце обеда я поздравил его с назначением военным министром. Он ответил, что еще не принял назначения и примет его лишь при том условии, что Россия будет воевать. Я верю, что он был искренен тогда. Почти в тот же момент начальник станции вошел и подал ему телеграмму. Она пришла из Москвы. В ней сообщалось, что съезд Советов ратифицировал мир огромным большинством голосов.

Это не помешало нам хорошо выспаться и приехать в Москву на следующее утро без дальнейших приклю чений.

На вокзале Троцкий лишний раз показал себя хорошо воспитанным человеком. Он заказал нам комнаты в единственном еще функционировавшем отеле и настоял на том, чтобы мы поехали в его двух автомобилях; сам он остался на вокзале.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В одном смысле я был рад вернуться в Москву Мне был знаком чуть ли не каждый камень ее булыжн мостовых. Это была почти моя родина. Я провел в

стенах большее количество лет моей жизни, чем в каком либо другом городе.

Но меня встретила новая Москва. Многие из моих друзей русских и англичан уехали. Челноков сбежал на юг. Львов скрывался Большинство роскошных особня ков богатых купцов были заняты анархистами, которые бесчинствовали здесь даже с большей дерзостью чем в С.Петербурге. Самый город также был неестественно весел веселостью, которая шокировала меня. Буржуазия с нетерпением ждала немцев и уже заранее праздновала час своего освобождения. Кабаре процветали. Кабаре были даже и в отеле, где теперь была наша главная квартира. Цены были высокие, особенно на шампанское, но у посе тителей, которые с ночи до утра толпились за столиками, не чувствовалось недостатка в деньгах.

Однако мне было не до рассуждений. Через 24 часа после приезда я окунулся в водоворот самой кипучей деятельности. Я нашел Робинса и его представительство Красного Креста в отеле, где мы закрепили за собой рядом удобные помещения с гостиными и ванными ком натами. Генерал Лаверн и крупная французская военная миссия тоже обосновались в Москве. Генерал Ромэй находился здесь с несколько меньшей итальянской мис сией. Майор Ригтс представлял американские военные интересы. Существенно было, если не обнаружится самых диких разногласий во мнениях, координировать наши усилия. Я сделал визиты всем представителям союзных держав, и по предложению Ромэя мы устраивали ежедневные совещания у меня на квартире, на которых всегда присутствовали Ромэй, Лаверн, Риггс и я. Часто на них присутствовал и Робине. Нам удалось организо вать очень удачное сотрудничество. Почти вплоть до печального конца мы относительно политики держались полного согласия. Мы следили за положением изнутри, и нам было ясно, что без согласия большевиков военная интервенция может вылиться только в гражданскую вой ну, которая без участия больших союзных сил окажется гибельной для нашего престижа. Интервенция с согласия большевиков — вот политика, которую мы старались провести, а через десять дней после моего приезда мы провели общую резолюцию, признающую бесплодной японскую интервенцию. В свою защиту я должен указать "а

зависимость всех наших действий от положения на западном фронте, где большое наступательное движение

немцев было на всем ходу. Мы знали, что заветным желанием Высшего союзного командования было отв сти как можно больше немецких солдат с запада. Но принимая во внимание каждый фактор, мы не могли поверить, что эта цель может быть достигнута с по мощью Алексеева или Корнилова, которые в это время были предвестниками Деникина и Врангеля. Эти генера* лы, как Скоропадский, который был поставлен немцами главой белого правительства в Киеве, не были непос редственно заинтересованы в войне на западе. Они могли быть искренни в своем желании восстановить восточный фронт против Германии, но прежде, чем они могли сде лать это, им приходилось иметь дело с большевиками. Без мощной иностранной поддержки они были недоста точно сильны для этого дела. Вне офицерства — а оно также было деморализовано — у них не было поддержки в стране. Хотя нам было ясно, что большевики будут драться только в том случае, если они будут вызваны на войну нападением немцев, мы были убеждены, что такое положение легко может возникнуть и что путем обеща ния поддержки мы можем помочь событиям принять желаемый оборот. Мы понимали негодование союзных держав против большевиков. Мы не могли согласиться с их рассуждениями.

В этом миниатюрном совете союзников Ромэй и я были независимы. Ромэй сносился непосредственно с итальянским генеральным штабом. Он не зависел от итальянского посольства. После отъезда нашего по сольства я был один. Лаверн, хотя он был главой воен ной миссии, был также военным атташе. Он был под непосредственным контролем своего посла. Ригтс был в еще более подчиненном положении. А послы союзников находились в Вологде, маленьком провинциальном го родке, за сотни верст от центра действий. Это было похоже на то, как если бы три иностранных посла, сидя в деревушке на Гебридских островах, старались бы догово риться со своими правительствами по поводу министер ского кризиса в Англии. Добавим к тому же, что они удивительно не соответствовали своему назначению Френсис, американский посол, был очаровательный ста рик лет около 80 — банкир из СенЛуи, который, впервые покинув Америку, попал в водоворот революции. Ну ланс, французский посол, был тоже вновь прибывший. Это был профессиональный политик, поведение которого

определялось преобладающей политихой его собствен ной партии в Палате депутатов.

В штате у Лаверня был также социалист — капитан Жан Саду

ль, известный франтдузский адвокат, бывший депутат социалистов. Саду ль, который был в дружеских отношениях с Троцким, был ставленником Алъбера То ма. Он служил Лаверню добросовестно и честно, но Нулансу он был, как красный флаг быку.

Политик не доверял политику. Тут были постоянные трения. Нуланс задерживал переписку Садуля с Тома, я в конце концов его упрямство и гонения довели несчастно го Садуля до того, что он связался с большевиками. Торретта, итальянский уполномоченный, хорошо знал Россию и владел русским языком. Его Россия была, однако, Россия старого режима. Если бы даже он и хотел, он был морально неспособен противостоять мужествен ному и агрессивному Нулансу. Кроме того, у него было это отчаянное интервью с Лупким. На Торретту было мало надежды.

Вологда больше даже, чем Лондон или Париж, жила чудовищными антибольшевистскими слухами. Редко проходил день без того, чтобы Лаверн не получал при каза от своего посла расследовать новые несомненные германофильские происки большевиков. Ромэй и я обыч но разражались хохотом, когда Лаверн агоапгивал нас. не слышали ли мы о германской контрольной комиссии в С.Петербурге. Во главе ее стоял граф Фредерике, быв ший министр двора при царе. Она работала закулисно, но большевистский наркоминдел находился под ее пол ным контролем, и ни один иностранец не сможет выехать из России без ее разрешения.

«Еще телеграмма из Вологды!» — говорили мы. Но Лаверн не смеялся. К этим маленьким беспокойствам господина Нуланса нужно было относиться серьезно, и, в то время как Лаверн делал свои разведки, Садуль от правлялся к Троцкому с заявлением официального проте ста против учреждения подобной комиссии. Троцкий раз водил руками. Иногда он сердился. Иногда смеялся и предлагал выписать брому для успокоения нервов их сиятельств в Вологде. Его отец был фармацевтом, и знакомство Троцкого с фармакопеей обогащало его словарь.

Лаверню довольно часто приходилось совершать скучное путешествие в Вологду. Ромэй и я ездили туда

только один раз. Ромэй выражался так: «Если бы мы посадили всех представителей союзных держав в котел н размешали бы их как следует, ни одной капли здравого смысла не выдавилось бы из этого месива».

Период, когда большевики скорей всего могли пойти на соглашение с союзниками, был март 1918 года. Они боялись дальнейшего германского наступления. У них было мало веры в собственное будущее. Они бы при. ветствовали помощь офицеров

союзных держав в воспи тании новой Красной армии, которую тогда формировал Троцкий.

Благодаря стечению несчастных обстоятельств, нам представился замечательно удобный случай снабдить большевистское военное министерство офицерами Ан танты, в которых оно нуждалось. Большая французская военная миссия, возглавляемая генералом Бертело, толь ко что прибыла в Москву из Румынии. Рассуждая, что для нас будет лучше, если Красная армия будет инструк тирована офицерами союзников, чем немцами, мы пред ложили Троцкому воспользоваться услугами генерала Бертело. Красный вождь, который уже доказал нам свое расположение, учредив комитет из офицеров союзников для содействия ему, охотно принял это предложение. На первом собрании этого нового комитета, который состо ял из генерала Ромэя, генерала Лаверня, майора Ригтса и капитана Гарстина, Троцкий внес формальное предложе ние о помощи. Генерал Лаверн принял это предложение, и было согласовано, что миссия генерала Бертело остает ся. Казалось, мы приобрели тактическое преимущество.

Через два дня весь план рухнул. Вмешался гн Нуланс. Генерал Лаверн был распечен за превышение власти, а генералу Бертело с его штабом офицеров было приказано немедленно отправляться во Францию. Барометр темпе рамента Троцкого сильно упал, и «Известия» вышли с передовицей, где заявлялось, что только Америка уме ла подобающим образом вести себя с большевиками и что союзники сами, вопреки желанию русского народа, мешают установлению дружественных отношении с Антантой.

Если у генерала Лаверня были свои неприятности,) меня их было не меньше.

С помощью наших секретных агентов британск правительство раскрыло новую угрозу германской орие ташш большевиков.

Согласно полученным им сведениям. Сибирь была запружена немецкими отрядами, составленными из воен нопленных, вооруженных большевиками. Они занимали обширную область В этом было лишнее доказательство того, что большевики повсюду в России соединяются с врагом. Я получил резкую телеграмму, где указывалось, что мои донесения расходятся с действиями большеви ков.

Я изложил дело моим коллегамсоюзникам в Москве Здравый смысл говорил мне, что эта история — вздорная выдумка. Сибирь, однако, была далеко. Мы не могли убедиться в действительности собственными глазами. Робине и я отправились в военный комиссариат для интервью с Троцким. Его ответ был

недвусмыстенен. Не было смысла требовать от него отрицания. Мы ему не поверим. Мы должны отправиться и посмотреть сами. Он предлагал ripe доставить все возможности человеку, которого мы захотим послать расследовать это на месте

Как ни трудно мне было обойтись без него, я решал послать Хикса. моего самого надежного помощника. Ов уехал в ту же ночь с капитаном Вебстером, офицером американской миссии Красного Креста. Троцкий сдержал свое обещание. Он дал обоим офицерам личное письмо, инструктирующее местные советы оказывать им полное содействие. Им разрешалось ездить всюду и все видеть.

Хикс отсутствовал в течение шести недель. За это время он объездил всю Сибирь, осматривал лагеря воен нопленных и производил свои расследования с большой тщательностью. В его телеграммах ко мне были потряса ющие сведения, в особенности по поводу Семенова, ка зачьего генерала, который изза китайской границы со вершал разбойничьи набеги на большевиков. Но воору женных немецких или австрийских военнопленных в Си бири не было следа.

Я обработал его донесения и, зашифровав их. отпра вил в Министерство военных дел. Лондон реагировал немедленно телеграммой из военного министерства, при казывающей Хиксу тотчас же вернуться в Англию. Я Догадывался, почему отзывают Хикса. Но я больше не мог без него обходиться. Работы у меня было столько, что я не мог справляться, и у меня в штате не было ни одного хорошего кодиста. После целого дня работы мне приходилось сидеть до ночи и шифровать самому. Я послал телеграмму о моем затруднительном положении

в Министерство иностранных дел. Одновременно я vk зывал, что Хикс был послан в Сибирь под мою ответгст венность и, если его отзывают, мне не остается ничег другого, как просить, чтобы отозвали и меня. Я получил от Джорджа Клерка, чью доброту и терпеливость к моим резкостям я вспоминаю с благодарностью, частную теле грамму, извещающую меня о том, что Хикс может остаться.

Инцидент окончился, но он не прибавил мне популяр ности в Лондоне. Через четыре дня я получил две трево жные телеграммы от моей жены. Во второй было следу ющее: «Имею исчерпывающую информацию. Не делайте ничего необдуманного. Беспокоюсь за вашу будугцую карьеру. Понимаю ваши личные чувства, но надеюсь скоро видеть вас здесь. Будет лучше для вас. Немедленно подтвердите получение».

Смысл был безошибочен. Я знал, откуда моя жена получила информацию. Я должен был махнуть рукой и вернуться домой. Я

заупрямился и затаил в себе свои огорчения.

Независимо от вопросов политики, жизнь здесь в данный момент была полна мелких неприятностей. Ме жду британским и русским правительствами происходи ли постоянные мелкие стычкиуколы, которые служили для того, чтобы замаскировать настоящее положение.

У нас были небольшие миссии по всей России, и у каждой миссии была своя политика. В то же время мы всячески протестовали против конфискации большевика ми собственности союзников. Большевики отвечали на падками на военные цели союзников и попытками скло нить в свою пользу британскую рабочую партию. Литви нов в особенности становился помехой в Лондоне.

В этой игре протестов и контрпротестов на мою долю выпала роль волана, подбрасываемого ракетками двух правительств.

Однако некоторые лучи просвета были и в этом мрач ном окружении. Успехи немцев на западном фронте встревожили большевиков. Они готовы были идти на интервенцию союзников в случае возобновления немец кого наступления. Атмосфера в Москве лучше всего мо жет быть иллюстрирована тем фактом, что в отчете о мартовских сражениях на западном фронте в больше вистской прессе были запрещены немецкие бюллетени. Буржуазная пресса печатала их полностью.

Немцы, казалось, тоже играли нам на ружу в России. Их поведение в отношении большевиков было агрессивно

и возмутительно.

Они выражали бесчисленные протесты против нашего пребывания в Мурманске, где мы все еще оставались, и для соблюдения формы большевистский наркоминдел прислал мне несколько нот, которые, согласно принятой так называемой открытой дипломатии, были опублико ваны в официальных органах печати.

Я понес эти ноты к Чичерину.

— Что я должен с ними делать? — спросил я. дет Он ответил, что в них был бы некоторый толк, если

бы мы побольше считались с местными советами. «В противном случае, — цинично заметил он, — вы можете бросить их в корзину».

Троцкий, несмотря на то что он был в отчаянии от отношения союзников, держался попрежнему дружески.

— Как раз теперь, когда мы накануне вступления в войну, — говорил он, — союзные державы делают все на руку немцам. I

В истории иудеев, которая в то время — не бе» основания — была моим обычным чтением на ночь, я прочел молитву

БарКохба, иудейского «Сына Звезды», 1 который во время борьбы с римлянами в 132 году молил ся так: «Молим тебя не помогать нашим врагам: нам твоя помощь не нужна». Это были почти те же слова, с которыми Троцкий обращался ко мне ежедневно.

В это время я имел однажды случай убедиться в физической смелости Троцкого.

Я разговаривал с ним в военном комиссариате на площади позади храма Спасителя. Вдруг в комнату вле тел его помощник в состоянии совершенной паники. Сна ружи собралась огромная толпа вооруженных матросов. Им не платили жалованья, или оно было недостаточно. Они желали видеть Троцкого. Если он не выйдет, они разнесут дом.

Троцкий тотчас же вскочил со сверкающими глазами и вышел на площадь. Я наблюдал сцену из окна. Он не сделал попытки уговорить матросов. Он обрушился на них с яростной руганью. Это были псы, недостойные флота, который сыграл такую славную роль в революции. Он рассмотрит их жалобы. Если они справедливы, они будут удовлетворены. Если нет, он заклеймит их, как предателей революции. Они должны вернуться в казар

мы, или он отберет у них оружие и лишит их прав Матросы поплелись обратно, как побитые дворняжки а Троцкий вернулся ко мне продолжать прерванный разго вор. Был ли Троцкий другой БарКохба? Во всяком случае, он был очень воинственным.

Ленин, которого часто видел Робине, охранялся луч ше, но он тоже готов был на многое, чтобы обеспечить дружественное сотрудничество с союзниками.

Другие комиссары тоже давали доказательства дру жественного отношения. Я завязал прекрасные деловые отношения с Караханом, который вместе с Чичериным и Радеком составлял триумвират в большевистском нарко минделе. Армянин, с черными волнистыми волосами, с выхоленной бородой, это был Адонис большевистской партии. У него были прекрасные манеры. Он был велико лепный знаток сигар. Я никогда не видел его в дурном настроении и за все время нашего контакта, даже когда я был объявлен шпионом и убийцей его коллегами, я не слышал от него ни одного неприятного слова.

Из этого не следует, что он был святым. Он обладал коварством и хитростью своего народа. Дипломатия бы ла его сфера.

Но Радек был нашим любимцем среди комиссаров. Еврей, его настоящее имя Собельсон, он был в некотором смысле гротескной фигурой. Маленький человек с огром ной головой, с торчащими ушами, с гладко выбритым лицом (в те дни он еще не носил этой ужасной мочалки, именуемой бородой), в очках, с большим ртом

с желты ми от табака зубами, в котором всегда торчала большая трубка или сигара, он всегда был одет в темную тужурку, галифе и гетры.

Он был большой друг Рэнсома, корреспондента «Манчестер гардиан», и через Рэнсома мы близко его узнали. Чуть ли не каждый день он заходил ко мне на квартиру, в английской кепке, лихо сидящей на голове, с жестоко дымящей трубкой, со связкой книг под мышкой и с огромным револьвером, торчащим сбоку. По внешно сти он был нечто среднее между профессором и бан дитом.

В блеске его ума, во всяком случае, можно было не сомневаться. Это был виртуоз большевистского журна лизма, и его разговор был так же блестящ, как и его передовицы.

Послы и иностранные министры были мишенью для

его острот. В качестве заместителя комиссара по ино странным делам он принимал послов и министров во второй половине дня, а на следующее утро под прозрач ным псевдонимом Umtor он атаковал их в «Известиях» Это был Пук, полный коварства и очаровательного юмора. Это был большевистский лорд Бивербрук

Когда приехало немецкое посольство, он всячески испытывал терпение представителей кайзера, так как в те дни, во всяком случае, этот маленький человечек был свирепым антигерманистом. Он присутствовал в Брест Литовске, где с особым удовольствием пускал дым своей скверной ситары в физиономию генерала Гофмана. При всяком удобном случае он голосовал против мира Вспыльчивый и непосредственный, он раздражался обуз дыванием, которому время от времени его подвергали более осторожные коллеги. Когда он приходил к нам и получал полфунта морского табака, он с неподражаемой легкостью высмеивал свои огорчения. Его сатиры были направлены на всех и на все. Он не щадил никого, даже Ленина, и во всяком случае не щадил русских. Когда мир был ратифицирован, он чуть ли не со слезами восклицал: Боже! Если бы в этой борьбе за нами стояла другая нация, а не русские, мы бы перевернули мир.

Он был невысокого мнения как о Чичерине, так и о Карахане. Чичерин — это старая баба, а Карахана он изображал ослом классической красоты.

Он был увлекательный и интересный актер и считался опаснейшим пропагандистом из всех возникших из боль шевистского движения.

Первые два месяца нашего пребывания в Москве Ро бине и я пользовались привилегированным положением. Мы свободно

виделись с разными комиссарами. Нам даже разрешалось присутствовать на некоторых совеща ниях Центрального Исполнительного Комитета. Одна жды мы отправились слушать прения по вопросу о новой армии.

В те дни большевистский парламент устраивал заседа ния в главном ресторане гостиницы «Метрополь», кото рая была переименована в Дом Советов. Депутаты сиде ли рядами на стульях, как в концерте. Разные ораторы выступали с маленькой трибуны, с которой *?глато капельмейстер Кончик услаждал бесчисленные оуржуа зные души рыданиями своей скрипки. На этот раз, конеч но, оратором был Троцкий. Как оратордемагог, 1роц

кий производит удивительно сильное впечатление, пока он сохраняет самообладание. У него прекрасная свобод ная речь, и слова льются потоком, который кажется неиссякаемым. В разгаре красноречия его голос подобен свисту.

В этот вечер он был в ударе. Это был человек дейст вия, докладывающий первый успех своего великого начи нания — создания Красной армии. Было достаточно оппозиции (в марте и апреле в ЦИК еще входило не сколько меньшевиков), чтобы вызвать в нем отпор, но не титпить его самообладания, и он разбивал своих оппо нентов с решимостью и ясным удовольствием. Он вызвал необыкновенный энтузиазм. Его речь была, как объявле ние войны. Сам он казался воплощением воинственной ненависти.

Прежде чем открылись прения, нам с Робинсом пода ли чай с бисквитами и представили разным комиссарам, с которыми мы еще не встречались. То были: с мягкими манерами и бархатной речью Луначарский; Бухарин, ма ленький человек с большим мужеством и единственный большевик, не боявшийся критиковать Ленина или скре щивать с ним шпаги в диалектической дуэли; Покров ский, известный русский историк; Крыленко, эпилептиче ский дегенерат, будущий общественный прокурор и са мый отталкивающий тип из всех, с кем мне когдалибо приходилось встречаться среди большевиков. Эти четыре человека, вместе с Лениным и Чичериным, были чистым русским элементом в этой мешанине из евреев, грузин, поляков и прочих национальностей.

Во время прений мы сидели за боковым столиком с Радеком и Гумбергом, американским евреем, помощни ком Робинса. Ленин входил в зал несколько раз. Он подсел к нам и поболтал с нами несколько минут. Он был, как всегда, в хорошем настроении — и по правде сказать, я думаю, что из всех этих общественных фигур он отличался наиболее уравновешенным темперамен том

— но участия в прениях он не принимал. Единствен ное внимание, которое он оказал речи Троцкого, было то, что он слегка понизил голос в разговоре с нами.

Было здесь еще два комиссара, которых я в тот вечер встретил впервые. Один — Дзержинский, глава ЧК, чело век с корректными манерами и спокойной речью, но без тени юмора в характере. Самое замечательное — это его глаза. Глубоко посаженные, они горели упорным огнем

фанатизма. Он никогда не моргал. Его веки казались парализованными. Он провел большую часть своей жи зни в Сибири, и лицо его носило следы изгнания. Я также обменялся рукопожатием с плотно сложенным челове ком, с бледным лицом, с черными усами, густыми бровя ми и подстриженными бобриком черными волосами Я мало обратил на него внимания. Он не сказал ни слова Он не казался мне достаточно значительной фигурой чтобы включать его в мою галерею большевистских портретов. Если бы ктонибудь тогда провозгласил его собравшейся партии, как преемника Ленина, делегаты встретили бы это хохотом. Человек этот был грузин Джугашвили, известный ныне всему миру как Сталин человек из стали.

Из этих новых знакомых наибольшее впечатление произвел на меня Луначарский. Человек блестящего ума и широкой культуры, он с большим успехом, чем кто либо, обращал в большевизм буржуазных интеллигентов или внушал им терпимость к большевистскому режиму. Это он вернул Горького большевикам, к которым он, может быть, не подозревая сам, принадлежал всегда. Это он настаивал на сохранении буржуазного искусства, от* стаивал сокровища русских музеев, и ему в первую оче редь обязаны тем. что до сих пор в Москве существуют опера, балет и знаменитый Художественный театр. Это Луначарский, в прошлом приверженец православия, под нял «болыпевизирующее» движение в русской церкви. Блестящий оратор, он выдвигал оригинальные аргумен ты в защиту своей пересмотренной религии. Это было в первый год большевистского режима, когда он произнес свою знаменитую речь, в которой он сравнивал Ленина, преследовавшего капиталистов с Христом, изгонявшим менял из храма, и закончил ее поразительным выво дом — «Если бы Христос был жив теперь, он был бы большевиком».

В этот период, март — апрель 1918 года, Робинсу и мне выпало еще одно переживание. Одной из первых задач Троцкого как комиссара по военным делам было освобождение Москвы от анархистских банд, которые терроризировали город. В три часа ночи 12 "Чжмыла произведена одновременная облава на 26

анархистскил гнезд. Это предприятие завершилось полным успехом. После отчаянного сопротивления анархисты бнлм№ш Ш из занятых ими домов, и все их пулеметы, винтовки,

амуниция, и все, ими награбленное, было конфисковано Около ста человек были убиты во время сражения 500 были арестованы. Днем позже по приглашению Дзержин ского Робине и я поехали осматривать места сражений Нам дали автомобиль и вооруженную охрану. Нашим проводником был Петере, латыш, помощник Дзержин ского и мой будущий тюремщик.

Анархисты присвоили лучшие дома в Москве. На Поварской, где раньше жили богатые купцы, мы заходи ли из дома в дом. Грязь была неописуемая. Пол был завален разбитыми бутылками, роскошные потолки изре шечены пулями. Следы крови и человеческих испражне ний на обюсонских коврах. Бесценные картины изрезаны саблями. Трупы валялись где кто упал. Среди них были офицеры в гвардейской форме, студенты — 20летние мальчики и люди, которые, по всей видимости, принадле жали к преступному элементу, выпущенному революцией из тюрем. В роскошной гостиной в доме Грачева анархи стов застигли во время оргии. Длинный стол, за которым происходил пир, был перевернут, и разбитые блюда, бокалы, бутылки шампанского представляли собой омер зительные острова в лужах крови и вина. На полу лицом вниз лежала молодая женщина. Петере перевернул ее. Волосы у нее были распущены. Пуля пробила ей затылок, и кровь застыла зловещими пурпуровыми сгустками. Ей было не больше 20 лет. Петере пожал плечами.

— Проститутка, — сказал он, — может быть, для нее это лучше.

Это было незабываемое зрелище. Большевики сдела ли первый ваг к восстановлению дисциплины.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Хотя мы и жили в состоянии хронического кризиса, жизнь давала некоторые передышки. Благодаря амери канскому Красному Кресту нас хорошо снабжали продо вольствием и табаком. Хикс, кроме того, был хорошим организатором, и в те дни, когда еще было сносное сообщение, он сделал запас вина, которого хватило нам до конца пребывания. Мы обедали у себя, поддерживали отношения с нашими коллегами и на пышное госте приимство, которое они могли оказывать нам в силу их

численного превосходства и больших удобств, отвечали как могли. После обеда обычно играли в покер с амери канцами. Робине не играл. Он читал Библию или беседо вал со мной. Но штат его играл. Мои товарищи были для gjjx плохими партнерами, и, когда я принимал участие в игре, мне тоже приходилось — увы — расплачиваться за свое воспитание. Среди них был один американизирован яиЙ ирландец О'Каллаген, равного которому по игре в покер я еще не встречал. Он был убежденный пессимист. Всякий раз, как он играл, он вынимал свои часы и гово рил: «Удача изменяет в 12 часов, позже везет меньше». Его удача или искусство ему никогда не изменяло. Он загребал наши деньги с неизменной регулярностью.

По воскресеньям мы ходили в балет. За исключением того, что царская ложа была набита «товарищами», представление шло, как и в царское время, и так же хорошо. На несколько часов мы могли забыть о наших заботах, и, глядя на те же декорации и на тех же исполни телей, мне трудно было представить себе, что мы нахо > димся в самом центре величайшей революции в мире. Потом занавес опускался, оркестр играл «Интернацио нал», и мы возвращались к мрачной действительностяг сегодняшнего дня. На протяжении нескольких месяцев «Интернационал» был третьим национальным гимном, который я слышал в исполнении все того же оркестра. Когда наступила весна, мы стали выезжать за город, устраивали пикники в лесу и бродили по полям. Наше любимое место было Архангельское, чудесная загород ная дача князя Юсупова. Странно было видеть это место заброшенным. Крестьяне завладели землей, но, насколь ко мы могли судить, не тронули дома, здесь все, каза лось, было в нетронутом виде. После Москвы это уедине ние действовало умиротворяюще. По дорогам не было движения, и, как только пригород оставался позади, нам редко кто попадался навстречу. Отсутствие движения, однако, нас чуть было не привело к катастрофе. Возвра щаясь однажды вечером, когда уже стемнело, мы налете ли на

шлагбаум. Сторож, оказывается, спал. К счастью, мы ехали не очень скоро и отделались только тем, что разбилось переднее стекло, — автомобиль не пострадал. Все же я сильно изрезал руки стеклом, и до сих пор у меня остались шрамы от этого приключения.

Мы даже ходили однажды в кабаре — погреб, назы вавшийся «Подполье», в Охотном Ряду. Это было идиот

скос предприятие, потому что заведение было нелегаль ным, и мы бы очутились в дурацком положении, если бы нас там накрыли. Зал был набит буржуями богатейших слоев. Была прекрасная сцена, отдельные столики и ряд кабинок в глубине. Цены были высокие, но шампанское было на каждом столе. Мы взяли кабинку и стали слу шать превосходное исполнение, которого, кроме как в России, нигде не услышишь. Здесь я впервые услышал Вертинского, молодого декадентского гения, чьи песни, сочиненные и исполняемые им самим, выражали безнаде жное настроение русской интеллигенции. Особенно одна песня произвела на меня глубокое впечатление: «Я не знаю, зачем». Это была антивоенная песня, и Вертинский с его напудренным, белым как смерть лицом, исполнял ее с громадным успехом. Я запомнил только несколько первых строчек:

Я не знаю, зачем И кому это нужно, Кто послал их на смерть Недрожащей рукой. Только так беспощадно, Так зло...

Он повторял эту песню еще и еще. Она отражала настроение антибольшевистской аудитории, потерявшей свою душу и мораль. Это была песня класса, который уже потерял все надежды, класса, который готов пойти на что угодно, лишь бы избежать смерти в борьбе.

И, однако, только сегодня утром я получил из Мини стерства иностранных дел телеграмму, в которой приво дилось мнение британского эксперта по военным делам, утверждавшего, что России нужна только небольшая, решительная группа британских офицеров, которые пове ли бы к победе «благородный русский народ».

Пока я сидел и раздумывал над тяжелой участью человека, находящегося на месте действий, поднялся шум у дверей и раздался решительный окрик: «Руки вверх!». Двадцать человек в масках вошли в зал и навели на аудиторию браунинги и револьверы.

Наступила мертвая тишина. Живо и без всякой суеты четыре бандита обыскали карманы присутствующих, от бирая деньги, драгоценности и все ценное. Большинство из них были в офицерской форме, по праву или нет — я не имел возможности определить.

Когда они подошли к нашей кабинке их тйЛ внимание на английскую форму Хилля и гЗстииа^Я уже успел отдать им мои часы и бумажм.1^^ отдал нам честь. «Вы английские с^еры? «а^о? Я с все еще поднятыми к небу руками ответилиОн

верНУЛ сТаза^Г%Тпо„<<Мы НС г^ англи чан, ^азал он. я прошу прощения за состояние

моей родины, которое принуждает меня прибегать « га кому образу действий, чтобы заработать на существова ние».

Нам повезло. К счастью, нам уже не могло больше представиться случая повторить зтот опыт. Когда Троц кий истребил анархистов, он уничтожил и кабаре

Что касается нашей жизни в Москве, мы, союзники не могли считать себя несчастными. Лаверн ь и Ромэй были прекрасные товарищи, и за все эти тяжелые восемь меся цев у нас не было ни одной ссоры, и мы не обменялись ни одним резким словом. Ромэй в особенности был боль шой поддержкой. Это был самый хладнокровный италья нец из всех мной виденных. Он оценивал любой кризис объективно, и можно было быть уверенным, что к реше нию любой проблемы он подойдет со здравым смыслом. У него не было никаких иллюзий насчет пригодности России, как боевого аппарата, и он решительно восставал против всяких авантюр.

С другими британскими миссиями в России у меня были не такие хорошие отношения. Я поддерживал на сколько можно тесный контакт с Кроми, морским атта ше, и помог ему в его работе, введя его в соприкоснове ние с Троцким. Он был храбрый и очень работоспособ ный морской офицер, но без всякого опыта в политиче ской работе. Время от времени я встречался с Маком Альпином, бывшим чиновником Министерства финансов и человеком выдающегося ума. Его главная квартира была в Петербурге. Он также умел смотреть объективно на положение и до конца оставался убежденным против ником интервенции. Были, однако, другие британские уполномоченные, которые осуждали мою политику и, не будучи осведомлены о моих действиях, интриговали про тив меня. Дело в том, что в наших различных миссиях и остатках миссий была неразбериха. Не было ни одной на правах полного авторитета, и, хотя Министерство ино странных дел адресовало мне телеграммы, как «Британ скому агенту, Москва», а большевики упорно величали

меня «Британский дипломатический представитель», „

был в полном неведении относительно деятельности це лой группы британских офицеров и уполномоченных присутствию и протекции которых в России единственной гарантией служило мое положение у большевиков.

Поскольку одновременно семь различных политик не могут быть названы политикой, британской политики не существовало. А для усугубления этой неясности Мини стерство иностранных дел настаивало, чтобы я насколько возможно сохранял неопределенность своего положения Если в Палате общин какойнибудь ярый сторонник интервенции запрашивал, с какой целью британское пра вительство держит уполномоченного представителя в стране головорезов, которые стремятся разрушить циви лизацию, мр Бальфур или его секретарь совершенно правдиво отвечали, что у нас нет официального предста вителя, аккредитованного при большевистском прави тельстве. Если, с другой стороны, какойнибудь револю ционно настроенный либерал обвинял британское прави тельство в том, что оно не имеет уполномоченного пред ставителя в Москве для защиты британских интересов и для помощи большевикам в их борьбе с немецким мили таризмом, мистер Бальфур с такой же правдивостью отвечал, что такой полномочный представитель имеется в Москве — человек с большим знанием России, и на него возложены именно эти обязанности.

Ясно, что перед британским правительством стояла задача огромной трудности. Оно не было в состоянии послать большие силы в Россию.

Оказать поддержку небольшим офицерским армиям на юге значило толкнуть большевиков на нечестивый союз с немцами. Оказать поддержку большевикам — здесь была серьезная опасность, по крайней мере на первых порах, что немцы будут наступать на Москву и Петербург и посадят здесь свое буржуазное германофиль ское правительство. Я лично предпочитал эту возмо жность, так как это стянуло бы немецкие войска в Рос сию. Без военной поддержки немцев ни одно буржуазное правительство не удержалось бы и месяца. Большевики безусловно сладили бы с русскими антибольшевистскими отрядами. Но, кроме этого, было физически невозможно для нашего правительства не отставать от положения, которое менялось радикально через каждые двое суток. Вполне естественно, что британские министры не ус

матривали никакого порядка в этом хаосе. Их можно было обвинить только в том, что они слушали слишком Много советников, и не понимали одной основной исти ны — того, что в России образованный класс представ ляет несоизмеримое меньшинство, неорганизованное и без политического опыта, и без всякого контакта с масса ми. Высшая глупость царизма заключалась в том, что за пределами собственной бюрократии он решительно по давлял всякое проявление политики. С крушением цариз ма рушилась и бюрократия, и не осталось ничего, кроме

масс. В Москве, где можно было слышать пульс событий, всякий, кроме самого упрямого традиционалиста, мот убедиться в том, что здесь налицо был катаклизм, кото рый сметал до основания все прежние представления о России. Лондон, однако, продолжал считать это преходя щим штормом, после которого все уляжется и станет на место. Plus «ca chauge, plus c'est la tёte chose». Это один из самых опасных исторических афоризмов (чем больше меняется, тем больше остается неизменным). Вес ной и летом 1918 года это изречение было на устах у всех британских сторонников интервенции.

История имеет свои приливы и отливы, но в отличие от приливов отлив наступает медленно и редко в одном поколении.

Еще одним гнетом для меня в этот период был мой контакт с моими старыми политическими друзьями доре волюционных времен. Те, кто остался в Москве, навеща ли меня. Одни приходили в гневе, другие в горе, третьи дружески. Их можно было разделить на три категории: те, что были сторонниками всеобщего мира, те, что находились в связи с белыми генералами на юге и верили в так называемую союзническую ориентацию, и те, что с грустью признавали, что большевики пришли, чтоб остаться. Я не включаю сюда сторонников немецкой ориентации. Они меня не навещали.

Эти интервью доставляли мне немало огорчений. Эти люди были моими друзьями и коллегами в деле укрепле ния англорусских дружественных отношений. Отказать им в помощи казалось почти предательством. С защит никами всеобщего мира (идея заключалась в том, чтобы заключить мир с Германией и позволить немцам распра виться с большевиками) мне было сравнительно легко ˆбя вести. Я мог грустно качать головой и говорить, что при существующем положении на западном фронте вряд

ли это достижимо. Они тем не менее упорствовали, и когда немецкое посольство приехало в Москву, один известный русский известил меня, что он совещался с немецким послом и мог устроить мне частное совещание с ним в своем доме.

Я изложил это Министерству иностранных дел и по лучил инструкции не связываться с этим предложением.

Гораздо труднее было мое положение с защитниками интервенции союзников. Положение, которое я занимал не давало мне возможности обещать никакой помощи или поддержки. Я этого и не делал, но в целях информа ции поддерживал с ними более или менее регулярные отношения. Ко мне являлись даже разные эмиссары от генерала Алексеева, от генерала Корнилова и позже от генерала Деникина, но, так как я

был окружен провокато рами, к тому же не мог быть уверенным в честности намерений эмиссаров, я был сух и осторожен в своих ответах.

Третья категория людей, которых я назвал бы реали стами, была немногочисленна. Сюда входили люди, как Авинов, бывший товарищ министра внутренних дел, мо лодой Муравьев, экссекретарь Извольского и брат пер | вой леди Читэм. Авинов, человек большого ума и объек тивного мышления, был самый рассудительный из всех моих друзей. Это был человек, которого нельзя было не любить. Он был прекрасно образованным и хорошо вос питанным человеком. Его жена, урожденная графиня Трубецкая, принадлежала к одной из самых старинных русских фамилий. Революция уничтожила все, к чему он был привязан в жизни. Но он был проницательней боль шинства своих соотечественников.

Однажды в разговоре, блестяще анализируя револю ционное движение, он с грустью сказал мне, что больше вики — это единственное правительство, которое с мо мента революции проявило признаки силы, и что, не смотря на их диктаторскую тиранию, корни их в массах, и что контрреволюционерам не на что надеяться еще много лет.

Были у нас и еще гости — застрявшие английские миссии, возвращающиеся из Румынии и с Юга.

Был Лепаж, бородатый, хорошо владеющий собой офицерморяк, у которого была трудная обязанность поддерживать сношения с русским флотом на Черном море. Был де Кандоль, эксперт по железнодорожному

транспорту, у которого было поручение в Румынии. Про ездом через Москву он оставил со мной своего помощни ка Тэмплина, которого я включил в штат своей миссии.

Несколько позже я встретил Лингнера, который был по делам пропаганды в Тифлисе и которому, чтобы попасть в Москву, пришлось пережить целую эпопею опасных приключений. Оба — Тэмплин, который пре красно говорил порусски, и Лингнер, у которого была деловая голова — были мне большими помощниками. Нельзя еще, конечно, не упомянуть об Артуре Рэнсоме, корреспонденте «Манчестер гардиан», который, не буду чи членом нашей миссии, был все же больше чем гостем. Он жил в нашем отеле, и мы виделись с ним почти каждый день. Рэнсом был Дон Кихотом, с усами, как у моржа, сентименталист, готовый вступиться за любого обиженного, и наблюдатель, воображение которого было зажжено революцией. Он был в прекрасных отношениях с большевиками и часто сообщал нам очень ценные сведения. Неисправимый романтик, он мог из ничего создать

волшебную сказку и был приятный и занима тель ный собеседник. Он был отчаянный рыболов, у него есть несколько очаровательных очерков на эту тему. Я отно сился к нему с теплым чувством и всячески защищал его от идиотов нашей контрразведки, которые позже пыта лись выдать его за большевистского агента.

Но самыми необыкновенными гостями были немцы, которых мы видели часто, но никогда с ними не раскла нивались. Прямым следствием БрестЛитовского мира было назначение немцами графа Мирбаха послом в Москву. Он должен был приехать 24 апреля. Первая из целой серии стычек произошла 22 апреля, когда больше вики привели меня в ярость, реквизировав сорок комнат в нашем отеле для нового посла и его штата. Большая часть комнат была в том же этаже, что и моя.

Задыхаясь от злобы, я отправился к Чичерину с проте стом против этого оскорбления. Чичерин извинялся, но оставался пассивен. Я бушевал и неистовствовал. Чиче рин смотрел устало, и в его хорьковых глазках отража лось изумление при виде ярости такого обычно мягкого человека, как я. Он разводил руками, оправдывался, по обещал, что нашествие это только на несколько дней, и извинялся тем, что в их распоряжении не было ничего более подходящего.

В отчаянии я пошел к Троцкому, который, во всяком

случае, был вправе принять какоето решение. Я его не застал, но у него был очень способный и с большим тактом секретарь, Евгения Петровна Шелепина, ныне английская подданная и супруга Артура Рэнсома. Я ска зал ей, что мне необходимо переговорить с Троцким немедленно и что дело не терпит отлагательства. Через пять минут я разговаривал с ним по телефону. Самым внушительным русским языком я сказал ему, что не потерплю этого оскорбления и что, если ордер о реквизи ции не будет отменен тотчас же, я со своей миссией и со всем имуществом немедленно отправляюсь на вокзал и буду находиться там до тех пор, пока он мне не даст поезд. Я требовал ответа немедленно. Троцкий, который был на заседании народных комиссаров в Кремле, при нял мое заявление должным образом. Он согласился, что положение наше будет невыносимо, и обещал принять меры сейчас же. Он сдержал слово. Через полчаса он позвонил мне, что дело улажено. Он отдал категориче ское распоряжение, чтобы для немцев, он еще не знал где, но было найдено другое помещение. На несколько дней их поместили без особых удобств во второклассной го стинице. Потом их перевели в роскошный особняк в Денежном переулке. Этим небольшим триумфом я всеце ло обязан Шел спи ной. Я

расплатился с ней позже, когда она пожелала уехать из России, дав ей британский пас порт, — поступок незаконный, но за который, я надеюсь, теперь меня не привлекут к ответственности.

26 апреля граф Мирбах явился для вручения веритель ных грамот в Кремль. Он был принят не Лениным, а Свердловым, председателем Центрального Исполнитель ного Комитета. Процедура прошла формально и холодновежливо. Свердлов в своей речи сказал: «В ва шем лице мы приветствуем нацию, с которой мы заклю чили БрестЛитовский мир».

Штат немецкого посольства состоял почти целиком из русских экспертов. Мирбах сам был советником немецко го посольства в Петербурге до войны.

Рицлер, его главный помощник, обладал глубоким и многосторонним опытом в русской политике. Хаус шильд, первый секретарь, был мой старый приятель. Он приехал в Москву вицеконсулом в одно время со мной. Это был честный человек. До начала войны он был

англофилом. r^vux

Несмотря на их широкую осведомленность в русскид

делах, я не думаю, что в своих деловых отношениях с большевиками немцы были успешнее, чем мы. Несомая по, они совершали не меньше ошибок, и не было времени" когда их положение можно было считать надежным или счастливым. Мы ходили всюду без оружия и без охраны Немцы без охраны не выходили ни на шаг

Тем не менее их присутствие в Москве было для нас значительной помехой, а большевики находили детское удовольствие сталкивать нас друг с другом. Они делали это очень успешно. Они держали нас вместе в приемной наркоминдела. Если им хотелось досадить Мирбаху они принимали меня первым. Если они за чтонибудь были обижены на британское правительство, они миндальни чали с Мирбахом и заставляли меня ждать.

Если немцы были слишком настойчивы в своих требо ваниях, большевики угрожали им интервенцией с союз никами. t

Если союзники старались навязать интервенцию боль шевикам, они рисовали ужасную картину опасностей на ступления немцев на Москву.

Так как ни немцы, ни союзники не могли остановить ся на какойто определенной и ясной политике по отно шению к России, у большевистской дипломатии были все преимущества.

Встречи мои с немцами в наркоминделе были для меня большой неприятностью. Иногда нас оставляли вместе почти на час, и мы в течение всего этого времени поворачивались спиной

друг к другу и глазели в окна или читали «Известия». Особенно тяжелая встреча была у меня, когда я столкнулся в первый раз лицом к лицу с Хаусшильдом. Он был один в приемной, когда я вошел, и он двинулся ко мне навстречу с открытой улыбкой. Я отвернулся, как будто мы были незнакомы. Это был поступок, о котором я потом всегда жалел. Позднее, когда я был арестован и жизнь моя подвергалась опасно сти, он пристыдил меня, присоединившись к дипломати ческим представителям нейтральных держав в ходатай стве о моем освобождении. Через шведского посла (charge'd'affaires) он передал мне дружеский привет, когда я был в тюрьме.

Теперь он умер, и у меня не было возможности отпла тить ему благодарностью или извиниться за свои поступок.

Был еще один посетитель, который так же, как и

Артур Рэнсом, сделался своим человеком. Это была Му ра. С тех пор, как мы простились с ней в Петербурге в начале марта, мне недоставало ее больше, чем я мог себе в этом признаться. Мы писали друг другу регулярно и письма ее сделались необходимостью моего повседневно го существования. В апреле она приехала к нам в Москву Она приехала в десять часов утра, а у меня были ин тервью до часу. Я сошел вниз в помещение, где мы обедали. Она стояла около стола, и весеннее солнце освещало ее волосы. Когда я подошел поздороваться с ней, я не мог выговорить ни слова. В жизнь мою вошло новое чувство — чувство сильнее и крепче, чем сама жизнь. С этих пор она не расставалась с нами до того времени, пока нас не разлучила вооруженная сила боль шевиков.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

С прибытием немецкого посольства в Москву пер спективы возобновления войны между Германией и Рос сией начали отдаляться. Удобный момент для соглаше ния большевиков и союзников был в феврале и в марте, когда советское правительство все еще было в неизвест ности относительно намерений немцев. С начала мая ленинская мирная политика взяла верх даже среди тех большевиков, которые больше других протестовали про тив БрестЛитовского мира. Странно, что Министерство иностранных дел, которое в феврале и в марте не поощ ряло меня, теперь начало проявлять признаки одобрения.

Меня начали настойчиво понуждать сделать все воз можное, чтобы обеспечить согласие большевиков на военную союзническую интервенцию в России.

Момент был неблагоприятен, но еще не совсем про шел. Были еще некоторые факторы в нашу пользу, и самый значительный из них — это поведение немецких войск на занятой ими территории. Они посадили буржуаз ное русское правительство на Украине, первым дейст вием которого было возвращение земель прежним собст венникам. Это, естественно, вызвало крестьянское вос стание, которое было подавлено с величайшей жесто костью. Большевики и левые эсеры, прибывшие с юга, были в ярости и делали все, чтобы вызвать партизанскую

войну против немцев. Немцы могли брать и удегягиияяти города с помощью военной силы. Они не SSTSSt виться с деревней. Помимо этого, военная поадсЖ" которую немцы оказали белым финнам в финской^' жДанской войне, был другой фактор в мшу пользу Германия, казалось, была сторонницей реакции Огама естественно, что левые силы должны были обратиться поддержкой к нам. н 33

Троцкий тоже все еще говорил о войне, как если бы она была неизбежна. Когда я спросил его, примет ли он интервенцию союзников, он ответил, что он уже запросил союзников, чтобы они сделали предложение. Он хотел гарантий о невмешательстве во внутренние дела Россия Я тогда спросил его, можем ли мы, в случае если союзни ки придут к соглашению в этом пункте, устроить получа совое совещание, чтобы набросать план соглашения?

Ответ его был характерен: «Когда союзники догово рятся между собой, я уделю вам не полчаса, а целый день».

Правда, взгляды Ленина были менее удовлетвори тельными. Он тоже считал войну неизбежной и склонен был к соглашению с

союзниками. Но он решил устано вить свой последний срок. Я видел его последний раз седьмого мая. Он откровенно сообщил мне, что для него ясно, что рано или поздно Россия станет ареной войны для двух враждебных империалистских групп, но что он решил для блага самой России не допускать этого как можно дольше.

Тем не менее до конца июня оставались разумные перспективы прийти к временному соглашению. К сожа лению, хотя оба, как британское, так и американское, правительства делали некоторые попытки заигрывать с идеей союзнической интервенции с согласия большеви ков, никакой определенной политики выработано не было.

А в Вологде сидел гн Нуланс, французский посол, стремясь только к одной цели: не вступать ни в какие отношения с этими убийцами, которые оскорбили его. 29 апреля у меня на квартире было совещание представите лей союзных держав. Генерал Лаверн осведомил нас, что гн Нуланс стоял за интервенцию без согласия боль шевиков и без их спроса на это. Генерал, который ездил в Вологду, признал, что его посол не мог выдвинуть ни одного военного аргумента в пользу своего предложения.

Ромэй, Риттс и я подтвердили нашу приверженность к политике сотрудничества с большевиками.

Были еще трения между большевиками и нами

трения, которые сыграли значительную роль в провале действительного соглашения, к которому мы стремились прийти. Японская интервенция была первым камнем преткновения. Была минута, когда мы готовы были уже донести о благоприятном ходе дел с Троцким. Следую щий день возвращал нас к тому же положению, где мы были раньше. Японцы высадили свои войска во Владиво стоке. Выговоры Троцкого. Все привилегии англичанам отменены. Телеграммы в Лондон. И с промедлением на несколько дней приходит ответ, что инцидент следует рассматривать как носящий исключительно местный характер.

Перспектива соглашения не улучшилась благонаме ренной речью господина Б альф ура, который заявил, что японцы пришли помогать русским. В разговоре с Рэнсо мом Ленин сразу поставил вопрос: «Каким русским?» — и в тонком анализе этой проблемы изложил причины, почему японская интервенция невыгодна ни Англии, ни большевистской России. Этот анализ был перепечатан на к машинке, и своей рукой Ленин удостоверил, что это действительно его точка зрения. Я сохранил этот документ в факсимиле с английским переводом на обрат ной странице, как: 1) образец ленинского почерка и 2) как иллюстрацию его образа мышления.

Другим источником неприятностей была чешская ар мия, состоящая из чешских пленных, которая сражалась за Россию вплоть до большевистской революции. Чехи, будучи дисциплинированной и хорошо вооруженной си лой, были под командой французских офицеров. Однако для разрешения их эвакуации потребовались мои услуги, конечно, главным образом, благодаря моему привилеги рованному положению у большевистского правительст ва. Эвакуация была делом нелегким.

Не было ничего неестественного в том, что немцы отчаянно протестовали против присутствия на ставшей нейтральной русской территории большой силы, которая должна была быть направлена против них. Тем не менее мне удалось заручиться благожелательством Троцкого, и, если бы не глупость французов, я уверен, что чехов удалось бы эвакуировать спокойно и без инцидента, м˚ задача осложнялась еще полученными в последнюю м

вуту пожеланиями британского правительства, в смысле использования моего влияния на то, чтобы убедить Троц кого переправить чехов в Архангельск. И это в то время когда на севере России генерал Пуль проводил политику' интервенции, которая впоследствии была принята и была не чем иным, как вооруженной интервенцией против большевизма. г

В конце концов чехи были причиной нашего оконча тельного разрыва с большевиками. Как я желал бы те перь, чтобы президент Массарик находился в России в то тяжелое время. Я убежден, что он никогда не дал бы санкции на сибирское восстание. Союзники послушались бы его, и мы избежали бы этой чудовищно безумной авантюры, которая обрекла на смерть тысячи русских и стоила миллионы фунтов золота британскому налого плательщику.

Время близилось к концу. Мы быстро неслись к неиз бежной трагедии. Не я один был в Москве без поддержки с родины. Робине также потерял кредит в Вологде.

У него был отчаянный оппонент в лице Соммерса, американского генерального консула в Москве, который, будучи женат на русской из хорошей семьи, был душой и сердцем сторонником старого режима. Когда Соммерс в конце апреля внезапно умер, нашлись клеветники, кото рые распустили слухи, что он был отравлен большевика ми, и при этом косились на Робипса. Французы тоже вставляли Робинсу палки в колеса, играя на тщеславии американского посла. Однажды в его присутствии член французского посольства спросил, кто был американским послом, Френсис или Робине, так как они всегда противо речили

друг другу. В результате этих интриг положение Робинса сделалось невыносимым, и в начале мая он уехал из России с личной жалобой к президенту Вильсо ну. Накануне отъезда он обедал с нами. Он читал в то время жизнь Родса и после обеда дал нам прекрасное описание его характера. Подобно лорду Бивербруку, он обладал замечательным талантом извлекать из прочи танного то, что ему хотелось, а потом передавать это в разговоре живым изложением. Это был человек больших личных достоинств, открытого характера и железной решимости Его отъезд был для меня большой утратой. Мне приходилось действовать почти в одиночестве, и его моральное мужество было мне большой поддержкой.

Лаверн тоже волейневолей был вынужден принять

политику Нуланса. Даже Ромэй, который как солдат предпочитал действие бездействию, дошел до того, что интервенция без согласия большевиков казалась ему' луч ше, чем невмешательство. В то время положение было таково, что президент Вильсон все еще был против интер венции без согласия большевиков. Французы орудовали вовсю для поддержки антибольшевистских сил. Британ ское Министерство иностранных дел — я умышленно гагату иностранных дел, потому что британское военное министерство проводило совершенно другую полити ку, — настойчиво понуждало нас добиваться от больше виков немедленного согласия на союзническую военную помощь. Можно полагать — хотя такие условия и не были никогда точно сформулированы, — они были гото вы взамен этого согласия гарантировать большевикам полное невмешательство в русские внутренние дела.

В этой мрачной пустоте неожиданно сверкнул луч надежды. Троцкий стал гораздо более сговорчивым. Немцы на юге вели себя очень агрессивно, на что он реагировал со всей обычной воинственной манерой. Он шел на мировую относительно Мурманска и наших скла дов в Архангельске. Он даже выразил желание, чтобы английская морская миссия приняла участие в реоргани зации русского флота и чтобы руководство русским желе знодожным транспортом было поручено англичанам. Я телеграфировал эти новости в Лондон, но в течение нескольких дней не получал ответа. Меня это не удивля ло, телеграф плохо работал, опаздывания и даже пропа жи телеграмм были нередки. Наконец однажды вечером я получил телеграмму, длинную, как донесение. Я проси дел за полночь, расшифровывая ее. Она была от мистера Бальфура*. В дальнейшем я узнал, что он лично состав лял почти все телеграммы, которые я получал в России. У меня не осталось копии этой телеграммы. Я не могу вспомнить

всех подробностей, но ее начало и конец вре зались в мою память. Она начиналась так.

«У дипломатов есть три обязанности: первая состоит в том, чтобы сделаться persona grata для правительства страны, в которой он аккредитован. В этом вы весьма преуспели. Вторая заключается в том, чтобы излагать
британиив
(Прим. ред.)

♦ Артур Джеймс Бальфур (1848—1930) — Щˆмьерминлстгˆ»ˆ гташш 1Г19021905 гт.В 19161919 гг. министр иностранных дел.

своему правительству политику правительства страны в к0ТОрой он аккредитованˆ В этом вы тоже попели Третья состоит в том> чтобы правителˆ ˆ

страны, где вы аккредитованы, политику своего со™ ственного правительства. В этом, как мне кажется вы

ских жалоб на большевиков. Вслед за этим списком тон неожиданно менялся. «В то время, когда я это писал пришла ваша телеграмма, где вы сообщаете мне о з™ ˆ се Троцкого относительно британских морских и техни ческих экспертов. Это хорошие новости. Если вы можете, постарайтесь убедить Троцкого сопротивляться немецко му внедрению, — и вы обретете благодарность вашей родины и всего человечества».

Эта телеграмма, хотя и подавала новые надежды была не совсем ласкова. По общему признанию, я недо статочно успешно излагал политику правительства Его Величества большевикам. Но в течение трех месяцев Лондон не давал мне никаких указаний относительно своей политики. В своем ответе я сослался на мою преды дущую телеграмму и покорнейше просил дать мне более точный ответ. Ответа не последовало. Морскую миссию не прислали. Англичанина для руководства русским же \ лезнодорожным транспортом не назначили. Но генерал Пуль и штаб офицеров были посланы в Архангельск и Мурманск.

Май был возбужденный и лихорадочный. Он начался внушительным парадом Красной армии на Красной пло щади. Троцкий принимал парад в присутствии иностран ных дипломатических представителей. Мирбах из авто мобиля наблюдал эту картину. Вначале он высокомерно улыбнулся. Затем он стал серьезным. Он был представи телем старого германского империализма. В этих плохо одетых, неорганизованных людях, которые марширова ли мимо него, была несомненная живая сила. На меня это произвело сильное впечатление.

Буржуазия, однако, не способна была оценить эти симптомы. Она была всецело под впечатлением слуха о необыкновенном

чуде, случившемся в этот День На Ни кольской большевики задрапировали икону красной ма терией. Едва это было сделано, материя была чудесным

°б&?о^^ "РИТесГол~

ко дней в Москву. У меня было с ним несколько ин

тервью, и он мне понравился. Это был приветливый старый джентльмен, который был падок на лесть и мог проглотить ее в любом количестве. Его знания за преле лами банка и покера были весьма ограниченны. У него была дорожная плевательница — странное сооружение с педалью, с которой он никогда не расставался. Когда он

хотел придать особую выразительность своим словам

бант — нажим педали, и затем следовал исключительной ловкости плевок. Во время его пребывания в Москве с ним произошел случай, который не уступает рассказу приписываемому Дюма, о любовниках, обменивающихся клятвой под развесистой клюквой.

Однажды днем Норман Армор, действительный се кретарь американского посольства, вошел в комнату посла.

Господин начальник, — сказал он, — не хотите ли вы пойти в оперу сегодня вечером?

Нет, — последовал ответ, — я думаю сыграть в покер.

Я вам советую пойти, гн начальник, сказал Ар мор. Жаль пропустить такую вещь. Сегодня «Евгений Онегин».

— Какой Евгений? — спросил посол.

— О, но вы, конечно, слышали, — сказал Армор, — Пушкин и Чайковский?

Педаль плевательницы выразительно хлопнула.

— О! — воскликнул посол. — Сегодня поет Пушкин! Седьмого мая я пережил большую неприятность. В

шесть часов вечера Карахан позвонил мне с просьбой прийти к нему. Он рассказал мне необыкновенную исто рию. Днем неизвестный британский офицер явился к кремлевским воротам и заявил, что он хочет видеть Ленина. Когда его спросили о его полномочиях, он зая вил, что он послан Ллойд Джорджем со специальным поручением узнать из первоисточника о целях и стремле ниях большевиков. Британское правительство было не удовлетворено донесениями, которые посылал я. На него была возложена обязанность исправить дефекты. Ленина он не увидал, но у него было интервью с БончБруевичем, русским, из хорошей фамилии, ближайшим другом боль шевистского вождя. Карахан желал узнать, не был ли этот человек самозванцем. Имя этого офицера, он сказал, было Рейли. Я был поставлен в тупик и, не допуская мысли что этот человек мог быть действительно уполно

моченным, чуть не выпалил, что это какойнибудь пеое одетыи русский или просто сумасшедший. Горький опыт приучил меня, однако, ко всяким сюрпризам, и, не обна руживая перед Караханом своего замешательства яага зал ему, что наведу справки и сообщу ему результат В тот же вечер я послал за Бойсом, начальником конттгоаз ведки, и рассказал ему эту историю. Он сообщил мне что это был новый агент, только что приехавший из Англии Я пришел в страшное негодование, и на следующий день офицер пришел ко мне для объяснений. Он поклялся мне что все, что рассказал Карахан, была ложь. Однако он потвердил, что он был в Кремле и видел БончБруевича Отчаянная смелость этого человека поразила меня. Я инстинктивно чувствовал, что Карахан в данном случае сказал правду. Теперь на мне лежала неприятная и щвт рискованная обязанность спасать британского агента, ко торый, если я отрекусь от него, может скомпрометиро вать меня, и за чью безопасность, хотя бы ни в коей мере не был мне подчинен, я чувствовал себя до некоторой степени ответственным.

Хотя он был много старше меня, я отчитал его со строгостью школьного учителя и пригрозил отправить в Англию. Он принял мой выговор покорно, но спокойно, и так остроумно оправдывался, что в конце концов рас смешил меня. Мне удалось уладить дело с Караханом, не вызвав в нем чрезмерных подозрений.

Человек, который так драматически ворвался в мою жизнь, был Сидней Рейли, таинственный агент британ ской контрразведки, известный теперь свету как искусней ший британский шпион. Мой опыт в войне и в русской революции привел меня к очень невысокому мнению о работе разведки. Несомненно, она имеет свои выгоды и свои функции, но в политической работе она не сильна. Покупка информации поощряет к фабрикации сведении. Но даже сфабрикованные сведения менее опасны, чем честные донесения людей, которые, как бы они ни были смелы и талантливы в качестве лингвистов, часто неспо собны составить правильное политическое суждение. 1ем не менее методы Сиднея Рейли были высокой марки, что вызывало мое восхищение. Вам еще придется услышать о

нем в моей повести. _ , и

Приблизительно в это же время был таинственный визит ко мне некоего высокого гладко выбритого рус ского.

— Роман Романович, — обратился он ко мне.

Я смотрел на него с недоумением. Насколько я пом нил, я никогда не видал его раньше.

Вы не узнаете меня? — сказал он.

Признаться, нет, — отвечал я.

Он прикрыл подбородок и рот рукой. Это был Фабри кантов, эсер и близкий друг Керенского. Когда я видел его в последний раз, он носил бороду. Он был в ужасном затруднении. Керенский был в Москве и желал выехать из России. Единственный возможный для него путь был через Мурманск или Архангельск. Фабрикантов уже был у Вардропа, британского генерального консула, с целью получить необходимую визу. Вардроп отказался сделать это без предварительного донесения в Лондон. Ответа пришлось бы ждать несколько дней. Сейчас представлял ся удобный случай переправить Керенского с отрядом сербских солдат, возвращавшихся на родину через Мур манск. Каждая минута его пребывания в Москве подвер гала его опасности быть выданным большевикам. Если англичане откажутся дать ему визу, они могут оказаться ответственными за его смерть. Что мог я предложить по этому поводу?

Я стал быстро соображать. Я не решался позвонить по телефону Вардропу из боязни, что наш разговор мо жет быть перехвачен. Если он не считал себя полномоч ным дать визу без запроса в Лондон, вряд ли он переме нит свое мнение. У меня не было времени пойти к нему. Я не мог также отпустить Фабрикантова в отчаянии и подвергать его опасности предложением зайти еще раз. У меня не было полномочий давать визы. Я был отвержен цем, измаэлитом, которого британское правительство признавало или не признавало по собственному усмотре нию. У меня не было уверенности, что моя виза будет принята британскими властями в Мурманске. Однако мы жили в странные времена, и я готов был пойти на многое, чтобы не подвергать опасности жизнь несчастного Керен ского.

Итак, я взял сербский паспорт, которым заручился Керенский, поставил визу и приложил к моей подписи штампованную печать, которая должна была сойти за нашу официальную печать. В тот же вечер Керенский, переодетый сербским солдатом, отправился в Мурманск. Только через три дня, когда можно было быть уверен ным в его безопасности, я телеграфировал в Лондон и

моем поступке и руководавших мною мотжмх. я &ОШЯР9 чТо у большевиков был ключ к вещему шичЬо»

Мои подозрения на этот счет не былм^шшеим векто

рых оснований. Карахан сам признавался мне, что боль шевики делали всяческие попытки раздобыть немецкий шифр. Они инсценировали нападение на вемсвдогсГтье ра. Карахан даже предлагал мне снабдить меня копит немецких телеграмм, если у нас найдутся зксоергы кодисты, чтобы расшифровать их. Я

подозреваю тто своей популярностью у большевиков я обязав тлшу'фак ту, что из моих телеграмм им было известно, что я противник всякой формы интервенции без бодьпкввст ского согласия.

Между 15 и 23 мая Кроми дважды приезжал вз Петер бурга посоветоваться со мной. Ов опасался за Черномор ский флот, который, ввиду немецкого наступления вдоль Черноморского побережья, подвергался серьезной опас ности захвата. Мы вместе отправились к Троцкому. За время пребывания Кроми у меня было несколько ин тервью с наркомом по военным делам, и, хотя у него были теперь всякие подозрения относительно союзников, он успокоил нас насчет флота и отнесся дружески. После нескольких дней переговоров он сообщил мне, что отдав приказ об уничтожении Черноморского флота. Несколь ко позже он действительно был взорван. Это было мое последнее интервью с Троцким. С тех пор двери его для меня были закрыты.

Следующий день (24 мая) был день рождения молодо го Тем пли на, которому исполнился 21 год, и мы устрои ли для него обед в «Стрельне», загородном ресторане, в котором выступала Мария Николаевна со своим хором цыган. Не знаю, каким образом это место избежало бдительности большевиков, но мы повеселились там вдоволь.

Мы были в несколько приподнятом настроении. Все инстинктивно чувствовали, что нашему пребыванию в России наступает конец, и эта маленькая оргия так, мне кажется, следует назвать всякий ужин с цыганами — была для нас приятным развлечением после тяжелого напряжения предшествующих недель. Мы выпили бесчи сленное количество «чарочек», в то время как Мария Николаевна пела для нас так, как она, может быть, никогда до сих пор не пела. ..

Она тоже знала, что дни ее царствования сочтены.

10255

Одну за другой она исполняла наши любимые старые песни: «Две гитары», «Эх, раз», «На последнюю пятер ку», «Черные очи». р"

По обычаю чисто русскому. По обычаю помосковскому, Жить не можем мы без шампанского И без пения, без цыганского.

Щемящие звуки гитар, глубокие низкие ноты чудесно го голоса Марии Николаевны, теплая тишина летней ночи, благоуханье лип. Как часто это встает передо мной как всякое неповторимое переживание.

Помню одну песню, которую я никогда не слышал ни от кого, кроме Марии Николаевны. В те дни она отвечала смятению моих собственных чувств, и в эту ночь я просил Марию Николаевну

повторить ее еще и еще, пока она наконец не расхохоталась и расцеловала меня в обе щеки. Она называлась «Забыть не могу» и начиналась так:

Все говорят, что я ветрена бываю, Все говорят, что я многих люблю. Ах. почему же я всех забываю, Тебя одного я забыть не могу.

Поанглийски это звучит идиотски, но в исполнении Марии Николаевны это рыдающая песня, полная тоски и желанья.

Мы кутили до поздней ночи. Хикс, Темплин, Гарстин, Лингнер и Гилл один за другим уходили в сад освежить ся, пока я наконец не остался один. Вернувшись, они застали меня все еще сидящим за столом. Я сидел, вытя нувшись в струнку, очень серьезный и встретил их вздохом:

— Роман Романович почти пьян, — это была почти правда.

Их приход вывел меня из оцепенения. Я пришел в себя и, когда начало светать, отправил их домой, а сам поехал с Мурой на Воробьевы горы встречать восход солнца над Кремлем.

Оно взошло зловещим огненным шаром, как бы пред вещая гибель. Этот день не принес ничего доброго.

На следующий день я получил извещение из Петер бурга, что генерал Пуль сегодня вечером должен при быть в Архангельск. Полковник Торнхилл, бывший

младший ванный атташе, уже приехал в Мурманск и

Т0ЛЪК° л™ оˆ.ВпПСТСрбурГС Хотя * ничего нПнаГоб этих событиях из Лондона Министерство иностранных Дел все еще понуждало меня: 1) добиватьсяˆоглаˆ большевиков на военную «иозническую поддержку и 2) содействовать отправке чешской армии ю России было ясно, что интервенты делали успехи

Я получил новое доказательство их деятельности ве чером, когда генерал Лаверн пришел на наше очередное совещание. Он передал мне предложение выехать в Во логду для свидания с союзными послами. Мистер Френ сис и господин Нуланс выражали желание попробовать согласовать наши точки зрения и найти общую формулу

По своему положению вряд ли я мог отказываться, но я принял это с неохотой. Мой визит в Вологду имел решающее влияние на мою карьеру. Но, хотя для меня ясно теперь, что было бы лучше тогда остаться в Москве, это путешествие в дикую глушь было для меня ценным опытом.

Вологда была сонным провинциальным городом, где церквей было не меньше, чем жителей. В качестве связую щего звена с Москвой Вологда была не полезнее, чем Северный полюс. В качестве убежища для союзных пред ставителей ее единственным преимуществом было то, что она была недалеко от Москвы.

После своего приезда я отправился к господину Ну лансу, который принял меня весьма дружески. После недолгой предварительной беседы я отправился обедать с американским послом, у которого было прекрасное поме щение в здании бывшего клуба. За все время моего пребывания там я пользовался его гостеприимством. Се рьезные дела были отложены до следующего дня.

Вечер, который я провел с американцами, был для меня не менее приятен, чем поучителен. Мистер Френсис был радушный хозяин. В его доме я встретился с япон ским уполномоченным (charge d'affaire), с бразильским посланником и с серьезным и все еще не пришедшим в себя Тореттой. Мы сидели до поздней ночи, но о России речи почти не было. От Френсиса я узнал, что президент Вильсон был ярый противник японской интервенции. По мимо этого, у Френсиса, казалось, не было никакой опре деленной точки зрения относительно России. У него было полное отсутствие знания русских нодиетвеии.дел. Единственная короткая заметка, носящая политический

характер, в моем дневнике в этот вечер следующая: «Ста рик Френсис не отличает левого социалреволюционера от картошки». Следует отдать ему справедливость, он не обнаруживал никаких претензий на понимание положе ния. Он был прост и отважен, как дитя. Ему никогда не приходило в голову, что он сам подвергается личной опасности.

За обедом он задал мне несколько вопросов относи тельно жизни в Москве. Я отвечал ему с похвальной краткостью, и все остальное время обеда прошло в бол товне бразильского посланника. Этот господин был от радой Вологды. Я надеюсь, что он еще жив и все еще служит своей родине. Он свел искусство дипломатии к простой формуле: «Не делайте ничего — и повышения и награды обеспечены». Он старался жить согласно этой формуле. Днем он спал, а ночью играл в карты. Когда американский посол упрекал его в безделье, он поднимал страшный шум, доказывая, что его телеграфный счет больше американского. В этом он был прав. Правда, с февраля 1917 года он послал только одну телеграмму своему правительству. Но стоила она свыше тысячи фун тов. Он перевел и передал целиком по телеграфу в Рио всю первую речь Керенского о революции.

После предъявления доказательств он начинал опра вдывать свою философию. Когда он поступил на службу молодым атташе, был полон усердия. Он был назначен в Лондон вторым секретарем, трудился над докладом по вопросу о торговле бразильским кофе с Англией, зару чился разными рекомендациями. В награду он был пони жен в чине и переведен

на Балканы. В дальнейшем, когда его перевели в Берлин, он возобновил свое рвение и представил своему правительству прекрасный доклад по вопросу о техническом образовании в Германии. Его опять понизили. Тогда он поумнел. Усердие, по видимому, совсем неуместно в дипломатии, и он решил ничего не делать в будущем, чтобы не напоминать прави тельству о своем существовании. С тех пор его диплома тическая карьера представляет собой триумфальное шествие, и повышения следуют с точностью часового механизма. Его рецепт не столь абсурден, как это может показаться непросвещенному человеку. Он пригодился не одному британскому дипломату.

Как только обед кончился, Френсис стал проявлят признаки беспокойства, как ребенок, которому не терпит

ся вернуться к своим игрушкам. Его коньком были кап ты, и, не теряя времени, все уселись за карточнˆигтˆ" Но в покере старый джентльмен не был ребенок ЙгтТа затянулась до глубокой ночи, и, как это обычно бьлшюˆ меня, когда я играл с американцами, я много проиграл

На следующий день я завтракал с фрашхузскимТо слом. В господине Нулансе не было влчегоˆяческого Если он и играл в покер — он играл без карт Полити ка—и политика с узкой логической точки зрения фран цуза — была его единственная игра.

Генерал Лаверн дал ему копию выработанного нами начерно доклада о военных нуждах настоящего положе ния. Доклад был основан на предположении, что больше вики дадут свое согласие на нашу интервенцию. Мы начали обсуждать доклад. Гн Нуланс расточал льстивые комплименты. Он был согласен с докладом. Он хотел внести только одну поправку. Если большевики не дадут своего согласия, мы должны вмешаться без оного. Он выдвинул массу аргументов в пользу этой новой форму лировки. Он ссылался на критическое положение на за падном фронте. Он цитировал телеграммы французского генерального штаба. Исход войны решается на западном фронте.

И французский генеральный штаб настаивал на необ ходимости некоторой диверсии в России, чтобы поме шать немцам перебросить новые отряды с восточного фронта. Было весьма существенно, чтобы представители разных союзных держав в России образовали единый фронт. Разногласия в союзной политике были главной помехой в достижении победного конца. Он готов пойти на любые уступки, чтобы прийти к единству. Он готов принять нашу формулировку. Он надеется, я соглашусь с его поправкой. Я посмотрел на Лаверня. Я знал, что он уже сдался. Ромэй не приехал в Вологду, но он также

испытывал давление со стороны итальянского генераль ного штаба. Он, как солдат, не мог идти против своего генерального штаба. Я был один. Робине уехал. Садуль, французский Робине, был отстранен. Господин Нуланс лишил его права телеграфировать непосредственно ˆль беру Тома. Я лихорадочно пытался взвесить свое собст венное положение. Может быть, мне еще посчастливится какнибудь повлиять на Троцкого. Может быть, господин Нуланс был умнее, чем я думал. Я попал в ntmlВиш ■ откажусь, господин Нуланс пойдет дальше со своей поли

тикой. Он увлечет за собой итальянцев, японцев и даже Френсиса. Если я соглашусь — я по крайней мере не приму клейма отступника, идущего наперекор единодуш ному мнению всех представителей союзных держав. Я капитулировал.

Под ярким солнцем мы отправились на конференцию послов. Френсис был председателем, но Нуланс фактиче ски вел совещание. Он, в сущности, был единственным среди дипломатических представителей, который не ко лебался. Он был одного мнения с нами относительно численности войск, необходимых для успешной интер венции. Даже относительно чешской армии, которая в то время, как змея, протянулась от Волги до Сибири, он был удивительно сговорчив.

Мы обсуждали этот вопрос со всех сторон и пришли к заключению, что чехи должны быть эвакуированы как можно скорей. После конференции я простился с господи ном Нулансом. Он был сплошная любезность. Когда спустя сутки я приехал в Москву, Хикс встретил меня сообщением, что в Сибири между большевиками и чеха ми произошло серьезное столкновение. Как это столкно вение возникло, для меня до сих пор неясно. Согласно донесению французских офицеров, которые сопровожда ли чехов, большевики, уступая требованиям немцев, пы тались разоружить чехов. Чехи оказали сопротивление и затем уже продолжали свой путь с оружием в руках. Большевики утверждали, что по наущению французов чехи сделали ничем не обоснованную атаку на местные большевистские власти и забрали власть в свои руки. С чьей стороны исходила провокация, по всей вероятности, останется спорным на вечные времена. Как бы то ни было, результат этого события совершенно ясен.

Первый камень в сооружении интервентов был зало жен. Москву я нашел на осадном положении.

Чешский дипломатический корпус был арестован. Арестовано и посажено в тюрьмы множество контррево люционеров. Газеты были запрещены. Я получил спеш ное поручение от Чичерина использовать мое влияние для мирного разрешения чешского

инцидента. Была так же телеграмма от Кроми с просьбой немедленно выехать в Петербург для свидания с одним из офицеров генерала Пуля, который должен был приехать туда на следующий

ДеНЯ провел следующий день в интервью с Чичериным и Караханом. За неимением подробностей происшеег*. . Сибири мы не могли прийти ж чемунибудГопгˆдеˆннˆ МУ по поводу чешского инцидента. Было ясно, что большевики стараются уладить мирным путем но, так как я еще не успел"ол?ч»£ инструкций из Лондона, я мог только обетадть Сдел!ть все, что в моих силах. сделать

Одно было для меня несомненно после этого ин тервью: подозрения большевиков возникли со всей силой Они были, как я всегда и думал, точно осведомлены о деятельности французов. Они знали, что генерал Пуль прибыл в Северную Россию. У них уже было подсвреняе, что чехи были авангардом антибольшевистской интет> венции. Я мог им дать только один ответ: предложение британского правительства военной помощи против Гер мании еще в силе. Чичерин горько рассмеялся.

«Союзники были заодно с контрреволюционерами. У большевиков не было выбора. Они будут сопротивляться интервенции союзников, интервенции против желания России, так же, как они стали бы сопротивляться против немецкой интервенции».

В гот же вечер, решив, что я могу улучить время, я выехал в Петербург. Там я нашел Кроми и Мака Грзса, английского офицера, который выехал с генералом Пу лем. Мак Грэс меня в одном смысле успокоил. Несколько недель тому назад Троцкий в минуту депрессии высказал предположение, что я был только орудием британского правительства, которое пользовалось мной для того, что бы я успокаивал большевиков в то время, как оно подго товляло антибольшевистское нападение. Я тогда пришел в страшное негодование. Теперь я был сбит с толку. Мак Грэс меня несколько утешил. По его словам, интервен ционистский план не очень продвигался, и у Англии, в сущности, не было политики относительно России. Пока Пуль не представит донесения правительству, никакого решения принято не будет.

В этом заявлении Мака Грзса можно было найти некоторое утешение, хотя бы и отрицательного свойства, но он же меня расстроил. Пуль был сторонником интер венции. Торнхилл, который был в Мурманске, ярый сто ронник интервенции. Линдли, который был нашим упол номоченным charge d'affaires, когда я прибыл в Петербург теперь должен был приехать снова.

Это моглГоТнˆчˆГтолько одно. Лондон не доверял мне. Я

вернулся в Москву в состоянии полной подавленности к которой еще примешивалось чувство унижения от того что весь Петербург знал о приезде Линдли, тогда как меня мое правительство не позаботилось поставить об этом в известность.

По приезде в Москву я нашел инструкции из Лондона касающиеся чешского события, и в тот же день вместе со своими французскими и итальянскими коллегами я от правился в Комиссариат иностранных дел.

Прием был холодноформальный. В кабинете Чичери на, длинном и голом, не было никакой обстановки, за исключением стола посередине. Мы сидели на простых деревянных стульях против него и Карахана. Один за другим мы прочли наши протесты. Мой был самый резкий. Я сказал обоим комиссарам, что в течение не скольких месяцев я прилагал все усилия, чтобы привести их к соглашению с Антантой, но они всегда держались со мной неопределенно и уклончиво. Теперь, после того как они обещали свободный выход чехам, защищавшим в свое время славянские интересы и направлявшимся во Францию, чтобы продолжать сражаться против врага, который был также врагом большевиков, они уступили угрозам немцев и с оружием напали на тех, кто всегда оставался их друзьями. Мне было поручено моим прави тельством заявить, что всякая попытка разоружить чехов и всякое столкновение с ними будет рассматриваться, как акт, инспирированный Германией и враждебный союзни кам.

Большевики выслушали наши протесты молча. Они были преувеличенно вежливы. Несмотря на то что у них был повод, они не сделали никаких попыток возражения. Чичерин, более чем когдалибо похожий на мокрую кры су, смотрел на нас грустными глазами. Карахан казался совершенно сбитым с толку. Наступило тяжелое молча ние. Нервы у всех были несколько натянуты, и больше всех у меня, так как совесть моя была не совсем чиста. Затем Чичерин кашлянул.

«Господа, — сказал он, — я принял к сведению все сказанное вами».

Мы неловко пожали друг другу руки и один за другим вышли из комнаты.

Наш протест произвел глубокое впечатление, не сколько месяцев спустя, когда я был в тюрьме, Карахая говорил мне, что его и Чичерина удивила запальчивость

моих выражений. С этого дня они начали 1юдозревать меня. Их подозрения были обоснованны. Прежде^м^ осознал это, я связал себя с движением, кото^ка^ бы ни была его первоначальная цель, было на^влея^ против Германии, а irpora фаллического JJreS

Я должен объяснить мотивы, которые вовлекли меня в такое противоречивое положение. Четыре с половиной месяца я был против японской шпервенижи и вообще всякой интервенции, не получившей санкции большеви ков. Я плохо верил в силу русских аетиболыпе^ских войск и совсем не верил в возможность восстановления восточного фронта против Германии. Кроме того я был в тесном контакте с Чехословацким советом Чешская армия, восстание которой вызвало кризис, состояла из военнопленных. Они были славяне, только формально австрийские подданные, и в начале войны тысячами пере ходили на сторону русских. Они не любили царского режима, который отказывался признать их как самостоя тельную национальность. Они были демократы по ин стинкту, сочувствовали русским либералам и соци алистамреволюционерам. Они не могли дружно рабо тать с царскими офицерами, составлявшими основные кадры в армиях антибольшевистских генералов.

Почему я стал приверженцем политики, которая обе щала очень мало успеха и навлекла на меня обвинения в непоследовательности? Несмотря на мое желание строго придерживаться правды, — ответить нелегко. Счастли вые последователи традиции, которые с колыбели ста новятся сторонниками существующего строя и решают каждую политическую задачу при помощи простой фор мулы: «Эти люди — друзья, а те — враги», они мне чужды. Так смотреть на дело я не мог. Меня вернули в Россию для того, чтобы я осведомлял британское прави тельство о действительном положении дел. Эту задачу я старался выполнить по мере сил. Особенной симпатии к большевикам я не чувствовал, и постоянные обвинения в большевизме не могли увеличить настойчивости, с кото рой я выдерживал объективное и беспристрастное отно шение к политической ситуации. В то же время я не мог не чувствовать инстинктивно, что за мирной программой большевизма и его экономической программой скрывает ся идеалистическое обоснование, которое ставит его го раздо выше обычного определения: «Движение черни под

руководством германских агентов». В течение месяцев я жил бок о бок с людьми, которые работали 18 часов в сутки и в которых жил дух самопожертвования и аскетиз ма, вдохновлявший пуритан и ранних иезуитов. Если считать, что быть современником движения, которое имеет большее историческое значение, чем Французская

революция, значило быть сторонником большевизма

то я имел право им называться. Из телеграмм моей же ны — позже они подтвердились из других источников — я знал, что

мои взгляды неприемлемы для английского правительства. Мне следовало подать в отставку и вер нуться на родину. В настоящее время я пользовался бы репутацией пророка, который с замечательной точ ностью предсказал все фазы русской революции.

Я этого не сделал. Я мог бы сказать, что прежде всего у меня был долг по отношению к родине, что, когда моя родина повела иную политику, я не имел права проти виться ей, что уходить в отставку в разгар войны было бы равносильно дезертирству. Я не ссылаюсь на эти оправдания. У меня были другие мотивы. Тремя месяца ми позже, когда я был в тюрьме, Карл Радек в письме Артуру Рэнсому описывал меня как карьериста, который, \ увидев, что его тактика не имеет никаких шансов быть принятой, лихорадочно мечется, стараясь вновь завое вать милость своих хозяев. Это также несправедливое обвинение, хотя оно и ближе к истине. Два мотива опре деляли мое поведение. В глубине души, хотя тогда я не спрашивал себя об этом, мне не хотелось уезжать из России изза Муры. Другой мотив, более сильный — и это я вполне сознавал — заключался в том, что у меня не хватало духу уйти в отставку и занять позицию, которая навлекла бы на меня ненависть большинства моих сооте чественников.

Был и еще один мотив, более достойный. В моей самонадеянности я воображал, что если союзники решат ся на вооруженную интервенцию в России, то мое знание русской конъюнктуры пригодится и поможет им избе жать главных ловушек. Я знал большевиков ближе, чем всякий другой англичанин в то время. Я был в курсе событий в России с января месяца. Кучка военных эк спертов, которые извне вопили об интервенции и считали большевиков неорганизованной толпой, которую можно смести зарядом картечи, не имели этих знании в силу своего территориального положения. Перейдя на сторону

l^^HiS Г£5 TESTES *

собны свергнуть большевиков даже при поллетгг7п«Г гаМи и вооружением союзников и подТуˆдˆмсˆ зных офицеров. До конца я настаивали bSSSSLˆ „меть большие союзные силы, без чего mSESSSZ был провалиться. Я даже выработал спепиаль™ Нюг? мулу: поддержка которую мы получимˆлˆˆ русских, должна быть прямо пропорциональна количест ву наших войск. Однако перемена фронта дискредитаю вала меня в глазах других. Интервенты смотав, га меня, как на упрямого осла, который в конце концов пришел к их образу мыслей. Я был препятствием кото рое удалось устранить. Теперь со мной можно было не считаться. Большевики разделяли мнение Радека на мой счет. Я сел между двумя стульями и до сих пор страдаю от этого. Для большевиков я — воплощение контррево люции. Для интервентов

я все еще сторонник большевиз ма, который разрушил их планы.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Интервенция началась только четвертого августа. Два месяца, с июня до августа, были подготовительными, в течение которых наше положение постепенно ухудша лось. И в результате усилившейся опасности, которая теперь угрожала большевикам, они укрепили свою дисциплину.

Десятого июня в Москву приехал «Бенджи» Брюс. Он приехал за своей невестой, очаровательной Карсавиной, привез мне много писем и первые новости из Англии. Там было письмо от Джорджа Клерка, в то время заведу ющего военным департаментом Министерства иностран ных дел. Письмо было очень любезное. Действительно, только он и полковник Киш, в то время работавший в военном министерстве, сочувствовали мне и допускали, что моя оценка политической ситуации не была слишком ошибочной. Брюс, однако, не оставил меня в заблужде нии относительно моей непопулярности в Англии за вре мя моего так называемого большевизма. Он сообщил мне, что в марте меня чуть было не отозвали. Он пробыл

в Москве только 12 часов, но, вопреки новостям, которые он мне привез, его визит был словно струя свежего ветра в пустыне. В течение пяти месяцев я был взволнован его отчетом о положении в Англии на западном фронте. Ему и Карсавиной пришлось пережить кошмарные приключе ния по дороге в Мурманск. Пришлось ехать без разреше ния большевиков. Помочь им было уже не в моей власти.

Июнь был невеселый месяц. Может быть, потому, что совесть моя была нечиста, я жил в атмосфере подозрений. Троцкий больше не желал иметь дела с нами, и, хотя я почти ежедневно виделся с Чичериным, Караханом и Радеком, наши разговоры ни к каким реальным результа там не вели. С изменением политической позиции боль шевиков изменилось и наше материальное положение. Нам было все труднее и труднее получать свежее мясо и овощи. Без консервов, которыми нас снабжала миссия американского Красного Креста, нам пришлось "бы плохо.

Через Хикса я усилил свою связь с антибольшевист скими силами. Насколько нам было известно, они были представлены в Москве организацией, которая называ лась «Центром» и разделялась на два крыла — правое и левое и Союзом возрождения России, основанным Са винковым. Между этими двумя организациями шли по стоянные препирательства. Центр находился в тесном контакте с белой армией на юге. К Савинкову

белые генералы относились подозрительно. Как раз в то время я получил письмо от генерала Алексеева, в котором он заявлял, что скорей будет работать с Лениным и Троц ким, чем с Савинковым или Керенским. Обе организации были согласны только по одному пункту: они нуждались в помощи союзников и в их деньгах. Я видел двух вождей, а именно: Петра Струве, блестящего интеллиген та, который одно время был социалистом и помог Лени ну составить первый коммунистический манифест, и Ми хаила Федорова, бывшего товарища министра. Оба поль зовались прекрасной репутацией. Оба были преданы союзникам. Однако я был очень осторожен в разговоре с ними. Насколько мне было известно, британское прави тельство еще не решилось на интервенцию. Пока это решение мне не было сообщено, я не поддерживал белых ни деньгами, ни обещаниями. Этим мое отношение сли чалось от отношения французов, которые как мне оыли известно от них самих, давали деньги Савинкову,

обещания они тоже не скупились. Белых уверяли, что военная поддержка союзников выразится в определенных силах. Обычно называли следующую цифру: две дивизии союзников для Архангельска и несколько японских диви зий для Сибири. Поощренные этими обещаниями анти большевистские силы усилили свою работу. 21 июня Володарский, комиссар по делам печати в Петербурге был убит при возвращении с митинга на Обуховском заводе. Большевики не замедлили с ответом. В своей речи к Петроградскому совету Урицкий, глава местной ЧК, энергично нападал на Англию и обвинял англичан в организации убийства. На следующий день Щастный, главнокомандующий Балтийским флотом, был пригово рен к смерти и расстрелян. На суде Троцкий произнес весьма энергичную речь. Начинался террор.

Я поехал к Чичерину протестовать против обвинений Урицкого. Он отделался от меня полуизвинениями. «Очень жаль, но чего же мы хотим, если мы постоянно нарушаем нейтралитет России. Россия хочет только од ного, чтобы ее оставили в покое пожинать плоды дорого купленного мира. Он смеялся над Троцким, который постоянно хочет с кемнибудь воевать и теперь требует сильных мер против союзников».

— Удивительно, — сказал Чичерин, — до чего Троц кий носится с мыслью о войне.

В марте Ленину пришлось пустить в ход свое влияние, чтобы Троцкий не объявил войны Германии. Теперь хладнокровие Ленина удерживает Троцкого от объявле ния войны союзникам.

Хотя интервенция задерживалась, наше пребывание в Москве, казалось, подходило к концу. Всем нам не везло. Денис Гарстин

уже уехал. Он получил приказ присоеди ниться к генералу Пулю в Архангельске. Ему тоже приш лось уехать тайком, так как достать для него пропуск было трудно. Он уехал огорченный. Ему хотелось до конца оставаться с нами. Бедняга! Он был одной из первых жертв интервенции. Однако мы были не лишены оптимизма. Мы верили, что союзники высадятся соеди ненными силами и большевики не смогут оказать им серьезного сопротивления. Даже Рэнсом, который был против интервенции без согласия большевиков, сказал нам, что «все кончено», и начал готовиться к отъезду. Прежде чем нам позволили уехать, на нашу долю приш лось вдоволь сильных впечатлений.

Одним из замечательных событий этого времени бы ло убийство графа Мирбаха, германского посла. Сопро вождаемое внутренним восстанием против правитель ства, оно было самым замечательным политическим убийством нашего времени. Так как мне поневоле приш лось быть очевидцем покушения на государственный переворот, я дам подробный отчет об этом событии.

Для того чтобы понять ситуацию, читатель должен вспомнить, что после большевистской революции в ноя бре 1917 года крайнее крыло партии социалистов революционеров присоединилось к большевикам и рабо тало вместе с ними при образовании нового правительст ва. Они получили несколько постов в разных комиссариа тах, удержали свои места в советах и были сильно пред ставлены во ВЦИКе, который между съездами Советов является верховным законодательным и исполнитель ным органом Российской Социалистической Федератив ной Советской Республики. В первые восемь месяцев своего существования советское правительство являлось коалицией. Левые социалистыреволюционеры, как пар тия, придерживались тех же крайних мнений, что и боль шевики в своей ненависти к капитализму и империализ му. Поэтому они так же энергично, как и большевики, разоблачали союзников. Во внутренней политике, хотя они расходились с большевиками по аграрному вопросу, эсеры поддерживали советский строй и помогали боль шевикам вести гражданскую войну. Два члена партии, полковник Муравьев, бывший жандармский офицер, и поручик Саблин, сын владельца театра Корша в Москве, очень успешно занимали военные командные посты в новом правительстве в первое время советского строя.

В противоположность большевикам левые социалис тыреволюционеры не были готовы идти до конца в желании мира. Они были против БрестЛитовского мира и не приняли его, хотя удержали своих представителей в правительстве. Они лишили

своей поддержки Украину, оккупированную немцами. Немцы повернули дело круто: они водворили подставное реакционное русское прави тельство и вернули землю русским помещикам. Для ле вых социалистовреволюционеров такое положение было неприемлемо, и с самого заключения мира они повели ожесточенную партизанскую войну против русских поме щиков и германских оккупационных войск. С обеих сто рон эта война в миниатюре велась с ужасающей жесто

костью. Доведенные почти до отчаяния страданиями своих соотечественников на Украине, левые со циалистыреволюционеры протестовали против рабской зависимости большевиков от немцев и называли больше вистских комиссаров лакеями Мирбаха. Даже официаль ной прессе почти каждый день приходилось констатиро вать нарушения Брестского договора немцами; много места уделялось едким комментариям на угодливый тон кротких протестов Чичерина и едва ли вежливые ответы германского посла.

Реальное разногласие между двумя партиями рус ского правительства заключалось в том, что левые социалистыреволюционеры видели в Германии глав ную угрозу революции. Большевики, или, скорее, Ле нин, так как он один разбирался в этой путанице, ре шили не делать ничего, что могло бы повредить их непрочному миру. Они теперь боялись скорее интер венции союзников, чем дальнейшего наступления нем цев. В сущности, обе партии были и против немцев и против Антанты. Ситуация, однако, не была лишена комизма. Разоблачая деятельность левых социалистов революционеров на Украине, большевики секретно снаб жали их средствами для ведения партизанской войны с немцами.

Была и еще причина, разделявшая обе партии. Среди крестьян левых социалистовреволюционеров поддержи вали главным образом кулаки. Частью для того, чтобы укрепить свое положение в стране, а частью для того, чтобы получить больше хлеба, большевики организовали комитеты бедноты из крестьянбедняков, которых под стрекали нападать на богатых кулаков и захватывать их хлеб.

Эти разногласия, очевидно, должны были привести к кризису. Левые социалистыреволюционеры начали тай но подготовлять фантастические планы свержения боль шевистского правительства и возобновления войны с Германией. К четвертому июля, дню открытия V Всерос сийского съезда, политическая ситуация была такова, что взрыв был неизбежен.

К этому съезду левые социалистыреволюционеры специально готовились. Несмотря на то что выборы бы ли подтасованы

большевиками, им удалось провести около трети из восьмисот присутствовавших делегатов, и в первый раз с ноября 1917 года большевики встретили в

своем тщательно ограждаемом парламенте официаль ную оппозицию.

Съезд заседал в московском Большом театре. В пар тере, где прежде сидели балетоманы и увешанные драго ценностями представительницы денежной буржуазии теперь разместились делегаты: направо, против сцены большевистское большинство, состоящее из солдат, оде тых в защитную форму; налево — оппозиция левых социалистовреволюционеров — по их мускулистым ру кам и блузам было видно их деревенское происхождение.

На сцене, где Шаляпин впервые обессмертил роль Бориса, сидят члены ЦИКа — пестрое сборище интелли гентов — около полутора сотен, среди которых преобла дают евреи.

За длинным столом поперек авансцены сидит прези диум, в центре которого председатель — Свердлов. Он еврей, настолько смуглый, что в нем можно подозревать присутствие негритянской крови. Благодаря черной боро де и горящим черным глазам он похож на современное воплощение испанского инквизитора. Налево от него Афанасьев, секретарь ЦИКа, незначительный молодой еврей с нервно дергающимся глазом, и Нахамкес, редак тор «Известий», более знакомый публике под псевдони мом Стеклова.

За этим же столом сидит Зиновьев, председатель Лен совета. Чисто выбритый, с огромным лбом, он произво дит впечатление умного человека, соответственно своей репутации направо от Свердлова сидят вожди левых социалреволюционеров: Камков, Карелин, оба молодые евреи, чисто выбритые и хорошо одетые, повидимому принадлежащие к интеллигенции, Черепанов, и с краю Мария Спиридонова, тридцатидвухлетний вождь партии. Очень просто одетая, с темными волосами, гладко заче санными назад, и в пенсне, которым она беспрестанно играет, она похожа на учительницу Ольгу из чеховских «Трех сестер». В 1906 году, еще девочкой, она прослави лась убийством Луженовского, тамбовского вицегу бернатора. Она была выбрана партией для выполнения этого террористического акта; в середине зимы 1906 года она дожидалась Луженовского на станционной платфор ме в Борисоглебске и выстрелила в него из револьвера, когда он выходил из вагона. Выстрелы попали в цель, но попытка покончить с собой не удалась. Она была уведена с платформы и позже изнасилована казаками. Ее приго

ворили іс смертной казни, во, сжалившись над ее возоа стом

царь заменил смертную казнь пожизнен* катˆ гой. По серьезному, почти фанатическому вытажеи™

глаз видно, что страдания отразились на ее baccW Она, скорее, истерична, чем деательиа, но еечев№ ная популярность среди последователей показывает та ее все еще считают одной из трогательных фигур рево люции. F

За столом президиума тесными рядами разместились остальные члены ЦИКа. Здесь находятся настоящие большевистские вожди и главные комиссары. Они при сутствуют в полном составе от Троцкого до Крыленко хмурого, дергающегося общественного обвинителя Нет только Дзержинского и Петерса. Этим мрачным верши телям большевистского правосудия некогда бывать на съездах. Ленин тоже опаздывает, по обыкновению. Ои проскользнет позже, тихо, незаметно, но как раз вовремя.

Кругом, в ложах и ярусах сидят друзья и сторонники делегатов. Вход только по билетам, и каждый вход, каждый коридор охраняется отрядами латышских сол дат, вооруженных до зубов винтовками, револьверами ■ ручными гранатами.

В большой царской ложе — представители официаль ной печати. Я занимаю место в большой ложе партера, направо от сцены, вместе с Лавернем, Ромэем и другими членами союзнических миссий. Как раз над нами сидят представители германского, турецкого и болгарского по сольств. К счастью, мы сидим не друг против друга, а то это испортило бы нам зрелище.

С самого начала атмосфера заряжена электричеством. Первый день съезда посвящен речам делегатов мень шинства. Говорят только о политике партии. Левые социалреволюционеры обличают три великих престу пления — БрестЛитовский мир, комитеты бедноты и смертную казнь. Они подкрепляют свои обличения мир ного договора рассказами о немецких зверствах на Украине. Большевики защищаются. Настоящее сражение открывается на второй день, когда с обеих сторон выдви гается тяжелая артиллерия. Бой открывает Свердлов, который мудро предупреждает атаку левых социалистов революционеров. Он допускает ужасы немецкой оккупа ции и доказывает, что Россия слишком слаба, чтобы вести войну. Меньше успеха имеет его защита комитетов бедноты. Он ядовито отмечает отношение левых социа

листовреволюционеров к смертной казни: «Левые социалис 1 ыреволюционеры, — говорит он, — возража ли против смертного приговора над адмиралом Щаст ным. В то же время они работают с большевиками в чрезвычайных комиссиях. Один из членов их партии — зампред московской ЧК, который привел в исполнение

много смертных приговоров без суда. Следует ли это понимать так, что левые социалистыреволюционеры против смертной казни по суду и за нее, когда нет суда». Он садится под аплодисменты и смех со стороны больше виков.

Затем встает Спиридонова, и с первых ее слов стано вится понятно, что это не обычный съезд и что с этого дня пути большевиков и левых социалистовреволюцио неров расходятся. Она, очевидно, нервничает. Она гово рит монотонно, но постепенно речь ее приобретает исте рическую страстность, которая производит впечатление. Она нападает на комитеты бедноты. С гордостью упоми нает она о том, что вся ее жизнь была посвящена борьбе за благо крестьян. Отбивая такт своей речи движениями правой руки, она ожесточенно нападает на Ленина: «Я обвиняю вас, — говорит она, обращаясь к Ленину, — в том, что вы изменили крестьянам, использовали их в собственных целях и не служили их интересам». Она обращается к своим сторонникам и кричит: «По филосо фии Ленина вы только навоз, только удобрение». Затем, впадая в истерику, она обращается к большевикам: «Дру гие наши разногласия только временные, но по крестьян скому вопросу мы готовы дать сражение. Когда крестьян, крестьянбольшевиков, крестьян левых социалистов революционеров и беспартийных крестьян — всех одина ково уничтожают, гнетут и давят, — в моих руках вы найдете тот же револьвер, ту же бомбу, с которыми я когдато защищала...» Конец фразы тонет в бурных апло дисментах. Большевистский делегат из партера бросает оратору непечатное оскорбление. Поднимается сущий ад Крестьяне поднимаются с мест и кулаками грозят боль шевикам. Троцкий проталкивается вперед и пытается говорить. Крики заглушают его голос, и лицо его блед неет от бессильной ярости. Напрасно Свердлов звонит в колокольчик и грозит очистить театр. По всей вероятно сти, ему придется привести свою угрозу в исполнение. Тогда Ленин медленно выходит на авансцену. По дороге он хлопает Свердлова по плечу и говорит, чтобы он

убрал колокольчик. Держась за слвороты пилжакя ft„ оглядывает залу, улыбаясь, сˆвертˆТсˆсˆизЖ Его встречают насмешками и мяуканьем. Он дХодˆтно смеется. Тогда он поднимает руку и шум эитяЕиТх? лодно и логично он отвечает на крититгу лев™ £циал~ революционеров. Он указывает с мягким сашсазмомˆа ях непоследовательную и часто двусмъ!сленную пози цию. Его замечания вызывают новую бурю Свердлов снова волнуется и хватается за колокольчик Снова Ле вин поднимает руку. Его самоуверенность почта раздоа жает. Тогда, слегка наклоняясь вперед, этим подчеркивая свои слова и очень мало

жестикулируя, он продолжает так же спокойно, как если бы возвращался к воскресной школе. На упреки в раболепстве перед немцами он отве чает, что левые социалистыреволюционеры, желая во зобновить войну, проводят политику империалистов союзников. Холодно и совершенно спокойно он защи щает Брестский договор. Указывает на его унизитель ность, но подчеркивает жестокий закон необходимости. Он даже преувеличивает трудности текущего момента, поощряет смелость тех, кто борется за социализм, сове тует вооружиться терпением и обещает награду за это ˆ терпение в блестящей картине будущего, когда утомление войной неизбежно породит революцию во всех странах. Постепенно самая личность этого человека и подавляю щее превосходство его диалектики завоевывают аудито рию, которая слушает, как очарованная, и в конце речи разражается вспышкой оваций, в которых, несмотря на то что многим из левых социалистовреволюционеров известно о приготовлениях к завтрашнему дню, участ вуют не одни большевики. Однако левые социалистыре волюционеры недолго находятся под впечатлением этой речи. За Лениным следует Камков, блестящий оратор, который доходит до ярости. Он произносит боевую речь, и я удивляюсь его безрассудству. Он не щадит никого. Заключительная часть его речи великолепна по своему драматизму. Он поворачивается к ложе, в кото рой сидят немцы: «Диктатура пролетариата преврати лась в диктатуру Мирбаха. Вопреки всем нашим предо стережениям, политика Ленина остается все той же, и мы из независимой державы стали лакеями германских импе риалистов, которые имеют наглость показываться даже в

ЭТ°В Тоданемомент левые социалистыреволюционеры

поднимаются с мест, крича и грозя кулаками немецкой ложе. Театр потрясает рев: «Долой Мирбаха! Долой немецких мясников! Долой брестскую петлю!». Свердлов торопливо звонит в колокольчик, объявляет заседание закрытым, и лихорадочно возбужденные делегаты вы ходят из залы.

Один инцидент навел меня на размышление. Во время речи Камкова один офицер из французской контрразвед ки яростно аплодировал. Его отношение типично для многих из моих коллегсоюзников. Они не могли понять, что как для большевиков, так и для левых социалистов революционеров иностранная интервенция, германская или союзническая, была интервенцией контрреволюцион ной. Когда состоялась наша интервенция, она не получи ла поддержки от левых социалистовреволюционеров. Прениям, которые закончились так драматически вече ром пятого июля, не суждено было возобновиться на следующий день, в

субботу шестого июля. Съезд собрал ся снова, но большевистские вожди отсутствовали. Вче рашняя революция на сцене была перенесена на улицы и на баррикады.

Я вошел в Большой театр в четыре часа. День был душный, и в театре было жарко, как в бане. Партер был у. полон делегатами, но на сцене оставалось много пустых мест. Не было ни Троцкого, ни Радека. К пяти часам исчезла большая часть большевиков — членов ЦИКа. Ложа, отведенная представителям центральных держав, пустовала. Было, однако, много левых социалистов революционеров, в том числе Спиридонова. Она выгля дела спокойной. Ее поведение ничем не выдавало того, что партия социалистовреволюционеров уже решила на чать войну. Однако случилось именно это, хотя прошло несколько времени, прежде чем мы осознали правду. В шесть часов в нашу ложу вошел Сидней Рейли и сооб щил, что театр окружен войсками и все выходы охраня ются. У него было самое смутное представление о совер шающихся событиях. Какието беспорядки. Он знал, од нако, что на улицах идут бои. Наши опасения еще усили лись, когда в коридоре над нами раздался взрыв.

Неосторожный часовой уронил ручную гранату. Бо ясь, что большевики будут обыскивать их перед тем, как выпустить из театра, Рейли и французский агент начали рыться в карманах, ища компрометирующие документы. Некоторые из них они разорвали в клочки и засунули под

обивку Дивану Другие, без сомнения, более оп**^ проглотили. Положение было ^ттяГ^п^^! чтобы мы могли оценить его жомиадую^^^ решив, что в данном случае безденсти*^ политикой, уселись дожидаться развязки, на^лькТ^! гли, терпеливо. ' мо_

Наконец в семь часов нас освободил Радей, кетовый рассказал нам, в чем дело. Левые ссчща^сть^рТв? люционеры убили Мирбаха, надеясь этим спровошгос^ вать Германию к войне. Во главе с СаблшимиАяя сандровичем, зампредом ЧК, они намеревались аресто вать большевистских вождей во время съезда в Большом театре. Вместо этого они сами попались в Звввквввд расставленную противниками.

Историю переворота можно рассказать в нескольких словах. В субботу в два часа сорок пять минут к герман скому посольству в Денежном переулке, подъехал авто мобиль с двумя седоками. Посольство охранялось отря дом большевистских войск. Лицам, приехавшим в авто мобиле, доступ не представил никаких затруднений, так как у них были специальные пропуска, подписанные Александровичем в качестве зампреда ЧК. Некий Блюм кин, который в течение нескольких месяцев жил рядом со

мной в комнате гостиницы, был главным действующим1 лицом в последующей трагедии. Как работник ЧК, он был немедленно принят Риз пером, советником герман ского посольства.

Он сообщил Ризлеру, что должен видеть Мирбаха лично. ЧК раскрыла покушение союзников на жизнь германского посла. Ввиду полномочий Блюмкина и ва жности его сообщения, доктор Ризлер сам повел его к графу Мирбаху. Когда граф спросил его, каким образом должно было совершиться убийство, Блюмкнн, вынув револьвер из кармана, ответил: «Вот так» — и разрядил револьвер в несчастного посла. Затем, выскочив из от крытого окна, он бросил за собой ручную гранату, чтобы быть уверенным в исходе покушения, и скрылся. Тем временем левые социалистыреволюционеры собирали в Покровских казармах войска, которые им УДалссь пере тянуть на свою сторону. Сюда входило 2000 солдат, подкупленных Поповым, агентом ЧК; восставшие солда ты из других полков и несколько сотен матросов Черно морского флота. В течение часа они достигли некоторого Успеха. Они арестовали Дзержинского, захватили теле

граф. Дальше, однако, у них не хватило инициативы, и разослав по всей стране телеграммы, извещавшие об успехе переворота, они ничего не предпринимали. К вече ру эсеры сделали нерешительную попытку подойти к Большому театру, но, увидев, что он уже окружен силь ным отрядом большевистских войск, они отступили на свои позиции. Их военные действия были так незначи тельны, что большинство московского населения не зна ло до следующего дня о готовившемся перевороте.

Между тем Троцкий не терял времени. Он вызвал из под Москвы два латышских полка. Он стянул в одно место броневики. Через несколько часов войскам левых социалистовреволюционеров пришлось сложить оружие, ввиду подавляющих сил противника. Некоторые из во ждей скрылись. Александрович был захвачен на Курском вокзале и немедленно расстрелян. Делегаты социалистов революционеров в Большом театре были арестованы, не оказав сопротивления. Революция, задуманная в театре, там же и закончилась.

Эта операбуфф левых социалистовреволюционеров только укрепила большевиков и усилила партию мира. Отклики на события в глубине страны были незначитель ные. Через несколько дней Муравьев, главнокомандую щий большевистских сил на Волге, попытался двинуть свои войска к Москве. К этому времени неудача перево рота в Москве была уже известна, и его арестовали собственные солдаты. Он трагически покончил с жизнью, застрелившись в присутствии Симбирского совета. Спи

ридонова и Черепанов сидели под арестом в Кремле, где позже мне пришлось быть их товарищем по несчастью. Убийца Блюмкин скрылся. Большинство рядовых членов партии социалистовреволюционеров, чтобы спастись от репрессий, отступились от своих вождей, осудили их действия и снова были приняты в большевистский загон. Это несчастное дело, которое должно было послужить предметным уроком союзникам как наглядное доказа тельство того, что Россия готова на все, чтобы избежать войны с немцами или союзниками, отразилось на нашем положении и положении немцев. Германское прави тельство было вне себя, но не объявило войны большеви кам, так как было уверено, что интервенция союзников неизбежна Оно требовало разрешения выслать батальон немецких солдат для охраны посольства в Москве, но, когда большевики отказали в этом, оно ограничилось

хГу меня был Радек и Sоб™f^f Убийства Мирба

правительство жел?е? Гмс^^^

личную охрану. При ^S^^^rf^^^ на это отвечу. Я ответил ему г^ткоГш™ 410 *

лись едва ли не в псследштйра? * ЗаСМеЯ_

Наше положение было действительно не из понятных Во время съезда Линдли приехал в Во^ГиЧпр^£1 мне первую тревожную телеграмму. Однак^она нТдавГ Ла мне никаких указаний на тактику или на датунапкй интервенции. Попытка контрреволюции былГуже близ ка. Савинков, подстрекаемый заверениями французов в помощи союзников захватил Ярославль, а Ярославль находился между Москвой и Архангельском Гединст венным открытым для нас портом. Между прочим Троц кий в своей автобиографии обвиняет меня в том, что я раздувал и финансировал ярославское дело. Это совер шенно неверно. Я никогда не оказывал Савинкову финан совой помощи. Еще менее я поощрял его действия. Троц кий издал приказ, чтобы всем французским и британским офицерам не выдавали паспортов ввиду их контрреволю j ционной деятельности. Хотя теоретически этот приказ if мне не относился, я знал, что на практике разницы ив будет. Кроме того, телеграфное сообщение с Англией задерживалось, и я не был уверен, что нас не лишат ' совсем этого способа связи.

Вечером 17 июля я получил от Карахана официальное сообщение — об убийстве царя и его семьи в Екатерин бурге. Я думаю, что я был первым лицом, передавшим эту новость внешнему миру. Единственные данные из первых рук, которые я могу сообщить об этом преступле нии, касаются официального положения большевистско го правительства. Мое личное

впечатление таково, что, встревоженный приближением чешских войск, которые переменили фронт и состояли в открытой воине с боль шевиками, местный совет самовольно расправился и только впоследствии получил одобрение центрального правительства. Конечно, не могло быть и речи о непри знании или неодобрении. В своих передовицах больше вистская печать делала что могла в и поносила царя, как тирана и палача. Газеты объявили, что немедленно начнут опубликовывать его дачники. Позже было напечатано несколько отрывков. Они обна

ружили только то, что император был преданный муж и любящий отец. Когда увидели, что эти выдержки вызы вали только симпатию к царю, их перестали печатать Правда, Карахан заявлял, что он шокирован, и приводил смягчающие обстоятельства. Он выдвигал теорию, что угроза союзнической интервенции была непосредствен ной причиной смерти императора. Я должен сознаться что население Москвы приняло эту новость с поразитель ным равнодушием. Апатия ко всему, кроме собственной участи, была полная, но она показательна для исключи тельного времени, в которое мы живем. В то время как эта трагедия происходила в Екатеринбурге, в Вологде разыгрывалась драма, богатая комическими положения ми. Большевики послали Радека в этот союзнический рай для того, чтобы он в последний раз попытался убедить союзнических послов приехать в Москву. Может быть, ими руководило подлинное желание прийти к мирному соглашению. Более вероятно, что, сознавая неизбежность интервенции, они желали удержать послов в Москве в качестве заложников. Для этого щекотливого дела они выбрали большевистского Пука, и если его постигла неудача, то его чувство юмора было удовлетворено. Он являлся к послам с револьвером. Он убеждал, льстил и даже угрожал. Он интервьюировал их всех вместе и каждого в отдельности, но послы не сдавались. Вечером он отправился на телеграф и по прямому проводу сооб щил Чичерину о неудаче своей миссии.

Его радостная прогулка в Аркадию имела комическое продолжение. Я получил от одного из наших секретных агентов слово в слово отчет о разговоре Радека с Чичери ным по прямому проводу. Документ был настолько до стоверен, что американский генеральный консул в Моск ве послал его перевод своему посланнику. Не читая, Френсис положил его в карман и взял с собой на еже дневную конференцию послов. «Джентльмены, — сказал он, — я получил интересный документ из Москвы. Это отчет Радека о его переговорах с нами. Сейчас я вам его прочту». Мямля, он начал: «Посланник Френсис накрах маленное чучело».

Это было верно, но звучало из уст самого посла немного странно. Последовали дальнейшие остроты, достигшие высшей точки в заключительной

фразе. «Линдли, единственный человек, у ˆтоˆгьˆотъ «Гяп па гмысла Он на практике признает поведение Нулан "сˆршешоНичьим». Сэр Френсис Линдли выдержал много трудных положений, не падая духом с ™„ яым хладнокровием, однако я шт*ШШиГчяЁ21 когдалибо чувствовал себя более неловко чемˆ ˆ минуту. , тем в эту

Перед финальной трагедией произошла еще одна ко медия. 22 июля официальная английская экономическая

миссия, состоявшая из сэра Вильяма Кларка, в настоят» время уполномоченного в Канаде, мра Лесли УлваотГ мра Армстида и мра Петерса из длттломатичеаюго торгового отдела, прибыла в Москву. Они приехали для переговоров о возможности торговых сношения с боль шевиками. Их приезд потряс меня. Насколько я знал (твердой уверенности у меня не было), наша интервенция была делом нескольких дней. Чешская армия продвига лась на Запад. Она взяла Симбирск и осаждала Казань Чехи были наши союзники. Поскольку мы их поддержи вали, мы поддерживали борьбу против большевиков. Савинков захватил Ярославль, Савинков финансировал ся французами. Более того, в эту самую минуту британ ские войска были на пути в Архангельск. А здесь, в Москве, британская экономическая миссия предлагает мир и торговый договор большевикам. Было ли когда .* либо столь двусмысленное положение? Мог ли я изум \ .мяться, когда позднее большевики обвиняли меня в ма киавеллиевом коварстве и дополняли обвинение в престу плениях документальными ссылками на вероломство Альбиона. Увы! Ни обмана, ни предательства не было. Это был только пример того, как один департамент Уайтхолла не знает, что делает другой. Я отвез сэра Вильяма Кларка к Чичерину и Вронскому — комиссару торговли. Не могу сказать, чтобы я рад был свиданию с ними. Не много смог я узнать и от английских посетите лей. Сэр Вильям Кларк ничего не знал о планах союзни ков, касающихся России. Уркварт, имевший паи в горной промышленности в Сибири, был убежденным интервен том. Я был доволен, когда через два дня после бесплод ных разговоров они уехали в С.Петербург. Если бы они остались еще на сутки, они могли бы задержаться до бесконечности. На следующий день пришло сенсационное известие, что союзные посольства оставили Вологду и бежали в Архангельск. Хотя они выпустили бесполезное заявление, что их отъезд нельзя рассматривать как раз рыв сношений, большевики правильно учли его как пре людию к интервенции. Их отъезд,

предпринятый оез единого слова предупреждения союзных миссий в Москве поставил меня в незавидное положение. Я ясно увидел что роль заложников, первоначально предназначавшаяся' по˚ слам, будет предоставлена нам. Вместе с моими французским, американским и итальянским коллегами я отправил ся к Чичерину, чтобы нащупать почву. Он был изысканно вежлив и очевидно старался не подать никакого повода для обвинения большевиков в разрыве сношений. Он просил нас остаться в Москве и заверил нас, что, что бы ни произошло, нам разрешат уехать, как только мы захотим Мы дали уклончивый ответ. Мы все еще не имели официального указания от наших правительств. Мы допуска ли, что союзники решили высадить войска. Мы предполагали, что они высадятся в Архангельске, Мурманске и Владивостоке. Наверное, мы ничего не знали. Однако было ясно, что наше положение в Москве не прочно, и я вернулся к себе, чтобы начать подготовления к отъезду. Ближайшие дни относятся к самым печальным дням моего пребывания в России. Мура уехала из Москвы дней десять тому назад с целью навестить родных в Эстонии. Изза борьбы на чешском и ярославском фронтах езда по желе зным дорогам строго контролировалась. Я не мог сно ситься с ней. Могло случиться, что я вынужден буду уехать из России, не увидев ее больше. В течение четырех ночей я не спал. Часами я сидел в комнате, раскладывая пасьянсы и мучая бедного Хикса идиотскими вопросами. Мы ничего не могли делать: самообладание меня покинуло, и я погрузился в мрачное уныние. 28 июля днем зазвонил телефон. Я схватил трубку. Говорила Мура. Она приехала в С.Петербург после шестидневных ужасных приключе ний. Пешком перешла она через границу между Эстонией и Россией. Сегодня ночью выезжала в Москву.

Реакция была поразительна. Теперь все было нипо чем. Если я опять увижу Муру, я знал, что смогу выдер жать любой кризис, любую неприятность, все, что гото вит мне будущее.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

События начали развертываться с невероятной бы стротой. Через день после возвращения Муры в Киеве был убит генерал Эйхгорн, главнокомандующий немец кими войсками в России. Юноша, московский студент по

фамилии Донской член партии совдалистовреволюцио „еров, выполнил этот террористический акт Он нанял извозчика и, проезжая мимо генерала, бросил в Wero бомбу, причинившую ему смерть. *свдел с Чичериными Караканом кОГда им сообщили об этом пГгелефоиу

0нИ^ХРп^'ВОеЙ радости> 8 особенности Чичерине 0Н обратился ко м„е со следующими словами: «Видите

В0ТЛТя» Их т^°ГДа тосЪ>*™» идут тгротив вот! народа». Их радость меня покоробила. Мой рассудок говорил, что в глазах большевиков генерал былГнасиль ипсом, убийцу которого будут считать освободителем вроде того, как учили буржуазных детей пре1елоняться" перед Брутом. В глазах большевиков немецкие и англий ские генералы принадлежали к одной категории как только они вступали на русскую землю. Они были'аген тами контрреволюции и, следовательно, вне закона. Од нако как союзники, так и немцы совершили ошибку рассматривая Россию только в свете их личного кон4> ликта. В немецком военном суде два дня спустя Донско му прежде всего были предложены следующие два вопро са: «Вы знаете Локкарта? Вы знаете главу английской миссии в Москве?».

Первого августа мы получили предписание оставить наше помещение. Оно было ликвидировано для Гене рального совета русских профсоюзов. Большевики нача ли показывать зубы. Мы не заслуживали дальнейшего внимания. По счастью, мне удалось получить свою ста рую квартиру в Хлебном переулке, в результате чего мы избежали весьма неприятного положения.

Четвертого августа Москва пришла в возбуждение: союзники высадились в Архангельске. В течение несколь ких дней народ был во власти всевозможных слухов: союзники высадили значительные силы. Некоторые дово дили их число до 100000. Не менее двух дивизий. Японцы должны были двинуть семь дивизий из Сибири на по мощь чехам. Даже большевики потеряли голову и в отчаянии начали упаковывать свои архивы. В разгар кризиса я увиделся с Караханом. Он говорил о большеви ках, что они уже погибли. Но они все же не сдадутся. Они Уйдут в подполье и будут бороться до конца.

Было неописуемое смятение. Через день после высад ки

десанта я отправился к Вардропу, нашему генерально му консулу, который обосновался с консульством во Дворце Юсупова около Красных Ворот. Во время нашего

разговора генеральный консул был окружен вооружен, ным отрядом. Это были агенты ЧК. Они все запечатали и арестовали веек, находившихся в здании, за исключением меня и Хикса. Особый пропуск, который я получил от Троцкого, еще имел силу. Забавная подробность налета. Пока агенты ЧК допрашивали внизу чиновников кон сульства, наверху офицеры нашей контрразведки спешно жгли шифры и другие компрометирующие документы. Трубы извергали клубы дыма, которые проникали даже в нижние комнаты, но несмотря на это джентльмены из ЧК не увидели в этом ничего необычного. Как мы в этом убедились уже впоследствии, ЧК была страшным, но далеко не умным учреждением.

В одно и то же время налет был произведен и на французскую миссию и генеральное консульство. Хотя итальянцев и американцев не тронули, оскорбление не льзя было игнорировать (правда, в глазах большевиков наша высадка в Архангельске была также нарушением международного права), и на следующий день мы отпра вились к Чичерину вручить официальное извещение о разрыве сношений и просьбу выдать наши паспорта. Прямого отказа от Чичерина не последовало. Он казал ся подавленным событиями и повторил свою обычную просьбу повременить. Несчастный Чичерин был, конеч но, серьезно встревожен. Утром к нему явился с подоб ным же визитом Г'ельферих, занявший после графа Мир баха пост германского посла. Гельферих так же склонен был рассматривать интервенцию как серьезную угрозу большевикам. Он не желал разделить участь графа Мир баха или попасть в плен, когда войска союзников займут Москву. Вечером этого дня он выехал в Берлин, оставив всего несколько человек в Москве.

Покинутые сразу союзниками и немцами, большеви ки, казалось, попали в безвыходное положение. Чехи заняли Казань, и, хотя большевики отбили Ярославль у савинковцев, казалось, что они не способны оказать се рьезное сопротивление крупным силам союзников, кото рые, как предполагали, наступают от Архангельска. н течение сорока восьми часов я тешил себя надеждой, что интервенция будет иметь блестящий успех. Для меня не ясно было, что мы сможем сделать, заняв Москву, я не верил, что буржуазное русское правительство сможет удержаться в Москве без нашей помощи. А еще меньше « верил, что мы сможем убедить русских возобновить вой

ну с Германией. В настоящих условиях интервенция не

минуемо должна была принять скорее антибольшевист ский, чем антигерманский характер. Поэтому было веро ятно, что оккупация нами Москвы будет длиться до бесконечности. Но у меня не возникало сомнения, что с теми силами, которые, я полагал, находились в нашем распоряжении, мы сможем занять русскую столицу.

Разочарование не замедлило наступить. Десятого ав густа большевистские газеты вышли с сенсационными заголовками о большой морской победе русских над союзниками в Архангельске. Я принял это сообщение за шутку, или, в лучшем случае, за слабую попытку со стороны большевиков стимулировать мужество своих сторонников. Но днем, когда я увидел Карахана, меня охватили дурные предчувствия. Лицо его расцвело улыб кой. Подавленное настроение последних дней исчезло, и было очевидно, что он не притворялся. «Положение не опасно,—сказал он. — Союзники высадили всего несколь ко сот человек».

Я улыбнулся скептически. Позднее я узнал, что его заявление было правильно. Морская победа была ми фом. Большевики потопили баржу союзников на Двине. Но сведения о силах союзников были буквально точны. Мы совершили невероятную глупость, высадивв Архан гельске только 1200 человек.

Это была грубейшая ошибка, которую можно сра внить с наихудшими ошибками крымской кампании. При хаотическом состоянии России было очевидно, что для того, чтобы интервенция была удачна, она должна хоро шо начаться. Она началась так плохо, как только можно вообразить, и никакая личная храбрость уже не могла исправить первоначальную ошибку. По плану русские сторонники интервенции должны были вместе с чехами удерживать линию Волги, соединиться с союзниками на севере и генералами Алексеевым и Деникиным на юге. Последнему советовали продвигаться по направлению от Царицына к Самаре в надежде, что союзники смогут продвинуться, почти не встречая сопротивления, до Во логды и Вятки. Результатом слабости наших сил на севере явилась потеря линии Волги и временное крушение антибольшевистского движения в европейской России.

Скоро оправдались все мои худшие опасения. Благо даря отсутствию твердого руководства со стороны сою зников различные контрреволюционные группы начали

спорить и пререкаться между собой. Мои слова, что поддержка, которую мы получили от русских, будет пря мо пропорциональна числу посланных нами войск, скоро оправдались. Широкие массы русских остались вполне

равнодушными.

Последствия этой плохо обдуманной авантюры были гибельны как для нашего престижа, так и для тех русских которые нас поддерживали. Она возбудила неоправ данные надежды. Она усилила гражданскую войну и послала на смерть тысячи русских. И косвенно она была ответственна за террор. Она дала дешевую победу боль шевикам, создала в них новую уверенность и спаяла их в мощную и безжалостную организацию. Интервенция вообще была ошибкой. Но предпринять интервенцию с неравными силами было примером беспочвенных полу мер — в данных условиях это граничило с преступле нием. Защитники этой политики утверждают, что она имела целью охранить Россию, чтобы она не попала в лапы Германии, и оттянуть германские войска с западно го фронта. В июне 1918 года не было опасности занятия России немцами. Влияние интервенции на положение нем цев на западном фронте было ничтожным. И, следова тельно, каковы бы ни были намерения союзных прави тельств, поддерживавших интервенцию, русские видели в ней средство для низвержения большевизма. Она не удалась, и эта неудача поколебала наш престиж почти во всех классах русского населения. Оптимизм Карахана был для меня горьким разочарованием, но, раз интервенция началась, я должен был сделать все от меня зависящее, чтобы помочь ей. В течение августа все мои усилия были сосредоточены: 1) на хлопотах о нашем отъезде и 2) на оказании финансовой помощи тем, кто нас поддер живал.

Что касается нашего отъезда, то дело стояло на мерт вой точке. Чичерин занял позицию, типичную для боль шевистского дипломатического искусства. Конечно, мы можем получить паспорта. Мы можем уехать как только пожелаем. Однако куда же мы намерены направиться. Германцы осуществляли контроль над Финляндией. В Константинополе были турки. Он не предполагал, что мы захотим проделать длинный путь к афганской или персидской границе. Однако только это, кажется, и было возможно. Я прервал все эти бесконечные разглагольст вования. «А как насчет Архангельска?» — спросил я. ин,

как бы извиняясь, а вместе с тем снимая с себя сгнетет венность, сказал: «В Архангельске английские контррево люционеры. Мы не можем отпустить вас туда» Катя лось, все было потеряно. Было слишком ясно, что нас задержат в Москве как заложников. Оставалась еще одна надежда, финскогерманское буржуазное правительство гарантирует нам безопасный путь через Финляндию Мы вручили свою судьбу дипломатическим представителям нейтральных держав, которые тотчас же начали

перего воры с финским и германским правительствами.

Я воспользовался этим временем для оказания фи нансовой помощи организациям, стоявшим за союзни ков; они сильно нуждались в деньгах. До сих пор эту помощь оказывали исключительно французы, и мой от каз от сотрудничества в этом деле вызывал неудоволь ствие политических представителей Алексеева и Деники на. Теперь, когда у нас произошел открытый разрыв с большевиками, я внес свою долю. Хотя банки и были закрыты, а все операции с иностранной валютой незакон ны, денег все же легко было достать. Много русских имели скрытые запасы денег в рублях. Они были очень довольны обменять их на письменные обязательства о выплате в Лондоне. Для избежания всяких подозрений мы собирали деньги через одну английскую фирму в Москве. Они имели сношения с русскими, назначали цену и выдавали обязательства. Для каждого обязательства мы давали ашлийской фирме официальную гарантию, что оно будет полноценным в Лондоне. Деньги переправ лялись в американское генеральное консульство и выда вались Хиксу, который передавал их уже по назначению. Если не считать этих волнений, то дни проходили уныло. Никакой другой работы мы не могли вести. За исключе нием небольшого карманного кода на случай необходи мых посланий, мы уничтожили все наши шифры и доку менты. Ежедневно все представители союзников собира лись в американском генеральном консульстве, единст венном безопасном убежище. Как это ни странно, боль шевики не выказывали враждебности к американцам, несмотря на то что Соединенные Штаты присоединились к высадке в Архангельске. О них не упоминали в офи циальных протестах против зверств французских и ан дийских войск на севере России. В озлобленных статьях московской прессы, направленных против французов и англичан, о них также не говорили.

Мы составляли планы отъезда — переговоры с фин ским в германским правительствами двигались медлен но, но не безрезультатно. Французы выплачивали беше ные деньги за поезд, который стоял под парами, так чтобы мы могли уехать, не теряя ни минуты. От англи чан, живших в С.Петербурге, мы были совершенно отре заны. Через голландское посольство я послал Кроми записку с сообщением, что я ничем не могу ему помочь и что ему лучше всего хлопотать о своем отъезде вместе с другими английскими чиновниками. У меня было не сколько бесед с Рейли, который решил остаться в Москве после нашего отъезда. Положение было совершенно не обычно. Объявления войны не было, однако сражения шли по всему фронту от Двины до Кавказа. Мы не могли выехать из Москвы, однако свобода наших

действий в городе была почти неограниченна. С другой стороны, мы очень мало знали, что творится на свете. Одно только было ясно: большевики не уступали. Против подавленно го настроения мы боролись небезуспешно. Французы обе дали у нас, или мы у них и играли в бридж. Мы возобно вили безуспешные сражения в покер с американцами. Следует отдать должное Пулю, американскому генераль ному консулу, и Уордвеллю — главе американской мис сии Красного Креста. Им не стоило бы большого труда выхлопотать себе разрешение на отъезд, но они твердо поддерживали нас до конца. Днем мы играли в футбол в английском генеральном консульстве. Здесь произошло историческое сражение между англичанами н француза ми, в котором принял участие даже генерал Лаверн. игравший в рубашке, бриджах и сапогах. Он совершал чудеса, голова его отливала серебром, освещенная авгу стовским солнцем. Саду ль, французский социалистиче ский депутат, впоследствии примкнувший к большеви кам, был голкипером. Так как рефери не было, атаки были ужасны. У французов было несколько хороших хав беков, а так как, кроме того, мы были в теннисной обуви, то было несколько несчастных случаев. Однако результат был такой же, как и при Ватерлоо, хотя на этот раз без помощи немцев. Одержав победу, мы вынесли генерала с поля битвы и выпили русское пиво за его здоровье. Это была последняя игра в футбол, в которой я участвовал.

Через несколько дней после этого международного состязадия, а именно 15 августа, мне был нанесен визит, который повлек за собой международные осложнения более серьезного характера. Я сидел за завтраком у себя дома, когда раздался звонок и лакей доложил мне, что меня хотят видеть два латвийских джентльмена. Один невысокий юноша с бледным лицом, по имени Смидхен, другой, ьерзин, высокий мужчина могучего сложения с резкими чертами лица и жестким стальным взглядом назвавший себя полковником. Он на самом деле коман довал одним из латышских батальонов, которые образо вали преторианскую гвардию советского правительства Смидхен передал письмо от Кроми. Так как я всегда находился настороже, опасаясь провокации, я тщательно проверил письмо. Оно было, несомненно, от Кроми. Рука была его. В тексте была ссылка на мое письмо к нему пересланное через шведского генерального консула Вы ражение, что он подготовлял свой отъезд из России и надеялся «хлопнуть дверью» прежде чем уедет, было типичным для этого храброго офицера. А кроме того, и правописание было, несомненно, его. Никто бы не мог это подделать, ведь подобно принцу Чарльзу Эдуарду, Фридриху Великому и мру Гарольду

Никольсову, бед ный Кроми не умел писать грамотно. Письмо заканчива лось рекомендацией Смидхена как человека, способного « оказать нам некоторые услуги. Щ

Я спросил их, чего они хотят. Говорил больше Бер зин. Он объяснил, что, хотя латыши поддерживали боль шевистскую революцию, они не могут бесконечно сра жаться за большевиков. Им хотелось бы вернуться к себе на родину. Пока Германия была могущественна, это было невозможно. С другой стороны, если союзники, что вполне возможно, выиграют войну, им, а не Германии, будет принадлежать последнее слово при решении даль нейшей судьбы Латвии. Поэтому они решили не ссорить ся с союзниками. Они не намереваются сражаться с вой сками генерала Пуля в Архангельске. Если их пошлют на этот фронт, они сдадутся в плен. Не могу ли я догово риться с генералом Пулем, чтобы их не расстреляли союзные войска? _ «.

„ Предложение было заманчиво и правдоподобно, иго следовало серьезно обсудить, но, прежде чем давать какоелибо обещание, я хотел посоветоваться со своими коллегами. Я сказал заговорщикам, что, хотя и понимаю их нежелание сражаться против союзников, я не имею возможности им помочь. Я не имею никакой связи с генералом Пулем. Более того, я в любую минуту могу

уехать из России. Самое лучшее для них послать своего представителя к генералу Пулю. В этом я мог им помочь Я условился, что они зайдут ко мне на следующий день в эго же время. Днем я всесторонне обсудил вопрос с генералом Лавернем и господином Гренаром, француз ским генеральным консулом, впоследствии посланником в Югославии. Мы решили, что, хотя мы должны быть очень осторожны из боязни скомпрометировать себя весьма возможно, что латыши не хотят сражаться против союзников. Не будет особого вреда посоветовать им послать представителя к генералу Пулю. В этом мы им можем помочь, так как переговоры о нашем отъезде подходили к счастливому концу, мы передадим их Сид нею Рейли, который оставался здесь. Рейли будет наблю дать за ними и поддерживать в них нежелание воевать против наших войск. На следующий день я передал латы шам бумагу, в которой было сказано: «Прошу пропу стить через английские линии подателя сего, имеющего сообщить важные сведения генералу Пулю», — и позна комил их с Рейли.

Через два дня Рейли сообщил, что переговоры шли гладко и латыши не имели никакого намерения впуты ваться в неудачи большевиков. Он выдвинул предложе ние поднять после нашего отъезда контрреволюционное восстание в Москве с помощью латышей. Проект этот был категорически отвергнут генералом

Лавернем, Гре наром и мною самим, и Рейли было дано особое преду преждение никоим образом не участвовать в столь опас ном и сомнительном деле. После этого Рейли ушел в «подполье», то есть скрылся, и я уже не встречался с ним до его бегства в Англию.

Наше вынужденное безделье продолжалось еще две недели. Отъезд наш, так сообщили нам нейтральные дипломаты, был решен принципиально. Дата могла быть установлена в любую минуту. Мы упаковали наши по житки, правильно рассудив, что нам надо ехать налегке; с тяжелым сердцем я решился бросить свое имущество на квартире: коллекцию восточных книг, обстановку и сва дебные подарки. Однажды поздним вечером мы поехали в Стрельну попрощаться с Марией Николаевной, царицей цыганок. Стрельна была закрыта, но мы нашли ее в соседней даче. Мария Николаевна пролила немало слез над нами, спела несколько любимых нами песен вполго лоса, почти шепотом, и, расцеловав меня, умоляла нас остаться у нее. Она предчувствовала, что нас ждет не счастье. Она нас переоденет, спрячет, будет кормт и организует наше бегство на юг. Совет ее,ˆТразˆм ныи, не мог быть принят. Она вышла за калитку шюв! дать нас, и мы распрощались под гигантскими елямиˆ Петровского парка, при свете луньт, брюсавшеиТнтˆста! ческие тени вокруг. Мы трогательно прощались? гЗгˆя боязливые взгляды по сторонам. Мы больше никоˆдаее не увидели. Я мельком услышал, что она умерла в нище те через несколько лет. ——

Несчастье, которое она предвидела, оказалось вьютре лом из револьвера. В пятницу, 30 августа, Урищшй, глава петроградской ЧК, был убит русским юнкером по фами лии Каннегиссер. На следующий вечер социалистка революционерка, молодая еврейка Фанни Каллан, в упор два раза выстрелила в Ленина, выходившего с завода Михельсона после митинга. Одна пуля прошла через легкое над сердцем, другая попала в шею около главной артерии. Лидер большевиков не был убит, но у него было мало шансов остаться в живых. Я узнал новости через полчаса после происшествия. Оно должно было повести к серьезным последствиям, и, предчувствуя ожидающую нас судьбу, мы засиделись с Хиксом довольно поздно, вполголоса обсуждая события и гадая, как они повлияют на наше незавидное положение.

Мы легли спать в час, и я крепко заснул, измученный всем напряжением последних месяцев. В половине чет вертого меня разбудил грубый голос, приказывающий мне немедленно встать. Когда я открыл глаза, я увидел направленное на меня стальное дуло револьвера. В ком нате было около десяти вооруженных

людей. Я узнал одного из них, он был старшим. Это был Макаров, бывший комендант Смольного. Я осведомился, что зна чит это нарушение наших прав. «Никаких вопросов, — ответил он грубо. — Одевайтесь скорее. Вы сейчас отпра витесь на Лубянку, 11.» (На Лубянке, 11 помещалась мо сковская ЧК.) Такая же группа агентов ЧК явилась к Хиксу, и, пока мы одевались, большинство налетчиков начали обыск квартиры в поисках компрометирующих документов. Как только мы были готовы, нас посадили в автомобиль, по сторонам сели конвоиры, и повезли в ЧК. Там нас поместили в маленькую квадратную комнату вся обстановка которой состояла из грубого стола и пары простых деревянных стульев.

После долгого ожидания меня повели по темному коридору. Двое вооруженных, сопровождавших меня остановились у двери и постучали. Раздался замогиль ный голос: «Войдите», и меня ввели в большую темную комнату, освещенную только лампой на письменном сто ле. За столом сидел человек, одетый в черные брюки и белую русскую рубашку, рядом с блокнотом лежал ре вольвер. Черные вьющиеся, длинные, как у поэта, волосы были зачесаны назад над высоким лбом. На левой руке были надеты большие часы. В тусклом свете его лицо выглядело более бледным, чем обычно. Губы его были плотно сжаты. Когда я вошел в комнату, он устремил на меня пристальный стальной взгляд. Вид его был мрачен и внушал опасения. Это был Петере. Я не видел его с того дня, когда он сопровождал нас с Робинсоном при посеще нии оплота анархистов.

Можете идти, — обратился он к конвоирам, затем последовало долгое молчание. Наконец, он отвел глаза и открыл свой бювар.

Очень жаль, что вижу вас здесь, — произнес он. — Дело очень серьезно.

Он был щепетильно вежлив, но серьезен. Я попросил разъяснения, указывая, что я приехал в Москву по при глашению советского правительства и мне были обеща ны дипломатические привилегии. Я заявил официальный протест против ареста и попросил разрешения погово рить с Чичериным. Он не обратил внимания на мой протест.

— Вы знаете эту женщину, Каштан?

Я не знал ее, но решил, что в данных условиях лучше будет не отвечать. Я повторил как можно спокойнее, что он не имеет права допрашивать меня.

— Где Рейли? — был следующий вопрос. Я не ответил попрежнему.

Тогда он вынул бумагу из своего бювара. Это был пропуск к

генералу Пулю, который я передал латышам.

— Это ваше письмо? — спросил он.

И еще раз я возразил с нарочитой вежливостью, что не буду отвечать на вопросы. Он не стал меня запутывать. Опять устремил на меня пристальный взгляд и сказал:

— Для вас будет лучше сказать правду.

Я ничего не ответил. Тогда он позвонил, и меня отвели обратно к Хиксу. Опять мы остались одни, мы почти не разговаривали и лишь перекидывались пустяч ными замечаниями. Было ясно, что наш разговор оудед

подслушал. У меня было очень cMvrnn* том, что случилось. Но eS"5SS ЭТльше^» пытались связать нас с пожут1кл«ем вГлеиииГ^ маневр меня не смущал. Покушение на Ленина мог^о быть косвенным следствием интервенции саозиикот но мы ничего не имели с ним общего. Меня oonWoecn^ коило упоминание имени Рейли и мой пропуск к Пуш Я догадывался, что это была какаято ловушка и мои ла тышские посетители были провокаторами.

Пытаясь выяснить в уме всю ситуацию, я взялся за отвороты пальто и вдруг обнаружил в кармане записную книжку, в которой шифром был записан отчет jo6 израс ходованных мною суммах. Агенты ЧК перерыли мою квартиру, может быть, они еще обыскивали ее в ту мину ту, но они не догадались обыскать наши костюмы, кото рые мы надели при аресте. Записи были понятны только мне самому. Но в них были цифры, и если бы они попали в руки большевиков, то они могли бы выдумать способ нас скомпрометировать. Они сказали бы, что цифры изображают передвижения большевистских отрядов или суммы, истраченные мною на организацию контррево ' люпин. Мысль о записной книжке мучила меня. Как мне от нее избавиться? Нас могут обыскать в любую минуту. Оставался только один способ решить дело. Я попросил разрешения у наших часовых пойти в уборную. Мне разрешили, но это было не так просто. Два часовых сопровождали меня до двери, и, когда я хотел ее закрыть, они сказали:

— Оставьте открытой, — и встали напротив меня.

Минута была трудная. Рискнуть или нет? По счастью, за меня решило дело антисанитарное состояние уборной. Не было бумаги. Стены были запачканы человеческими экскрементами. Как можно спокойнее я вынул записную книжку, вырвал преступные страницы и использовал их. Я спустил воду. Водопровод работал, я был спасен. Я вернулся обратно к Хиксу и сел рядом. В шесть утра в комнату ввели женщину. Она была одета в черное платье. _ Черные волосы, неподвижно

устремленные глаза, оове денные черными кругами. Бесцветное лицо с «Р™ выра женными еврейскими чертами было *™Р™™™Ь™0 Ей могло быть от 20 до 35 лет. Мы ДОпда»^™^ была Каштан. Несомненно, бшмиери» ggl S? она подаст нам какойлибо знак. Споко^вие^было неестественно. Она подошла к окну и стала глядеть него, облокотись подбородком на руку. И так она остава лась без движения, не говоря ни слова, видимо, покорив шись судьбе, пока за ней не пришли часовые и не увели ее Ее расстреляли прежде, чем она узнала об успехе или неудаче своей попытки изменить ход истории.

В девять часов утра вошел сам Петере и сообщил нам что мы можем отправиться домой. Мы были освобожде ны. Позднее мы узнали, что он сомневался, как ему поступить, и позвонил к Чичерину за указаниями. Чиче рин протестовал против нашего ареста.

Было воскресное утро, шел дождь. Мы наняли старые дрожки и, усталые, подавленные, поехали домой. В квар тире было все перевернуто вверх дном. Повар и двое слуг исчезли. От швейцара мы узнали, что Муру забрали в ЧК.

По дороге домой мы купили газету. В ней был ряд бюллетеней о здоровье Ленина. Он все еще был без сознания. Были также резкие статьи против буржуазии и против союзников. О нашем аресте не упоминалось, нас не пытались обвинить в убийстве Урицкого или покуше I нии на Ленина.

Приняв ванну и побрившись, я направился в голланд ское посольство повидать Удендайка, голландского по сла, который защищал наши интересы. Это был малень кий человечек, проведший большую часть своей жизни в Китае. Он был женат на англичанке и прекрасно говорил поанглийски. Я нашел его чрезвычайно взволнованным. В С.Петербурге произошла ужасная трагедия. В тот самый день, когда я был арестован, отряд агентов ЧК ворвался в наше посольство. Храбрец Кроми сопротив лялся налету, убил комиссара и был застрелен на верху лестницы. Все английские чиновники в С.Петербурге бы ли арестованы.

В угнетенном состоянии я отправился к Уорвелю. Я беспокоился о Муре и слугах и рассчитывал на его по мощь для их освобождения. Он обещал сделать все от него зависящее, и его спокойная уверенность восстанови ла мое самообладание. Он не мог видеть Чичерина, но ему был обещан прием на следутощий день. Он также не знал какова подоплека этих арестов. Он предполагал, что в результате покушения на Ленина большевики по теряли голову. Он опасался, что угроза красного террора, которой были переполнены газеты, скоро будет исполнена.

озирались. На перекрес£?с^^ солдат. Снова господствовал

сггт^^ор^^^ сов вся атмосфера города изменилась. На след^пий день не в состоянии дольше оставаться в неизвестного судьбе Муры, я поехал в Комиссариат иностранвькдел и попросил разрешения видеть Карахана. Меня сейчас же приняли. Не вдаваясь в политические рассуждения « приступил прямо к делу. Как бы ни были недмюльвы мной большевики, было бесчеловечно мучить меня аре стом Муры Я обратился к его снисходительности и просил освободить ее. Он обещал сделать все, что он может. Это был день моего рождения — 31 год, — и я провел его один с Хиксом, приготовившим на ужин кофе черный хлеб и сардины.

Во вторник мы прочли полный рассказ о наших безза кониях в большевистской прессе, которая превзошла себя в фантастическом отчете о так называемом деле Локкар , та. Мы обвинялись в заговоре на убийство Ленина и Троцкого, в организации военной диктатуры в Москве и желании обречь на голод население Москвы и Петербур га, взорвав все железнодорожные мосты. Весь заговор был раскрыт благодаря преданности латышского гарни зона, который союзники пытались подкупить щедрой раздачей денег. Вся история, которая читалась, как сказ ка, была окружена фантастическим описанием моего аре ста. Заявляли, что я был захвачен на митинге заговорщи ков. Я был взят в ЧК и тотчас по установлении личности освобожден. Столь же фантастически были описаны со бытия в С.Петербурге. Убийство Кроми было изображе но как акт самозащиты большевистских агентов, отвечав ших на его выстрелы. Огромные заголовки изображали представителей союзников как «англофранцузских бан дитов», а в комментирующих статьях требовали при менения террора и самых суровых мер против заговорщиков.
исчез.

Вначале я склонен был рассматривать эти выпады как типичную для большевиков попытку: 1) оправдать ся в убийстве Кроми, которое, я уверен, не было пред намеренным; 2) ободрить своих П|Шве|91^ивог лить ужас в сердце предполагаемых ™^ £ъ™™^м неровУв самой 'москве. ^^^^^ вполне потерял голову, то весь рассказ был сплетением лжи.

Оказалось, что Пуль, американский генеральный ков сул, более серьезно отнесся к заговору. Он склонен был считать Реяли провокатором, инсценировавшим заговор для выгоды большевиков. В одном из рассказов о загово ре упоминалось о проекте не убивать Ленина и Троцкого а iгровести их по московским улицам в рубахах. Такое фантастическое предложение могло зародиться только в изобретательном воображении Рейли. Я засмеялся над опасениями Пуля. Позднее я

ближе узнал Рейли, чем в то время, но мое мнение о его характере не изменилось. Ему было тогда сорок шесть лет. Это был еврей, я думаю, без капли британской крови. Родители его были родом из Одессы. Его настоящее имя Розенблюм. Фамилию Рейли он принял, взяв имя своего отчима, ирландца Калла гая. Как он сделался английским подданным, я не знаю до сих пор. До войны он провел большую часть жизни в С.Петербурге, зарабатывая крупные суммы в качестве маклера по различным торговым делам. Это был человек с громадной энергией, очаровательный, имевший боль шой успех у женщин и весьма честолюбивый. Я был не очень большого мнения о его уме. Знания его охватывали большую область от политики до искусства, но были поверхностны. С другой стороны, мужество его и презре ние к опасности были выше похвал. Капитан Хилл, его соучастник в опасном плане остаться в Москве после нашего отъезда, был человеком, лояльность которого была вне подозрений. Он был так же храбр и смел, как и Рейли. Порусски он говорил так же хорошо. Если была двойная игра со стороны Рейли, Хилл вряд ли смог бы ее не обнаружить. Как ни смехотворна была история о двойной игре Рейли, я узнал, что через Пуля она дошла даже до Лондона. Два месяца спустя я приехал в Англию и со всей убежденностью поручился за Рейли перед Ми нистерством иностранных дел, когда этот удивительный человек, будучи на волосок от смерти, наконец добрался до Бергена после целого ряда приключений.

Хотя я никогда не сомневался в верности Рейли со юзникам, я никогда не был уверен, не уверен и сейчас, как далеко он зашел в своих переговорах с латышами. Это был человек наполеоновской складки. В жизни его героем был Наполеон, и одно время у него была одна «лучши* в мире наполеоновских коллекций. Он видел себя орошенным в России, и перспектива свободы действия вну шила ему наполеоновские замыслы. В последующих раз говорах он всегда отрицал большую часть большевист ских утверждений. По его теории Берзин и другие латы ши, которых он знал, вначале искренно не хотели сра жаться против союзников. Когда они поняли, что интер венция союзников не серьезна, они отшатнулись от него и выдали его, чтобы спасти свои шкуры. Как бы то ни было, так называемый союзнический заговор должен был иметь для нас серьезные последствия.

Любопытна дальнейшая карьера Рейли. По возвраще нии в Англию он поспешно договорился с мром Черчил лем и сторонниками послевоенной интервенции и уехал на юг России в качестве английского агента при армии Деникина. Когда эта

авантюра окончилась крушением, Рейли объединился с Савинковым, осаждавшим в это время государственных деятелей Англии и Франции про сьбами о поддержке так называемого «зеленого» движе ния. Рейли, расходовавший деньги с расточительностью, исчерпал на Савинкове свои финансовые ресурсы. Стес ненный в средствах, он предпринял последнюю отчаян ную попытку поправить свои дела и отправился в 1926 году в Россию с какимто контрреволюционным планом, как говорят, организованным бывшими гвардейскими офицерами. Его дальнейшая судьба неизвестна с досто верностью. Большевики объявили, что он был застрелен при попытке перейти финляндскую границу. По имею щимся сведениям, он попал в большевистскую западню: его гвардейские офицеры, с которыми он познакомился за границей, были на самом деле агентами ЧК, он был отвезен на дачу около Москвы и там убит.

После этого длинного отступления, которое, насколь ко я знаю, содержит истинную правду о так называемом заговоре Локкарта, я должен вернуться к моему собст венному положению в Москве. Сообщение о заговоре союзников появилось в русских газетах третьего сен тября. Несмотря на всю серьезность обвинений, я был оставлен на свободе на этот день. Позднее я узнал, что в официальных большевистских кругах было большое раз ногласие в мнениях относительно того, как со мной поступить. Было несколько комиссаров, которые не мо гли переварить целиком всю чекистскую историю, на следующий день я решил опять отправиться к Карахану и еще раз просить за Муру, которая все еще была в тюрьме. Он встретил меня дружелюбно. Я сказал ему что вся история в советской прессе была сплетением лжи и он добродушно засмеялся. '

— Вы теперь знаете, — заметил он, — что мы терпим от ваших газет.

Однако он не особенно обнадеживал относительно Муры, и, решившись на отчаянное средство, я решил отправиться к самому Петерсу. Из русского Комиссариа та иностранных дел я отправился на Лубянку и попросил разрешения его видеть. Просьба моя вызвала некоторое волнение и перешептывание между часовыми в прихожей Добиться разрешения войти заняло у меня около получа са, а получить пропуск к Петерсу — еще дольше. Когда он меня принял, я сразу набросился на него с заявлениями насчет Муры. Я сказал ему, что заговор — это надува тельство и он сам это знает. Если даже во всем есть хоть крупица правды, то Мура ничего об этом не знала. Я просил немедленно ее освободить. Он терпеливо меня выслушал и обещал, что мое заявление о ее невиновности будет принято во

внимание. Потом посмотрел мне прямо в лицо. «Вы избавили меня от хлопот, — сказал он. — Мои люди ищут вас в течение целого часа. У меня имеется приказ о вашем аресте. Ваши английские и фран цузские товарищи все уже под замком». Последние слова были не вполне точны. Некоторые из них избежали заключения способом, который оказался единственным комическим эпизодом нашего позорного положения. Об этом я расскажу позднее. Что же касается меня, то на этот раз я уже понастоящему попал в тюрьму.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Заключение мое длилось ровно месяц. Его можно разделить на два периода: первый продолжался несколь ко дней и был отмечен неудобствами и страхом; второй, длившийся двадцать четыре дня, можно назвать перио дом сравнительного комфорта, сопровождаемого ост рым душевным напряжением. „лвлгп

На Лубянке, 11, в бывшем помещении Страхового общества, я сидел в комнате, которая была предназначе на для регистрации и предварительного допроса второ степенных преступников. В ней было три окна, два из них выхолили во внутренний двор. Обстановка стола, деревянных стульев, crarx)roˆc™!!L ˆ т на котором, если мне везло, paˆˆЖспаˆ0ˆ8' я спал на полу. Однако самое тя»3™. и" Обычно в том, что комната никогда ˆmˆSˆSTT0 темной. Все время дежурили две? чаˆˆ pˆf0* ■ ших комиссаров, в пользовании которых оьиПогˆ™" не прекращалась ни днем ни ночью. Вгˆцдˆˆ это были латыши или русские матросы. Htˆoˆfˆl настроены довольно дружелюбно. Они рахсматˆнмлн меня с особым интересом, иногда разговарив ˆсГмной и давали мне читать «Известия». Другие были грубые враждебны. Ночью за мной присылал Петере и я гтодвет? гался насмешливому допросу. Я не могу сказать чтТон обращался со мной плохо. Желание спать было тяжелым испытанием, и меня утомляли его ночные допросы По большей части это были настойчивые предложения сооб щить ему всю правду в моих же собственных интересах Он говорил, что мои товарищи уже сознались (один из французских агентов написал антисоюзническое письмо, напечатанное в большевистской прессе), и Петере предла гал мне сделать то же, если я хочу избежать передачи моего дела в Революционный трибунал. Он не был, однако, ни груб, ни даже невежлив. Наши отношения заключенного и тюремщика были приятны. Он сам был женат на англичанке, которую оставил в Англии. Его, казалось, интересовал мой роман с Мурой. Иногда он заходил ко мне в комнату и осведомлялся, хорошо ли меня кормят. Пища — чай, жидкие щи и картофель была непитательна, но я не жаловался. На второй день он принес мне две книги для чтения: Уэллса «Мистер Брит линг...» и Ленина — «Государство и революция». Моим единственным утешением были официальные большевистские газеты, которыми меня снабжали мои тюремщики с радостью пропагандистов. Конечно, что касается моего личного дела, газетные сведения Ьыли далеко неутешительны. Они были все переполнены заго вором Локкарта. Печатались многочисленные резолю ции, принятые комитетами

рабочих, Ф6У™"1%*\"£ до мной и смертного приговора. »"д ное место и иностранным ˆментарˆпопоъоˆзто вора. В особенности германская "^™*™*0*$. Должное. Во время войны она сильно ных же обвинений в недипломатическом поведении, бенно в деле Палена, а теперь она воспользовалась боль шей частью приписываемых нам проступков, называя их наиболее скандальными в истории дипломатии Были также неутешительные отчеты о победах большевиков над чехами и союзниками и еще более грозные сведения о терроре, развернувшемся вовсю. Все эти подробности не могли рассеять мою тревогу. С самого первого дня моего заключения я решил, что', если Ленин умрет, моя жизнь не будет стоить ни гроша. Меня могло спасти только одно: из ряда вон выходящая победа союзных войск во Франции. Зная пристрастие большевиков к миру какой угодно ценой, я чувствовал, что такая победа может смягчить обращение со мной большевиков. А «Известия», к моей радости, содержали не только бюллетени о здоровье Ленина, но и новости о положении на западном фронте. И те и другие были утешительны. Шестого сентября было объявлено, что Ленин вне опасности. На западе продвижение союзников сопровождалось действительным успехом.

От Петерса я узнал, что мои коллеги сидели все вместе в Бутырской тюрьме. Один я был выделен для одиночного заключения. Это усиливало дурное настроение.

Мое заключение в ЧК было отмечено двумя мрачными инцидентами. На третий день ко мне в комнату ввели бандита. Это был высокий здоровый детина лет двадцати пяти. Я был молчаливым свидетелем его допроса, который сильно разнился от того, что пережил я в руках Петерса. Сперва он, смеясь, утверждал свою невиновность. Не было более лояльного сторонника советского режима, чем он. Никто так добросовестно не соблюдал декреты. Обвинения в бандитизме и контрабанде были делом контрреволюционеров, хотевших его погубить. Он изобразил себя в прекрасном свете, но комиссар не обратил на это никакого внимания. Он безжалостно повторял свой вопрос: «Где вы были в ночь на двадцать седьмое августа?» Бандит сперва шумел, затем смутился, стал лгать, а когда заметил, что комиссар видит его ложь, начал рыдать и просить пощады. Комиссар засмеялся и нацарапал что-то на клочке бумаги. Он протянул бумажку часовому, бандит все еще стоял на коленях у стола. Часовой взял его за плечо, и тотчас все его поведение изменилось. Увидев, что судьба его **Рˆгˆˆ на ноги, отбросил одного часового к стене и стремительно бросился к двери. Один из 6nm.mM.~_ ногу и бандит упал, раˆянˆщˆн?"^"ˆ™ «*У „

вытащили из ^^^T^^^^JS^^ проклинать своих тюремщиков Драться и

Второй инцидент, более потрясший мои неоны ^ изошел в последний день моего гтрТывˆя на Лvoˆ" ке, 11. Я читал, когда Петере вошел в комнатˆ Я отошел с ним к окну поговорить. Когда у него был! сводная минута, он любил поговорить об Англии, войнТкагХ* лизме и революции. Он рассказывал мне необыкновенные вещи о своих переживаниях в бытность революционеоом Он сидел в тюрьме в Рите во времена царизмаОн показывал мне свои ногти в доказательство тех пыток которые он перенес. Ничто в его характере не обличало бесчеловечного чудовища, каким его обычно считали. Он говорил мне, что каждое подписание смертного приговора причиняло ему физическую боль. Я думаю, это была правда. В его натуре была большая доля сентиментальности, но он был фанатиком во всем, что касалось столк новений между большевизмом и капитализмом, и он преследовал большевистские цели с чувством долга, которое не знало жалости.

В то время, как мы разговаривали, автомобиль вроде «Черной Марии» въехал на задний двор, из него вылез отряд людей с ружьями и патронташами и занял весь двор. В это же время как раз под нашим окном открылась дверь и три человека с опущенными головами медленно направились к автомобилю. Я их тотчас же узнал. Это были Щегловитов, Хвостов и Белецкий — три эксминистра царского режима; они сидели в тюрь ме с начала революции. Затем последовала некото рая пауза и потом крик. Из двери наполовину вытолкнули, наполовину вытащили жирного священника и по вели к «Черной Марии». Он был жалок. По лицу кати лись слезы. Колени его подогнулись, и, как мешок, он упал на землю. Мне стало нехорошо, и я отвернулся. «Куда их ведут?» — спросил я. «Они отправляются j Другой мир», — сухо сказал Петере. «Вот этот, добавил он, указывая на священника, — ™™™г£ служил». Это был известный епископ Вютˆв. Эк£ министры были первой партией из нескольких сот жертв террораˆ расстрелянных в это время вˆкачестве плат а за покушение на Ленина. Ночью Петере прии мной.

— Завтра, — сказал он, — мы перевозим вас в Кремль. Там вы будете один и вам будет удобнее.

В моем присутствии он позвонил коменданту Кремля.

— Готовы ли комнаты для гражданина Локкарта? —ˆ спросил он не допускающим возражения голосом.

Очевидно, ответ был отрицательным.

— Ничего не значит, — возразил Петере, — дайте ш\ комнату Белецкого. 3

Белецкий был одним из эксминистров, расстрелянных днем.

Это казалось зловещим намеком. Кремль предназначался только для наиболее несчастливых политических заключенных. До сих пор никто оттуда не вы шел живым.

Меня перевезли в Кремль вечером восьмого сентября и поместили в кавалерском корпусе. Мои новые комнаты были чисты и удобны. Они состояли из маленькой прихо жей, приемной, крошечной спальни, ванной комнаты — увы, без ванны — и маленькой кухни. Комнаты в прежнее время были предназначены для фрейлины. К несчастью, окна с обеих сторон выходили в коридор, так что я был лишен свежего воздуха. К несчастью также, я был не один, как мне обещал Петере. У меня нашелся товарищ по заключению, латыш Смидхен, причина всех наших бедствий, которого обвиняли как моего агента и соучастника. Мы провели вместе тридцать шесть часов, и я все время боялся произнести слово. Затем его увели, и я никогда не узнал, что с ним сталось. До сих пор я не знаю, расстреляли его или щедро наградили за ту роль, которую он сыграл в разоблачении «большого заговора». Был еще один недостаток в моей новой тюрьме. По обе стороны ее стояли часовые, по одному у каждого окна. Они сменялись через четыре часа и при смене заходили ко мне в комнату проверить, там ли я; каждую ночь меня будили в 10, 2 и 6 часов. Часовые были по большей части латыши, но были также русские, поляки и венгры. Был еще старик, бывший кремлевский служитель, убиравший комнаты. Он был, насколько мог, любезен, но весь наш разговор ограничивался просьбой принести большевистские газеты и горячую воду для самовара. Из «Известии» я узнал, что союзные правительства послали резкую ноту большевикам, требуя нашего немедленного освобождения и считая их всех вместе и каждого в отдельности ответственными за нашу безопасность. В отплату в Англии арестовали Литвинова и посадили в тюрьму, чичерин ответил на протест нотой, в которой излагались все наши преступления, но которая содержала предложение освободить нас в обмен на Литвинова и других русских арестованных во Франции и Англии. Предложение Чичерина было до некоторой степени успокоительным. Однако в других отделах газеты сообщалось, что меня будут судить за преступление, которое карается смертью; я совсем не был уверен в своем освобождении и даже в личной безопасности.

Пища в Кремле была такая же, как и на Лубянке, 11,— суп, чай и картофель. Петере извинился за это, говоря, что он и его подчиненные получают то же самое. Из того| что я мог заметить во время моего пребывания в ЧК, его слова были правильны. По приезде в Кремль я первым делом написал Петерсу по поводу

Муры и своих слуг. Еще раз я обращался к его порядочности. Я сообщал ему, что слуги ни в какой мере не были ответственны за то, что я мог делать или не делать. Что же касается Муры, я спрашивал, какое удовлетворение он получает, сражаясь с женщинами. На третий день он приехал ко мне. Он сообщил, что, по всей вероятности, я буду передан для суда Революционному трибуналу. Однако он освободил Муру. И даже больше того, он дал ей разрешение прине сти мне пищу, одежду, книги и табак. Он брался передать ей от меня записку при условии, если она будет написана порусски и не запечатана. Вместе с тем он отдал распо ряжение коменданту Кремля давать мне ежедневно двух часовую прогулку. Он был в великодушном настроении. Ленин выздоравливал. Новости с большевистского фрон та были прекрасны. Большевики отбили у чехов Уральск. Казань была накануне капитуляции.

Петере сдержал свое слово. Днем я получил конкрет ное доказательство освобождения Муры в виде корзины с одеждой, книгами, табаком и даже такими предметами роскоши, как кофе и ветчина. Было также от нее длинное письмо. Конечно, в нем не было никаких новостей, но оно пришло запечатанным. Его не могли прочесть пытливые глаза моих стражей. Петере сам запечатал его официальной печатью ЧК с припиской, подписанной его решительным почерком: «Прошу передать это письмо запечатанным. Я его прочел. Петере». Этот странный человек, которому я внушал почему-то интерес, решил доказать мне, что большевики в мелочах могут быть такими же рыцарями, как и буржуа.

Одежда и пища, но особенно одежда, были истинным благодеянием. Я не снимал костюма, не умывался и не брился вот уже шесть дней. Тревога моя длилась еще две недели. Как раз накануне Крыленко, общественный обви нитель, выступал на митинге и под громкие возгласы одобрения объявил, что будет вести дело о союзных заговорщиках и что преступник Локкарт не избегнет должного наказания. Однако с этих пор моя тюремная жизнь стала довольно спокойной. Конечно, время тянулось убийственно долго. Все же постепенно я завел поря док, который заставил проходить день быстрее. Как только я был одет, я начинал раскладывать китайский пасьянс. (С одеждой и книгами Мура прислала колоду карт.) Я как бы ставил ставку на себя самого. С кельтским суеверием я говорил себе, если пасьянс не сойдется день кончится несчастьем. С нездоровым волнением я сражался за свою жизнь в карты. К счастью, для спо койствия моего рассудка никогда не случалось, чтобы пасьянс не сходился. Однако бывали дни, когда я выхо дил победителем только к

вечеру.

Окончив игру в карты, я принимался за чтение. Вот что я прочел за три недели пребывания в Кремле: Фуки дида, Ренана — «Воспоминание детства и юности», Ранке — «История папства», Шиллера — «Валленштейн», Ростана — «Орленок», Архенгольтца — «История семи летней войны», Бельтцке — «История войны 1812 года в России», Зудермана — «Розы»Т Маколея — «Жизнь и письма», Стивенсона — «Путешествие с ослом», Киплин га — «Смелые капитаны», Уэллса — «Остров доктора Моро», Голланда Роза — «Жизнь Наполеона», Карлей ля — «Французская революция» и Ленина и Зиновьева — «Против течения». Тогда я был серьезным молодым человеком. Другим времяпрепровождением было приго товление еды. После завтрака я гулял по Кремлю. Первая моя прогулка была одиннадцатого сентября. Это был день взятия большевиками Казани, и Кремль весь был украшен флагами и красными знаменами. В первые дни большевистского режима Кремль был крепостью, в которую редко или совсем не допускали посетителей. Даже в дни моих самых дружественных отношений с большевиками я ни разу не переступил его порога. Мои интервью с Лениным, Троцким, Чичериным и другими комиссарами были всегда вне кремлевских стен. Теперь.явидеть все перемены, которые произошли там после Октяорьской революции. Гигантский памятник Александру Второму на площади для парадов был стащен с огромного пьедестала, крест на месте убийства великого князя Сергея снят.

Моим конвоиром в этот первый день был поляк. Он шел рядом со мной с заряженной винтовкой и разговаривал довольно дружелюбно. Он сообщил, что часто сопро вождал царских эксминистров во время прогулок и что мало кто из кремлевских пленников вышел отсюда жи вым. Его товарищи держали пари два против одного, что я буду расстрелян.

В общем конвоиры мои были приличные, смышле ные люди, не делавшие никаких попыток насмехаться надо мной. Во все время заключения я наткнулся только на одного, который был действительно мерзок: негодяй с недовольным лицом, проклинавший Англию, ругавший меня убийцей и отказавший в разрешении послать запи ску коменданту. Он был венгр. Лучше всех были латыши. Многие из них относились к русским презрительно, счи тая их стоящими ниже себя. Один латыш сказал мне, что, если бы Россия могла выставить в окопы миллион нерусских войск, она непременно выиграла бы войну. Каждый раз, когда латыши наступали, говорил он, их подводили русские, которые никогда не могли их поддержать. С другой стороны, он чрезвычайно уважал лидеров большевиков, считая их

сверхлюдьми. Не все мои конвоиры были большевиками. Их можно разделить на три группы: вопервых — ярые коммунисты, убеждавшие каждого своей искренностью и преданностью делу. Таких было немного. Во-вторых, стадо: идущие за толпой — сегодня большевики, завтра — меньшевики. И втретьих, — наиболее многочисленная — скептики, считавшие, что в России все возможно и все плохо. Все, однако, были уверены, что революция упрочилась. Даже те латыши, которые стремились вернуться в Латвию, смеялись над возмож ностью успеха контрреволюции. Для них контрреволюция означала возврат земли собственникам.

Эти прогулки были желанным развлечением в монотонности моего существования. Они не давали мне ду мать о себе, и, хотя вначале я не мог удержаться от косвенных вопросов конвоирам о своей судьбе, получаемые ответы скоро охладили дальнейшие попытки удовлетворить болезненное любопытство. Ежедневно во время прогулки я заходил в маленькую церковь, построенную в стенах Кремля. Там была знаменитая икона Божьей матери «Нечаянная радость» и небольшой сад вокруг церкви. Перед войной, вдохновленный этим очаровательным названием, я написал о ней небольшой рассказ, напечатанный в «Морнинг пост». Теперь этот храм был в течение трех недель местом моих ежедневных молитв.

В конце первой недели, проведенной в Кремле, ко мне зашел Карахан. Он умалчивал о моем деле. Он также намекал, что общественный суд неизбежен. Он сказал мне, что Рене Маршан, член французской миссии, сообщил большевикам все данные о митинге союзников в американском генеральном консульстве. На этом митинге представители союзников обсуждали такие меры, как взрыв железнодорожных мостов, чтобы отрезать Москву и С.Петербург от источников снабжения. По словам Карахана, он передал полный список всех присутствовавших. Я засмеялся. Большинство моих разговоров с Караханом велось в тоне легкой иронии.

Это почище выдумок «Тайме», — сказал я, — и хотите верьте мне, хотите нет, но это новая выдумка вашей ЧК.

Но это правда, — возразил он. — Через день или два мы опубликуем письмо. К счастью для вас, — добавил он с усмешкой, — вы, кажется, не присутствовали.

Рассказ его был более или менее справедлив. Маршан решился примкнуть к большевикам. После войны он вернулся во Францию и вступил во французскую коммунистическую партию. Он отрекся от коммунизма в 1931 году. Карахан передал мне новости о войне и о том, что делается на свете. Нейтральные

дипломаты выпустили резкий протест против террора, из чего я заключил, что они работали для нашего освобождения. Силы союзни ков не имели успеха в России. Большевики отмечали дальнейшие успехи в борьбе с чехами и русскими контрреволюционными силами. С другой стороны, союзники гнали назад немцев на западе. Австрия и Болгария были накануне крушения. Он признавал, что теперь союзники могут выиграть войну.

Конечно, это были хорошие вести. Они были еще усилены разоблачением истинной цели визита Карахана. Он явился, чтобы узнать мое мнение относительно усло вий, на которых Англия согласится прекратить интервен цию и заключить мир с Россией. Большевики были готовы предложить амнистию всем коитгˆт. которые признают режим, нˆдˆˆонˆм, убраться из России чехам и шюзнˆамˆˆ°ЖНость ио, если большевики готовы SSSSˆ'уSSSn Ж союзниками, они меня не расстреляют. С другойˆтопо ны, союзники, казалось, не хотели выслушиватьˆаˆх предложении такого рода. В общем, надежды мои с™ после его визита. Карахан сообщил мне/что Лешт уже может сидеть и принимать пищу.

Погода всю неделю с 14 по 21 сентября была дождли вая и скверная, и два дня я не мог даже гулять. Я все еще получал ежедневные послания и роскошные посылки от Муры. Она мне прислала вечное перо, несколько запис ных книжек, и я занимался писанием скверных стихов и очень осторожного дневника моей тюремной жизни. Так как большевики меня больше не посещали, я не знал новостей, спал плохо и впал в новый период пессимизма.

Я часто видел Спиридонову, заключенную в одном коридоре со мной. Мы никогда не разговаривали, хотя торжественно раскланивались, проходя мимо друг друга во время ежедневных прогулок. Она выглядела больной и нервной, с черными кругами вокруг глаз. Она была неук люжа и очень небрежно одета, но в молодости, вероятное" была очень хорошенькой.

Другим заключенным, кого я встречал иногда во вре мя прогулок, был генерал Брусилов. У него случилось какое-то несчастье с ногой, и он ходил с трудом, опираясь на палку. В моем дневнике записано, что «он выглядел больным, измученным и очень старым, выражение лица было лисье, хитрое». Был еще заключенный Саблин, бывший советский командир, игравший руководящую роль в задуманном левыми социалистами-революционерами coup d'etat в июле месяце. Красивый, с привлекательной улыбкой и голубыми глазами, он вы глядел почти мальчиком.

Высокое положение заключенных, повидимому, за бавляло

наших сторожей. Однажды мой конвоир подвел меня к месту, где раньше стояла статуя Александра II, и с гордостью указал на изречение, грубо выцарапанное с одной стороны огромного пьедестала. Слова, вырезан ные одним из наших часовых, гласили следующее: «Здесь красноармейцы 9го стрелкового латышского батальона имели честь гулять с Брусиловым, Локкартом, Спиридо новой и Саблиным». Слово «честь» было в кавычках. Я мрачно подумал, что это, вероятно, единственный памят ник, кроме могильного, на котором будет фигурировать мое имя.

21 сентября Карахан опять зашел ко мне. Он был возбужден успехами большевиков на Волге. Красная Армия заняла Симбирск и была полна надежд. Он принес мне оттиски «Призыва», большевистской листовки, напе чатанной поанглийски, которую должны были сбрасы вать с аэропланов над английскими войсками на архан гельском и мурманском фронтах. Она содержала гро зный рассказ о так называемом союзническом заговоре. Мое имя широко там фигурировало, и к моим другим преступлениям было еще добавлено обвинение в замысле состряпать ложный договор между Германией и Россией как средство заставить союзников сражаться против большевиков. Рассказ, как следовало из газеты, читался, как «Тысяча и одна ночь». Я указал Карахану на эти слова и поздравил его с талантливой аллегорией. Это был прекрасный пример выдумки, не лишенной вообра жения. Карахан, знавший все детали моего ареста, мягко улыбнулся. «Ваше правительство, — сказал он, — под держивает войну против революции. Союзные войска совершили целый ряд беззаконий в нашей стране. Вы стали символом этих беззакония. При столкновении ме жду двумя мировыми силами отдельные личности всегда страдают».

На следующий день Петере нанес мне ˆнеожиданный визит. Он привез с собой Муру. Был день его рождения (ему было тридцать два года), а так как он предпочитал не получать подарки, а дарить сам, в виде праздничного подарка он привез Муру. Но не только поэтому его визит был одним из самых волнующих моментов моего заклю чения. Петере был в настроении, склонном к воспомина ниям. Он сел напротив меня за маленький столик около стены и начал рассказывать о своем революционном прошлом. Он сделался социалистом в пятнадцать лет, перенес изгнания и всякие преследования. Я слушал урывками. Мура, стоявшая позади Петерса напротив меня, бесцельно перебирала книги на небольшом столе перед зеркалом. Она поймала мой взгляд, вынула записку и сунула ее в книгу.

Меня охватил ужас. Легкий поворот головы — * Петере все мог увидеть в зеркале. Я как можно незамет нее кивнул головой.

Но Мура, казалось, думала, что я не видел, и вновь повторила все сначала. Сердце мое замер ло, и на этот раз я заживал, как эпилептик. К счастью Петере ничего не заметил, в противном случае судьба Муры была бы решена. О моей судьбе он не сказал ничего нового, кроме сообщения о приготовлениях, сде ланных для суда надо мной, но обращался со мной чрезвычайно любезно, несколько раз осведомился как обращаются со мной часовые, регулярно ли я получаю письма Муры и нет ли у меня какихлибо жалоб. Затем, извинившись за свой короткий визит ввиду срочной рабсь ты и пообещав еще раз привезти Муру, он уехал. Мы с Мурой едва перекинулись несколькими словами, но у меня теперь была надежда. Как только они ушли, я бросился к книге — это был Карлейль, «Французская революция» — и вынул записку. В ней было всего шесть слов: «Ничего не говори — все будет хорошо». Всю ночь я не мог заснуть. На следующий день снова приехал Петере. Его второе посещение объяснило первое. На этот раз его сопровождала не Мура, а Аскер, шведский гене ральный консул, обаятельный, большого ума человек, работавший день и ночь для нашего освобождения. Пе тере прямо приступил к делу. Нейтральные дипломаты выражали тревогу относительно моей судьбы. Их сильно обеспокоили слухи, что я расстрелян, что меня подверга ли китайским пыткам. Поэтому он привез шведского генерального консула, чтобы тот убедился лично: 1) что я жив, 2) что со мной хорошо обращаются. Мой разговор с Аскером был ограничен. Мы должны были говорить по русски, а он плохо знал язык. Более того, ему не было разрешено говорить о моей судьбе. Удостоверившись, что я не голодаю и не подвергаюсь пыткам, он ухитрился сказать, что для меня делается все, что только возможно, и затем ушел.

На следующее утро большевистская пресса передала сообщение, что в то время, как буржуазная пресса рас пространяет по всему свету слухи об ужасных пытках, которым я подвергаюсь, я сам, отрицая это, сообщил шведскому консулу, что со мной обращаются крайне любезно.

Мое интервью с Аскером было все же не вполне удовлетворительно. Тот факт, что ему не рˆРешилн говорить о моем деле, меня приводил в>ˆние. Я не боялся больше за свою жизнь, но в«Р°етн0СТЬ °уяблич™ го суда и 1гоодо;1жительного заключения влияли еще

сильнее, чем прежде, на мой рассудок. Мои опасения еще усилились опубликованными на другой день в «Из вестиях» разоблачениями Маришна, французского аген іа. Они были в форме открытого письма к Пуанкаре и в резких выражениях разоблачали контрреволюционную деятельность союзных агентов

в России. Хотя мое имя не было упомянуто в этом письме и хотя я никогда не принимал участия в деятельности, которая оттолкнула Маршана от родины, большевистская пресса ухватилась за возможность вылить всю грязь на мою голову. Еще раз меня называли зачинщиком всего того, что было и чего не было, и архипреступным дипломатом. Думаю, я мог бы считать себя польщенным. Я был самый моло дой из союзных представителей. И все же был выделен для одиночного заключения в Кремле, а мое имя фигу рировало в каждой газете как вожака всех союзных представителей. Сомнительно, чтобы обращение боль шевиков со мной, столь сильно различное наедине и публично, определялось только политическими причина ми. Я знал их более близко, чем любой из союзных представителей. Я почти до самого конца противился интервенции. Необходимо было использовать все средства и дискредитировать заранее все данные, кото рые я мог привести против них. Американские чиновни ки, гораздо больше меня замешанные в разоблачениях Маршана, избегли не только ареста, но даже оскорбле ний. Большевики знали, что президент Вильсон, как историк, помнил Наполеона и весьма равнодушно отно сился к русской политике союзников. Большевики реши ли не делать ничего, что могло бы повлиять на его отношение к этой политике.

Погода в это время была раздражающая. Были дни, когда светило солнце и жара стояла, как в июле месяце. Это были дни надежд. В другие дни дул ветер, дождь безжалостно стучал по кремлевским стенам. В воздухе чувствовалась зима. Холод и сырость еще более усилива ли мое угнетенное состояние. В дневнике записано, что мои нервы, которые до сих пор прекрасно выдерживали все напряжение этих месяцев, начали сдавать.

Двадцать шестого сентября ко мне снова явился Кара хан. Как и всегда, он был любезен и привез лив. Мы продолжали разговор о положении союзников в России и возможности начала переговоров о мире. Он сообщил мне, что вопрос о моем суде в настоящее время решен. Его не будет. Он полагал, что, возможно, я буду освобожден.

Когда он ушел, я сел за стол и перевел белыми стихами монолог Телля из Шиллера: «Он должен пройти эту пустынную долину».

Через два дня приехал Петере с Мурой. Это было в субботу, в шесть часов вечера. На нем была кожаная куртка и брюки цвела хаки. Огромный маузер висел сбоку. На лице сияла улыбка. Он сообщил мне, что во вторник меня освободят. Он разрешит мне поехать до мой дня на два уложиться. Я поблагодарил, он взглянул на меня, как бы стесняясь, сунул руку в карман и вынул

оттуда пакет. «Я хочу обратиться к вам с просьбой, — сказал он. — Когда вы приедете в Лондон, не передадите ли это письмо моей жене?» Кроме того, он дал мне свою фотографическую карточку со своей подписью и показал несколько снимков жены. Прежде чем я успел сказать: «Конечно, передам», он передумал. «Нет, я не буду вас затруднять. Как только вы отсюда уедете, вы начнете проклинать меня и называть злейшим врагом». Каза лось, он был неспособен приписывать буржуазии челове ческие чувства по отношению к пролетариату.

Я сказал ему, чтобы он не глупил и дал мне свое письмо. Отбросив политику, я ничего против него не имею и всю жизнь буду вспоминать его внимательность к Муре. Я взял письмо и, конечно, впоследствии передал. Затем ом начал разговор сперва о политике, затем о заговоре. Он открыто признался в присутствии Муры, что американцы также были сильно скомпрометированы в нем, как и все другие. (Уже после моего ареста один американский агент был задержан с планами расположе ния Красной Армии, спрятанными внутри тросточки.) Он признался, что все показания, которые ему удалось со брать против меня, были ничтожны. Я был либо глуп, либо чересчур хитер. «Я вас не понимаю, — сказал он. Почему вы едете в Англию? Вы поставили себя в ложное положение. Ваша карьера окончена. Ваше правительство вас никогда не простит. Почему вы не останетесь здесь? Вы можете прекрасно здесь устроиться. Мы можем дать вам работу. Капитализм обречен на гибель».

Я отрицательно покачал головой, и он ушел удивлен ный. Он не мог понять, как я решаюсь оставить Муру. Он оставил нас с ней вдвоем.

Реакция была изумительной. Хотя, не считая первых дней, когда еще не было ясно, что Ленин поправится, я не боялся расстрела, все же напряжение было очень сильно и я не был уверен, что при малейшей перемене все не обернется против меня. Мы смеялись и плакали. Потом принялись говорить. Так много надо было рассказать восполнить пробел за целый месяц, когда я ничего не знал о внешнем мире, о товарищах и самой Муре.

Это был бессвязный разговор, прерываемый постоян ными отступлениями, но малопомалу я восстановил всю историю. Мура была в женской тюрьме. Мои коллеги и большая часть французов заключены в Бутырках. Уордвелл, американец, вел себя геройски. Он добился от большевиков уступок. Ежедневно он кормил всех союз ных заключенных и Муру из своих запасов. Она же узнала от него, что меня могут расстрелять. В течение десяти дней за мою судьбу сильно боялись. Мое одиночное заключение весьма

расстроило нейтральных дипломатов. Ужасная сцена произошла между голландским посланником и Чичериным, когда оба потеряли самообладание. Голландский посланник был убежден, что меня расстреляют, и телеграфировал о своем убеждении в Лондон. Британское правительство ответило угрожающей нотой большевикам. Положение казалось безнадежным, пока Ленин не был в состоянии заняться делом. Когда он пришел в себя, говорят, первая его фраза была: «Прекратите террор». Постепенно горячие головы по ту и другую сторону остыли, и из хаоса возник план: обменять нас на Литвинова и других большевиков в Англии. Было много всяких препятствий, прежде чем было до стигнуто соглашение. Английское правительство, аресто вавшее Литвинова, не доверяло большевикам. Оно не хотело выпустить из Англии Литвинова прежде, чем я перееду русскую границу. Несколько дней казалось, что переговоры не выйдут из тупика.

Я предвидел это затруднение, когда в первый раз прочел это предложение в «Известиях». Я знал, что боль шевики мало заботятся о Литвинове, но очень много о своем престиже. Единственный способ удовлетворитель но разрешить такое дело, это поймать их на слове. И они его выполнят в точности. Если относиться к ним, как к бандитам, они будут вести себя, как бандиты. Я полагал, что английское правительство предпочитаетп ˚ШДОВое обращение. Так оно и было. К счастью, Рекс Липер, бьхвХй советником мра Бальфура при переговорах, понимал психологию большевиков. Он убедил мра Бальфура разрешить Литвинову уехать из Лондона в то же время, когда я выеду из Москвы, и мр Бальфур, несмо тря на оппозицию большинства кабинета, принял его совет. Шведы и норвежцы взяли на себя ведение перегово ров. Нам разрешили переехать через русскую границу, как только Литвинов с товарищами приедут в Берген. В течение этого месяца, полного волнений, произошел в связи с нашим заключением один эпизод, заставивший смеяться всю Россию. Когда начались массовые аресты союзных представителей, около шести чиновников, включая Хикса и Гренара, французского генерального консула, укрылись в американском генеральном консульстве, которое после разрыва сношений было занято норвежским посланником. Официально это было теперь норвежское посольство.

Большевики скоро выследили пропавших союзных чиновников. Они хотели их арестовать. В то же время, встревоженные последствиями своего налета на английское посольство в С.Петербурге, они не хотели вызывать новые нарушения международного права. Они хотели быть корректными. Они не хотели нарушить дипломати ческую

экстерриториальность. Но они принудят голодом сдаться укрывшихся. Норвежское посольство помещалось в большом доме с маленьким флигелем, окруженным большим садом, где спали осажденные союзники. Он занимал целый квартал между двумя переулками и был вполне виден с обеих сторон. Большевики окружили квартал войсками, не позволяя никому входить в ворота или выходить из них, и закрыли водопровод и электричество. Ежедневно половина Москвы собиралась на улицах полюбоваться зрелищем. Но союзники не сдавались. Они ежедневно прогуливались по саду. Как только начи нался дождь, они выбегали набрать воды в свои тэбы. Они не только не выглядели голодными, а, казалось, даже потолстели. Они выдержали до конца.

Тэбы были на самом деле только предлогом. В подвалах флигеля находились склады американского Красного Креста: мясо в консервах, молоко, бисквиты, масло, свечи, табак. Прекратив подачу воды, ЧК позабыла один кран, который был, повидимому, соединен с другой магистралью. Неограниченные запасы пищи, чистое, хорошо меблированное помещение и игра в покер вечером за окнами с тяжелыми шторами, чтобы не нарушить иллюзии большевиков, более уютно обставили жизнь осажденных, чем их других товарищей по несчастью.

Вечером после ухода Муры я долго сидел, курил и обозревал положение. Когда испарилась первая радость освобождения, ее сменила глубокая депрессия. Мое буду щее казалось безнадежным. Нервы сдали. Теперь, когда меня должны были освободить или, вернее, выслать из России, я не хотел уезжать. Я все время возвращался к предложению Петерса остаться в России с Мурой. Я обратил на него больше внимания, чем это может себе представить аетлийский читатель. Оно было не так безум но невозможным, как казалось. Садуль и Паскаль, юный французский офицер, чертами лица похожий на святого, приняли подобные предложения. Думал я и о Маршане! Эти люди не были намеренными предателями. Как и на большинство из нас, на них оказал влияние социальный переворот, который, они понимали, потрясет до основа ния весь мир. Были минуты, когда я спрашивал себя, что я сделаю, если мне придется выбирать между цивилизацией Уоллстрита и варварством Москвы. Но теперь я не мог поступать свободно. Я стал центром маленькой международной бури — яблоком раздора для двух систем мира. Мне нельзя стать большевиком. Теперь, когда телеграфные провода половины Европы работали, чтобы обеспечить мне освобождение, я не мог отказаться от своих официальных обязательств.

Решение принесло с собой равнодушие и беспомощ ность. Несколько времени тому назад одна американская газета, критикуя американскую дипломатию в России, сделала сравнение не в пользу американского посланника «с холодным, искушенным Локкартом, беспощадно и расчетливо преследующим английские интересы». Какой сатирой на мое поведение казалось это теперь. Как ничтожны личные желания в этом водовороте международного конфликта.

Сама Мура была удивительна. Она была больна. Тем пература у нее доходила до 39, но она не жаловалась. Она отнеслась к разлуке с русским фатализмом. Она знала, что другого выхода не было.

Еще два дня меня продержали в Кремле. Мура оста валась со мной с утра до вечера. Вместе мы упаковали вещи: книги, колоду пасьянсных карт, заметки и пись ма — некоторые были написаны на бланках чк, она присылала их. Мы говорили главным образом о

прошлом, избегая, насколько возможно, всяких разгово ров о будущем.

Во вторник первого октября Карахан заехал попро щаться со мной. Он сообщил, что мы должны уехать на следующий день. В три часа дня меня освободили и под конвоем отвезли на квартиру. У дверей поставили часового и сообщили, что я нахожусь под «домашним арестом».

Квартира была в печальном виде. После моего вторичного ареста ее занимал отряд ЧК. Я обнаружил пропажу жемчужных запонок, нового непромокаемого пальто и значительной суммы денег. Солдаты выпили все наше вино и присвоили запасы провизии. При поисках компрометирующих документов они ободрали обивку со стульев и дивана. Они даже протыкали обои. И все же в закрытой пишущей машинке в моем кабинете я нашел листок бумаги, который ускользнул как от их внимания, так и от моего. На нем стояли следующие слова: «Я подтверждаю, что фирма кредитоспособна на сум му в ».

К счастью, секретарь, писавший это, не продолжил дальше.

Мне не было разрешено выходить, запрещения прини мать посетителей не было. Вечером ко мне зашел Аскер. Он был самый деятельный и самый благоразумный из всех нейтральных представителей. Он сообщил, что в один момент мне серьезно угрожала опасность быть расстрелянным. Я благодарил его от всей души. Он был лучшим из шведов, и ему мы больше всего обязаны нашим освобождением. Вторым человеком, кому мы остались неоплатными должниками за его хлопоты, был Уордвелл. Позднее, когда мы вернулись в Англию, ан глийское

правительство пожаловало орден св. Михаила и св. Георгия нейтральным посланникам, ведшим перего воры о нашем освобождении. Мне удалось получить для Уордвелла, который, как американец, не мог получить ордена, серебряное блюдо с надписью, выражающей бла годарность английского правительства за его услуги. Другим посетителем была Люба Малинина, племянница Челнокова. Она сообщила, что выходит замуж за «Хикки», который все еще отсиживался в норвежском посольстве. Не могу ли я обеспечить ему свободу на один час завтра, чтобы они могли обвенчаться?

Я обещал сделать все, что могу, и когда поздно

вечером Петере заехал попрощаться, я попросил его по лушутя, полусентиментально, зная, что он это поймет Он засмеялся: «Никто, кроме сумасшедшего англичанина не обратился бы с такой просьбой в такое время. Для них нет ничего невозможного. Посмотрю, что можно сде лать». Он сделал, и «Хикки» с Любой обвенчались на следующий день.

Среда — день нашего отъезда — прошла в хлопотах. Петере прислал письмо с извинениями за пропажу вещей а в качестве компенсации в него были вложены деньги; я их вернул с благодарностью. Были длинные переговоры с Аскером о наблюдении за английскими интересами и о защите английских подданных в Москве.

В шесть часов вечера часового из моей прихожей убрали, а в 9 часов 30 минут приехал на своем автомоби ле Аскер, чтобы отвезти меня на вокзал. Там я встретил своих французских и английских коллег; большинство из них были привезены на вокзал из тюрьмы прямо к поез ду. Поезд стоял на боковой платформе за станцией. Когда я шел вдоль линии, я думал, не будут ли ругать меня товарищи за все то, что они перенесли. Все были както молчаливы и покорны. Поезд охраняла рота ла тышских солдат, они должны были сопровождать нас до границы. Их присутствие создало подавленное настроение. Я думаю, все мы чувствовали, что не сможем вздохнуть спокойно, пока не выедем из России. Было несколь ко друзей, пришедших нас проводить: Мура, Уордвелл и несколько русских родственников новой миссис Хикс. В нашем прощании не было ничего драматического или натянутого. Наш отъезд затянулся на несколько часов из за обычных русских препятствий. Холодной звездной ночью мы с Мурой болтали о пустяках. Мы говорили о чем угодно, только не о себе. А затем я отправил ее домой с Уордвелл ом. Я смотрел ей вслед, пока она не исчезла в темноте. Тогда я вернулся в тускло освещенный вагон, чтобы остаться одному со своими мыслями. Было почти два часа утра, когда наш

поезд, после бесконечного пыхтения и ложных попыток сдвинуться, медченчо ото шел от станции. Однако до конца было еще не близко. Обогнув С.Петербург («Известия» сообщили, что н;.ш поезд передали на другую ветку, чтобы возбужденное население не разорвало нас в клочки), мы достигли Ьело острова, пограничной русскофинской станции, в четверг вечером. Наша радость была преждевременна. Не было финского поезда. Командир латышского конвоя получил строжайший приказ не разрешать нам дальнейший путь, пока он не получит определенного подтверждения о прибытии Литвинова в Берген. От Литвинова известий не было. Оставалось только ждать. Эти три дня в Бело острове показались более тяжелыми, чем мое заключе ние. Теперь, когда все уже было позади, я поддался нервной депрессии. Мы сбились в кучу в грязном, нето пленном поезде. Провизии у нас было только на несколь ко дней. Хотя я не боялся, что большевики передумают и вернут нас в Москву, возможность препятствий не была исключена. Дело затягивалось, нервы все напрягались, и настроение духа портилось. Были даже горячие головы, советовавшие прорваться ночью через узкую погранич ную полосу. Лично для меня ночи были невероятным мучением. Теперь я почти совсем не спал. Я разговаривал с Лавернем и Хиксом. Мы все старались оправдаться, повторяя старые аргументы, и утешались мыслью, что, если бы союзники послушались нашего совета, они не попали бы в такую кашу. Я думаю, все мы поняли, что при всяких обстоятельствах интервенция была бы ошиб кой. Мы предвидели, что нас будут ругать и что как генералы, так и политики будут прикрываться тем, что они плохо были осведомлены.

Больше всего я гулял по платформе. Я хотел быть один. Я страшился приезда домой и тех расспросов, которые придется перенести. Погода, на счастье, была прекрасная, и под звездным северным небом я мог бы пройти много миль. Надежда угасла в моем сердце. Иллюзий о приеме на родине у меня не было. В течение нескольких дней имя мое будет фигурировать на первых страницах газет. Меня окружат репортеры, фотографы, я буду принят кронпринцессой шведской, королем, мром Бальфуром. Все вздохнут спокойно. Если бы со мной что нибудь случилось, возникли бы неприятные осложнения и, может быть, некоторое угрызение совести в Уайт холле? Затем меня забросят на полку. Мое знакомство с запутанным положением, единственное для настоящего времени, покроется ржавчиной. Никого так скоро не за бывают, как человека, политические способности которого дискредитированы. А мои политические способности были дискредитированы в глазах как защитников большевиков, так и

интервентов. Будущее мое было не из приятных, и я подверг свою совесть суровому допросу.

Нестолько месяцев тому назад, когда мы слегка повздорили по принципиальному вопросу. Мура назвала меня «доволь но умным, но недостаточно; довольно сильным, но недоста точно; немного слабым, но недостаточно». Сам Петере охарактеризовал меня как человека «золотой середины» и презирал меня. Как казалось тогда, так кажется и теперь это хорошее определение моего характера. А теперь я покинул Муру. Чаша моего несчастья переполнилась.

Каковы бы ни были мои сокровенные мысли, я должен был на людях быть бодрым. Роль надо разыграть до конца. В поезде было около сорока или пятидесяти францу зов и англичан. Мы должны были поддерживать хорошие отношения с латьшюмкомандиром и стараться убедить его ускорить наш отъезд. Для поддержания духа я органи зовал ряд матчей в pitch a cross между нами и французами. Мы играли на платформе, которая служила нам площадкой, окруженные латышскими солдатами и русскими станционными чиновниками. Они были увлечены так же, как и мы. Без сомнения, было забавно видеть французского генерала с серебряной головой, становивше гося на одно колено, чтобы измерить носовым платком расстояние между кучками рублей на платформе. Может быть, они считали нас сумасшедшими, но это им нравилось, и недолго пришлось бы убеждать латышакомандира при нять участие в игре, правда, он отказался, но в его отказе чувствовалось колебание. Может быть, он боялся, что в Москве сочтут его участие в игре непролетарским. Англия или, скорее, Шотландия выиграла. В дни моей пресвитерианской юности я прилежно играл в эту игру каждое воскресенье, и мы были более опытными игроками. К концу матчей настал конец и нашим волнениям. В то время как мы собирали свои монеты, командир подошел с телеграммой в руках. Все было в порядке. Финский поезд готов, и мы должны ехать немедленно. Он принес нам русские газеты из С.Петербурга. В них была масса новостей. Болгария была побеждена и подписала перемирие. Австрия просила мира. Линия Гинденбурга на Западе была прорвана. На моих товарищей новости подействовали, как укрепляющее лекарство. Большинство из них смотрели на отъезд, как на счастливое освобождение от кошмара, рассеявшегося под утренним солнцем. Они могли с надеждой смотреть на будущее. У меня в душе не было ликования. Мое тело двигалось вперед, но мысли шли назад в Москву, в ту страну, которую я покидал, вероятно, навсегда.